Библиотека
всемирной литературы

Серия вторая **

Литература XIX века

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе Н. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ПОЭЗИЯ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК
ВАЛЬТЕР СКОТТ
СЭМЮЕЛЬ ТЭЙЛОР КОЛЬРИДЖ
ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ
РОБЕРТ САУТИ
ТОМАС МУР
ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН
ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ
ДЖОН КИТС

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1975

Вступительная статья
Д. Урнова

Примечания
Е. Витковского

И(Англ)
П 67

П $\frac{70404\text{-}268}{028\,(01)\text{-}75}$ подписное

© Издательство «Художественная литература», 1975 г.

© *Скан и обработка: glarus63*

ЖИВОЕ ПЛАМЯ СЛОВ

Такой книги у нас еще не было. Не было каждому читателю доступной картины английской романтической поэзии.

Конечно, читателю важна не «картина». К чему читателю, если только вместо чтения не занимается он коллекционерски-количественным улавливанием книг, набор имен и названий? Мы знаем Байрона. Нам известно имя Шелли. Но их современники, Вордсворт или Кольридж, почти ничего для нас не значат даже как имена. Может быть, это объективный приговор истории, и наша память не усвоит других имен, других стихов, кроме тех, что уже являются нашим достоянием, как «Вечерний звон» Томаса Мура и байроновское «Прощай — и если навсегда, то навсегда прощай» (в переводе Пушкина)? Поставить очередную книгу на полку и карточку в библиотечный каталог не трудно, но культурная память народа пополняется в исключительных случаях, исключительными силами.

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд,—
Им не пройти, им не уснуть!

Байрон, созданный Лермонтовым на русском языке.

...Тираны давят мир,— я ль уступлю?
Созрела жатва,— мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн, я не дремлю:
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

Блок и Байрон... Но ведь «Не презирай сонета, критик», стихотворение Вордсворта, ввел в наш обиход Пушкин, баллады Роберта Саути переведены Жуковским. С другой стороны, Байрона, за несколькими исключениями,

переводили посредственно, а он стал «властителем дум», наших дум. История расставила имена, произведения, достоинства, недостатки поэтов по своей, проверенной, очень стойкой шкале, и это только кажется, будто подвергнуть пересмотру такой приговор довольно легко — исследовать, перевести, издать...

Байрон и его современники, пережившие разлад со своей эпохой, возлагали большие надежды на суд будущего. Гениально одаренный и в свое время «убитый критикой», Джон Китс выразил это особенно отчетливо в стихах о славе-«дикарке»: она бежит от поэта, когда он стремится утвердить себя во мнении читателей, и, напротив, послушно следует за ним, когда ему все равно, когда поэта, быть может, уже нет в живых. Китс, казалось бы, испытал это на себе, он критикой позднейшей был не только воскрешен, но превознесен выше всякой меры, будто некое земное божество, само олицетворение поэзии. Еще более поразительно даже не воскрешение, а открытие старшего современника английских романтиков, их предшественника — Вильяма Блейка. В свое время он был не то что «убит» или уничтожен критическим к себе отношением. Его как бы не заметили, он вроде не существовал для своих современников, в том числе даже для таких, как Байрон.

Открыв для себя новое и вместе с тем старое имя, мы сразу начинаем думать, будто мы объективнее, прозорливее и, так сказать, «умнее» современников поэта. Но точно ли представляем мы себе, в чем состоял приговор истории поэту?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

«Тигр» Блейка (в переводе С. Я. Маршака) — эти стихи современники знали, заучивали их наизусть, передавали из уст в уста. Таких стихов нельзя не знать. «Нам нечего было сказать об эпохе, если бы она отвергла такого поэта»,— говорит исследователь о Шекспире, которого, как оказывается, его эпоха знала и ценила, хотя длительное время считалось, будто «поэт поэтов» обрел славу только в веках. Между прочим, романтики всеми силами развивали мысль о «безвестном Шекспире», принимая его в таком, «безвестном», варианте за образец поэтической судьбы. Сами они шли подчас на заведомое «непризнание», добиваясь его почти так же, как славы. Это был пункт их поэтической программы, выполнявшейся ими неукоснительно во имя утверждения личности.

Вот что у них при этом получалось.

«О, я страдаю!.. Интересно, а как я, объятый страданием, выгляжу?» — фраза эта не подлинная, карикатурная, из сатирического романа, который был написан тогда же, в романтическую пору, и очень похоже изображал целый кружок английских романтиков. Насколько похоже, судить можно по тому, что романтики не только не обиделись на автора, но даже сами, при всем их, так сказать, программном самолюбии, снабжали автора материалом. Ситуация с разглядыванием собственных «страданий» была подсказана Шелли, имевшим в виду прежде всего себя. Был там и Байрон, выведенный под именем Сэра Кипариса. Был Кольридж, изъяснявшийся в ответ на пустяковые вопросы заумным философским жаргоном: на простые вопросы поэт-мыслитель вовсе не знал ответа. И, кажется, даже Кольридж не обиделся. Сатира была остра, смешна и вместе с тем, как видно, поддерживала по-своему все ту же программу романтического индивидуализма. Сатирик не обидел своих друзей-романтиков потому, что, посмеявшись над их слабостями, он все-таки выдержал объективную меру оценки: посмеялся, не отрицая, что это гениальные головы.

У Пушкина, уже совершенно серьезно, отмечено то же противоречие: между истинной энергией поэтического слова и неэкономным, «вялым», по выражению Пушкина, ее использованием. Эта вялость, по наблюдениям Пушкина, возникала у романтиков на переходах, таких сложных переходах, как движение от замысла к исполнению, от удачной строки к целой поэме. С уникальной, невиданной до тех пор силой романтики умели произнести «я», но, отстаивая свободу самовыражения, они забывали подчас о правах и интересах читателя. «У мистера Вордсворта, как видно, весьма свободные понятия о размерах произведения»,— язвил критик «Эдинбургского обозрения», вообще враждебно настроенного к романтикам. Держась канонов поэтической старины, «Обозрение» в целом просчиталось, а все-таки в замечаниях его даже Пушкину слышался «голос истинной критики». Например, «Прогулка» Вордсворта, по поводу которой «Обозрение» так и выразилось: «Не пойдет!» — растянулась на восемь пространных частей. Положим, и восемь частей могут быть проглочены единым духом, как мало нам десяти глав «Онегина», но если учесть, что «Прогулка» — это практически бессобытийное следование от одного пейзажа к другому, то никакая легкость стиха не поможет проделать ту же «прогулку» читателю. Даже Байрон, при всей неистощимости интереса, какой только способна вызвать личность столь кипучая, угощает читателя своим «я» в количествах все-таки чрезмерных. Русские поэты, переводившие Байрона, тонко чувствовали это, относились к нему в этом смысле тоже критически, сокращая его признания.

Это, разумеется, не означает, будто следует простить современникам их промахи, безразличие к Блейку, травлю Байрона и так называемое критическое «убийство» Китса. Но если мы действительно по справедливости оцениваем Блейка или Байрона, то ведь еще и за счет того, что поработало на нас само время. Оно отредактировало, прокомментировало, прояснило

и, наконец, даже завершило то, что у поэта в самом деле было неясно и несовершенно и потому, быть может, не воспринималось современниками.

Теперь каждая строка романтиков комментируется английскими литературоведами на сотни ладов, тома исследований громоздятся друг на друга, то ли подпирая пьедестал памятника поэту, то ли наваливаясь дополнительным грузом на его могильную плиту. Критическое радение, совершающееся сейчас в Англии и Америке вокруг Блейка или Китса, это ведь тоже своего рода «убийство», оно, пожалуй, еще хуже того, прежнего, пусть продиктованного ненавистью, но, во всяком случае, каким-то живым чувством. Борьба напрягала волю поэта, и совсем иное дело, когда «сложится певцу канон намеднишним зоилом, уже кадящим мертвецу, чтобы живых задеть кадилом» (Баратынский). Счета за стирку, что приносили Байрону из прачечной, подвергаются ныне анализу у новейших исследователей, вооруженных модернизированными средствами «пристального чтения», однако, перебирая грязное белье поэта, нельзя переходить затем к его стихам, не замечая при этом разницы материй. Точно так же, если критики взялись обсуждать теперь Роберта Саути, то это еще не означает, будто Боб-лауреат, как его называли современники, поэтически полностью воскрес. Скрупулезные исследования хотя бы и о поэтах второго плана нужны: отраженным светом второстепенные фигуры освещают эпоху и выдающихся ее представителей. Однако отраженный свет невозможно спутать со стихотворным огнем, составляющим силу романтической поэзии.

В посильной степени и предлагаемая книга составлена из того же «расчета». Это — коллективная книга эпохи, написанная как бы общими усилиями поэтов той поры, часто противоборствующими и даже взаимоисключающими друг друга. Эпохи яркой и влиятельной настолько, что мы еще не вполне вышли из сферы ее воздействия. Говорим на языке романтиков; пользуемся ключевыми понятиями (например, «гений») в том смысле, какой вложен был в эти понятия романтиками; придерживаемся шкалы литературных величин, которая, начиная с Шекспира, была установлена теми же романтиками.

То была последняя, перед нашим временем, из великих поэтических эпох. Поэзии тогда придавалось значение универсальное как способу познания мира и борьбы за истину. Все другие виды творческой и научной деятельности уступали, в глазах романтиков, первенство поэзии. Кто брался в ту эпоху за перо по праву таланта, тот стремился быть достойным высокого представления о назначении поэта.

В самом конце XVIII столетия в Лондоне появились некие «Лирические баллады» без имени автора. Такие издания были тогда в порядке вещей. Скромность, щепетильность, правила «хорошего тона», сословная спесь мешали выставить свое имя на обложке. К тому же анонимность — авторитет-

ность, ничье и вместе с тем общее. Так и эта книга говорила как бы от лица многих. Вообще было видно, что ей стремились придать многозначительность. О том же говорило предисловие, которое вскоре, во втором издании, было расширено и стало тем более видно, что книжка содержит в себе поэтическую программу, объявленную и отчасти выполненную.

Выразить эту программу можно было и одним словом — Простота.

«В зрелой словесности приходит время,— писал Пушкин в связи с «Лирическими балладами»,— когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка установленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному».

В предисловии к «Лирическим балладам» так и было заявлено, что это «испытание общественного вкуса», ибо никогда еще не появлялось на английском языке стихотворений столь простых по стилю. Общественный вкус всколыхнулся, хотя и не сразу, потому что не было даже платформы для столкновения полемических мнений. Но с началом века появился печатный форум, критические журналы, самый первый и наиболее влиятельный из которых, «Эдинбургское обозрение», вступил с программой «Лирических баллад» в борьбу.

Поздно было разбирать сами баллады, переставшие быть, по крайней мере, для литературных кругов, новшеством и тайной. Однако, вместе с тем как разрослась популярность этого сборника и раскрылось его авторство, создатели «Лирических баллад», Вордсворт и Кольридж, оказались во главе целой поэтической школы, составившейся из достойных учеников и просто подражателей. «Определенное и недвусмысленное упразднение искусства»,— объявило «Обозрение», предупреждая своих читателей о намерениях новой школы.

У Пушкина указан уровень этой полемики — «в зрелой словесности». За каждой из сторон была вековая традиция, свои авторитеты, высокое развитие литературы на английской почве, взрыхленной и обработанной, как тот шекспировский сад в «Ричарде II», что возделывался непрерывно из поколения в поколение. Всесторонне был разработан язык, развиты все жанры, а поэзия английская к тому времени пережила уже не одну эпоху великого подъема.

Историки советуют нам припомнить в общих чертах картину английской поэзии в пору появления «Лирических баллад», припомнить и учесть, каким в самом деле немыслимым испытанием для читающей публики была простота их слога. Сделать над собой подобное усилие трудно, так же как немыслимо сейчас представить себе, будто строки молодого Пушкина могли когда-то резать чей-то слух и казаться криком «ражего мужика, втершегося в армяке и в лаптях в Благородное собрание»... Напротив, листая любую из современных антологий, легко увидеть постепенный переход от похожей на приподнятую декламацию поэзии «осьмнадцатого столетия» к рубежу XVIII—XIX веков. Поэзия, вместе со всей литературой, последовательно ставит в центр

своего внимания человека. В Англии — не впервые: английской поэзии было на кого оглянуться! Но великий опыт Возрождения не всегда подходил XVIII столетию в связи с переменой задач: поэзия в эту пору больше учит человека, чем изображает; больше рассуждает о том, каков он должен быть, чем присматривается к тому, каков он есть. Затем в стихах вырисовывается окружение — природа, тоже отличная от прежнего поэтически-условного пейзажа. Природа — предмет размышления, хотя сами размышления тоже еще декламационны, рассудочны. Не мысль, рождающаяся вместе со взглядом на предмет, а заведомая формула, прилагаемая к случаю. И вот — «Лирические баллады». Многие стихи из этого сборника прозвучали для англичан так, как прозвучат у нас со временем «Чудное мгновение» и «Вновь я посетил...».

Пять лет прошло; зима, сменяя лето,
Пять раз являлась! И опять я слышу
Негромкий рокот вод, бегущих с гор,
Опять я вижу хмурые утесы...

(Перевод В. Рогова)

«Вижу», «слышу» — каждое движение или мысль сделались непосредственными. Как тогда говорили, они шли прямо от сердца к сердцу. «Мы хотели представить вещи обычные в необычном освещении»,— пояснил Кольридж позднее замысел «Лирических баллад».

У самого Кольриджа задача была противоположная: необычайное сделать обычным; приблизить к читателю, сделав почти вещественным, таинственное и фантастическое.

Взгляну ли в море — вижу гниль
И отвращаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг
И вижу трупов ряд.
На небеса гляжу, но нет
Молитвы на устах.
Иссохло сердце, как в степи
Сожженный солнцем прах.

(Перевод В. Левика)

Когда молодой Байрон с восторгом декламировал строки Кольриджа, то друг его, еще более молодой Шелли, от силы впечатления едва не лишился чувств.

Историки, рассматривая те же стихи взглядом более отдаленным и холодным, указывают на известную искусственность соединения лирики Вордсворта и Кольриджа под одной обложкой. Программа «простоты», объявленная в предисловии, выполнялась двумя поэтами по-разному. И эту разницу соавторы подчеркнули к тому же последующим образом своих действий. Вордсворт стремился вытеснить стихи Кольриджа из последующих изданий, а Кольридж выступил с критикой вордсвортовской поэзии. Но печа-

тать свои стихи они могли отдельно, как на первых порах и печатали,— объединил их не просто переплет и совместно составленное предисловие, точно так же, как со временем разъединили не одни только законы индивидуального становления и борьба ранимых самолюбий.

Романтизм — мировой духовный процесс, общеевропейское движение умов на рубеже XVIII — XIX столетий, вершина которого указана, например, в «Медном всаднике». Создатель его родился почти одновременно с появлением «Лирических баллад», романтизм был старшим литературным братом Пушкина, который его со временем перерос, пересмотрел, но все же двигался от рубежа, обозначенного романтиками: «В гранит оделася Нева» и — «Увы! все гибнет: кров и пища! Где будет взять?» У Пушкина интонация и самый вопрос уже вполне реалистические, однако, по остроумному замечанию историка, и романтики не были в самом деле «романтиками»!

Включившись в полемику относительно романтизма отечественного и зарубежного, Пушкин когда еще пришел к выводу, что о романтизме судят, как правило, очень поверхностно, по хлестким, однако не самым существенным признакам. Пушкин даже сказал: «В романтизме у нас ни черта не смыслят», имея в виду, что под романтизмом подразумевают чаще всего «нечто и туманну даль». «Хлестаков и тот зовет городничиху под сень струй»,— отметил наш критик совсем уже на исходе романтической эпохи косвенные, пошлые последствия романтических веяний. А вот еще «хлестаков», по натуре такой же, изъясняется он, правда, по-английски, однако срывает цветы удовольствия и схватывает по верхам приметы глубоких явлений вполне общечеловечески: «Дон Баярдо Фицциг — испанский гранд — единственная дочь — донья Кристина — очаровательное создание — любовь до безумия — ревнивый отец — дочерние мечты — красавец англичанин — донья в исступленье — порошок с ядом — к счастью, клизма в походном ящике — старик счастлив — согласье на брак — обручение и поток слез — романтическая история — весьма». Зовут «хлестакова» мистер Джингль, у Диккенса в «Пиквикском клубе», а речь его — это почти стихи Кольриджа, пусть расположенные прозой.

Кто леди Кристабель милей?
Ее отец так нежен с ней!
Куда ж она так поздно идет
Вдали от замковых ворот?
Всю ночь вчера средь гроз ночных
Ей снился рыцарь, ее жених,
И хочет она в лесу ночном,
В разлуке с ним, помолиться о нем.

(Перевод Георгия Иванова)

«Есть на склоне этой горы одно очень романтическое место»,— отыскали историки в совершенно случайной книге еще XVII столетия, по-видимому, наиболее раннее употребление слова «романтический». По смыслу это понятие

связано и со старым словом «роман», то есть рассказ о вещах невероятных и увлекательных. А со временем «романтизм» сделается символом натуральности и правдивости,— еще один парадокс, каких в развитии романтизма много, и, как бывает с парадоксами, они причудливо отражают самую суть явления.

Строка с «очень романтическим местом» из книги XVII столетия случайна, однако мысль о реальности романтического времени и места, «где-то на склоне горы», о воплощении идеала была для всего движения ведущей — это видно и по выдающимся созданиям романтиков, и по хлестаковским, пошедшим вразмен, признакам романтизма.

Первыми в Англии на поиски романтического отправились, собственно говоря, энтузиасты-коллекционеры и архивариусы, собиратели старины. Итогом их стараний была систематизация и обработка народных сказаний, прежде всего бессмертных баллад о Робине Гуде. Одним из таких собирателей сделается, но уже в разгар романтической эпохи, и Вальтер Скотт с его «Песнями шотландских равнин». А Вильям Блейк, едва ли не самый ранний и еще поэтому оставшийся в изоляции романтик, перенес все эти поиски в сферу духа. Всю жизнь провел он в Лондоне, в трудах над гравировальными досками и — в мечтах. Блейк служил у издателя, однако сам почти не печатался, и он буквально собственными руками изготовил две свои эпохальные книги, «Песни невинности» и «Песни опыта». У Вордсворта романтизм — это сельская тишина и тихие, неторопливые размышления. Правда, был и у Вордсворта свой период «бури и натиска», когда он даже приветствовал взятие Бастилии. Но то была короткая заря в долгой, серо-бессобытийной жизни стихотворца, некогда возглавившего романтические устремления своих соотечественников. О том, что в жизни Вордсворта это все-таки было, ему напомнил поэт уже другого поколения, совсем другой эпохи, напомнил, исхлестав гневными строками «павшего поэтического вождя» (Роберт Браунинг). А в мировых масштабах младшие романтики скорее, чем «отцы» движения, символизировали романтизм,— Байрон, Шелли, они метеорами пронеслись над поэтическим горизонтом века. Характер их дарования отвечал континентальным (как выражаются англичане) представлениям о романтике, и это понятно, если вспомнить, как пылал тогда европейский континент, от штурма Бастилии до восстания на Сенатской площади. Ясно, почему в России, покрытой сетью тайных революционных обществ,и в восставшей Греции скорее, чем в Англии, воспринят был Байрон во всем бунтарском размахе своего творчества. Даже посредственные переводы не могли помешать преклонению перед этой фигурой, гордой, мрачной и вместе с тем ослепительно яркой, которую в нашей традиции иным словом, как «колоссальная», не определяли. К третьему из великих «младших» романтиков, к Джону Китсу, полное признание пришло позднее, за пределами эпохи, охватившей в общей сложности каких-нибудь три десятилетия. Максимальная вспышка романтизма продолжалась и того меньше, но зато отблески, причем совсем холодные и чисто декоративные отблески романтического огня можно было

наблюдать еще долго. Длительная, растянувшаяся до начала нашего века инерция романтических настроений вызывала иногда протест и против подлинной романтической традиции, подобно тому как «сень струй», «испанские гранды» и «британские лорды» принимались подчас в романтизме за основное. «Поверхностный наблюдатель,— записывает, например, у себя в дневнике мистер Пиквик,— увидел бы в городах грязь и вонь, однако тот, кто способен усмотреть в этом признаки делового преуспеяния, не заметит таких неудобств». А «романтик», по бытовым, пиквикским представлениям, вовсе ничего не замечал, устремляясь вдаль, под сень струй.

В действительности же романтики первыми, и очень прозорливо, разглядели уродство быстро растущих городов, издержки буржуазного прогресса; вообще все, что досталось как проблема современной эпохе, первыми отметили романтики. Романтики распрощались окончательно (растянулось «прощание» века на полтора) со старым феодальным миром, который был патриархально поэтичен («Кто леди Кристабель милей?») и не менее патриархально дик. Романтики встретили рождение мира нового в ту пору его становления, когда мир этот, рождавшийся постепенно лет триста, принял уже современный облик: всю Англию сделалось возможным пересечь из конца в конец за один сутки, «грязь и вонь» следовало рассматривать и как признак промышленного прогресса и как «неудобство», осложненное крайней нищетой.

Так ставится вопрос: «Где будет взять?» Действительно, возникает порыв вдаль, прочь, «под сень струй», к природе: путь, указанный еще в середине XVIII века Руссо, основоположником идеи о человеке «естественном», «добром», не «испорченном» благами цивилизации и буржуазного прогресса. Эти идеи воздействовали на всех романтиков, в том числе английских, хотя не все из них сохранили этим идеям верность, после того как абстрактная «доброта» прошла испытание в горниле Великой французской буржуазной революции.

Кроме того, необходимо учесть, что в своих построениях Руссо опирался во многом на английскую книгу, хорошо всем известного Робинзона, в котором увидел он Человека и Природу в гармонии, увидел неистощимую силу, заключенную в человеке, всяком человеке, и действующую благотворно, если только нет у нее на пути социальных препятствий. Восприняв идеи Руссо, англичане тем не менее исповедь самого Робинзона читали иначе, по-своему. У англичан все осложнялось их собственным историческим опытом, как обычно у англичан, вековым революционным опытом, включавшим глубокое переустройство общества, совершившееся еще на рубеже XVII — XVIII столетий. Результатом этого переустройства было торжество Робинзона, исторически-реального, во всяком случае, из книги не Руссо, а Дефо, того самого Робинзона, который, по выражению английского критика, очутившись на необитаемом острове и осмотревшись, стал разводить скот и жарить бифштексы. А вернувшись домой, можно добавить, стал торговать и вести дела.

Робинзон благоустраивался, разводя «грязь и вонь», он требовал прав и привилегий, традиционных привилегий, принадлежавших веками совсем не таким, как этот Робинзон!

Уж пуст мой замок родовой,
Заглох его очаг;
Высокий вал порос травой;
Пес воет в воротах.

А это — Байрон, баронет, шестисотлетний дворянин, член палаты лордов,— наследственное имение его пошло с молотка.

И вот один на свете я
Среди безбрежных вод...
О ком жалеть, когда меня
Никто не вспомянет?

Тот самый Байрон, что в первой же парламентской речи при обсуждении закона о ткацких станках потряс пэров Англии крайностями своего демократизма. В этой же речи, преисполненной искреннего сочувствия к «черни», давало себя вместе с тем знать и оскорбленное чувство аристократического достоинства, оскорбленное и ущемленное натиском буржуазности, которая оценивает человека «несколько ниже стоимости чулочно-вязальной машины». Эти торгаши превратили рабочих в рабов, они и его, лорда Байрона, вытеснили из родового гнезда.

С тобой, корабль, в далекий свет
Помчусь под бури вой...
Куда? — о том заботы нет,
Лишь только б не домой.
Привет, лазурные валы!
Исчезните с пути,—
Привет, пустыни и скалы!
Мой край родной, прости!

(Перевод В. Фишер)

И не правда ли, поэт и его герой, автору необычайно близкий, его второе «я», в одиночестве, на фоне будущих волн, напоминает чем-то все того же Робинзона, но не того, разумеется, что в борьбе за жизнь доит коз и сеет хлеб, а того, который так, вообще олицетворяет идею Человека. Все проблемы решались романтиками как бы на дистанции, в чистом виде, тогда только, когда «простота» или «природа» были чем-то вроде готовой поэзии в самой жизни.

Да, Байрон заклеймил литературных «убийц» Китса, но именно тогда, когда эта смерть, в общем-то не имевшая на самом деле столь непосредствен-

ных литературных причин, превратилась в символ гибели Поэта. А при жизни Китса Байрон называл его стихи... рифмоплетством. Нет, не в печати, а в дружеском кругу, и все же называл, не принял Байрон поэзии Китса в то время, когда вот так, совсем рядом, она росла и развивалась. В этом неприятии, помимо всего, сказалась та же аристократическая гордость, с высот которой Байрон громил в парламенте своекорыстных притеснителей простых тружеников. Он презирал тех, кто Человека ценит не более, чем ткацкий станок, придаток машины. И он не верил в поэзию Китса — сына конюха и аптекарского ученика.

О бледный рыцарь, что с тобой?
Каких ты жертва злых судеб?

(Китс. Дама без милосердия.
Перевод В. Рогова)

Теперь они рядом, Байрон, Китс, на одной полке и даже под одной обложкой. Но было бы своеобразным предательством по отношению к их памяти забыть о столкновении, хотя бы и заочном, между ними. Было бы извращением смысла романтического порыва и всей той борьбы, что английские поэты-романтики поистине ценой жизни выдержали, если бы мы стремились упорядочить, укротить это живое пламя, кидавшееся во все стороны, сжигавшее других, но также и их самих.

Вордсворт и Кольридж, выпустив как авторы «Лирических баллад», свой сборник-манифест, затем стремятся так или иначе вытеснить друг друга из поэзии. Роберт Саути отзывается о «Лирических балладах» отрицательно еще раньше, чем сделало это «Эдинбургское обозрение», однако к тому времени, как литературные староверы пошли атакой на новую поэтическую школу, он сам уже оказывается среди ее новообращенных последователей. Зато Байрон, молодой Байрон, иронизирует над теми и над другими, осмеивая их взаимные претензии, а затем с восторгом декламирует Кольриджа. С Шелли они — друзья, однако поэзию друг друга признают только с оговорками. Вальтер Скотт, сам Вальтер Скотт, прославившийся прежде всего как поэт-романтик, фактически вытесняется из поэзии — Байроном, и, как бы за неимением лучшего, берется за прозу. Однако с высот своей новой славы «отца романа» он великодушно считает Байрона первым поэтом века. Китс окружен, с одной стороны, презрением и холодом, с другой — обожанием. Сравнительно благополучна судьба Томаса Мура, но высокими критиками ему ставится в упрек и самая популярность его мелодической лирики. И все вместе они не замечают Блейка.

Далее: сын провинциального стряпчего, в сущности, демократ по натуре и происхождению, Вордсворт после короткого периода бунтарских увлечений становится демонстративным «отшельником», в конце концов крайним реакционером. Сын конюха Китс воспевает Красоту, возвышенный и отрешенный от злобы дня поэтический идеал. Байрон, разорившийся, но

родовитый аристократ, и богатый землевладелец Шелли делают борьбу своим лозунгом и линией поведения.

Суровый дух, позволь мне стать тобой!
Стань мною иль еще неугомонней!

Развей кругом притворный мой покой
И временную мыслей мертвечину.
Вздуй, как заклятьем, этою строкой

Золу из непогасшего камина.
Дай до людей мне слово донести,
Как ты заносишь семена в долину.

И сам раскатом трубным возвести:
Пришла Зима, зато Весна в пути!

(Ш е л л и. Ода западному ветру.
Перевод Б. Пастернака)

Но недаром Гоголь говорил, что Англия, вопреки всем контрастам, безостановочно производит Байронов,— напряжение и контрасты действительности были своего рода «достойным противником» поэзии, катализатором, вызывавшим к жизни поэтическую силу.

Успехи в промышленности, оборотная сторона которых — «грязь и вонь», нищета. Политические успехи, построенные на большом дипломатическом умении и неограниченном цинизме. Трафальгарская битва, Ватерлоо — военные английские триумфы той поры. Вместе с поражением наполеоновской Франции для Англии уже не осталось существенных преград, если не к мировому господству, то, во всяком случае, к дальнейшему упрочению мирового первенства, имевшего тогда уже двухвековой возраст, с шекспировской поры. Но это какое-то уродливое величие, хотя бы потому, что с одинаковой силой сказывалось во всем: в лирике и в лицемерии,— за всем, что ни делают, чего только ни достигают в ту эпоху англичане, сказывается сила традиции, вековая выработка, выучка, «порода», будь то новые горизонты науки или же новые земли, где усмиряются «туземцы». Герцог Веллингтон служил для Байрона воплощением этого двуличья: посредственность, попавшая в герои!

А вот с романтической школой спорит Джеффри, вдохновитель «Эдинбургского обозрения» и проводник традиционно-британских вкусов. Точен и гибок язык, убедительны аргументы. Он умело доказывает, что «простота», провозглашенная романтиками как принцип, фактически не достигается, вместо нее — напряжение. Верно указываются и причины, почему так происходит у поэтов, которые путают обыденность предмета с простотой и естественностью изложения. Справедливо говорит критик, что незачем удаляться в глушь и писать о пахарях и мельниках, чтобы писать поистине просто. Уместна и ссылка на Шекспира: великий творец всем доступен, хотя в нашем

смысле нет у него ни одного в простоте сказанного слова. Позицию «Обозрения» можно бы безоговорочно принять, но странно: критик утверждает, будто Гамлет не произносит ни одного простецкого слова,— это Гамлет, иные выражения которого заставляют придворных затыкать уши! Однако литературный законодатель из «Эдинбургского обозрения» знает, что делает, подкрепляя нужное ему шекспировским авторитетом. «Мы и Гамлету не можем позволить...» — так ведь говорит он. И это в самом деле так, это оборотная сторона его позиции, его тылы, в чем легко убедиться, буквально взглянув на заднюю сторону обложки журнала, где рекламируются различные издания, в том числе Шекспир, «семейный», очищенный ото всего того, для «приличных» ушей неудобного, чего «мы и Гамлету не можем позволить». Так издавали тогда Шекспира, классика, так спорили с новыми поэтами — умело, основательно и увертливо. «Чисто сработано»,— говорил в таких случаях Робинзон, и говорил с гордостью. «Великая британская буржуазия,— писал Ричард Олдингтон, испытавший на себе действие веками отлаженной механики,— страшная приземистая опора нации, оплот лицемерия, о который разбился Байрон и даже крылья Ариэля (Шелли) не могли его преодолеть!»

Романтики стремились к «природе», рвались вдаль и, конечно, ввысь, но где отправной пункт и цель романтического порыва? Им хотелось восстановить цельность мира, разрываемого противоречиями между мечтой и действительностью, духом и материей, чувством и разумом, жизнью и смертью, добром и злом, пороком и добродетелью, правдой и ложью, богатством и бедностью, миром и войной. Однако и Просвещение, эпоха, предшествовавшая романтикам, стремилась разобраться в тех же противоречиях, так что мечта и действительность, разум и чувство — это еще не романтизм. Конечно, романтизм принял эстафету от Просвещения, от его философии, в тех ее вариантах, когда это не схематическое, рассудочное доктринерство. Джон Локк, выдающийся английский мыслитель, подошедший к проблемам современной философии еще в XVII столетии, подсказал очень многое романтикам своими идеями о происхождении знаний из мира чувств.

«Подлинная поэзия является свободным потоком мощных эмоций»,— говорилось в предисловии к «Лирическим балладам», и это поистине всепроникающий принцип, так или иначе усвоенный поэтами эпохи. Но было бы опять-таки ошибочно выводить романтическую поэзию прямо из «чувства». Не случайно Джеффри, враг романтиков, находил парадоксальным как в стиле, так и в существе новой поэзии смешение ясности и туманности, эмоциональности и рационализма. У романтиков условием творчества было «чувство обдуманное», как сказано там же, в предисловии к «Лирическим балладам». «Чувство обдумывается до тех пор, пока, по закону противодействия, спокойное состояние мало-помалу исчезает, и некое переживание, подобное тому, которое было до тех пор предметом размышлений, постепенно

воспроизводится и начинает существовать в сознании само по себе. В таком расположении духа обычно совершается плодотворный процесс творчества...» Знаете, где можно еще найти классическое описание того же постепенного творческого обдумывания своих чувств? Конечно, у Пушкина!

И забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображением,
И пробуждается поэзия во мне...

Эти стихи о стихотворчестве наш поэт создал как раз в ту пору, когда размышлял над проблемами, затронутыми в полемике между «Эдинбургским обозрением» и романтиками. В творческом обдумывании переживаний нет вражды между мыслью и чувством, как это бывало у рационалистов XVIII столетия. Состояние «спокойствия» и в то же время «вдохновения», высшего подъема духовной деятельности,— эта творческая диалектика является, можно сказать, открытием романтической эпохи. Она заключает в себе плодотворный принцип художественного освоения действительности. Поистине «ни черта» не смыслили в романтизме те, кто отождествлял некий неопределенный порыв с романтизмом или, как выражался Пушкин, смешивал вдохновение с восторгом. Романтизм — зрелость самопознания, по крайней мере, в идеале.

«Красота — это истина, а истина — красота,— вот все, что мы знаем и что вообще следует знать на свете»,— приведем наиболее хрестоматийные строки Китса прозой ради того, чтобы пунктуально передать сквозную идею романтиков. Не английские романтики были первооткрывателями этой идеи и вообще не романтики. Была сформулирована по-своему еще в древности и шла через века, заново открываемая новым творческим опытом, эта мысль о поэзии как правде. В романтическую эпоху, когда мировая литература осознается как мировая литература (термин Гете), совместными всемирными усилиями обтачивается и углубляется мысль о сущностной правдивости искусства, о «революционной диалектике в поэтическом правосудии» [1]. В отличие от рационального разделения самой поэзии и предмета поэзии, формы и сущности, разделения, произведенного просветителями, романтики утверждают, что поэтическое слово не говорит о правде и не выражает правды, а само по себе является правдой. Так были высвобождены разносторонние ресурсы слова и стиха, со всем богатством оттенков, смысловых, звуковых, красочных. Именно этой энергией, действующей и сейчас с неослабевающей силой на читателя, полны были строки Кольриджа, от которых у молодого поколения кружилась голова; эта энергия — в «Тигре» Блейка; в звуках «чудной лиры, лиры Байрона» (Пушкин). Иным словом, чем «поэтическая», трудно определить эту энергию, вернее, не требуется других слов, кроме самого понятия «поэзия», чтобы дать ей определение. Нет распадения на разные

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 36, с. 67.

свойства в поэтических строках, но есть нерасторжимая ослепительно-обжигающая сила, которую Байрон и назвал «живым пламенем слов».

Что пользы плакать и вздыхать,
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой.

Благодаря тому что у нас был Лермонтов, можем мы, безо всяких потерь, на своем языке почувствовать, в чем же заключалась сила этих английских стихов.

«Центр и средоточие знания, в этом — все, что постигается наукой, и результаты самой науки должны быть этим поверены»,— говорил Шелли о силе стиха в «Защите поэзии». Шелли, «гениальный пророк Шелли», по определению Энгельса, был среди тех, кто теоретически обосновал и творчески воплотил идею поэтического познания мира через обновление, творческое обновление мира поэтом: «Срывается покров привычности со всех явлений, и открывается красота, скрытая и дремлющая в их сущности». Мысль эта также не принадлежала одному Шелли. В отчетливом виде она была выражена еще Шиллером, который говорил о «внезапной наивности», обретаемой привычными предметами под взглядом и пером поэта, когда знакомое видится заново,— открывается скрытая природа вещей. Собственно это коренное свойство творческого слова, используемое с очевидностью, например, в исповеди все того же Робинзона, когда он пилит, пьет и преподносит читателям массу других обыденных занятий под видом «необычайных приключений». Но для того, чтобы показать все это, Робинзону потребовалось, как известно, пересечь океан и поселиться на необитаемом острове. Там, в необычайной обстановке, и стало интересно, как же это человек ходит под зонтиком. Романтики развили тот же принцип открытия «необычайного в обычном»: уже почти без перемещений и «приключений», а прямо здесь, под рукой, повсюду находили они «поэзию земли» (Китс). Благодаря этому заговорила в стихотворных строках листва, запел ветер — у Вордсворта; застрекотал кузнечик и запел соловей в стихах Китса; жаворонок взвился в небо и был там «пойман» — в стихотворении Шелли; прозвучал и так остался, в стихах Томаса Мура, близкий и далекий вечерний звон, тот, что напоминает «о юных днях в краю родном, где я любил, где отчий дом» (перевод И. Козлова).

Многое в романтических стихах на нас уже не произведет того впечатления непосредственности, какое возникало у современников. Разделяет нас не океан, а время. Что романтикам было по-домашнему близко, в силу их традиции и воспитания, то нам покажется чистой условностью и даже бутафорией, которую, впрочем, Стивенсон, запоздалый романтик, считал нужным называть все-таки «героической бутафорией». Понятно, для его предшественника и соотечественника Вальтера Скотта замки и рыцари представляли собой хотя и прошлое, но не остывшее в памяти прошлое. Блейк, с его ветхо-

заветной мифологией, и тем более Китс и Шелли, с их частыми ссылками на античные образцы, покажутся нам чересчур книжными. Но надо учесть законы исторической перспективы, в силу которых расстояния во времени сокращаются, эпохи накладываются одна на другую, и Китс для нас столь же классически-правилен, как и та греческая ваза, которую он воспевал в своих стихах. А современникам, по крайней мере, некоторым, представлялся он угловатым, поэзия его — «мещанской». Хотя история этого критического приговора и не подписала, все же в ощущениях своих эти недоброжелатели и просто глухие к поэзии люди не ошиблись: Китс добивался того, чтобы через стихи можно было почувствовать все предметы, которых только касается его перо. Таков, во всяком случае, был идеал романтической поэзии: «Жизнь — правда без преувеличений или уменьшений» (Байрон).

Разумеется, идеал. В конкретных случаях вдохновение с восторгом, как и подлинную простоту с примитивностью, смешивали даже выдающиеся представители романтизма. У Пушкина все в тех же стихах о поэзии этот момент отмечен: «Куда ж нам плыть?..» Поэзия, пробудившись, вдруг парадоксальным образом самопоглощается, в стихах вместо стихов — отточия, обрыв, огонь вдохновения погасил сам себя. Выходит, в известном смысле, противники романтизма правы: в конечном итоге происходит упразднение искусства! Пушкин изобразил этот кризисный момент, ради того чтобы преодолеть его творчески. Кольридж, с опытами которого знаком был Пушкин, избрал другой путь — теоретический. Потерпев поэтическую неудачу, он написал целую исповедь, «Литературную биографию», объясняющую, почему же так получилось и «плыть» некуда. Он вернулся мысленно к истокам всего романтического движения, к их совместным с Вордсвортом опытам, и установил, что в самом деле где-то был допущен изначальный просчет, смешение понятий и даже занятий, творчества с одним только умственным напряжением, с мыслью о творчестве. Короче, замысла с исполнением. Приписал этот «грех», однако, Кольридж исключительно Вордсворту. А тот, со своей стороны, оплакивал падение Кольриджа, причину которого видел он в измене «старой доброй» британской традиции живого «чувства» и конкретного опыта в пользу немецкой метафизики, абстрактного умствования. Кольридж, действительно, испытал к тому времени сильное воздействие немецкой классической философии, прежде всего Канта, Шеллинга, Шлегеля, но дело, разумеется, не в одном этом влиянии, а в том, что идеи того же Канта Кольридж воспринял тогда, когда творческий талант его был уже на исходе. И он с этими идеями не справился.

У Кольриджа творческий кризис носил тяжелейший, прямо клинический характер, осложненный физическим недомоганием, которое поэт «лечил» наркотиками. Вордсворт, напротив, сумел сохранить здоровье до конца своих долгих дней, однако также утратил творческую силу. Байрон, Шелли, Китс погибли на взлете, но, кажется, сама судьба распорядилась столь жестоко их жизнями ради ослепительного впечатления, того, что осталось у потомства от жизни и творчества этих поэтов. Маркс допускал, например, что Бай-

рон, переживший свою эпоху и самого себя, был бы уже немыслим как Байрон, «властитель дум» и «гордости поэт» [1]. Но об этом даже и гениально прозорливые люди могут строить только догадки. Однако есть факты, обнаружившие себя и в пору плодотворной деятельности наиболее выдающихся представителей английского романтизма, факты, свидетельствующие о том, что творческое усилие у них грозило вот-вот перейти в надуманное и насильственное по отношению к собственному таланту напряжение.

«Слово» и «дело» у романтиков, по крайней мере, в идеале, не разделялось. В нашей литературе, также пережившей бурный романтический период, только Пушкин произвел необходимое разграничение, подчеркнув, что «слова» поэта суть «дела» его, и нельзя поступки поэта отождествлять с произведениями. Пушкин не советовал даже печалиться об утрате записок Байрона на том именно основании, что, принявшись за прямую исповедь, поэт «лгал бы, между тем в стихах он исповедывался невольно увлеченный жаром поэзии». Но это взгляд уже, в сущности, реалистический. А по мнению романтиков, творчество прямо являло «душу» поэта, его биографию, поэтому помимо стихов заботились они и о создании своих поэтических судеб. Пожалуй, у каждого из поэтов той эпохи в собрание сочинений входит дополнительный том, «Жизнь поэта», написанная им самим или же кем-либо из присяжных, прижизненных, личных его летописцев и заметно отличающаяся от документально обоснованной его биографии. Но это не означает, что нам следует поскорее эти живописные и условные жизнеописания низвести на почву прозаических фактов и сухих документов. Важно учесть, что в стремлении не только писать, но и жить поэтически выразилась все та же идея «дополнительности», которая побудила Кольриджа приняться за теоретическое оправдание творческого кризиса.

Превознося Шекспира, говоря о том, что он не только поэт, но и философ, Кольридж также, в сущности, оправдывал себя, человека одаренного разносторонне, но так, что ни одно из дарований все-таки не было достаточно сильным само по себе. Казалось бы, «но и философ» — усиление поэтической способности, но нет, поэт и философ в натуре самого Кольриджа соединялись так, что больше в самом деле мешали друг другу и в то же время нуждались друг в друге, ибо каждый чувствовал себя не совсем уверенно.

Младшие современники Кольриджа многое восприняли у него, в частности, ту же манеру говорить с читателями о себе так, будто для читателей нет более интересного предмета. Делал это и Байрон, с поправкой на высокий градус юмора, которого не всегда хватало Кольриджу. Но даже у Байрона интересная и содержательная игра с читателем в откровенность переступает, как мы уже сказали, меру, становясь навязчивым позерством.

«Мертв Адонаис, плачьте все со мной!» — провозглашает Шелли, оплакивая безвременную кончину Китса, причем, в подлиннике «я» начинает

---

[1] Так о Байроне, о его судьбе думал и Пушкин.

строку, стоит на первом месте, как вообще в поэме объект скорби постепенно отходит на второй план, уступая авансцену тому, кто объят скорбью. «Я желал бы присовокупить к лондонскому изданию этой поэмы критические замечания по поводу места, которое достоин занять оплаканный герой среди писателей высочайшего гения, украсивших наш век»,— разъяснял Шелли свои намерения. Но романтикам поистине надо верить на слово с осторожностью, в особенности, когда говорят они о себе! Достаточно сравнить эту поэму с любым «плачем» и панегириком, какими прежде поэты удостаивали своих собратьев (скажем, с поэтическим предисловием Бена Джонсона к собранию шекспировских пьес), как станет видна полная принципиальная перестроенность всей картины: прежде всего поэт изображает скорбь, свою скорбь, то есть фактически себя. А там, где он прямо, почти прямо, в форме прозрачного иносказания, говорит о себе, тут самоанализ опасно граничит с самолюбованием.

Но важно тут не самолюбие и не дурной характер, в котором так часто упрекали, например, Байрона. Дело ведь в том, что способность «сказать я», как выражался Кольридж, входила в поэтическую программу романтиков, поскольку «я» принадлежит поэту, поэт — это поэзия, поэзия — правда. «Я убеждаюсь все больше и больше в том, что писать хорошо — занятие столь же достойное, как и добрый поступок»,— утверждал Китс. Похоже на пушкинское суждение о «словах» и «делах» поэта, но только похоже, и принадлежит другой эпохе, то есть принципиально, хотя и едва заметно, отличается от пушкинской расстановки поэтических «слов» и «дел». «Вдохновенья не сыщешь, оно само должно найти поэта»,— говорил Пушкин в развитии своей мысли о соотношении жизни и творчества в деятельности поэта. Он не признавал «дополняющего» усилия над собой, с помощью которого все равно «вдохновенья не сыщешь». Речь идет не о поэтическом труде собственно, который для Пушкина, как и для всякого подлинного поэта, мучителен, но о том, что поэтическое усилие нельзя заменить никаким «делом» [1]. А романтики, тот же Китс, при всей его созерцательности, часто отправлялись на экспериментальный поиск вдохновения, на искусственное создание поэтической действительности ради того, чтобы потом написать «почти так же хорошо», как они действовали. Это прямое «правдоподобие» (пушкинское слово) приводило, разумеется, к результатам парадоксальным. Чем ближе к природе селились «озерные поэты» (так называли Вордсворта, Кольриджа и Саути, живших в краю озер, на севере Англии), тем искусственнее становилась «природа» в их стихах. Попытка создать идеальную поэтическую общину, которую предприняли Кольридж и Саути, собираясь отправиться ради этого за океан, в Америку, привела только к испорченным личным отношениям между

---

[1] «Пушка сама по себе, а единорог сам по себе»,— говорил в таких ситуациях Пушкин, как сказал он о соотношении поэзии и нравственности — «совсем иное дело». Тут, конечно, не отрицание связи «слов» и «дел» поэта а понимание всей сложности их взаимодействия.

ними. Обращает на себя внимание такое «количественное» наблюдение биографов: в наиболее бурные периоды своей боевой жизни в Греции Байрон все меньше и меньше писал стихов. Это своего рода здоровая реакция творческого организма, который если уж действует практически, то действует практически, если творит — творит.

Источник сильного духовного влияния, английские поэты-романтики оставили по себе глубокую и жизнеспособную память. Живут их жизни, их идеи, их проза и, конечно, стихи. Все созданное ими или хотя бы связанное с этими людьми — живет! В истории литературы известны разные варианты «вечной жизни» выдающихся произведений и писателей. Иногда книга передается от века к веку как литературное событие, как «былая слава», но сегодня читать этого мы, пожалуй, не станем. Скорее мы с интересом прочтем о книге, о том, как нашумела она в свое время. Есть книги-ветераны, которые служат человечеству столетиями, и служат, кажется, не старея, но мы часто и не задумываемся, откуда же у нас эта книга, что за человек ее написал? Нет, мы можем узнать биографию автора, но магнетической тяги к этому не возникает. Наконец, живут имена, фигуры, авторы сами по себе, без книг. Книги у них имеются, а все-таки наиболее интересна для нас та самая, дополнительная, «Жизнь поэта». Романтики остались жить так, как они и жили,— всем существом в творчестве. Время, судья поистине разборчивый, отсеивает случайные причины успеха или, напротив, непризнания и дарует жизнь — живому, оправдывает перед судом вечности то, что возникло однажды как цельное и законченное творческое создание. Если время с чем-то в книге посчиталось, то можно смело думать: значит, там что-то не так, что-нибудь не получилось, и мы сами увидим это, если только присмотримся внимательно и беспристрастно. Романтиков время «приговорило» к бессмертию за впервые так полно проявленный и так всесторонне обдуманный универсализм в отношении к творчеству: «Жизнь — поэзия — правда».

На протяжении полутора веков, нас разделяющих, поэзия английского романтизма в оценке читателей и критики несколько раз пересматривалась. Перечитывались заново старые строки, проверялись факты биографий, перебирались даже и счета за стирку. Были периоды «падений», условных, провозглашаемых новоявленными диктаторами литературных мнений, у которых не только стихи, но даже наружность поэтов-романтиков, в особенности Байрона, вызывала озлобленные нападки [1]. В этом была своя последователь-

---

[1] Отмечено крупнейшим нашим специалистом по английской литературе, доктором филологических наук А. А. Елистратовой в связи с попытками лидера англо-американского модернизма Т.-С. Элиота просто третировать Байрона. См. А. А. Елистратова. Наследие английского романтизма и современность. М., АН СССР, 1966, с. 265.

ность, та самая, о которой когда еще сказал Пушкин в связи с утратой мемуаров Байрона: «Толпа жадно читает исповеди, записки, потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям всемогущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы!» Пушкинский ответ на это ясен и вечно-верен: «Врете, подлецы: он мал и мерзок не так, как вы,— иначе». В пушкинском словаре «толпа» или «чернь», как известно, не в самом деле множество людское, не народ,— это те, кто мнит себя выше толпы и ради того, чтобы сколько-нибудь возвыситься, пытается подогнать великанов поэзии под свою мерку. Но великаны остаются великанами. Если был некогда в их строках истинный поэтический огонь, он сохраняет силу на века и горит все там же, на высотах поэзии.

Книга, которую открывает сейчас читатель, представляет лучшие образцы английской романтической лирики в прежних, классических, проверенных временем, и новых переводах.

Д. УРНОВ

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК

КНИГА ТЭЛЬ

Девиз Тэли:

Кто лучше знает, Орел или Крот,
Что мир подземный таит?
Вместил ли Мудрость серебряный бич
И Любовь — золотой сосуд?

I

Все дщери Мисты Серафима пляшут и лучатся,
Все, кроме младшей: бледная, спешит растаять в тайне,
Увянуть утром и не ждать губительного дня;
Витает нежный плач ее над струями Адоны
И тихо ниспадает в травы, как роса рассвета!

— Весна, зачем ты губишь, увядая, словно лотос,
Детей своих, рожденных для улыбок и объятий?
О, кто я? Тэль — как радуга, как перистое облачко,
Как отраженье в зеркале, как тень на водной глади,
Как греза детства, как улыбка на устах младенца,
Как жалобы голубки, как текучий день, как песня.
Ах, тихо бы улечься мне, и голову склонить,
И тихо смертным сном уснуть, и тихо слушать голос
Того, кто и в вечерний час не оставляет сад.

Фиалка из долины отвечала милой деве:
— Я чуть заметна и дышу среди смиренных трав;
Так водянист и слаб мой стебелек, что золотая
Страшится бабочка присесть на хрупкий мой цветок.

Но тот, кто улыбается с небес, меня лелеет,
И сходит в дол, и надо мною простирает руку,
И каждый утром говорит: «Ликуй, моя фиалка,
Новорожденная краса полян и ручейков,—
Тебя оденет свет зари и напитает манна;
Когда ж тебя расплавит летний зной, ты расцветешь
В лучах бессмертья». Так со мной. А Тэли можно ль плакать?
Владычице просторов Хара должно ли вздыхать? —
Сказала и умолкла и сквозь слезы улыбнулась.

Тэль отвечала ей:— О дева дольней тишины,
Ты предаешься тем, кто не способен домогаться
Любви твоей, застенчивым, безгласным, утомленным;
Твое дыханье — пища для невинного ягненка,
Ты улыбаешься ему, когда он тянет губы
К тебе, и исцеляешь их от всякого вреда.
Своим благоуханием ты оживляешь травы,
И даришь чистый мед пчеле и молоко корове,
И укрощаешь пышущего пламенем коня.
А Тэль — как облачко, я вспыхнула в лучах рассвета
И на жемчужной глади исчезаю без следа.

Фиалка отвечала ей:— Спроси, царица Хара,
У Облачка, зачем оно сверкает ранним утром
И расточает яркую красу под влажным ветром.
О Облачко, замри на миг перед очами Тэли!

Спустилось к Тэли Облачко, потупилась Фиалка
И залила заботливым дыханьем мирный луг.

II

— О Облачко,— сказала Тэль,— открой мне, отчего
Не жалуешься ты, что через час должно растаять?
Ах, Тэль — как ты, и мне судьба исчезнуть без следа,
Но я скорблю, хоть жалобам моим никто не внемлет.

Тут обратилось Облачко в живое существо
И засияло в воздухе перед очами Тэли:

— О дева, знай, что мы стадами пьем из золотого
Потока, где коней своих переменяет Лувах.
Так не страшись, что я с зарей исчезну без следа,—
Погибнет молодость моя, но я десятикратно

Умножу жизнь любви, покоя и святых восторгов.
Когда проглянет Солнце, я к цветам благоуханным
Незримо прилечу и ясноокую росу,
Коленопреклоненную рыдающую деву,
Уговорю принять меня в прозрачный свой шатер;
И вместе мы поднимемся и в золотом согласье
Пойдем поить по всем полянам нежные цветы.

— Так вот какое ты, о Облачко! А я другая:
В просторах Хара слышу я цветов благоуханье,
Но я цветов не напою, я слышу птичье пенье,
Но птиц не накормлю — они себя накормят сами.
Ах, Тэль ничто не веселит! Мне суждено увянуть.
И после скажут обо мне: «Она жила без пользы
Иль, может, только для того, чтоб накормить червей».

Но покачало Облачко воздушной головою:
— О дочь небес, велики благодать твоя и польза:
Ты можешь накормить червей! Узнай, что все живое
Живет не только для себя. Не бойся и послушай,
Как плачет слабый червь, ютящийся в немой земле.
Ползи же, червь, сюда, к своей тоскующей царице! —
Приполз убогий червь и приподнялся у Фиалки,
А Облачко поплыло дальше, к горестной Росе.

III

В смятении глядела Тэль на жалкое созданье:

— Ты Червь? Ты символ слабости. Так вот какой ты, Червь!
Ты — как младенец и защиты ищешь у Фиалки.
Не плачь же! Вижу я, от немоты своей ты плачешь.
Ты Червь! Беспомощный, нагой, заливщийся слезами,—
О, кто тебя утешит материнскою улыбкой?

Но Глыба Глины голову склонила в состраданьи —
Над плачущим младенцем, и заботой материнской
Дохнула на него, и поглядела в очи Тэли:
— Краса просторов Хара! Мы живем не для себя.
Ты видишь, я ничтожнее всего, что есть на свете:
Темно и холодно в груди моей, но тот, кто любит
Несчастных, голову мою умащивает маслом,
И, украшая брачною фатой, меня целует,
И говорит: «Люблю тебя, о мать моих детей,

И твоего венца никто лишить тебя не смеет».
Что значит это, я не знаю и не в силах знать,
И все же, дева милая, живу я и люблю.

И дочь небес утерла слезы белым покрывалом:
— Увы! Я знала, что Господь Червя оберегает
И мстит тому кто твердою подошвой злобно ранит
Бессильного; но я не знала о его заботах,
Не знала о его любви и от того рыдала.
Я жаловалась ветерку, что я должна увянуть,
Померкнуть и забыться на твоем холодном ложе.
— Царица Хара,— отвечала Глина,— я слыхала,
Как ты вздыхаешь и томишься: я тебя утешу.
Войди в мой дом! Тебе дано уйти и возвратиться:
Ступи в мой дом своей бесстрашной девственной стопой!

IV

Привратник вечности открыл полночные ворота.
Вошла в них Тэль, и перед ней предстали тайны чуждой
Немой страны скорбей и слез, где не блестнет улыбка,
Где спят на ложах мертвецы, где скрюченные корни
Живых сердец запечатлели их земные муки.

Под тучами брела она сквозь жалобы и стоны
По сумрачным долинам, горевала у росистых
Могил, молчала и внимала голосам земли.
Так наконец дошла она до собственной могилы
И услыхала голос скорби из разверстой бездны:

— Зачем наш Слух вбирает только весть о нашей смерти?
Зачем впивает Зренье яд предательских улыбок?
Зачем за Вѐками, смеженными в тиши, таятся
В засаде сотни воинов со стрелами на луках?
Зачем беспечный Глаз бросает золото на ветер?
Зачем Язык вкушает мед от каждого растенья,
А Ухо, как водоворот, затягивает жизни?
Зачем трепещут Ноздри и вдыхают смрад и ужас?
Зачем наложена узда на пламенную юность
И полог плоти закрывает ложе нашей страсти?

Дочь неба в воплем побежала от своей могилы
И без препятствий возвратилась на просторы Хара.

1789

БРАКОСОЧЕТАНИЕ РАЯ И АДА

СМЫСЛ

Ринтра ревет и пылает в тяжелом небе;
Жадные тучи дрожат над пучиной.

Кроткий праведник некогда
Проходил по опасной дороге
В долине смерти.
Вместо терниев — розы,
На вереске пустоши
Поют медоносные пчелы.

Теперь не пройти по опасной дороге:
Из каждой скалы и могилы
Забили ручей и река,
И белые кости мертвых
Обагрились от красной глины;

И злодей оставил дорогу покоя
И по опасной дороге
Загнал человека в пустыню.

Ныне в нежном смиренье ползает
Злая змея.
И ярится праведник в голых странах,
Где бродят львы.

Ринтра ревет и пылает в тяжелом небе;
Жадные тучи дрожат над пучиной.

Тридцать три года назад с началом нового рая возродился и Вечный Ад. И взгляни: Сведенборг, словно Ангел, сидит на гробе, и слова его — на плащанице. Настало господство Едома, и Адам возвратился в Рай; смотри Книгу Исайи, главы XXXIV и XXXV.

Движение возникает из Противоположностей. Влечение и Отвращение, Мысль и Действие, Любовь и Ненависть необходимы для бытия Человека.

Противоположности создают то, что верующие называют Добром и Злом. Добро пассивно и подчиняется Мысли. Зло активно и проистекает от Действия.

Добро — это Рай. Зло — это Ад.

ГОЛОС ДЬЯВОЛА

— Все Священные книги причина Ошибочных Мнений:

1. Что Человек разъят на Тело и Душу.

2. Что Действие, то есть Зло, от Тела; а Мысль, то есть Добро, от Души.

3. Что Бог будет вечно казнить Человека за Действия. Но Истина — в Противоположном:

1. Душа и Тело неразделимы, ибо Тело — частица Души, и его пять чувств суть очи Души.

2. Жизнь — это Действие и происходит от Тела, а Мысль привязана к Действию и служит ему оболочкой.

3. Действие — Вечный Восторг.

Обуздать желание можно, если желание слабо: тогда мысль вытесняет желание и правит противно чувству.

Подавленное желание лишается воли и становится собственной тенью.

Об этом нам повествует «Утраченный Рай» и «Государь», где Разум назван Мессией.

А первоначальный Архангел, стратег небесного воинства, назван Дьяволом и Сатаной, а дети его — Грехом и Смертью.

Тот, кого Мильтон назвал Мессией, в Книге Иова — Сатана.

Ибо историю Иова приняли обе враждующие стороны.

Мысль искренне презирает Желание, но Дьявол нас уверяет, что пал не он, а Мессия, и, пав, устроил Рай из того, что украл в Аду.

Смотри Евангелие, где Мессия молит Отца послать ему утешителя, то есть Желание, чтобы Мысль его обрела Подтверждение; библейский Иегова не кто иной, как тот, кто живет в пылающем пламени.

Знай, что после Христовой смерти он вновь стал Иеговой.

Но Мильтон считает Отца — Судьбой, Сына — Вместилищем чувств, а Духа Святого — Пустотой!

Заметь, что Мильтон в темнице писал о Боге и Ангелах, а на свободе — о Дьяволе и Геенне, ибо был прирожденным Поэтом и, сам не зная того, сторонником Дьявола.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Я шел среди адских огней, и мое Вдохновенье казалось Ангелам муками или безумием: а я собирал Пословицы, ибо если реченья народа раскрывают душу народа, то Пословицы Ада говорят о мудрости Преисподней вернее, чем описания и рассуждения путешественника.

Вернувшись домой, над бездной пяти чувств, на хмурой отвесной круче над нынешним миром я увидел в тучах могучего Дьявола — он огнем высекал на камне то, что сегодня открыто людскому уму:

Вам, людям, не узнать, что в каждой птице на лету
Безмерный мир восторга, недоступный вашим чувствам!

ПОСЛОВИЦЫ АДА

Во время посева учись, в жатву учи, зимой веселись.

Прокладывай путь и веди борозду над костями мертвых.

Дорога излишеств приводит к дворцу мудрости.

Ничтожество угождает расслабленному богачу по имени Благоразумие.

Бездеятельное желание рождает чуму.

Червь, рассеченный плугом, не должен винить плуг.

Брось в реку того, кто пьет одну воду.

В одном и том же дереве глупец и мудрец найдут не одно и то же.

Кто не способен светить, не станет звездой.

Вечность — это любовь, закаленная временем.

Деловитой пчеле недосуг тосковать.

Часы измеряют время безумия, но не мудрости.

Здоровую пищу не ловят капканом или силком.

В голод твои друзья — мера, число и вес.

Птица на собственных крыльях не взлетит чересчур высоко.

Мертвый не мстит за обиды.

Благородный ставит соседа выше себя.

Упорствуя в глупости, глупец становится мудрым.

Глупость — одежда Лукавства.
Позор — одеяние Гордости.
Тюрьмы строят из камней Закона, Дома Терпимости — из кирпичей Религии.
Красота павлина — слава Божья.
Похоть козла — щедрость Божья.
Свирепость льва — мудрость Божья.
Нагота женщины — творенье Божье.
От избытка горя смеются, а от избытка веселья плачут.
Львиный рык, волчий вой, ярость бури и жало клинка суть частицы вечности, слишком великой для глаза людского.
Лиса в капкане клянет не себя, но капкан.
Радость обременяет. Горе разрешает от бремени.
Для мужа — львиная шкура, для жены — овечье руно.
Птице — гнездо, пауку — паутина, человеку — дружба.
Веселый добрый дурак и хмурый злобный дурак сойдут за умных, держа в руке розги.
Сегодняшняя истина прежде была лишь догадкой.
Крыса, мышь, лиса и кролик видят корни; лев, тигр, лошадь и слон видят плоды.
Пруд копит воду, ручей расточает.
Одною мыслью можно заполнить бескрайность.
Говори откровенно, и лжец от тебя убежит.
Всё достойное веры есть образ истины.
Учась у вороны, орел только губит время.
Лиса кормит себя, льва кормит Бог.
Думай утром. Действуй днем. Ешь вечером. Спи ночью.
Тот, кто тебе подчинился, познал тебя.
Как плуг подчиняется слову, так Бог слышит молитву.
Тигры гнева мудрей лошадей поученья.
Знай, что в стоячей воде отрава.
Не узнаешь меры, пока не узнал избытка.
Внимать упреку глупца достойно царя!
Очи огня, ноздри воздуха, губы воды, борода земли.
Слабый мужеством силен хитростью.
Ясень не учит яблоню росту; лошадь не учит льва охоте.
Благодарность приносит обильную жатву.
Если кто-то спасся от глупости, значит, и мы можем.
Душевную благодать нельзя замарать.
Видя Орла, видишь частицу Гения: выше голову!
Гусеница оскверняет лучшие листья, священник оскверняет чистейшие радости.
Чтобы создать цветок, нужна работа веков.
Проклятие сковывает, Благословение освобождает.

Вино — чем старше, тем лучше; вода — чем свежей, тем лучше.

Молитвы не сеют! Гимны не жнут!

Радости не смеются! Печали не плачут!

В мыслях Парение, в сердце Сострадание, в чреслах Красота, в ногах и руках Соразмерность.

Небо — птице, море — рыбе, презренье — презренным.

Ворона хотела, чтоб мир почернел, сова — чтоб он побелел.

В Излишестве — Красота.

Если б лиса поучала льва, он бы сделался хитрым.

Человек выпрямляет кривые пути; Гений идет кривыми.

Лучше убить дитя в колыбели, чем сдерживать буйные страсти.

Где нет человека, природа пустынна.

Люди не примут правды, если поймут ее, но не поверят.

Довольно! — то же самое, что: Чересчур!

Поэты древности одушевляли предметы вокруг себя, видели в них Богов или Гениев, звали их по именам и украшали их достоянием гор, лесов, озер, городов, народов, ибо мир они воспринимали шире и глубже, чем мы.

Они пристально изучали гения каждого города и страны и находили ему место в свите вымышленного божества;

И возникла картина миропорядка; но корыстные люди стремились представить во плоти вымышленные божества и отрешить их от зримых предметов и этим поработить доверчивых и неразумных: так возникли Священнослужители;

Они создавали обряды из мифов, сочиненных поэтами,

И наконец объявили, что все на земле сотворили Боги.

И люди забыли, что Все божества живут в их груди.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Пророки Исайя и Иезекииль делили со мной трапезу, и я спросил, как они отважились утверждать, что Сам Бог говорил с ними, и не боялись, что неверно понятые слова их родят принужденье и ложь.

Исайя ответил: «Я не слыхал Бога ушами и не видал глазами, но чувства мои нашли бесконечность в каждом предмете, и я уверовал, что голос праведного гнева есть глас Божий, и, не думая о последствиях, написал книгу».

Тогда я спросил: «Способна ли вера в свою правоту претворить эту веру в Истину?»

Он ответил: «Все поэты стоят на этом, и некогда вера сдвигала горы, но не многим дано уверовать».

Тогда Иезекииль сказал: «Философия Востока учила первоосновам восприятия мира: одни народы избрали одну основу, другие другую; мы, иудеи, учили, что первооснова — Поэтический Гений (я пользуюсь вашими словами), а другие основы вторичны; поэтому мы презирали иноземных Священников и Философов и пророчествовали, что все убедятся в первичности нашего Бога, Поэтического Гения; этого жадно жаждал наш великий поэт Царь Давид, ибо желал побеждать врагов и удерживать царства Поэзией; мы любили нашего Бога и отвергали богов сопредельных пародов, и невежды решили, что мы хотим покорить все народы.

Наша вера сделалась жизнью: народы чтут иудейские книги и молятся иудейскому богу — кого же нам покорять?»

Я слушал их с удивлением и поверил в их правоту. После трапезы я попросил Исайю вернуть миру утраченные книги; он сказал, что ни одна важная книга не утрачена. То же сказал Иезекииль.

Потом я спросил Исайю, что заставило его три года ходить нагим и босым. Он ответил: «То же, что нашего друга грека Диогена».

Тогда я спросил Иезекииля, отчего он ел навоз и так долго лежал на левом и правом боку? Он ответил: «Я желал, чтобы люди поняли смысл бесконечности; то же делают и индейцы Америки; да и честен ли тот, кто противится своему гению или совести ради мига покоя и удовольствия?»

Истинна древняя вера в то, что мир в конце шести тысяч лет погибнет в огне,— так мне сказали в Аду.

Ибо когда Херувим с пламенеющим мечом оставит стражу у древа жизни, все творение испепелится и станет святым и вечным, как ныне греховно и тленно.

Путь же к этому — через очищение радостей плоти.

Для начала докажем, что душа и тело неразделимы; и я буду вытравливать мысли мои на металле кислотами, кои в Аду спасительны и целебны, ибо они разъедают поверхность предметов и обнажают скрытую в них бесконечность.

Если б врата познания были открыты, людям открылась бы бесконечность.

Но люди укрылись от мира и видят его лишь в узкие щели своих пещер.

ПАМЯТНЫЙ СОН

В печатне Ада я видел, как знания переходят от поколения к поколению.

В первой комнате Человек-Дракон выметал мусор с порога, куда его выносили другие Драконы.

Во второй — вдоль стен выгибался Змей, и его украшали серебром, золотом и каменьями.

В третьей — Орел с воздушными крыльями утверждал бесконечность Ада, а вокруг него Люди-Орлы высекали дворцы в беспредельных скалах.

В четвертой — Львы огненным жаром дыхания превращали металлы в текучие жидкости.

Из пятой Безымянные существа проливали эти металлы в шестую.

В шестой — их вбирали Люди, расставленные по полкам, как книги.

Создавшие мир и ныне как будто окованные цепями мира Гиганты суть причины жизни и источники действий; но цепи — всего лишь хитрость слабых, покорных умов, которым достало силы сопротивляться силе; как гласит пословица: слабый мужеством силен хитростью.

Бытие создает Изобилие и Поглощение; Поглощение мнит, что держит в цепях Изобилие, но на деле берет ничтожную долю, принимая ее за целое.

Но Изобилие истощится, если избыток его восторгов не будет тонуть в морях Поглощения.

Кто-то спросит: «Разве не в Боге одном Изобилие?» Я отвечу: «Бог существует и действует только в Людях».

Сторонники Изобилия и сторонники Поглощения живут на земле и вечно враждуют: кто старается их примирить, убивает жизнь.

Их старается примирить Религия.

Заметь: Иисус Христос не соединял, но разделял, и в Притче об агнцах и козлищах он говорит: «Не Мир пришел Я принести, но Меч».

Мессия, он же Сатана, он же Искуситель — не допотопная Древность, но нынешняя наша Сила.

Ангел сошел ко мне и сказал: «О жалкий безумец! О мерзкий! О гибнущий! Жизнью своей ты себе уготовил в вечности огненную преисподнюю».

Я ответил: «Покажи мне мою судьбу, и мы вместе решим, чей жребий лучше, мой или твой».

Он повел меня сквозь конюшню, и церковь, и склеп, и в конце была мельница; мы прошли из нее в пещеру и томительно долго спускались извилистым подземельем и вот увидели под собой пустоту, бескрайнюю, как опрокинутые небеса, и на корнях растений повисли над пустотой; я сказал: «Бросимся в пустоту и посмотрим, есть ли в ней провидение,— если не хочешь, я брошусь один». Он ответил: «Смирись, юнец, когда расступится тьма, мы и отсюда увидим твой жребий».

И я остался сидеть на изогнутом корне дуба, а он держался за мох, свисавший с обрыва.

Мы рассмотрели бескрайнюю Бездну, яростную, как дым горящего города; внизу бесконечно далёко от нас светило черное солнце; вокруг черных лучей его вращались, ловя добычу, черные пауки, зловещие твари, рожденные тлением; они летели, или, вернее, плыли, в бездонных глубинах, и воздух был так насыщен ими, что казалось, из них состоит: это Дьяволы; и зовут их Силами воздуха. Я спросил моего спутника, в чем же мой вечный жребий. Он ответил: «Быть в середине меж черными и белыми пауками».

Но из середины меж черными и белыми пауками вырвались туча и пламя, и глубь почернела, как море, и покатилась с ужасным ревом; черная буря все скрыла от глаз, лишь на востоке с неба в море спадал водопад из крови с огнем, и на расстоянии нескольких брошенных камней появилась и вновь погрузилась во мрак чешуя чудовища; и возник над волнами яростный гребень дракона, он поднимался, как золотистый гребень горы; и две сферы алого пламени разогнали тучи и дым: мы увидели пурпурную и зеленую голову Левиафана, полосатую, как голова тигра; мы увидели его пасть над клокочущей пеной и жабры, струившие кровь в черную глубину; он устремился к нам с неистовством гнева.

Друг мой Ангел бежал на мельницу; я остался один, и видение вдруг исчезло; я сидел у приятной реки в лунном свете и слушал арфу и песню: «Не склонный к переменам ум — стоячая вода, в воображении его — нечистых гадов рой».

Я пришел на мельницу к Ангелу; он удивился мне и спросил, как я спасся.

Я ответил: «Ты показал мне плоды своей метафизики: когда ты бежал, я остался при лунном свете возле реки и слушал пение.

Ты показал мне мой вечный жребий, а я покажу тебе твой». Он засмеялся, но я обхватил его, и мы полетели на запад сквозь ночь выше тени земной и опустились на солнце, и я облачился в белое и, захватив тома Сведенборга, покинул страну сияния и миновал все планеты, и мы прилетели к Сатурну: я отдохнул и ринулся в бездну между Сатурном и неподвижными звездами.

Я сказал: «Твой жребий — в этих пределах, если здесь предел». И вновь перед нами была конюшня и церковь, и я подвел Ангела к алтарю и раскрыл Библию, и — о, чудо! — это был вход в подземелье, и я погнал по нему Ангела к семи кирпичным домам и ввел в один дом; мартышки и обезьяны в нем, скалясь, бросались друг на друга, насколько пускали их цепи, сильные, ухватив слабых, отгрызали им ноги и руки, целовали беспомощные тела и тотчас их пожирали; и мы от смрада сбежали на мельницу, и я принес с собою скелет, который был «Апалитикой» Аристотеля.

Ангел сказал: «Стыдись, ты показал мне свой бред».

Я ответил: «Мы оба показали друг другу свой бред, но я не буду попусту спорить с тобой, ибо твой труд — «Аналитика».

В Противоборстве суть истинной Дружбы.

Я всегда замечал, что Ангелы почитают мудрыми только себя; их самомнение — плод постоянного умствования.

И Сведенборг хвастает тем, что все сочиненное им ново, а на деле оно — Свод выжимок из старинных книг.

Человек водил напоказ обезьяну, ибо был немного умнее ее, но он возгордился и почел себя много умнее семерых мудрецов. Таков Сведенборг: он показал греховность церквей и ложь лицемеров и возомнил, что он один на земле вырвался из сетей религии.

Во-первых, Сведенборг ни открыл не одной новой истины. Во-вторых, его сочинения — старая ложь.

И вот причина: Сведенборг беседовал с Ангелами, которые любят религию, но тщеславие не позволило ему беседовать с Дьяволами, которые ее ненавидят.

Поэтому Сведенборг повторяет чужие мнения и исследует лишь небеса — но не больше.

И всякий посредственный человек способен из книг Парацельса и Якоба Бёме произвести десять тысяч томов равной ценности со Сведенборгом, а из книг Шекспира и Данте — бесчисленное их множество.

Но, так поступив, пусть не скажет, что превзошел своих учителей, ибо он всего лишь держит свечу при солнечном свете.

ПАМЯТНЫЙ СОН

Однажды я видел, как Ангел сидел на облаке и перед ним восстал Дьявол в пламени и сказал: «Поклоняться Богу — значит чтить дары его в людях, отдавать каждому должное и больше других любить великих людей: кто завидует и возводит хулу на великих, тот ненавидит Бога, ибо нет во вселенной иного Бога.

Ангел сделался синим, но овладел собой, и сделался желтым, белым, и, наконец, розовым, и с улыбкой ответил:

«О творец Кумиров! Разве Бог не Один? Разве он во плоти не являлся Иисусом Христом? Разве Иисус Христос не дал нам десять заповедей? Разве прочие люди не безумцы, грешники и ничтожества?»

Дьявол ответил: «Растолки безумца в ступе с пшеницей, и безумие отлетит от него. Раз Иисус Христос был самым великим человеком, ты должен любить его больше, чем всех остальных человеков. Подумай же, как он дал свои десять заповедей. Разве не насмехался он над субботою и Богом субботы? Разве не убивал тех, кто убиты во имя его? Разве не отвратил закон от блудницы? Разве не крал чужой труд на пропитанье себе? Разве не лжесвидетельствовал, когда не стал защищать себя перед Пилатом? Разве не соблазнялся, когда молился об учениках и когда повелел им отрясти прах от ног, выходя из дома того, кто не принял их? Я говорю: добродетель всегда нарушает заповеди. Иисус — добродетель и действовал от души, а не по законам».

И тут я увидел, как Ангел простер свои руки, и обнял пламя, и исчез в нем, и вознесся, как Илия.

Заметь: этот Ангел стал Дьяволом и ныне мой лучший друг; мы часто вместе читаем Библию и находим в ней инфернальный или дьявольский смысл, и мир его узна́ет, если того заслужит.

И еще у меня есть Библия Ада, и смысл ее мир узна́ет, хочет он того или нет.

Томление — общий закон для Льва и Вола.

ПЕСНЬ СВОБОДЫ

1. Возопила Вечная Женственность! Весь Мир услыхал ее.
2. Но брег Альбиона безмолвен; луга Америки далеки!
3. Зыблются Тени Пророчества по озерам и рекам, взывают через Атлантику: Разрушь темницу, о Франция!
4. Золотая Испания, рви оковы ветхого Рима!
5. И ты, о Рим, брось ключи свои в бездну, да канут в вечность.
6. Зарыдай и склони почтенную седину.
7. Ибо новорожденный ужас взяла Женственность в слабые руки и указала:

8. На бескрайних нагорьях сиянья, за океаном — новорожденное пламя восстало пред оком алчного короля.

9. В хмурых снегах и грозных виденьях вороньи крылья взвились над пучиной.

10. Но рука с занесенным копьем горит, рухнул щит; взметнулась рука алчности к вспыхнувшим волосам и отбросила в звездную ночь новорожденное диво.

11. Пламя, пламя с небес!

12. Ввысь, ввысь глядите! Увидь, что творится в мире, о горожанин Лондона! Брось считать золотые монеты, о Иудей, вернись к библейскому ладану и вину! О Африканец! О черный Африканец! (Лети, крылатая мысль, расширь ему разум.)

13. Руки и волосы в пламени, словно вечернее солнце, скрылись в западном море.

14. Нарушен вечный сон древней стихии, с ревом она уносится прочь:

15. Рухнул алчный король, тщетно крыльями бил он; седые его советники, грозные воины, дрогнувшие ветераны средь шлемов, щитов, колесниц, коней, слонов и знамен, крепостей, луков и стрел

16. Мечутся, падают, гибнут! Погребены под руинами в подземельях Уртоны;

17. Всю ночь под руинами; иссякло мрачное пламя, толпятся они вкруг угрюмого Короля.

18. В огне и громе ведет он орды бесплодной пустыней, провозглашает десять вороньих заповедей, но в черном унынии из-под век косится он на восток,

19. Где в златопером облачке утра сын пламени

20. Разгоняет тучи, исчерченные проклятьями, воздвигает столп закона на прахе, выпускает из подземелий ночи коней вечности и возглашает:

ИМПЕРИЯ УМЕРЛА! ОТНЫНЕ СГИНУТ И ЛЕВ И ВОЛК!

ПРИПЕВ

О Жрецы вороньего утра, теперь чернота ваша не смертоносна, не хулите ж сынов веселья! О приемные братья Во́рона,— вас он, тиран, именует свободными,— не воздвигайте стен, не скрывайте крышами небеса! О бледный церковный разврат, сойди с пути вольных желаний девства!

Ибо все живое Священно.

1790—1793.

ВИДЕНИЯ ДЩЕРЕЙ АЛЬБИОНА

Глаз видит больше, чем Сердце знает.

СМЫСЛ

Я полюбила Теотормона
И не стыдилась, что люблю;
Я трепетала в страхе девичьем
И пряталась в долине Левты.

Я сорвала цветок над Левтою
И в путь пустилась из долины;
Но грозный гром одежду девичью
Ударом надвое рассек.

ВИДЕНИЯ

Рыдают в рабстве Дщери Альбиона, стон их слышен
В долинах и в горах; к Америке летят их вздохи:
Там безутешная душа Америки Утуна
Бродила по долине Левты и себе в отраду
Цветок искала и, найдя, спросила Маргаритку:

— Скажи, цветок иль нимфа ты? То вижу я цветок,
То нимфу. Разлучу ль тебя с твоим росистым ложем?

Златая нимфа ей в ответ:— Сорви меня, Утупа!
Другой цветок взрастет взамен меня: душа блаженства
Бессмертна.— И укрылась нимфа в венчике златом.

Утуна сорвала цветок, сказав: — Ты разлучилась
С росистым ложем — так сияй же на моей груди:
С тобой мне весело спешить, куда влечет душа.

И полетела на волнах крылатого блаженства,
Над царством Теотормона пустилась в быстрый путь.

Но громом Бро́мион сразил ее; она упала
На ложе бурное его и воплем гром пронзила.

Воззвал глумливый Бромион:— Взгляни, в моих объятьях —
Блудница, и хранят ее ревнивые дельфины!
Твоя Америка — моя, мои твой юг и север,
И выжжено мое тавро на черных детях солнца.
Они не ропщут и покорны моему бичу,
Их дочери дрожат меня и уступают силе.
Бери мою наложницу, храни мое дитя —
Ты через девять месяцев его получишь в дар!

Но потрясенный Теотормон отгоняет бурю,
И волны темной ревности спешат к прелюбодею.
Спиной к спине в пещерах Бромиона страх и срам.
Пред входом, слезы затаив, упорный Теотормон;
У ног его, как волны на пустынном берегу,
Вскипают голоса рабов; их продают за деньги,
В монашеские норы загнала их злая похоть —
Ее, как лаву, непрестанно изрыгают горы.
Утуна слез не льет, не может: слезы в ней иссякли;
Но тело снежное ее трепещет от стенаний,
Она к себе скликает Теотормоновых птиц:

— Ко мне, Орлы, владыки звонких токов неба!
Когтями рвите грудь мою и обнажите душу,
Чтоб образ Теотормона запечатлелся в сердце.

Орлы слетелись и когтили жалобную жертву;
Сурово улыбнулся Теотормон, и Утуна
В душе своей запечатлела горькую улыбку —
Так солнце после бури отражается в реке.

Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

— Зачем рыдает у пещер мой грозный Теотормон,
Зачем душа Утуны тщетно молит о спасенье?
Восстань, о Теотормон, ибо деревенский пес
Залаял пред рассветом, соловей окончил песню,
И жаворонок шелестит во ржи, и возвратился
С добычею Орел, и поднял клюв к востоку,
И стряхивает прах с бессмертных крыльев, и зовет
Медлительное солнце. Пробудись, мой Теотормон,
Меня пятнала тьма, но ночь прошла, и я чиста.
Мне говорят, что только ночь и день могу я видеть,
Что пять моих убогих чувств мою замкнули душу
И заключили в тесный круг мой беспредельный разум,
А сердца моего горящий шар низвергли в Бездну:
Мне говорят, что я навек отторжена от жизни,
Что утром для меня восходит туча, а не солнце,
И вечером ступаю я не к ночи, а к могиле:
Мой Теотормон мне не внемлет! Для его души
Что свет — что тьма: ночь вздохов или утро свежих слез.

Лишь Бромион с усмешкой слышит мой унылый стон.

Что заставляет кур бежать от ястребиной злобы?
Что заставляет голубей искать дорогу к дому,
А пчел роиться в улье? Разве мыши и лягушки
Не обладают зрением и слухом? Отчего же
Их нравы, обиталища и радости различны?
И отчего осел упрям, и отчего верблюд
Покорен человеку? Оттого ли, что у них
Есть зренье, осязанье, обоняние, слух и вкус?
Нет, ибо тем же наделен равно и тигр и волк.
Спроси червей о тайне гроба, отчего они
Живут среди костей? Спроси коварную змею,
Откуда в ней смертельный яд; затем орла спроси,
Зачем он любит высь и солнце; и тогда открой мне
Издревле затаившиеся мысли человека.

Когда бы Теотормон обратил ко мне свой взор,
Я не стенала бы весь день, всю ночь бы не стенала.
Да есть ли грех на мне, когда во мне твой чистый образ?
Всех слаще — плод, в котором червь; душа, в которой горе;
Ягненок, на котором дым костра; и яркий лебедь
У красных берегов реки бессмертья. Я омыла
Крыла свои и тороплюсь прильнуть к твоей груди.

Прервал свое молчанье Теотормон и ответил:

— Скажи, что значат свет и тьма в земной юдоли горя?
И что такое мысль и какова ее природа?
И что такое радость, где она, в каких садах?
В каких потоках скорбь струится, на какие горы
Упала тень тоски и где влачат свой век страдальцы,
Кого дурман трудов спасает от самоубийства?
Скажи, кем зиждется забытая до срока мысль,
И где живет былая радость и минувшая любовь?
Когда они вернутся к нам, и сгинет мрак забвенья,
И я смогу перенестись сквозь время и пространство
И облегчить сегодняшнюю боль, и мрак, и горе?
Куда ты улетаешь, мысль, в какой далекий край,
И если возвратишься в этот бедствующий мир,
Что принесешь ты на крылах — росу, бальзам и мед
Иль яд из водяных пустынь, из вражеских очей?

Тут Бромион сотряс свои пещеры грозным криком:

— Ты видишь древние деревья и на них плоды —
Узнай же, что деревья и плоды произрастают
Для чувств, не ведомых поднесь; что под всесильной линзой
Предвидятся в иных мирах, морях и небесах
Такие твари, о каких не мыслил открыватель.
Знай: войны на земле ведут не только огнь и меч;
Знай: бедствия несут не только нищета и скорбь,
Равно как счастье — не одни богатство и довольство!
Пойми же: не один закон для льва и для осла;
Нет вечного огня, равно как вечных нет цепей,
Способных призрак жизни отрешить от вечной жизни!

В молчании Утуна протомилась день и ночь;
Когда же вновь настал рассвет, то вновь она взмолилась.

Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

— О Уризен, творец людей, небес немудрый Демон,
Вотще ты людям дал свой образ: поглощают слезы
Их радость! Разве ты не породил иную радость —
Святую, безграничную, бессмертную Любовь?

Но разве алчный рот скупца не презирает щедрость?
И разве узкий глаз не отвергает бескорыстья?

Возьмешь ли ты в советчики мартышку? Дашь ли детям
В учители собаку? Не одной и той же страстью
Подвигнуты и те, кто отгоняет жалких нищих,
И те, кто отвращается от злых ростовщиков.
О, разве щедрый на дары поймет восторг торговца?
И разве горожанин знает муки земледельца?
И разве с ними схож тупой наемник с барабаном —
Он превращает ниву в пустошь и горланит песни!
Какие разные у всех миры, глаза и уши!
Как смеет пастор требовать даров у хлебопашца,
В какие сети и силки он ловит прихожан,
Как в души их вливает отвлеченные понятья
И загоняет в дебри одиночества и страха —
И строит храмы и дворцы, достойные царей!
Каким заклятьем юную неопытную деву
Он сочетает с ненавистной старостью? Должна ль
В цепях усталой похоти она прожить всю жизнь
И мертвенными ледяными думами завешивать
Прозрачный небосвод своей весны, сходить с ума,
И вянущие плечи подставлять бичам зимы,
И по ночам кружиться в колесе притворной страсти,
И с отвращением рождать незрелых, нежеланных
Детей, подобных серафимам, но в людском обличье.
Нечистым семенем они зачаты ради смерти —
Как им любить родителей, как им ценить свой труд,
Когда в их робкие глаза вонзились стрелы дня?

Скулит ли кит голодным псом у твоего порога?
Вдыхая воды океана, может ли он чуять
Добычу высоко в горах, и так же ли, как ворон,
Он видит облака и, как стервятник, мерит небо?
Паук плетет ли паутину над гнездом орла?
При виде полных закромов порадуется ль муха?
Нужна ль орлу земля и все подземные богатства?
Зато их знает крот, о них тебе расскажет червь —
Не он ли воздвигает столп над рыхлой почвой тленья
И вечный свой дворец в несытых челюстях могил?
Не на пороге ль гроба надпись: «Человек, познай
Блаженство и верни себе младенческую радость!»

Младенчество! Бесстрашное, счастливое, святое,
Ты жадно жаждешь радостей и льнешь к груди блаженства.
Невинность! Честная, открытая, ты страстно ищешь
Восторгов утра и вкушаешь девственное счастье.

Кто научил стыдливости дитя ночного сна?
Проснувшись, не предашь ли ты свои простые тайны,
Иль вовсе не проснешься ты, когда спадет завеса?
Тогда ты выйдешь в мир суровой лицемерной девой,
И девственную радость будешь уловлять силками,
И заклеймишь ее блудницей, и продашь за деньги
В ночи, в молчании, без шепота, в притворном сне.
Святые звезды и высокие мечты взирают
На дымный пламень, вспыхнувший однажды чистым утром.
О Теотормон, ты ли жаждешь скромности поддельной,
Искусного, опасливого, злого лицедейства?
Коль так, твоя Утуна — шлюха, девственная радость —
Распутница, а сам ты, Теотормон,— бред безумца.
Ужель я — хитрая рабыня набожной корысти?

Нет, я не такова: я дева и лечу мечтами
Навстречу радости и счастью. На восходе солнца
Открытые глаза мои в согласии счастливом,
А вечером, усталая, я нахожу отраду
На тихом берегу реки в покое и приволье.

О, миг восторга! Миг восторга! Вожделеет дева,
Чтоб юноша ей чрево пробудил для наслажденья
В укромной тишине,— иначе юность под замком
Разучится рождать детей и мыслить милый облик
В тени стыдливых занавесей на немой подушке.
Зачем ты ищешь благочестья? Разве в нем награда
За годы воздержания и самоотрицанья?
Ты презираешь грубость плоти и зовешь к безбрачью,
В котором тьма пронизана роением желаний?
Будь проклят, Породитель гнусной Ревности! За что
На Теотормона ты наложил свое проклятье?
Пока мои сияющие плечи не померкли —
Я — тень, рыдающая у границ небытия.

И я зову: Любовь! Любовь! Счастливая Любовь,
Счастливая, свободная, как ветер на вершинах!
Не ты, Любовь, туманишь ночь — сомненьем, день — слезами,
Не ты сетями старости неволишь человека,
И он уже не видит плод, висящий перед ним.
Не ты, но Себялюбие, скелет с горящим взором,
Ревнивый сторож над чужим холодным брачным ложем.

Но дев нежносеребряных и жаркозолотых
В силки из шелка или в западни из бирюзы

Утуна для любимого уловит, и сама,
Счастливая, увидит их счастливое соитье,
Их прихотливую игру с тобой, мой Теотормон.
Горя желаньем, словно первый алый луч рассвета,
Утуна будет созерцать чужой восторг, и Ревность
Не омрачит ей, бескорыстной, небеса Любви.

Сойдет ли солнце в праздничных одеждах в подземелье,
Где скряга прячет золото? Опустится ли тучка
На каменный порог его? Увидит ли злодушный
Лучи добра, что расширяют очи состраданья,
Или, как вол, пойдет он по привычной борозде?
Ужели благотворные лучи бессильны против
Совы, Летучей Мыши, Тигра и Владыки Ночи?
Морская птица прячется в ненастном зимнем ветре,
Змея к себе приманивает золото и жемчуг,
А злаки, звери, птицы, люди вечно жаждут счастья.
Восстаньте ж и зачните песнь младенческому счастью!
Восстаньте ж для блаженства, ибо все живое свято!

Так стонет дева каждым утром, ибо Теотормон
Напрасно спорит с грозными тенями океана.
Вздыхают Дщери Альбиона, слыша стон Утуны.

1793

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

ПЕСНЯ

В полях порхая и кружась,
Как был я счастлив в блеске дня,
Пока любви прекрасный князь
Не кинул взора на меня.

Мне в кудри лилии он вплел,
Украсил розами чело,
В свои сады меня повел,
Где столько тайных нег цвело.

Восторг мой Феб воспламенил,
И, упоенный, стал я петь...
А он меж тем меня пленил,
Раскинув шелковую сеть.

Мой князь со мной играет зло.
Когда пою я перед ним,
Он расправляет мне крыло
И рабством тешится моим.

К МУЗАМ

На склонах Иды затененных,
В чертогах, что Восток воздвиг,—
В покоях, солнцем напоенных,
Где песнопений смолк язык,

Вы обретаетесь, богини,
Иль в небесах, среди миров?
Иль в тех слоях, где воздух синий
Рождает музыку ветро́в?

Или под лоном вод зеркальных
Вы, девять богоравных дев,
Средь рощ коралла, скал хрустальных,
Сошлись, поэзию презрев?

Как вы могли забыть о чудной
Любви к певцам ушедших лет?
Ослабли струны, звуки скудны,
Нот мало, искренности нет!

КОРОЛЬ ГВИН

Баллада

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народов северной земли
Был грозный властелин,

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старалась отобрать.

«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля.
Пускай покинет трон!»

Проснулся Го́рдред между скал,
Тирана лютый враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон, как волчий вой.
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит подъемлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем,
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозовые облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед.—
Смотрите, Гордред-исполин
Навстречу нам идет!..

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе.

Настало время — и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля —
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гордред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

СТИХИ
ИЗ «ОСТРОВА НА ЛУНЕ»

* * *

Быть иль не быть, вот в чем
Вопрос, таким сычом,
Как сэр Ѝсаак Ньютоп?
Как доктор Соут? Как Локк?
Как враль и демагог?
— Но мне милее Са́ттон!

Построил Саттон дом
Болезнью и трудом
Измученным созданьям,
Поэтому воздам
Его благим трудам,
Его святым стараньям.

Плюя на пустомель,
Он вывернул кошель,
Решив не поскупиться,
Чтоб дружная артель
В жарищу и в метель
Знай строила больницу.

Там — тридцать шесть палат,
А окон там — трикрат;
Но все еще звенело
В его казне — и вот
Отвод для нечистот
Он воздвигает смело!

Что ж, разве он не мил?
И разве не затмил
Вас, сэр Исаак Ньютон,
Вас, доктор Соут, вас, Локк,
Вас, враль и демагог,—
Благотворитель Саттон?

* * *

Предоставь меня печали!
Я, истаяв, не умру.
Стану духом я — и только! —
Хоть мне плоть и по нутру.

Без дорог блуждая, кто-то
Здесь, в лесах, повитых тьмой,
Тень мою приметит ночью
И услышит голос мой.

ПЕСНИ НЕВИННОСТИ И ОПЫТА, ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ДВА ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

ПЕСНИ НЕВИННОСТИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой! —
Молвил мальчик и поник
Белокурой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик, наконец,
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял воды из родника
И землею замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

СОН

Сон узор сплетает свой
У меня над головой.
Вижу: в травах меж сетей
Заблудился муравей.

Грустен, робок, одинок,
Обхватил он стебелек.
И, тревожась и скорбя,
Говорил он про себя:

— Мураши мои одни.
Дома ждут меня они.
Поглядят во мрак ночной
И в слезах бегут домой!

Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светляка.
— Чей,— спросил он,— тяжкий стон
Нарушает летний сон?

Выслан я с огнем вперед.
Жук за мной летит в обход.
Следуй до дому за ним —
Будешь цел и невредим!

ЗАБЛУДШАЯ ДОЧЬ

Днесь провижу я:
Сон стряхнет земля
(В глубине души
Это запиши),

Чтобы наконец
Найден был Творец
И в пустыне сад
После всех утрат.

В дальней той стране,
Где нет конца весне,
Девочка лежит
Лет семи на вид.

Лика долго шла.
Птицам нет числа.
Голоса в глуши
Дивно хороши.

«Слышу в тишине:
Плачут обо мне
И отец и мать.
Как мне задремать?

Наступила ночь.
В пустыне ваша дочь.
Разве можно спать,
Если плачет мать?

Лике не до сна,
Если мать грустна.
Если дремлет мать,
Можно мне поспать.

Сумрачная ночь!
Лике спать невмочь.
Глядя на луну,
Я глаза сомкну».

К ней приходит сон,
И со всех сторон
Собралось над ней
Множество зверей.

Старый пляшет лев,
Лику разглядев.
Лес ликует весь:
Место свято здесь.

И вокруг нее
Кроткое зверье,
Так что лев-старик
Перед ней поник.

Он лизал ее,
Он лобзал ее.
Алая слеза
Зверю жжет глаза.

В умиленье лев.
Девочку раздев,
Львица в темный грот
Спящую берет.

ОБРЕТЕННАЯ ДОЧЬ

И отец и мать
Вышли дочь искать.
В долах ни души.
Рыдания в глуши.

Ищут наугад,
Плачут и кричат.
Семь печальных дней
Они в разлуке с ней.

Семь ночей подряд
Во тьме пустынной спят.
В тех местах глухих
Сон морочит их.

Будто слабый крик
В душу к ним проник.
Лика голодна,
Измучена, бледна.

Истомилась мать
И не в силах встать.
Муж помог жене
В безлюдной той стране.

Немощную нес,
Ослабев от слез,
Шел едва-едва.
Вдруг он видит льва.

Гривой лев трясет.
Слабых кто спасет?
Перед грозным львом
Падают ничком.

Зверь обнюхал их
И, вздохнув, притих.
Нет, не растерзал,—
Руки облизал.

Подняли глаза.
Минула гроза.
Дух глазам предстал,
Золотом блистал.

В золотой броне,
Словно весь в огне.
Волосы до плеч.
Царственная речь:

— Следуйте за мной
В мой чертог земной.
Лика ваша в нем
Спит глубоким сном.

В заповедный грот
Видение ведет.
Спать среди зверей
Девочке теплей.

Там живут они
До сих пор одни,
Не страшась волков
И свирепых львов.

АГНЕЦ

Агнец, агнец белый!
Как ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,
Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?
Кто он, агнец милый?
Кто он, агнец милый?

Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.
Ты — ягненок, я — дитя.
Он такой, как ты и я.
Агнец, агнец милый,
Бог тебя помилуй!

ЦВЕТОК

Стриж! Цветы прозрели.
Видит нас цветок.
Так лети же
Ты, стрела без цели,
К тесной колыбели,
К сердцу ближе.

Милая касатка!
Слышит нас цветок.
Так лети же
Плакать сладко-сладко,
Милая касатка,
К сердцу ближе.

СМЕЮЩЕЕСЯ ЭХО

Солнце взошло,
И в мире светло.
Чист небосвод.
Звон с вышины
Славит приход
Новой весны.
В чаще лесной
Радостный гам
Вторит весной
Колоколам.
А мы, детвора,
Чуть свет на ногах.
Играем с утра
На вешних лугах,
И вторит нам эхо
Раскатами смеха.

Вот дедушка Джон.
Смеется и он.
Сидит он под дубом
Со старым народом,
Таким же беззубым
И седобородым.

Натешившись нашей
Веселой игрой,
Седые папаши
Бормочут порой:
— Кажись, не вчера ли
На этом лугу
Мы тоже играли,
Смеясь на бегу,
И взрывами смеха
Нам вторило эхо!

А после заката
Пора по домам.
Теснятся ребята
Вокруг своих мам.
Так в сумерках вешних
Скворчата в скворечнях,

Готовясь ко сну,
Хранят тишину.

Ни крика, ни смеха
Впотьмах на лугу.
Устало и эхо.
Молчит, ни гугу.

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБЬЮ

Добро, Смиренье, Мир, Любовь —
Вот перечень щедрот,
Которых каждый человек,
Моля и плача, ждет.

Добро, Смиренье, Мир, Любовь
Познал в себе Творец,
Добро, Смиренье, Мир, Любовь
Вложил в детей Отец.

Ведь сердце бьется у Добра,
И чист Смиренья взгляд,
Как богочеловек — Любовь,
И Мир — ее наряд.

Любой из нас, в любой стране,
Зовет, явясь на свет,
Добро, Смиренье, Мир, Любовь —
Иной молитвы нет.

И нехристь требует любви —
Язычник, Мавр или Еврей.—
Где — Мир, Смиренье и Любовь,
Там и Господь — добрей.

МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Был я крошкой, когда умерла моя мать.
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я невзгоды терплю,
Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю.

Стригли давеча кудри у нас новичку,
Белокурую живо обстригли башку.
Я сказал ему: — Полно! Не трать своих слез.
Сажа, братец, не любит курчавых волос!

Том забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто мы, трубочисты — Дик, Чарли и Джим,—
В черных гробиках тесных, свернувшись, лежим.

Но явился к нам ангел,— рассказывал Том,—
Наши гробики отпер блестящим ключом,
И стремглав по лугам мы помчались к реке,
Смыли сажу и грелись в горячем песке.

Нагишом, налегке, без тяжелых мешков,
Мы взобрались, смеясь, на гряду облаков.
И смеющийся ангел сказал ему: «Том,
Будь хорошим — и бог тебе будет отцом!»

В это утро мы шли на работу впотьмах,
Каждый с черным мешком и метлою в руках.
Утро было холодным, но Том не продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится тревог.

ДИТЯ-РАДОСТЬ

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.

— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней,—
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость мою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

ПАСТУХ

Как завиден удел твой, пастух.
Ты встаешь, когда солнце встает,
Гонишь кроткое стадо на луг,
И свирель твоя славу поет.

Зов ягнят, матерей их ответ
Летним утром ласкают твой слух.
Стадо знает: опасности нет,
Ибо с ним его чуткий пастух.

НОЧЬ

Заходит солнце, и звезда
Сияет в вышине.
Не слышно песен из гнезда.
Пора уснуть и мне.
Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему.

Прощайте, рощи и поля,
Невинных стад приют.
Сейчас, травы не шевеля,
Там ангелы идут
И льют благословенье
На каждое растенье,
На почку, спящую пока,
И чашу каждого цветка.

Они хранят покой гнезда,
Где спят птенцы весной,
И охраняют от вреда
Зверей в глуши лесной.
И если по дороге
Услышат шум тревоги,
Печальный вздох иль тяжкий стон,
Они несут страдальцам сон.

А если волк иль мощный лев
Встречается в пути,
Они спешат унять их гнев
Иль жертву их спасти.
Но если зверь к мольбам их глух,
Невинной жертвы кроткий дух
Уносят ангелы с собой
В другое время, в мир другой.

И там из красных львиных глаз
Прольются капли слез,
И будет охранять он вас,
Стада овец и коз,
И скажет: — Гнев — любовью,
А немощи — здоровьем
Рассеяны, как тень,
В бессмертный этот день.

Теперь, ягненок, я могу
С тобою рядом лечь,
Пастись с тобою на лугу
И твой покой беречь.
Живой водой омылся я,
И грива пышная моя,
Что всем живым внушала страх,
Сияет золотом в лучах.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сон, сон, осени
Мое дитя в ночной тени.
Сны, сны, свет луны!
В тишине ручьи слышны.

Сон, сон пуховой!
Мил младенцу венчик твой.
Сон, сон, херувим
Над сокровищем моим.

Улыбнись, улыбнись,
Счастья моего коснись!
Я сама улыбнусь,
В сумрак нежный окунусь.

Вздох, вздох, голубок!
Сон младенческий глубок.
Я вздохну, улыбнусь,
Ни на миг не отвернусь.

Спи, спи в тишине!
Улыбнулся мир во сне.
Сладко спать, сладко спать!
Над тобою плачет мать.

Я в тебе что ни миг
Божий созерцаю лик.
И в Своем детском сне
Создатель плакал обо мне.

Обо мне, о тебе,
О человеческой судьбе.
Бог младенческих сердец,
Улыбается Творец.

Мне, земле, небесам.
Тот, кто стал младенцем Сам,
Улыбается с тобой,
Миру даровав покой.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

— Где ты, отец мой? Тебя я не вижу,
Трудно быстрей мне идти.
Да говори же со мной, говори же,
Или собьюсь я с пути!

Долго он звал, но отец был далеко.
Сумрак был страшен и пуст.
Ноги тонули в тине глубокой,
Пар вылетал из уст.

МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

Маленький мальчик, устало бредущий
Вслед за болотным огнем,
Звать перестал. Но отец вездесущий
Был неотлучно при нем.

Мальчика взял он и краткой дорогой,
В сумраке ярко светя,
Вывел туда, где с тоской и тревогоїй
Мать ожидала дитя.

НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Когда детвора резвится с утра,
На холмы поднимаясь бегом,
Спокойно мне в моей тишине,
И все спокойно кругом.

«Домой, детвора, теперь нам пора.
На закате роса холодна.
Пора, детвора! Домой до утра!
Гулять нам нельзя дотемна».

«Нет, еще не пора! И в разгаре игра,
И солнце еще не зашло.
В небе множество птах, и стада на холмах,
И по-прежнему в мире светло!»

«Хорошо, детвора, правда, спать вам пора,
Не померк еще радостный свет!»
От холма до холма крики, смех, кутерьма,
Так что эхо смеется в ответ.

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

По городу проходят ребята по два в ряд,
В зеленый, красный, голубой одетые наряд.
Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.

Какое множество детей — твоих цветов, столица.
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум, невинный гул ягнят.
Ладони сложены у всех, и голоса звенят.

Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных.
Внизу их пастыри сидят, заступники сирот.
Лелейте жалость — и от вас ваш ангел не уйдет.

О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

Разве ближних вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?

Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из вас не тронет,
Если сын ваш тяжко стонет?

И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, птенец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки

И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кроватки,
Где ребенок в лихорадке?

Не сидеть с ним день и ночь,
Не давая изнемочь?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

ВЕСНА

Пойте, флейты!
Ветер, вей ты!
Долгожданны
Караваны,
Прилетайте,
Начинайте
Новоселье
И веселье!
Весело, весело, весело весной!

Пляшут дети,
Заприметя,
Что весною —
Все иное;
Если кочет
Захохочет,
Не перечат —
Кукаречат!
Весело,весело, весело весной!

И ягненок,
Как ребенок,
Хоть острижен —
Не обижен:
Смотрит с лаской,—
Не с опаской,—
Лижет в губы...
Ах, голуба!
Весело, весело, весело весной!

ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубит в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться любо мне.

Но днем сидеть за книжкой в школе —
Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги-школьники сидят.

С травой и птицами в разлуке
За часом час я провожу.
Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.

Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.

Отец и мать! Коль ветви сада
Ненастным днем обнажены
И шелестящего наряда
Чуть распустившейся весны
Дыханьем бури лишены,—

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листве румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год,
Когда зима опять дохнет?

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,

И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузнечик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» — звонкий смех девиц,

А в тени ветвей стол накрыт для всех
И, смеясь, трещит меж зубов орех,—
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»

ЧЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

Мне жизнь в пустыне мать моя дала,
И черен я — одна душа бела.
Английский мальчик светел, словно день,
А я черней, чем темной ночи тень.

Учила мать под деревом меня
И, прерывая ласками урок,
В сиянье раннем пламенного дня
Мне говорила, глядя на восток.

— Взгляни на Солнце,— там господь живет,
Он озаряет мир своим огнем.
Траве, зверям и людям он дает
Блаженство утром и отраду днем.

Мы посланы сюда, чтоб глаз привык
К лучам любви, к сиянию небес.
И это тельце, этот черный лик —
Ведь только тучка иль тенистый лес.

Когда глазам не страшен будет день,
Растает тучка. Скажет он: «Пора!
Покиньте, дети, лиственную сень,
Резвитесь здесь, у моего шатра!»

Так говорила часто мать моя.
Английский мальчик, слушай: если ты
Из белой тучки выпорхнешь, а я
Освобожусь от этой черноты,—

Я заслоню тебя от зноя дня
И буду гладить золотую прядь,
Когда, головку светлую клоня,
В тени шатра ты будешь отдыхать.

ГОЛОС ДРЕВНЕГО БАРДА

Придите, молодые!
Уже заря зажглась,
И правда родилась.
Скрылись тени вековые,
Мудрствования пустые.
Лабиринтом вырос бред.
От корней проходу нет.
Многие споткнулись там,
Блуждая по костям во мраке до зари.
Плетутся с горем пополам,
Себя вождями мнят, а им самим нужны поводыри.

ПЕСНИ ОПЫТА

ВСТУПЛЕНИЕ

Слушайте голос певца!
Песня его разбудит
Ваши сердца
Словом Творца —
Слово было, и есть, и будет:

Грешных — оно позовет
Грустной ночной порою
И небосвод
Перевернет
Солнечной стороною!

«Очнись ото сна, Земля!
Траву разбуди ночную!
Пусты поля,
Пути, пыля,
Бросаются врассыпную.

Не засыпай вовек!
Мраком ночным одеты,
Море и брег,
Звездный ковчег —
Будут твои до света».

ОТВЕТ ЗЕМЛИ

Но тяжело во мрак
Смотрит Земля слепая.
Свет иссяк!
Камень и прах!
И голова — седая.

«Море меня теснит.
Звезды завидуют мне.
Страшен на вид
Тот, кто молчит
В цепенеющей тишине.

Страшный Отец людей!
Зависть, злоба и страх —
Звенья цепей,
Во мраке ночей
Бряцающих на сердцах.

Ночь — это царство мук.
Вянут во тьме цветы,
Вязнет плуг,
Казнит недуг,
Обманывают мечты.

Хлада — не побороть
Жару моих могил.
Страшный Господь!
Душу и плоть,
Радость и рабство ты слил».

КОМ ЗЕМЛИ И КАМЕНЬ

«Любовь — прекрасный сочный плод
Из безкорыстья красоты,
Она дарует и дает,
С ней рай в аду обрящешь ты!»

Так пел беспечный Ком Земли.
Вдруг — Лошадь. И копытом — трах!
И Камень, притаясь в пыли,
Передразнил в таких стихах:

«Любовь — ужасный склочный крот
В своекорыстье суеты,
Она ворует и крадет,
С ней ад в раю получишь ты!»

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

Чем этот день весенний свят,
Когда цветущая страна
Худых, оборванных ребят,
Живущих впроголодь, полна?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
Здесь царит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы,—
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧИСТ

Малыш чумазый в пургу, в мороз,
На гребне крыши ослеп от слез.
— Куда ушли вы, отец и мать?
— Молиться богу, спасенья ждать.

— Не унывал я при свете дня,
Лишь хохотал я в пургу, в мороз.
Одели саван вы на меня
На гребне крыши, в юдоли слез.

Пою, пляшу я, спустившись вниз,
Чтоб вы не знали, как там метет,
И вы пред Богом простерлись ниц,
А он — из слез — сделал небосвод.

НЯНЮШКИНА ПЕСНЯ

Когда детвора резвится с утра
И слышится шепот в тени,
Как больно мне вспоминать в тишине
Мои минувшие дни!

Пора возвращаться домой, детвора!
На закате роса холодна.
Затянулась игра, и узнать вам пора,
Как зима ледяная темна.

БОЛЬНАЯ РОЗА

О роза, ты больна!
Во мраке ночи бурной,
Разведал червь тайник
Любви твоей пурпурной.

И он туда проник,
Незримый, ненасытный,
И жизнь твою сгубил
Своей любовью скрытной.

МУХА

Бедняжка-муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила,
И жизнь, и свет,
И там могила,
Где мысли нет,—

Так пусть умру я
Или живу,—
Счастливой мухой
Себя зову.

АНГЕЛ

Мне снился сон — престранный сон!
Безмужней я взошла на трон,
Лишь кроткий ангел был со мной
При свете дня и в час ночной.

И я рыдала день и ночь,
А он старался мне помочь,
И я рыдала день и ночь,
Гнала его: — Поди ты прочь!

Он улетел, заступник мой,
Мне стало страшно жить одной,
И злая гвардия моя
Несла мой страх во все края.

Вернется скоро ангел мой,
Да злая гвардия со мной,
Да годы юности прошли,
Да слишком долго он вдали.

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи,
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

Что за горн пред ним пылал?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной,—
Улыбнулся ль наконец
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила,
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Чьей бессмертною рукой
Создан грозный образ твой?

МОЯ МИЛАЯ РОЗА

Однажды, гуляя по саду,
Чудесный цветок я нашел,
Но молвил: — Тебя мне не надо.
Ждет Роза.— И мимо прошел.

И к Розе своей зашагал я —
Влюблен и доверчив был я.—
Но злобой меня повстречала,
Ощерив шипов острия.

АХ! ПОДСОЛНУХ!..

Ах! подсолнух! утомленно
Тянешь голову свою,
Глаз не сводишь с небосклона
В нашем северном краю,—

А на юге сей унылый
Мир становится другим.
Тени выйдут из могилы —
Светлый путь укажешь им.

ЛИЛИЯ

Норовит кольнуть роза прямо в грудь!
Нынче и овечка норовит боднуть!
Хорошо с тобой, лилия, с одной —
Нежной и не жадной, кроткой и простой.

САД ЛЮБВИ

Я увидел в Саду Любви,
На зеленой лужайке,— там,
Где, бывало, резвился я,—
Посредине стоящий Храм.

Я увидел затворы его,
«Ты не должен!» — прочел на вратах.
И взглянул я на Сад Любви,
Что всегда утопал в цветах.

Но, вместо душистых цветов,
Мне предстали надгробья, ограды
И священники в черном, вязавшие тёрном
Желанья мои и отрады.

МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в раю.

Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

ЛОНДОН

По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань, и женский стон,
И плач испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Законом созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердья люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.

Покой и мир хранит взаимный страх.
И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.

Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловещей сенью
Ростки пускает кроткое смиренье.

Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий все живое,
Питается таинственной листвою.

Оно приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.
И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.

Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать доныне не могли:
Оно растет в мозгу у человека.

ДИТЯ-ГОРЕ

Мать вопит! Отец молчит...
В страшный мир мне путь открыт.
Тварь дрожащая, нагая —
С омерзеньем родился я.

Как из тучи — дьяволенок,
Плача, рвусь я из пеленок
И отца луплю, пока
Жду — невкусного — соска.

ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел —
Гнев излил я, гнев прошел.
Враг обиду мне нанес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я таил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

Рос он ночью, рос он днем.
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Темной ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.

Я не могу любить сильней
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».

Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.

Потом, взобравшись на амвон,
Сказал священник: — Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!

И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре — другим на страх —
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

ПРОПАЩАЯ ДЕВОЧКА

Дети будущих веков!
Из конфузливых стихов
Вы узнаете о том,
Что Любовь — Любовь! — звалась грехом.

В веке золотом
Ясным летним днем
Всякий, свету рад,
Сбросит свой наряд —
И душой и телом чист и млад.

Парочка одна —
В наши времена —
Спряталась в кусты,
Чтоб средь темноты
Ясным днем ночные рвать цветы.

Нежась, разлеглись.
Играм предались.
Трепетны сердца.
Нет вблизи отца.
И свой страх забыли до конца.

Заполдень, устав,
Встали с мягких трав,
Порешив вдвоем
Темным вечерком
Снова повстречаться под кустом.

Но к отцу, бледна,
Подошла она,

И отцовский взгляд,
Как разверстый ад,
Заронил ей в сердце смертный хлад.

«Дочь! Где ты была?»
И стоит, бела,
Мучима стыдом,
Пред своим отцом,
Сразу ставшим дряхлым стариком.

К ТИРЗЕ

Рожденный матерью земной
Опять смешается с землей;
Во прах рассыплются тела.
Зачем ты сына родила?

Любовь свела мужей и жен,
Но каждый будет погребен;
Спасенье смерть назвало — сном:
И мы, отмучившись, уснем.

Ты, мать моих сочтенных дней,
Страшна жестокостью своей
И лицемерьем сладких слез —
В них, как в тумане, я возрос,

Сквозь них — смотреть на мир привык,
Покрылся тиной мой язык.
Смерть Божья — смерть превозмогла,—
Зачем ты сына родила?

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

Сердце людское — в груди Бессердечья;
Зависть имеет лицо человечье;
Ужас родится с людскою статью;
Тайна рядится в людское платье.

Платье людское подобно железу,
Стать человечья — пламени горна,
Лик человечий — запечатанной печи,
А сердце людское — что голодное горло!

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1793)

* * *

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя
Завладел любимой.

ЗОЛОТАЯ ЧАСОВНЯ

Перед часовней, у ворот,
Куда никто войти не мог,
В тоске, в мольбе стоял народ,
Роняя слезы на порог.

Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,
И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.

Вот он ползет во всю длину
По малахиту, янтарю,
Вот, поднимаясь в вышину,
Стал подбираться к алтарю.

Разинув свой тлетворный зев,
Вино и хлеб обрызгал змей...
Тогда пошел я в грязный хлев
И лег там спать среди свиней!

Я СЛЫШАЛ АНГЕЛА ПЕНЬЕ

Я слышал ангела пенье,
А день стоял — загляденье:
«Жалость, Согласье, Благость
Превозмогут любую тягость!»

Он пел, исполняя свой долг,
Над скошенным сеном — и смолк
После заката, когда
Бурой казалась скирда.

Над дроком и вереском, братья,
Я дьявола слышал заклятья:
«Толк о Благости вреден,
Коль скоро никто не беден.

Кто счастлив, как наше сословье,
Тем Жалость — одно пустословье!»
От заклятья солнце зашло,
Небес помрачнело чело,

И ливень хлынул с неба
На копны сжатого хлеба.
Пришла нищета в одночасье,
С ней — Благость, Жалость, Согласье.

СТРАШИЛСЯ Я...

Страшился я: мой вихрь убьет
Прекрасный и невинный цвет.
Но солнце с неба льет и льет
Поток лучей, а ветра нет.

Когда настал цветенья час,
Лишь пустоцвет густой-густой
Все рос да рос и тешил глаз
Бесплодной, лживой красотой.

О ЧИБИС! ТЫ ВИДИШЬ ВНИЗУ ПУСТОПОЛЬЕ

О чибис! Ты видишь внизу пустополье.
Тенета развешаны там на приволье.
Ты мог бы над спеющей нивой носиться:
Сетей не раскинут, где хлеб колосится!

НИЧЬЕМУ ПАПЕ

Отец придирчивый! Зачем
Ты в облаках, высóко,
Скрываешься, незрим и нем,
От ищущего ока?

Зачем твой сумрачный закон,
Язык твой темный, полный гнева,
Нам повелят вкушать плоды
Не с древа,— у змеи из зева?

Ужели оттого, что к тайности
Отзывчив женский пол до крайности?

ПЕСНЯ ДИКОГО ЦВЕТКА

Меж листьев зеленых
Ранней весной
Пел свою песню
Цветик лесной:

«Как сладко я спал
В темноте, в тишине,
О смутных тревогах
Шептал в полусне.

Раскрылся я, светел,
Пред самою зорькой,
Но свет меня встретил
Обидою горькой».

МЯГКИЙ СНЕГ

Бродил я однажды по зимним тропинкам.
— Со мной поиграйте! — сказал я снежинкам.
Играли — и таяли... Их поведенью
Зима ужасалась, как грехопаденью.

* * *

Разрушьте своды церкви мрачной
И катафалк постели брачной
И смойте кровь убитых братьев —
И будет снято с вас проклятье.

ПРОРОЧЕСТВО МЕРЛИНА

Деревья зимой зацветут, взойдут из-под снега посевы,
Когда повстречаются две целомудренных девы.
Но сперва короля и попа стреножьте веревкой единой,
Чтобы встретилась дева невинная с девой невинной.

ДЕНЬ

Восходит солнце на востоке.
Кровь, злато — вот его наряд!
Вокруг вскипает гнев жестокий.
Мечи и копья там горят.
Венец его и знаки царской власти —
Огни войны, воинственные страсти.

МЕЧ И СЕРП

Меч — о смерти в ратном поле,
Серп о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

* * *

Пламень волос и румяную плоть
Песком Воздержанье заносит.
Утоленных желаний цветущая ветвь
На сыпучем песке плодоносит.

* * *

Схватив за вихор прежде времени случай,
Заплачешь слезами раскаянья.
Но, миг проморгав подходящий,— не мучай
Себя: нет причин для отчаянья.

ЛЕТУЧАЯ РАДОСТЬ

Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.

На лету целуй ее —
Утро вечности твое!

ВОПРОС И ОТВЕТ

Расскажите-ка мне, что вы видите, дети?
— Дурака, что попался религии в сети.

БОГАТСТВО

Веселых умов золотые крупинки,
Рубины и жемчуг сердец
Бездельник не сбудет с прилавка на рынке,
Не спрячет в подвалы скупец.

РАЗГОВОР ДУХОВНОГО ОТЦА С ПРИХОЖАНИНОМ

— Мой сын, смирению учитесь у овец!..
— Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!

* * *

Леность и обман блаженный —
Красоты наряд бесценный.

ИСКАТЕЛЬНИЦЕ УСПЕХА

Вся ее жизнь эпиграммой была,
Тонкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловли сердец без числа
Посредством петли скользящей.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1800—1803)

ПРИЗРАК И ЭМАНАЦИЯ

1

Мой Призрак день и ночь теперь
Следит за мной, как хищный зверь,
А Эманация — мой грех
Оплакивает горше всех.

2

В бездонной глубине, в бескрайней,
Дивимся втайне, плачем втайне.
Под вихрем, воющим в алчбе,
Крадется Призрак мой к тебе —

3

Узнать, обнюхивая снег,
Куда направишь ты свой бег.
Сквозь частый дождь и зимний град,
Когда воротишься назад?

4

В гордыне, ты затмила бурей
Блеск утренней моей лазури.
Ночь,— с ревностью и неприязнью,—
Слезами кормишь и боязнью.

5

Семь раз любовь мою сразил
Твой нож, семь мраморных могил
Я воздвигал, с холодным страхом,
И хмуро слезы лил над прахом.

6

И семь еще осталось милых:
Они рыдают на могилах.
И семь любимых, не тревожа
Мой сон, жгут факелы у ложа.

7

Мне семь возлюбленных, в постели,
На скорбный лоб венок надели
Из виноградных лоз и, в жалости,
Прощают все грехи — до малости!

8

Когда, сменив на милость гнев,
Вернешься — оживить семь дев?
Ответь, когда вернешься ты
Для всепрощенья и доброты?

9

«Не вернусь,— не жди и ведай:
Я горю одной победой!
Живой,— мне быть твоею милой,
А мертвой,— быть твоей могилой!

10

Сквозь небо, землю, рай и ад
Помчусь вдогон — мне нет преград!
Дни и ночи напролет
Длиться будет мой полет».

11

Мой долг — избавиться от власти
Геенской рощи, женской страсти,
Затем, чтоб Вечности порог
Достойно преступить я мог.

12

Не дам тебе насмешки множить!
Тебя я должен уничтожить
И, сотворив другую стать,
Слугу судьбы моей создать.

13

Покончим оба, по условью,
С геенской рощей и с любовью
И у́зрим, вне ее игры,
Блаженной Вечности миры.

14

Нам жить — в прощенье обоюдном.
Не так ли в поученье чудном
Спасителем изречено?
Се хлеб,— сказал он,— се вино.

О ДЕВСТВЕННОСТИ ДЕВЫ МАРИИ И ДЖОАННЫ САУСКОТТ

Содеяли с нею добро или зло?
Не знает сама; безмятежно чело.
И некому это поставить в укор:
Ничья тут заслуга, ничей тут позор.

* * *

Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!
Бушуй, бумажная гроза!
Вернется по́ ветру песок,
Что нам швыряете в глаза.

Песчинка каждая — алмаз,
Когда в ней блещет луч небес...
Насмешники! для ваших глаз
Несть в нашей Библии чудес!

Придумал атом Демокрит,
Ньютон разъял на части свет...
Песчаный смерч Науки спит,
Когда мы слушаем Завет.

У Т Р О

Ища тропинки на Закат,
Пространством тесным Гневных Врат
Я бодро прохожу.
И жалость кроткая меня
Ведет, в раскаянье стеня.
Я проблеск дня слежу.

Мечей и копий гаснет бой
Рассветной раннею порой,
Залит слезами, как росой.
И солнце, в радостных слезах,
Преодолев свой тяжкий страх,
Сияет ярко в небесах.

ИЗ ПИСЬМА К БАТТСУ

ГРОЗНЫЙ ЛОС

(Сочинено по пути из Фелфама в Лавант)

С холмами, что мирной дышали красой,
И с облаком, пахнущим свежей росой,
С крылами, застлавшими синь без предела,
И солнцем, что в небе всходило и пело,
С лесами, лугами, с травой непримятой,
Где водятся эльфы, шалят бесенята,
Со строками Хейли — (их отзвук возник,
И сердца толчки ощутил мой язык),—
И с ангелами, что расселись по кущам
Боярышника, и — самим Всемогущим,
И с ангельскою среброкрылою ратью,
И демонов златосиянною статью,
Я мир увидал, где под небом покатым
Отец мой парил вместе с Робертом, братом.
Там был и брат мой злотворный, Джон.
Из черной тучи звучал его стон.
(Они, мертвецы, пересе́кли мне путь,
Не глядя на гнев, распиравший мне грудь.
Молили они, утопая в слезах,
С надеждой в глазах и со страхом в глазах.)
Нахлынули скорбные ангелы с тыла —
Спровадить их, но не тут-то было.
«Останься!» — услышал я сумрачный вздох,
И путь заступает мне Чертополох.

Но что для другого — безделица, малость,—
Во мне пробуждает восторг или жалость,
Поскольку мне зренье двойное дано,
И везде, и повсюду со мною оно.
Видит внутренний глаз мой — седым стариком
То, что внешний считает простым сорняком.
«Назад повернешь — и наплачешься тут
Вот эти кусты — Энитха́рмон приют:
А там — Теото́рмоном будешь врасплох
Застигнут»,— стращал меня Чертополох.
«Лос Грозный в этом клялся стократно,
В надежде, что ты повернешь обратно.
Со старостью, бедностью, страхом — в итоге,
Жену твою ждут погребальные дроги.
Что́ Фюзели дал (утес да пещеру —
И только!) — даст Баттс по его примеру».
Ногой ударил я Чертополох,
И сшиб его с корня, чтоб куст засох.
«Долг — с долгом воюет, куда ни глянь,
Иль радости наши — навоз и дрянь?
Да разве мой Баттс дорогой — в небреженье,
Коль скоро я Хейли воздал уваженье?
И должен ли Флексман посматривать волком,
А друзья — сомневаться во мне тихомолком?
Жене ль моей жить у золовки в плену,
Иль сестре — согнать со свету жену?
Ужасен Лос и его заклятье!
Я чувствую трепет и сердца сжатье».
Изрёк — и ударил я, в гневе, в тревоге,
Того, кто лежал поперек дороги.
Из пламени солнца, что ввысь поднялось,
Могущества полон, явился мне Лос.
Он внешнему глазу — солнцем утренним
Казался, но Лоса увидел я — внутренним.
«Работают руки мои день-деньской,
Но обходят меня и досуг и покой.
Жене моей льгот никаких не видать!
Разве только с небес упадет благодать.
Мало хлеба и пива у нас на столе.
Не взошло наше счастье на этой земле.
Питаешь не ты нашей жизни ре́ки!
Лучи твои нас не согреют вовеки.
Ни времени мне, ни пространства отмерить
Не можешь — спешу тебя в этом заверить.

Мой ум — не твоим сияньем украшен!
Мне облик пугающий твой не страшен».
Когда разразился я вызовом гневным,
Дрожь овладела светилом полдневным,
А луна, в отдалении тлевшая, сразу,
Как снег побелев, получила проказу.
На душу людскую накинулись вдруг
И горе, и голод, и скорбь, и недуг.
На пути моем Лос пламенеет яро,
И солнце вовсю накалилось от жара,
Что стрелы мыслей и разума лук,—
Оружье мое! — излучают вокруг.
Тетива — огниста, колчан мой злат!
Впереди выступают отец мой и брат.
Теперь мне четырехкратное зренье
Доступно в моем наивысшем паренье,
Тройное — Беу́лы сладостной ночью,
Двойное (я в том убедился воочью) —
Всегда! От единого зренья нас, Боже,
Спаси, и от сна Ньютонова тоже!

ИЗ «МАНУСКРИПТА ПИКЕРИНГА»

УЛЫБКА

Вот улыбка любви,
Вот улыбка обмана,
А вот — Улыбка Улыбки
Негаданно и нежданно!

Вот ненависти злоба
И зависти ядовитой,
Вот Злоба за-ради Злобы,
Что вечно живет несытой!

Она заползает в сердце,
Его ободрав, как липку.
Не хочется улыбаться...
Но надо любить улыбку!

Связать колыбель с могилой
Улыбке одной под силу.—
И улыбнется младенец,
А злоба уйдет в могилу!

ЗЛАТАЯ СЕТЬ

Три девы на рассвете дня:
— Зачем седлаешь ты коня?
— Куда спешишь во весь опор?
— Любимый наш! Какой позор!

Одна — вся пламенем горит.
Другая — цепь тоски влачит.
А третья — блещет златом кос
И жемчугом невинных слез.

Трех дев опутывает сеть!
Они желают умереть,
Как рыбки, прыгая в сети..
Такого я не мог снести!

Иль той, что пламенем горит,
Тоски никто не утолит?
Иль той, что блещет златом кос,
Никто не зацелует слез?

И я заплакал... В тот же миг,
Как мой забил, их смолк родник,
Улыбка на устах зажглась,
И Сеть Златая — порвалась!

Но и в обрывках — я погиб.
Я развлекаю бывших рыб —
И сам я пламенем горю,
И сам с тоской на них смотрю,
И слезы лью теперь я сам...
Рассвет! Рассвет! Скорее к нам!

СТРАНСТВИЕ

1

Я странствовал в стране людей,
Я был в краю мужей и жен,
И видел там позор и срам
И слышал стон со всех сторон.

2

Там сущий смех — родить дитя
И мука сущая — зачать;
Так мы, свой плуг в слезах ведя,
Зерно радехоньки собрать.

3

А родилось дитя — его
Спешат к старухе отнести,
И та берется за него,
Как будто хочет извести:

4

Ломает косточки ему,
Дает не соску, а репей,
Несет раздетым в хлад и тьму,
В зной пеленает потеплей,

5

Из жил выдавливает стон,
Жжет грудь горячим утюгом.—
Но с каждым днем все старше он,
Она ж — моложе с каждым днем...

6

И юной девою она
Пред ним, кто мужем стал, встает,
Любви и кротости полна.
И все идет наоборот:

7

Она ему принадлежит,
Все косточки ее хрустят,
И жилка с жилкою дрожит,—
И урожай его богат,

8

Собранный 77 раз.
Но, старец, бросит он ее
И кинет свету напоказ
Все то, что вытряс из нее:

9

Алмазы слез, рубин любви,
Надежды чистый изумруд,
И злато жизни, все в крови,
И жемчуг мучеников тут.—

10

Его еда, его питье,
Его услада и оплот...
Теперь богатство он свое
Кому угодно раздает.

11

Но эта щедрость — всем мерзка.
Все издеваются, дразня
Былым могуществом,— пока
Не выйдет дева из огня.

12

Живой огонь — она сама,
И златом жизни блещет лик.
Стеная и сходя с ума,
Робеет перед ней старик.

13

Она, отважна и дерзка,
Сама идет за женихом,—
И прогоняют старика,
И запираются вдвоем.

14

И дряхлый старец обречен
Продолжить свой постыдный путь,
Пока себе не сыщет он
Подругу в жертвы где-нибудь.

15

И вот нашел... Она — мала
В слепых объятьях ветхих рук,
Но разом — словно расцвела
Страна предательств и разлук.

16

Здесь крики вспугнутых гостей,
Вина и яств смертельный жар,
В нещадном пламени страстей
Земля вращается, как шар,

17

Здесь солнце, звезды и луна,
Миры планет и космос весь
Померкли, стихли. Ночь темна,
И нечего ни пить, ни есть.

18

Но, воскресая, полутруп
Ест, пьет, кусает и сосет
Ее невинных детских губ,
Ее любви душистый мед.

19

Она становится взрослей,
Он молодеет с каждым днем,—
И убегают от людей,
Влекомы страхом и стыдом.

20

Она, как лань, несется прочь,
Ее повсюду ловит он
И истязает день и ночь,
Ее любовью обольщен.

21

Ее любовь — мороз в крови,
А ненависть — душистый мед.
О, дивный Лабиринт Любви,
Где тигр ягненком вопиет!

22

И он младенцем вопиет,
Она кликушей голосит.
Всем любящим придет черед
В пустыне той поставить скит.

23

В пустыне — райские плоды
Качаются на деревах,
Чтоб вы не чуяли беды,
Когда поселитесь в песках.

24

И лишь Младенца увидав,
Расхристанного на земле,
Бегут любовники стремглав,
«Он родился!» — звучит во мгле.

25

Ведь кто возьмет его с земли,—
Отсохнут руки у того;
Сады в пустыне отцвели,
И львы сбежали от него.

26

Лежит Младенец, невредим,
Пока, с недобрым блеском глаз,
Старуха не придет за ним...
И все пойдет, как в прошлый раз.

МЭРИ

Прекрасная Мэри впервые пришла
На праздник меж первых красавиц села.
Нашла она много друзей и подруг,
И вот что о ней говорили вокруг:

«Неужели к нам ангел спустился с небес
Или век золотой в наше время воскрес?
Свет небесных лучей затмевает она.
Приоткроет уста — наступает весна».

Мэри движется тихо в сиянье своей
Красоты, от которой и всем веселей.
И, стыдливо краснея, сама сознает,
Что прекрасное сто́ит любви и забот.

Утром люди проснулись и вспомнили ночь,
И веселье продлить они были не прочь.
Мэри так же беспечно на праздник пришла,
Но друзей она больше в толпе не нашла.

Кто сказал, что прекрасная Мэри горда,
Кто добавил, что Мэри не знает стыда.
Будто ветер сырой налетел и унес
Лепестки распустившихся лилий и роз.

«О, зачем я красивой на свет рождена?
Почему не похожа на всех я одна?
Почему, одарив меня щедрой рукой,
Небеса меня предали злобе людской?

«Будь смиренна, как ангел, как голубь, чиста,—
Таково, мне твердили, ученье Христа.
Если ж зависть рождаешь ты в душах у всех
Красотою своей,— на тебе этот грех!»

Я не буду красивой, сменю свой наряд,
Мой румянец поблекнет, померкнет мой взгляд.
Если ж кто предпочтет меня милой своей,
Я отвергну любовь и пошлю его к ней».

Мэри скромно оделась и вышла чуть свет.
«Сумасшедшая!» — крикнул мальчишка вослед.
Мэри скромный, но чистый надела наряд,
А вернулась забрызгана грязью до пят.

Вся дрожа, опустилась она на кровать,
И всю ночь не могла она слезы унять,
Позабыла про ночь, не заметила дня,
В чуткой памяти злобные взгляды храня.

Лица, полные ярости, злобы слепой
Перед ней проносились, как дьяволов рой.
Ты не видела, Мэри, луча доброты.
Темной злобы не знала одна только ты.

Ты же — образ любви, изнемогшей в слезах,
Нежный образ ребенка, узнавшего страх,
Образ тихой печали, тоски роковой,
Что проводят тебя до доски гробовой.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРТОГ

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Иная Англия была,
Еще неведомая мне,—
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!

Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья — к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.

СЕРЫЙ МОНАХ

1

Мать причитает: — Нам конец!
Замучен в крепости отец.
Ни крошки в доме... Дети, спать! —
Монах садится на кровать.

2

На лбу его — кровавый шрам.
Кровь лужей натекла к ногам.
Как молнией спаленный дуб,
Он полужив и полутруп.

3

Но ни слезы в его очах...
Вздохнувши горестно, монах
Собрался из последних сил
И чуть дыша заговорил:

4

— Когда Господь моей руке
Велел писать о злой тоске,
Он рек: быть этому письму
Проклятьем роду твоему.

5

Был брат мой в крепость заточен.
Его детишек слыша стон,
Я надсмехался над судьбой:
Судьба смеялась над собой.

6

Твой муж был брошен в каземат.
Твой брат собрал своих солдат,
Как честь фамильная велит.
Твой брат безжалостно убит.

7

Бессильна хитрость, хрупок меч,
Бойцов отважных губит сечь,
А торжествует только тот,
Кто молится и слезы льет.

8

Пусть вдов да мучеников плач
С издевкой слушает палач,
Но воинство невинных слез
Ведет в сражение Христос!

9

Так бог велит. А я — отмстил.
Я всех обидчиков убил.
Но слышишь грохот у ворот?
За мной Возмездие грядет!

ИЗ «ПРОРИЦАНИЙ НЕВИННОСТИ»

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Если птица в клетке тесной —
Меркнет в гневе свод небесный.

Ад колеблется, доколе
Стонут голуби в неволе.

Дому жребий безысходный
Предвещает пес голодный.

Конь, упав в изнеможенье,
О кровавом молит мщенье.

Заяц, пулей изувечен,
Мучит душу человечью.

Мальчик жаворонка ранит —
Ангел петь в раю не станет.

Петух бойцовый на дворе
Пугает солнце на заре.

Львиный гнев и волчья злоба
Вызывают тень из гроба.

Лань, бродя на вольной воле,
Нас хранит от скорбной доли.

Путь летучей мыши серой —
Путь души, лишенной веры.

Крик совы в ночных лесах
Выдает безверья страх.

Кто глаз вола наполнил кровью,
Вовек не встретится с любовью.

Злой комар напев свой летний
С каплей яда взял у сплетни.

Гад, шипя из-под пяты,
Брызжет ядом клеветы.

Взгляд художника ревнивый —
Яд пчелы трудолюбивой.

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.

Принца шелк, тряпье бродяги —
Плесень на мешках у скряги.

Радость, скорбь — узора два
В тонких тканях божества.

Можно в скорби проследить
Счастья шелковую нить.

Так всегда велось оно,
Так и быть оно должно.

Радость с грустью пополам
Суждено изведать нам.

Помни это, не забудь —
И пройдешь свой долгий путь.

Дело рук — топор и плуг,
Но рукам не сделать рук.

Каждый знает, что ребенок
Больше, чем набор пеленок.

Та слеза, что наземь канет,
В вечности младенцем станет.

Лай, мычанье, ржанье, вой
Плещут в небо, как прибой.

Ждет возмездья плач детей
Под ударами плетей.

Тряпки нищего в отрепья
Рвут небес великолепье.

Солдат с ружьем наперевес
Пугает мирный свод небес.

Медь бедняка дороже злата,
Которым Африка богата.

Грош, вырванный у земледельца,
Дороже всех земель владельца.

А где грабеж — закон и право,
Распродается вся держава.

Смеющимся над детской верой
Сполна воздастся той же мерой.

Кто в детях пробудил сомненья,
Да будет сам добычей тленья.

Кто веру детскую щадит,
Дыханье смерти победит.

Игрушкам детства — свой черед,
А зрелый опыт — поздний плод.

Лукавый спрашивать горазд,
А сам ответа вам не даст.

Отвечая на сомненье,
Сам теряешь разуменье.

Сильнейший яд — в венке лавровом,
Которым Цезарь коронован.

Литая сталь вооруженья —
Людского рода униженье.

Где золотом чистейшей пробы
Украсят плуг, не станет злобы.

Там, где в почете честный труд,
Искусства мирные цветут.

Сомненьям хитрого советчика
Ответьте стрекотом кузнечика.

Философия хромая
Ухмыляется, не зная,

Как ей с мерой муравьиной
Сочетать полет орлиный.

Не ждите, что поверит вам
Не верящий своим глазам.

Солнце, знай оно сомненья,
Не светило б и мгновенья.

Не грех, коль вас волнуют страсти,
Но худо быть у них во власти.

Для всей страны равно тлетворны
Публичный дом и дом игорный.

Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.

Каждый день на белом свете
Где-нибудь родятся дети.

Кто для радости рожден,
Кто на горе осужден.

Посредством глаза, а не глазом
Смотреть на мир умеет разум,

Потому что смертный глаз
В заблужденье вводит нас.

Бог приходит ярким светом
В души к людям, тьмой одетым.

Кто же к свету дня привык,
Человечий видит лик.

ВИЛЬЯМ БОНД

1

Я удивляюсь, как он мог
Слыть покорителем сердец
И как, уж коли занемог,
Не умер Вилли наконец?

2

Он в церковь утречком идет,
Три феи к парню так и льнут.
— Не тронь их, Вилли. Марш вперед! —
Ангел-хранитель тут как тут.

3

И Вилли Бонд идет домой,
Идет насупясь Вилли Бонд,
Чернее тучи грозовой,
Что застилает горизонт.

4

Приходит он — и плюх в постель!
Чернее тучи он лежит.
Подносят эль — бессилен хмель:
Наш Вилли болен и сердит.

5

Невеста, крошка Мэри Грин,
С сестрицей, крошкой Дженни Гуд,
Отчаялись развеять сплин
И прямо в тучу слезы льют.

6

— О Вилли, если ты влюблен
И хочешь в дом ее ввести,
То будь заранее прощен —
У вас не стану на пути!

7

— Конечно, Мэри, я влюблен.
Моя избранница — как лань,
Я потерял покой и сон,
А на пути — попробуй стань!

8

Ведь ты пуглива и бледна,
Она смелей и горячей.
Ты с нею рядом — как луна
В сиянье солнечных лучей!

9

Бедняжка Мэри, побелев,
Лишилась чувств и пала ниц,
Но Вилли Бонд, рассвирепев,
Ее не поднял с половиц.

10

Когда ж душа ее была
Уже на небе, хладный труп
Лежал все так же у стола,
Где пил любимый женолюб,

11

Где был безумный карнавал,
Где тройка фей вилась вокруг...
Ангел-хранитель убежал,
И Вилли выздоровел вдруг.

12

Любовь, я думал,— солнца свет,
Ан нет — она взойдет луной.
Любовь, я думал,— шум. Ан нет,
Они подруги с тишиной.

Ищи любовь в больных слезах,
За счастье пролитых твое,
Во тьме ищи ее, в снегах,
Где горе — там ищи ее!

ДЛИННЫЙ ДЖОН БРАУН И МАЛЮТКА МЭРИ БЭЛЛ

Была в орехе фея у крошки Мэри Бэлл,
А у верзилы Джона в печенках черт сидел.
Любил малютку Мэри верзила больше всех,
И заманила фея дьявола в орех.

Вот выпрыгнула фея и спряталась в орех.
Смеясь, она сказала: «Любовь — великий грех!»
Обиделся на фею в нее влюбленный бес,
И вот к верзиле Джону в похлебку он залез.

Попал к нему в печенки и начал портить кровь.
Верзила ест за семерых, чтобы прогнать любовь,
Но тает он, как свечка, худеет с каждым днем
С тех пор, как поселился голодный дьявол в нем.

«Должно быть,— люди говорят,— в него забрался волк!»
Другие дьявола винят, и в этом есть свой толк.
А фея пляшет и поет — так дьявол ей смешон.
И доплясалась до того, что умер длинный Джон.

Тогда плясунья-фея покинула орех.
С тех пор малютка Мэри не ведает утех.
Ее пустым орехом сам дьявол завладел.
И вот с протухшей скорлупой осталась Мэри Бэлл.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1808—1811)

МОЕМУ ХУЛИТЕЛЮ

Пусть обо мне ты распускаешь ложь,
Я над тобою не глумлюсь тайком.
Пусть сумасшедшим ты меня зовешь,
Тебя зову я только дураком.

* * *

Ни одного врага всеобщий друг, Джон Трот,
Оставить не сумел у Вечности Ворот.
«Друг — редкость!» — мыслили так древние в тревоге.
Теперь друзья стоят всем поперек дороги.

ВИЛЬЯМУ ХЕЙЛИ
О ДРУЖБЕ

Врагов прощает он, но в том беда,
Что не прощал он друга никогда.

ЕМУ ЖЕ

Ты мне нанес, как друг, удар коварный сзади,
Ах, будь моим врагом, хоть дружбы ради!

ЭПИТАФИЯ

Я погребен у городской канавы водосточной,
Чтоб слезы лить могли друзья и днем и еженощно.

* * *

Теперь попробуйте сказать, что я не гениален:
Флексманом я не любим, Хейли — не захвален.

* * *

Чувства и мысли в картине нашедший
Смекнет, что ее написал сумасшедший.
Чем больше дурак — тем острее наитье.
Блажен карандаш, если дурень — в подпитье.
Кто контур не видит — не может его рисовать,
Ни рафаэлить, ни фюзелить, ни блейковать.
За контурный метод вы рады художника съесть.
Но контуры видит безумец и пишет, как есть.

* * *

Всю жизнь любовью пламенной сгорая,
Мечтал я в ад попасть, чтоб отдохнуть от рая.

КУПИДОН

Зачем ты создан, Купидон,
С мальчишескою статью?
Тебе бы девочкою быть,
По моему понятью!

Ты поражаешь цель стрелой,
А девочка — глазами,
И оба счастливы, когда
Зальемся мы слезами.

В затее — мальчиком тебя
Создать, узнал я женщин руку:
Лишь возмужав, постигнешь ты
Глумленья сложную науку.

А до тех пор — несчетных стрел
В тебя вопьются жальца.
Выдергивать их целый век
Из ран — удел страдальца.

* * *

— Что оратору нужно? Хороший язык?
— Нет,— ответил оратор.— Хороший парик!
— А еще? — Не смутился почтенный старик
И ответил: — Опять же хороший парик.
— А еще? — Он задумался только на миг
И воскликнул: — Конечно, хороший парик!

— Что, маэстро, важнее всего в портретисте?
Он ответил: — Особые качества кисти.
— А еще? — Он, палитру старательно чистя,
Повторил: — Разумеется, качество кисти.
— А еще? — Становясь понемногу речистей,
Он воскликнул: — Высокое качество кисти!

БЛЕЙК В ЗАЩИТУ СВОЕГО КАТАЛОГА

Поскольку от прозы моей остались у многих занозы,
Гравюр Бартолоцци нежней, стихи напишу вместо прозы.
Иной без причин заливается краской стыда.
Однако никто в рифмоплетстве не видит вреда.
«Мильтоном создан лишь план!» — Драйден в стихах восклицает,
И всякий дурацкий колпак бубенцами об этом бряцает.
Хогарта Кук обкорнал чистеньким гравированьицем.
С ревом бегут знатоки, восхищаясь его дарованьицем.
Хейли, на мыло взирая, хватил через меру:
«Поп,— закричал он,— придал совершенства Гомеру!»
За нос фальшивых друзей я вожу, говорят, и неплохо
Ополчиться успел, от врагов ожидая подвоха.

Флексман со Стотхардом пряность учуяли нюхом:
«Беда, коль гравёр и художник проникнутся блейковским духом!»
Но я, непокладистый малый, на собственный зонт
Беспечно смотрю снизу вверх и готов на афронт.
В точку, где сходятся спицы, уставив гляделки,
Кричу я: «Лишь автор способен достичь благородства отделки!»
Жертва кроме́ков,— несчастный погиб Скьявонетти:
Петля на шею — мы скажем об этом предмете!
Прошу у друзей извиненья — зачем наобум
Я мысль о грядущей кончине привел им на ум?
Как девушка, над маслобойкой стан склонившая гибкий,
Мутовку другим уступая, с лица не стирайте улыбки,
Не скисайте от слова друга, если оно не хвалебно,
Не забывайте, что масло любому из нас потребно!
Ложным друзьям в досаду, наперекор их фальши,
Истинной дружбы узы крепнуть будут и дальше!

* * *

Творенье дурака по вкусу многим людям.
О нем наверняка мы без волненья судим.
Нас в тупости оно не упрекнет; в отместку,
Как стряпчий — не пришлет судебную повестку.

* * *

Я встал — рассвет на небе рдел.
Беги! Печален твой удел!
Дай испросить у Бога благ.
Беги! Сие Мамона, враг.

Я странной мысль сию почел.
Я мнил — се Господа престол.
И, чтобы Бога восхвалять,
Просил богатство ниспослать.

Духовно, Боже, я богат,
В семье моей любовь и лад.
В друзьях я счастлив, бодр, здоров,
И только нет земных даров.

Я днем и ночью зрю Творца,
Не отвращает Он лица.
Хулитель мой невдалеке,
И мой кошель — в его руке.

Я согрешу — ему Господь
Бросает деньги, чтобы плоть
Мою навечно искупить.
Зачем мне Сатану молить?

Пускай не испрошу я благ,
Бог милостив — подаст и так.
Навек я верный раб его —
Молюсь за брата моего.

— Пади! — промолвил Сатана,—
Одену, зазвенит мошна.
— Се — прах,— я рек,— а посему
Служу лишь Богу одному.

О БЛАГОДАРНОСТИ

От дьявола и от царей земных
Мы получаем знатность и богатство.
И небеса благодарить за них,
По моему сужденью,— святотатство.

ИЗ КНИГИ «ВЕЧНОСУЩЕЕ ЕВАНГЕЛИЕ»

Христос, которого я чту,
Враждебен твоему Христу.

С горбатым носом твой Христос,
А мой, как я, слегка курнос.

Твой — друг всем людям без различья,
А мой слепым читает притчи.

Что ты считаешь райским садом,
Я назову кромешным адом.

Сократ милетов идеал
Народным бедствием считал.

И был Кайафа убежден,
Что благодетельствует он.

Мы смотрим в Библию весь день:
Я вижу свет, ты видишь тень.

*

Уж так ли кроток был Христос?
В чем это видно,— вот вопрос.

Ребенком он покинул дом.
Три дня искали мать с отцом.

Когда ж нашли его, Христос
Слова такие произнес:

— Я вас не знаю. Я рожден
Отцовский выполнить закон.

Когда богатый фарисей,
Явившись втайне от людей,

С Христом советоваться стал,
Христос железом начертал

На сердце у него совет
Родиться сызнова на свет.

Христос был горд, уверен, строг.
Никто купить его не мог.

Он звал хитро, ведя беседу,
— Я духом нищ — за мною следуй!

Вот путь единственный на свете,
Чтоб не попасть корысти в сети.

Предать друзей, любя врагов,—
Нет, не таков завет Христов.

Он проповедовал учтивость,
Смиренье, кротость, но не льстивость.

Он, торжествуя, крест свой нес.
За то и был казнен Христос.

Антихрист, льстивый Иисус,
Мог угодить на всякий вкус,

Не возмущал бы синагог,
Не гнал торговцев за порог.

И, кроткий, как ручной осел,
Кайафы милость бы обрел.

Бог не писал в своей скрижали,
Чтобы себя мы унижали.

Себя унизив самого,
Ты унижаешь божество...

Ведь ты и сам — частица вечности.
Молись своей же человечности.

ВОРОТА РАЯ

(Для обоего пола)

ВСТУПЛЕНИЕ

На свете жить, грехи прощая
Друг другу,— вот Ворота Рая,
В противовес тому влеченью,
Что бес питает к обличенью.
Персты Иеговы Закон
Писали. И заплакал Он,
И под Престол свой милосердный,
Дрожа, сложил свой труд усердный.
О христиане! Для чего
Вам в храмах пестовать его?

КЛЮЧИ ОТ ВОРОТ

Ест гусеница плоть листка,
Ест сердце матери тоска.
1 Когда Бессмертный Муж лег спать,
Меня под мандрагорой Мать
Нашла и спрятала в слепой
Покров, что стал мне скорлупой.
Змей, умствуя, будил в нас тягу
К добру и злу, к порокам, к благу.
2 О, зависть к самому себе,
3 Дурь волн — с хандрой Земли в борьбе!
4 Гол на ветру и слеп — в огне.
5 Страх, стыд! Копье и щит — при мне...
Две умствующих половины, —

Стою, разъятый, двуединый,
Как сумрачный гермафродит.
Добра и зла здесь корень скрыт.
Над нами круговертью грозной —
Меч огненный и вихрь морозный.
Я рву завесу мертвецов,
6 Ломаю ледяной покров,
Мирскую скорлупу, обитель,
Где возлежит в гробу Спаситель.
Входящий в этот склеп вселенский,
Найдет наряд мужской иль женский —
Приятный: двух полов одежды —
Не саван для смеживших вежды!
7 Кто — жив, кто умер, кто убит,
Кто спасся бегством, кто лежит.
8 Мой сын! Тщеславье и проклятье
Двух призраков — твое зачатье.
Ты мне отмщаешь, в свой черед,
Как я учил тебя, мой плод!
9 Сквозь полночи зенит я лез
Под сень луны, с ночных небес
10 В пучину Времени срываясь;
Седым невеждой оставаясь,
11 Холодный, благостный,— отсек
В подлунной крылья всем навек;
12 Замкнул, как в ледяных гробницах,
Отца и сыновей в темницах.
13 Но, Вечного увидя Мужа,
Его Бессмертье обнаружа,
14 Замыслил я в ночную тень
Уйти, чтоб завершить свой день.
15 Дверь Смерти я нашел открытой,
И червь прядет в земле разрытой.
16 О мать, мне дом — твоя утроба!
Жена, сестра и дочь — у гроба,
Над паутиной жизни, вам без слов
Рыдать и в сны вплетать борьбу полов.

ЭПИЛОГ

К обличителю, что является богом мира сего

Не отличаешь, будучи тупицей,
Людей от их одежды, Сатана!

Хоть шлюха каждая была девицей,
Кэт в Нэн не превратишь ты, старина.
Пускай в ряду божественных имен
Есть и твое — ты лишь небес изгнанник,
Сын утра на ущербе ночи,— сон,
Что видит под холмом уснувший странник.

ИЗ СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

РАДУШЬЕ СТАРОЙ АНГЛИИ

С дубовой кафедры у нас, усердствуя сверх меры,
Законы любят оглашать бесчисленные мэры.
От эля крепкого темны их лица, как орех:
Радушья в старой Англии достаточно для всех.

Для мантий пурпурных не раз крестьянин пот утер.
Черней агата — башмаки, чулки — по этих пор!
С говядины и пива стать дородными не грех:
Радушья в старой Англии достаточно для всех.

Вот заседают за столом наш мэр и олдермены.
Ест каждый за десятерых,— законник преотменный.
Тут входят бедняки: им жрать охота! Смех и грех...
Радушья в доброй Англии хватило ли на всех?

* * *

Навеки мы будем у этой загадки в плену:
Солдат проповедует мир, а священник — войну.

* * *

Он век соблюдал золотое правило,
Что его в золотых дураках оставило.

* * *

За образец — ты мудреца огрехи
Возьми себе, а не глупца успехи.

* * *

Жить как хочешь — выдумка, и баста!
Создали ее лишь для контраста.

ВАЛЬТЕР СКОТТ

ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ, ИЛИ ИВАНОВ ВЕЧЕР

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шелом был иссчен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаяся в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал,—
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершися мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженье забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо перссыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

«Пусть собака молчит, часовой не трубит,
И трава не слышна под ногой,—
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной».

«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Оп нахмурясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.
«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы».
Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.
«Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»

«Показалося мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
«Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подъемлется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку и видит: с печалью в лице,
Одиноко-унылая, там

Молодая жена — и тиха, и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

«Я с тобою опять, молодая жена».—
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала,
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подымется он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалося лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

«Воротись, удалися»,— она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит,
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты спасен ли иль нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь,—
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь,—
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе вожжена:
Отразилися пальцы на нем;
На руке ж — но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

1799

СЕРЫЙ МОНАХ

В день святого Петра собирались с утра
Богомольцы бессчетно во храм.
Папа римский, в чьей власти наше вечное счастье,
О заблудших воззвал к небесам.

Папа римский, в чьей власти наше вечное счастье,
Начал мессу — и в благоговенье,
От восторга слепа, опустилась толпа,
Как один человек, на колени.

И внимавшие рьяно грозным звукам органа
Онемели, уже предвкушая
Милосердие божье и с великою дрожью
Прах священный лобзая.

Замер каждый вокруг, кто свой грех иль недуг
В Рим влачил — и смятенье, и страх;
Но запнулся Отец, чашу выронил вдруг,
И румянец взыграл на щеках.

«Паства! мессу не смею продолжить мою!
Есть во храме преступник такой,
Что злодея и тут небеса проклянут,
Не сужден ему вечный покой.

Я не знаю, кто он, что за грех совершен,
И зачем он явился сюда,
Но, в толпе вашей скрыт, на коленях стоит
Тот, кого не простят никогда!

Прочь, убийца! Прочь, изверг!.. Несчастный, уйди!
Не тебе уготована наша
Всепрощенья святого и крови Христовой
Не скудеюще полная чаша!»

И в толпе перед ним побледнел пилигрим,
Взыскан взорами тысячеоко,
Лишь сегодня добредший в сиятельный Рим
Из страны, бесконечно далекой.

В грубый плат облачась, в путь-дорогу пустясь,
Сорок дней и ночей он постился
И, преследуем роком, шел в молчанье глубоком —
Но напрасно он в путь свой пустился.

Когда в День Покаянья раздалися рыданья,
Он со всеми мечтал о спасенье,
Но проклятье упало, и оно означало,
Что грехам его — нет отпущенья.

Грешник встал в тот же миг, безутешен и дик,
Храм покинул, не молвив ни слова,
И пустился назад, в край утесистых гряд,
В край озер,— под шотландские кровы.

Был в лице его мрак, тяжек был его шаг,
Когда брел он понуро домой —
В край, который сверкал меж утесов и скал
Ослепительной голубизной.

Но пришел пилигрим — и склонился пред ним,
В плат одетым, народ гордецов.
Таны вышли к нему, кланы вышли к нему,
Лишь вернулся на землю отцов.

Властью был наделен, был отважен, силен;
Победителем в жарком бою
Он не раз выходил — но теперь он уныл
И стыдится за доблесть свою.

Ото всех он ушел, неприкаян и зол,
Он ушел и растаял вдали —
На шотландских просторах, где в бездонных озерах
Красота повторилась земли.

О шотландские земли! Ветру вешнему внемля,
Вас шотландский поэт воспоет!
То лесистые тропы, то доверчивый ропот
Ручейка, что сквозь рощу течет.

Где в долинах нездешних краше сыщешь орешник,
Где хрустальней в горах родники,
Где поет пересмешник чище в чащах кромешных,
Где вполстолько дубы высоки?

Где бродить — наслажденье, где слова утешенья
Шепчут воздух, вода и листва?
Где закаты багряней, мох пышней на поляне,
Где дыханье во всем волшебства?

Но, отчаянью предан, там оставил свой след он,
Мрачный путник, лишь там он ступал,
Где любой ужаснется и, крестясь, отвернется,—
Там, где страшный пожар отпылал.

Это место — лихое; в замке Барндэйла, воя,
Только вьюга порою гостит,
Крыша вся сожжена, покосилась стена,
И другая — лишь чудом стоит.

Этот дом ясным днем вспыхнул жарким огнем,
Подожженный злодейской рукой,
И весь вечер пылал, и всю ночь,— а потом
Пламя смыло небесной водой.

Но никто не избег, ни один человек,
Смерти огненной в этом дому
Без торжеств похоронных... И отчаянный стон их
Пилигриму звучит потому.

Не с шотландских ли гор грянул горестный хор
Иль донесся с небес? Все равно:
На пожарище гонит злодея позор —
И другого пути не дано.

О содеянном мысли над убийцей нависли,
Память злобно послала туда,
Где пустынные стены вырастают из тлена,
Где на всем опочила Беда.

Вечным ужасом мучим и раскаяньем жгучим,
Глаз, несчастный, поднять он не смел
На руины... А глянул — и в смятенье отпрянул:
Там монах в серой рясе сидел.

«Здравствуй, брат! — Ибо так молвил Серый Монах.—
Здравствуй, милый мой брат во Христе!»
Но лорд Альберт в ответ слабо вскрикнул: «О нет!
Ты слова избираешь не те!»

«Но, помилуй Господь, ты казнишь свою плоть
И, видать, не с вчерашнего дня!
Разве ты не из Рима? Не из Ерусалима?
Почему ты стыдишься меня?»

«О, нет сил отвечать! Плоть казню я давно.
Я и вправду из Рима иду...
Но проклятье одно мне произнесено
В светлом Риме и в черном аду!»

«Не тужи, о паломник, и грехов своих темных
Не таи, но поведай их мне!
Опустись на колена и скажи откровенно
О своей сокровенной вине!»

«Темен грех мой и тяжек!.. Ты бессилен, монашек,
Мне помочь. Ведь меня, ты слыхал,
Папа римский, в чьей власти наше вечное счастье,
Проклиная, из храма изгнал!»

«Милый брат, не печалуй; сам я властью немалой
За великую скорбь наделен.
Ты гоним отовсюду, ты не веруешь в Чудо,
Но покайся — и будешь прощен!»

И паломник несчастный, начиная ужасный
Свой рассказ, зарыдал тяжело,
И Монаха рука, холодна и легка,
Опустилась ему на чело.

1801

УМИРАЮЩИЙ БАРД

Дайнс Эмлин, плачь, стенай, ведь близок этот час,
Когда умрет в лесах рождавший эхо глас —
Над Тэйви не бродить Кэдволлэну и впредь,
Бушуя, в лад с волной неистовой не петь.

Никто не воспоет цветы в лесной тени,
Без славы расцветут и отцветут они,
Ведь должен онеметь восторженный язык
Того, кто видеть их и воспевать привык.

Дайнс Эмлин, Сакс падет — его твои сыны
Прогонят с берегов родимой стороны;
Но где же арфа та, что обессмертит их?
Где бард, чей храбрецов прославит звонкий стих?

И дочери твои, чья грудь — как вешний сад,
Чьи волосы блестят, как темный водопад,—
Как будут знать о них, о прелести земной,
Когда о чарах песнь умрет, умрет со мной?

Прощай, о Тэйви! Я в те ухожу края,
Где ждет меня певцов печальная семья:
Там Льюарк, и Мерлин, и Мейлор собрались,
Чтоб арфой оглашать заоблачную высь.

Дайнс Эмлин мой, прощай! Прощай, зеленый рай.
Край доблестных бойцов, дев несравненных край,
И ты, чей стон гласит о пройденном пути,
Ты, Арфа, жизнь моя, любовь моя,— прости!

ОХОТНИЧЬЯ ПЕСНЬ

Лорды, леди! Вскачь пора!
Стала розовой гора.
Ждут добычи, ждут погони
Люди, соколы и кони.
Морды гончих в снежной пене,
И рогов призывно пенье,—
Весела пойдет игра...
Лорды, леди! Вскачь пора!

Лорды, леди! Вскачь пора!
Был туман из серебра,
Но росой он пал, и разом
Заблестеть пришлось алмазам.
Чтобы след найти охоте,
Егеря давно в работе,
Нам вступить пришла пора...
Лорды, леди! Вскачь пора!

Лорды, леди! Вскачь пора!
Хорошо в лесу с утра.
Мы покажем лог укромный,
Где залег олень огромный.
Славно взять его с наскока,—
Поглядите, как высоко
След рогов хранит кора...
Лорды, леди! Вскачь пора!

С нами в лад гудят ветра:
Лорды, леди! Вскачь пора!
Дерзость, юность и веселье
На коней сегодня сели,
Поднимайтесь же, дерзая
Стать как сокол, как борзая.
Кто отстал — не жди добра...
Лорды, леди! Вскачь пора!

1808

[ПЕСНЯ]

Красив Брингала брег крутой,
И зелен лес кругом;
Цветы над быстрою рекой
Раскинуты ковром.

Вдоль замка Дальтон на коне
Я ехал не спеша;
Навстречу пела с башни мне
Красавица-душа:

«Красив Брингала брег крутой,
И зелен лес кругом;
Мне с другом там приют лесной
Милей, чем царский дом».

«Ты хочешь, дева, быть моей,
Забыть свой род и сан;
Но прежде разгадать сумей,
Какой мне жребий дан.

И если скажешь мне, любя,
Загадки слово ты,—
Приму в дубраве я тебя
Царицей красоты».

Она поет: «Свеж брег крутой,
И зелен лес кругом;
Мне с другом там приют лесной
Милей, чем царский дом.

Со звонким рогом в кушаке
Ты скачешь чрез поля;
Ты, знать, в дубраве на реке
Лесничий короля?»

«Лесничий зоркий короля
В свой рог трубит с утра;
Но как покрыта мглой земля,
То мне трубить пора».

Она поет: «Свеж брег крутой,
И зелен лес кругом;
Хочу царицею лесной
Жить с другом там вдвоем.

На быстроногом рысаке,
Как ратник, ты готов,
С мечом в ножнах, с ружьем в руке,
На барабанный зов».

«Нейду на барабанный зов,
Нейду на трубный звук;
Но как зовут нас крики сов,
Мы все готовы вдруг.

И свеж Бригнала брег крутой,
И зелен лес кругом,
Но деве смелой лишь со мной
Царить в лесу моем.

О дева! друг недобрый я!
Глухих пустынь жилец;
Безвестна будет жизнь моя,
Безвестен мой конец!

Как мы сойдемся, гости тьмы,
То должно нам, поверь,
Забыть, что прежде были мы,
Забыть, что мы теперь».

Но свеж Брингала брег крутой,
И зелен лес кругом,
И пышно блещут над рекой
Цветы живым ковром.

1813

РЕЗНЯ В ГЛЕНКО

— Зачем ты песнь свою завел
В Гленко? Зачем сюда забрел?
Зачем пал плач на тихий дол —
Он здесь сочувствия не сыщет.
Кто слушает тебя в Гленко?
Олень, ступающий легко?
Иль туча в небе высоко?
Иль коршун, что в полнебе рыщет?

— О нет! Их жребий — хоть куда!
Найдет ли в логове беда?
Падет ли птица из гнезда?
Иль тучам нет в горах приюта?
А тех, пою сейчас по ком,
Ни горный кряж, ни отчий дом,
Ни непролазный бурелом
Не скрыли от злодейской смуты.

Водой не заливали ров,
Злых не отвязывали псов,
И языки колоколов
Опасности не возвестили.—
Рой женщин был приветлив, мил,
Оружье воин позабыл,
Не порох в полных бочках был,
Когда гостей они впустили.

Какой был пир!.. Но в час теней
Злодеям кинул клич злодей,
И, бросив кубки, рать гостей
Стремглав схватилась за оружье.
Растерянных хозяев стон
Был сталью смят со всех сторон,
Затем был замок подожжен
И окружен врагом снаружи.

Из-за пылающей стены
Рыданья были там слышны.
Но гибли, гибли без вины
И тщетно к жалости взывали.

Потом был ветер, ураган,
Метель, беспутица, буран,
Но те, в Гленко, несчастный клан,
Уже об этом не узнали.

Что арфа!.. Некогда напев
Лился, пленяя юных дев.—
Откуда ж взялся этот гнев,
Певцу неведомый когда-то?
Да, гнев! Серебряной струной
Стань нынче каждый волос мой,
Чтоб прогремело над страной:
Расплаты, Родина! Расплаты!

1814

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ КЛАНА МАК-ГРЕГОР

Луна над рекой, и туманы кругом,
И с именем клан, хоть без имени днем.
Сбирайтесь, сбирайтесь! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!

Заветный и славный наш клик боевой
Греметь осужден лишь ночною порой.
Идите ж, идите! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!

Не ваши уж ныне тех гор вышины,
Гленлейона селы, Кильчурна сыны;
Изгнанники все мы! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!

Не знает наш клан и главой где прилечь;
Но клан наш сберег и свой дух, и свой меч.
Так смело же, смело! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!

Нет крова, нет пищи, нет имени нам...
Огню же их домы, их трупы орлам!
На битву, на битву! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!

Быть листьям в дубраве, быть пене в реке,
Быть нам в их владеньях с булатом в руке.
Спешите, спешите! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!

Скакать через море придется коню,
Корабль поплывет на крутом Бенвеню,
Растает гранит по горам вековым,
Но мы не забудем, но мы отомстим.
Сбирайтесь, сбирайтесь! Мак-Грегор, ура!
Мак-Грегор, пора!

1816

ДЖОК ИЗ ХЭЗЕЛДИНА

— Брось плакать, слушай, прекрати,
Кончай реветь — а там уж
Изволь, как велено, пойти
За лорда Фрэнка замуж!
Всем он хорош — ну что ревешь? —
Не рохля, не дубина.
Да где ж ты лучшего найдешь?
— А Джок из Хэзелдина?

— Какой там Джок, помилуй бог,
Нашла себе героя!
Такой дурак, такой сапог —
И стать ему женою!
Нет, ты на Фрэнка погляди,
Красавца-паладина!
Иль сердца нет в твоей груди?
— Там Джок из Хэзелдина!

— Какой там Джок, коль тут — мешок,
Битком набитый, денег!
Изящный слог, весь край у ног!
И церковь! И священник!
Там, с Джоком,— пьянки, тут — пиры!
Там — стог, а тут — перина!
Балы, пажи — а там, во ржи...
— Там Джок из Хэзелдина!

Друзей своих собрал жених
В наследственной часовне.
В часовне сей полно гостей,
Но приглядитесь — кто в ней?
Жених и тесть, конечно, здесь,
Да только с постной миной...
Невеста — ах! — уже в бегах!
— Шельмец из Хэзелдина!

1816

ЗАМОК СЕМИ ЩИТОВ

Был Урьен-друид всех друидов мудрей.
Прекрасных он вырастил семь дочерей.
Наукам он их обучил колдовским.
И семь королей едут свататься к ним.

И первый, Ивейн, был король хоть куда:
Плешив, как колено, торчком борода.
А следом явились Данмайел и Росс,
Не стригшие сроду ногтей и волос.

Был крив король Мейдор, и Доналд был хром,
А Лот от рождения был горбуном.
Но Эдолф, на тех шестерых непохож,
Был молод и весел, учтив и пригож.

Он люб всем невестам. И вот меж сестер
Идет из-за юного Эдолфа спор.
Когда ж к рукопашной они перешли,
Им князь преисподней предстал из земли.

Они присягнули на верность ему,
Им в помощь призвал он ложь, злобу и тьму.
Семь прялок он дал им и семь веретен,
И тайный обряд заповедал им он:

«Садитесь за прялку,— сказал сатана,—
И вырастет башня из веретена.
Там кривда бела будет, правда черна;
Там с другом сердечным вам жизнь суждена».

Луна озаряет равнину окрест,
За прялками в полночь сидят семь невест.
Смочив своей кровью шерсть черных ягнят,
Поют заклинанья и нитку сучат.

Жужжат веретена. И вот уж видны
Семь призрачных башен под светом луны,
Семь стен, и семь рвов, и семь крепких ворот.
Из мглистого сумрака замок встает.

В том замке обвенчаны семь королей.
Шесть утром в крови захлебнулись своей.
Семь женщин — у каждой кровавый кинжал —
Приблизились к ложу, где Эдолф лежал.

«Мы тех шестерых умертвили сейчас.
Их жен, их владенья получишь зараз.
А если услышим мы дерзкий отказ,
Тогда овдовеет седьмая из нас».

Но Эдолф заклят был от дьявольских сил:
Святых он даров перед свадьбой вкусил.
Семь раз свистнул меч — и тяжел и остер,
И Эдолф сразил семь злодеек-сестер.

Постригся в монахи несчастный король
И вскоре оставил земную юдоль.
А дьявольский замок поныне стоит.
Над каждым из входов — корона и щит.

Богатства семи королей там лежат.
Нечистая сила хранит этот клад.
Кто в замок проникнет при свете луны,
Тот станет владельцем несметной казны.

Но люди мельчают, наш мир одряхлел,
Нет места в нем ныне для доблестных дел.
И где тот храбрец, что рожден для удач,
Кто хладен рассудком, а сердцем горяч?

И клад будет долго отважного ждать.
Скорей потекут реки бурные вспять
И вздыбится дно океана горой,
Чем в дьявольский замок проникнет герой.

1817

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЬ МАК-КРИММОНА

На борт стяг волшебный Мак-Лауда взяли.
Гребцы на местах, корабли на отчале.
Палаш и секира сверкают на воле,
И песню Мак-Криммон завел о недоле:
«Прощайте, утесы в бурунах и пене!
Прощайте, лощины, где бродят олени!
Прощайте же, озеро, речка и поле!
Мак-Криммон сюда не воротится боле.

Прощайте вы, сонные Квиллена тучи
И ясные очи, чьи слезы так жгучи!
Прощайте, о вымыслы бардов! В недоле
Мак-Криммону с вами не свидеться боле.
Мне бэнши стенанием смерть предрекает.
Мой плащ, словно саван, меня облекает.
Но сердце не дрогнет от скорби и боли,
Хоть мне не вернуться на родину боле.

И будут Мак-Криммона слышать стенанья
Все гэлы-изгнанники в миг расставанья.
Отчизна! Прощаюсь с тобой поневоле,
Возврата ж... возврата не будет мне боле.
Не будет во веки веков мне возврата!
Не будет во веки веков мне возврата!
Не будет во веки веков мне возврата!
Мак-Лауд вернется, Мак-Криммон умрет!»

1818

БИТВА ПРИ ЗЕМПАХЕ

Роились пчелы в этот год
На наших липах так,
Что в селах толковал народ,—
Мол, где-то близко враг.

Мы вниз глядим и видим дым —
Горят и лес и дол:
Туда эрцгерцог Леопольд
Войска свои привел.

Австрийцы знатные твердят:
«Швейцарцев перебьем!
И стар и млад — все канут в ад,
Покончим с мужичьем!..»

Поет труба, ведет тропа
От Лиммата-реки,
Держа ряды, идут, горды,
Австрийские полки.

«Вы, господа, пришли сюда
Повергнуть горы в прах,
Но невдомек вам, что беда
Настигнет вас в горах!

И прежде, чем затеять бой,
Покайтесь во грехах:
В Гельвеции легко с душой
Расстаться впопыхах».

«Но где же нам попа найти,
Чтоб наши души спас?»
«Швейцарский поп уже в пути,
Он выслушает вас.

В стальную ризу облачен
И властью облечен,
Он вам отпустит все грехи
Секирой и мечом!..»

Был колос от росы тяжел,
И жатва шла окрест,
И Хазенштайн сюда пришел,
Властитель здешних мест;

Люцернский с ним пришел отряд,
Готов для ратных дел,
Бойцы отважны, и назад
Никто не поглядел.

С насмешкой молвил он:
«Мала,
О герцог, ваша рать,
И с вами — господу хвала! —
Не страшно воевать...»

«Ты — Заячья Душа, ты — трус,
Ты — дичь, ты — наш обед!..»
«Вам не важна на дичь цена?» —
Спросил он их в ответ.

Сияют ленты шишаков,
Австрийский сомкнут строй,
Носы дворянских башмаков
Насыпаны горой.

Смеются чужеземцы:
«Есть
Пожива для копья!
Но эта месть, увы, не в честь —
Ведь мало мужичья...»

Конфедераты в этот миг
Молились богу вслух,
Он в небе радугу воздвиг
И укрепил их дух.

И крови ток сильней стократ,
И доблесть высока,
И ринулся Конфедерат
На конные войска!

И рыкнул Лев, рассвирепев,
И конница пошла,
Со свистом свой взметнули гнев
Ядро, копье, стрела.

Увлечена игрой слепой
Орава топоров —
И ветки падали щепой
На травяной покров.

Но рать австрийская стоит,
Густа щетина пик,
И рассердился Винкельрид,
Воинственный мужик:

«Меня в деревне ждет жена
И малый сын зовет,
Да не забудет их страна! —
А я пойду вперед.

Дворяне с копьями тверды,
Но, вопреки копью,
Я вражьи сокрушу ряды
И путь своим пробью!..»

И Винкельрид, рванувшись в бой,
Ударив, как таран,
Обламывал самим собой
Оружие дворян.

Пять дротиков пронзили шлем,
И шесть — в его боку,
Но вражий он прорвал заслон
И умер на бегу.

И гордый Лев поник, узрев,
Как грозен патриот:
Он, рабство кровью одолев,
Освободил народ...

Туда, в проломленную брешь,
Ворвался весь отряд:
«Мечом, ножом — руби и режь,
Круши дворян подряд!..»

И Лев издал уже не рык,
А вой, страшась врага,
И разъяренный Горный Бык
Вонзил в него рога.

Потерян стяг, потерян щит
Под Земпахом — и вот
Пол монастырский весь трещит
От беглецов-господ.

Был Леопольд из смельчаков,
Хранивших гордый вид,
Но он пошел на мужиков,
И ими был убит.

...Спросила телка у быка:
«Я ль не права, что зла?
Чужая знать издалека
Доить меня пришла».

Один удар рогов в живот,
Один удар копыт —
Кишки распороты, и вот
В могиле рыцарь спит!..

...Австрийский дворянин от нас
Бежал, оставив бой,
Но прибыл он в недобрый час
К стихии голубой.

Он и слуга его, солдат,
За то, чтоб сесть в челнок,
Ван Роту, рыбаку, сулят
И рай и кошелек.

Тот, чуя выгоду свою,
Поплыл на этот зов,
Причалил к берегу ладью
И принял беглецов.

А дворянин, пока Ван Рот
Прибой одолевал,
Кивнул солдату, чтобы тот
Бил в спину, наповал.

Нож выхвачен, но смерти день
Для парня был далек:
Он, на воде увидев тень,
Перевернул челнок.

Веслом их оглушил, пока
Они пытались всплыть:
«Ну, пейте вволю! Рыбака
Вовек вам не убить!

Двух рыб поймал сегодня я,
Добыча хороша:
Немало стоит чешуя,
А мясо — ни гроша!..»

...Меж тем гонец пришел, дрожа,
В австрийский край, домой:
«Ах, злые вести, госпожа!
Убит хозяин мой.

Была под Земпахом война,
И пал он на войне...»
«О, боже! — вскрикнула она.—
Дай силы выжить мне!..»

Воспел раздор долин и гор
Швейцарский бард один —
Альберт Башмачник звался он,
Люцернский гражданин.

И он, сдается, весел был,
Когда восславить мог
Кровавый берег, где явил
Нам свет и милость бог.

1818

СЭМЮЕЛЬ ТЭЙЛОР КОЛЬРИДЖ

СКАЗАНИЕ О СТАРОМ МОРЕХОДЕ

В СЕМИ ЧАСТЯХ

«Facile credo, plures esse Naturas invisibiles quamvisibiles in rerum universitate. Sed horum omniam familiam quis nobis enarrabit? et gradus et cognationes et discrimina et singulorum munera? Quid agunt? quae loca habitant? Harum rerum notitiam semper ambivit ingenium humanut, nunquam attigit. Juvat, interea, non diffiteor, quandoque in animo, tanquam in tabula, majoris et melioris mundi imaginem contemplari: ne mens assuefacta hodiernae vitae minutiis se contrahat nimis, et tota subsidat in pusillas cogitationes. Sed veritati enterea invigilandum est, modusque servandus, ut certa ab incertis, diem a nocte, distinguamus».— *T. B u r n e t. Archeol. Phil., p. 68* [1].

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

О том, как корабль, перейдя Экватор, был занесен штормами в страну вечных льдов у Южного полюса; и как оттуда корабль проследовал в тропические широты Великого, или Тихого океана; и о странных вещах, которые приключились; и о том, как Старый Мореход вернулся к себе на родину.

---

[1] «Я охотно верю, что во вселенной есть больше невидимых, чем видимых существ. Но кто объяснит нам все их множество, характер, взаимные и родственные связи, отличительные признаки и свойства каждого из них? Что они делают? Где обитают? Человеческий ум лишь скользил вокруг ответов на эти вопросы, но никогда не постигал их. Однако, вне всяких сомнений, приятно иногда нарисовать своему мысленному взору, как на картине, образ большего и лучшего мира: чтобы ум, привыкший к мелочам обыденной жизни, не замкнулся в слишком тесных рамках и не погрузился целиком в мелкие мысли. Но в то же время нужно постоянно помнить об истине и соблюдать должную меру, чтобы мы могли отличить достоверное от недостоверного, день от ночи».— *Т. Б а р н е т. Философия древности, с. 68 (лат.).*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Старый Мореход встречает трех юношей, званных на свадебный пир, и останавливает одного из них.

Вот Старый Мореход. Из тьмы
Вонзил он в Гостя взгляд.
«Кто ты? Чего тебе, старик?
Твои глаза горят!

Живей! В разгаре брачный пир,
Жених — мой близкий друг.
Все ждут давно, кипит вино,
И весел шумный круг».

Тот держит цепкою рукой.
«И был,— он молвит,— бриг».
«Пусти, седобородый шут!» —
И отпустил старик.

Брачный Гость зачарован глазами Старого Морехода и принужден выслушать его рассказ.

Горящим взором держит он,
И Гость не входит в дом;
Как зачарованный, стоит
Пред Старым Моряком.

И, покорён, садится он
На камень у ворот,
И взором молнию метнул
И молвил Мореход:

«В толпе шумят, скрипит канат,
На мачте поднят флаг.
И мы плывем, вот отчий дом,
Вот церковь, вот маяк.

Мореход рассказывает, что корабль плыл к югу, и был попутный ветер, и спокойное море, и вот подошли к Экватору.

И Солнце слева поднялось,
Прекрасно и светло,
Сияя нам, сошло к волнам
И справа вглубь ушло.

Все выше Солнце с каждым днем,
Все жарче с каждым днем...»
Но тут рванулся Брачный Гость,
Услышав трубный гром.

Брачный Гость слышит свадебную музыку, но Мореход продолжает свой рассказ.

Вошла невеста в зал, свежа,
Как лилия весной.
Пред ней, раскачиваясь в такт,
Шагает хор хмельной.

Туда рванулся Брачный Гость,
Но нет, он не уйдет!
И взором молнию метнул
И молвил Мореход:

Буря уносит корабль к Южному полюсу.

«И вдруг из царства зимних вьюг
Примчался лютый шквал.
Он злобно крыльями нас бил,
Он мачты гнул и рвал.

Как от цепей, от рабьих уз,
Боясь бича изведать вкус,
Бежит, сраженье бросив, трус,
Наш бриг летел вперед,
Весь в буре порванных снастей,
В простор бушующих зыбей,
Во мглу полярных вод.

Вот пал туман на океан,—
О, чудо! — жжет вода!
Плывут, горя, как изумруд,
Сверкая, глыбы льда.

Страна льда и пугающего гула, где нет ни одного живого существа.

Средь белизны, ослеплены,
Сквозь дикий мир мы шли
В пустыни льда, где нет следа
Ни жизни, ни земли.

Где справа лед и слева лед,
Лишь мертвый лед кругом,
Лишь треск ломающихся глыб,
Лишь грохот, гул и гром.

И вдруг большая морская птица, называемая Альбатросом, прилетела сквозь снеговой туман. Ее встретили с великой радостью, как дорогого гостя.

И вдруг, чертя над нами круг,
Пронесся Альбатрос.
И каждый, белой птице рад,
Как будто был то друг иль брат,
Хвалу Творцу вознес.

Он к нам слетал, из наших рук
Брал непривычный корм,
И с грохотом разверзся лед,
И наш корабль, войдя в пролет,
Покинул царство льдистых вод,
Где бесновался шторм.

И слушай! Альбатрос оказался птицей добрых предзнаменований. Он стал сопровождать корабль, который сквозь туман и плавучие льды направился обратно, к северу.

Попутный ветер с юга встал,
Был с нами Альбатрос,
И птицу звал, и с ней играл,
Кормил ее матрос!

Лишь день уйдет, лишь тень падет,
Наш гость уж на корме.
И девять раз в вечерний час
Луна, сопровождая нас,
Всходила в белой тьме».

Старый Мореход, нарушая закон гостеприимства, убивает благотворящую птицу, которая приносит счастье.

«Как странно смотришь ты, Моряк,
Иль бес тебя мутит?
Господь с тобой!» — «Моей стрелой
Был Альбатрос убит.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

И справа яркий Солнца диск
Взошел на небосвод.
В зените долго медлил он
И слева, кровью обагрен,
Упал в пучину вод.

Нас ветер мчит, но не слетит
На судно Альбатрос,
Чтоб корму дал, чтоб с ним играл,
Ласкал его матрос.

Товарищи Морехода бранят его за то, что он убил птицу добрых предзнаменований.

Когда убийство я свершил,
Был взор друзей суров:
Мол, проклят тот, кто птицу бьет,
Владычицу ветров.
О, как нам быть, как воскресить
Владычицу ветров?

Но туман рассеялся, они стали оправдывать Морехода и тем самым приобщились к его преступлению.

Когда ж Светило дня взошло,
Светло, как Божие чело,
Посыпались хвалы:
Мол, счастлив тот, кто птицу бьет,
Дурную птицу мглы.
Он судно спас, он вывел нас,
Убил он птицу мглы.

Ветер продолжается. Корабль входит в Тихий Океан и плывет к северу, пока не достигает Экватора.

И бриз играл, и вал вставал,
И плыл наш вольный сброд
Вперед, в предел безмолвных вод,
Непройденных широт.

Корабль внезапно останавливается.

Но ветер стих, но парус лег,
Корабль замедлил ход,
И все заговорили вдруг,
Чтоб слышать хоть единый звук
В молчанье мертвых вод!

Горячий медный небосклон
Струит тяжелый зной.
Над мачтой Солнце все в крови,
С Луну величиной.

И не плеснет равнина вод,
Небес не дрогнет лик.
Иль нарисован океан
И нарисован бриг?

И начинается месть за Альбатроса.

Кругом вода, но как трещит
От сухости доска!
Кругом вода, но не испить
Ни капли, ни глотка.

И мнится, море стало гнить,—
О Боже, быть беде!
Ползли, росли, сплетясь в клубки,
Слипались в комья слизняки
На слизистой воде.

Виясь, крутясь, кругом зажглась
Огнями смерти мгла.
Вода — бела, желта, красна,
Как масло в лампе колдуна,
Пылала и цвела.

Их преследует Дух, один из тех незримых обитателей нашей планеты, которые суть не души мертвых и не ангелы. Чтобы узнать о них, читай ученого еврея Иосифа и константинопольского платоника Михаила Пселла. Нет стихии, которой не населяли бы эти существа.

И Дух, преследовавший нас,
Являлся нам во сне.
Из царства льдов за нами плыл
Он в синей глубине.

И каждый смотрит на меня,
Но каждый — словно труп.
Язык, распухший и сухой,
Свисает с черных губ.

Матросы, придя в отчаяние, хотят взвалить всю вину на Старого Мореxода, в знак чего они привязывают ему на шею мертвого Альбатроса.

И каждый взгляд меня клянет.
Хотя молчат уста,
И мертвый Альбатрос на мне
Висит взамен креста.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Старый Мореход замечает нечто странное вдали над водой.

Пришли дурные дни. Гортань
Суха. И тьма в глазах.
Дурные дни! Дурные дни!
Какая тьма в глазах!
Но вдруг я что-то на заре
Заметил в небесах.

Сперва казалось — там пятно
Иль сгусток мглы морской.
Нет, не пятно, не мгла — предмет,
Предмет ли? Но какой?

Пятно? Туман? Иль парус? — Нет!
Но близится, плывет.
Ни дать ни взять, играет эльф,
Ныряет, петли вьет.

И когда загадочное пятно приближается, он различает корабль. И дорогой ценой освобождает он речь свою из плена жажды.

Из наших черных губ ни крик,
Ни смех не вырвался в тот миг,
Был нем во рту и мой язык,
Лишь искривился рот.
Тогда я палец прокусил,
Я кровью горло оросил,
Я крикнул из последних сил:
«Корабль! Корабль идет!»

Они глядят, по пуст их взгляд,
Их губы черные молчат,
Луч радости; Но я услышан был,
И словно луч из туч блеснул,
И каждый глубоко вздохнул,
Как будто пил он, пил...

И снова ужас, ибо какой корабль может плыть без волн и ветра?

«Друзья (кричал я) чей-то барк!
Мы будем спасены!»
Но он идет, и поднят киль,
Хотя кругом на сотни миль
Ни ветра, ни волны.

Он видит только очертания корабля.

На западе пылал закат
Кроваво-золотой.
Пылало Солнце — красный круг
Над красною водой,
И странен черный призрак был
Меж небом и водой.

И ребра корабля чернеют, как тюремная решетка пред ликом заходящего Солнца.

И вдруг (Господь, Господь, внемли!)
По Солнцу прутья поползли
Решеткой, и на миг
Как бы к тюремному окну,
Готовый кануть в глубину,
Припал горящий лик.

Плывет! (бледнея, думал я)
Ведь это чудеса!
Там блещет паутинок сеть —
Неужто паруса?

И что там за решетка вдруг
Замглила Солнца свет?
Иль это корабля скелет?
А что ж матросов нет?

Только Женщина-Призрак и ее помощница Смерть, и никого нет больше на призрачном корабле.

Там только Женщина одна.
То Смерть! И рядом с ней
Другая. Та еще страшней,
Еще костлявей и бледней —
Иль тоже Смерть она?

Каков корабль, таковы корабельщики!

Кровавый рот, незрячий взгляд,
Но космы золотом горят.
Как известь — кожи цвет.
То Жизнь-и-в-Смерти, да, она!
Ужасный гость в ночи без сна,
Кровь леденящий бред.

Смерть и Жизнь-и-в-Смерти играют в кости, и ставят они на экипаж корабля, и она (вторая) выигрывает Старого Морехода.

Барк приближался. Смерть и Смерть
Играли в кости, сев на жердь.
Их ясно видел я.
И с хохотом вскричала та,
Чьи красны, точно кровь, уста:
«Моя взяла, моя!»

Нет сумерек после захода Солнца.

Погасло Солнце,— в тот же миг
Сменился тьмою свет.
Уплыл корабль, и лишь волна
Шумела грозно вслед.

И восходит Месяц.

И мы глядим, и страх в очах,
И нам сердца сжимает страх,
И бледен рулевой.
И тьма, и плещут паруса,
И звучно каплет с них роса,
Но вот с востока разлился
Оттенок золотой,
И Месяц встал из облаков
С одной звездой между рогов,
Зеленою звездой.

Один за другим

И друг за другом все вокруг
Ко мне оборотились вдруг
В ужасной тишине,

И выражал немой укор
Их полный муки тусклый взор,
Остановясь на мне.

его товарищи падают мертвыми.

Их было двести. И без слов
Упал один, другой...
И падающей глины стук
Напомнил их паденья звук,
Короткий и глухой.

И Жизнь-и-в-Смерти начинает вершить кару над Старым Мореходом.

И двести душ из тел ушли —
В предел добра иль зла?
Со свистом, как моя стрела,
Тяжелый воздух рассекли
Незримые крыла».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Брачный Гость пугается, думая, что говорит с Призраком.

«Пусти, Моряк! Страшна твоя
Иссохшая рука.
Твой мрачен взор, твой лик темней
Прибрежного песка.

Боюсь твоих костлявых рук,
Твоих горящих глаз!»
Но Старый Мореход, убедив его в своей телесной жизни, продолжает свою страшную исповедь.

«Не бойся, Брачный Гость,— увы!
Я выжил в страшный час.

Один, один, всегда один,
Один и день и ночь!
И бог не внял моим мольбам,
Не захотел помочь!

Он презирает тварей, порожденных Спокойствием,

Две сотни жизней Смерть взяла,
Оборвала их нить,
А черви, слизни — все живут,
И я обязан жить!

и сердится, что *они* живы, меж тем как столько людей погибло.

Взгляну ли в море — вижу гниль
И отвращаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг —
Но трупы вкруг лежат.

На небеса гляжу, но нет
Молитвы на устах.
Иссохло сердце, как в степях
Сожженный Солнцем прах.

Заснуть хочу, но страшный груз
Мне на зеницы лег:
Вся ширь небес и глубь морей
Их давит тяжестью своей,
И мертвецы — у ног!

В мертвых глазах читает он свое проклятие.

На лицах смертный пот блестел,
Но тлен не тронул тел.
Как в смертный час, лишь Гнев из глаз
В глаза мои глядел.

Страшись проклятья сироты —
Святого ввергнет в ад!
Но верь, проклятье мертвых глаз
Ужасней во сто крат:
Семь суток смерть я в них читал
И не был смертью взят!

И в своем одиночестве и в оцепенении своем завидует он Месяцу и Звездам, пребывающим в покое, но вечно движущимся. Повсюду принадлежит им небо, и в небе находят они кров и приют, подобно желанным владыкам, которых ждут с нетерпением и чей приход приносит тихую радость.

А Месяц яркий плыл меж тем
В глубокой синеве,
И рядом с ним плыла звезда,
А может быть, и две.

Блестела в их лучах вода,
Как в инее — поля.
Но, красных отсветов полна,
Напоминала кровь волна
В тени от корабля.

При свете Месяца он видит божьих тварей, рожденных великим Спокойствием.

А там, за тенью корабля,
Морских я видел змей.
Они вздымались, как цветы,
И загорались их следы
Мильонами огней.

Везде, где не ложилась тень,
Их различал мой взор.
Сверкал в воде и над водой
Их черный, синий, золотой
И розовый узор.

Их красота и счастье.

О, счастье жить и видеть мир —
То выразить нет сил!
Я ключ в пустыне увидал —
И жизнь благословил.
Я милость неба увидал —
И жизнь благословил.

Он благословляет их в сердце своем.

И чарам наступает конец.

И бремя сбросила душа,
Молитву я вознес,
И в тот же миг с меня упал
В пучину Альбатрос.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

О, сон, о, благодатный сон!
Он всякой твари мил.
Тебе, Пречистая, хвала,
Ты людям сладкий сон дала,
И сон меня сморил.

Милостью Пречистой Матери Старого Морехода освежает дождь.

Мне снилось, что слабеет зной,
Замглился небосвод
И в бочках плещется вода.
Проснулся — дождь идет.

Язык мой влажен, рот мой свеж,
До нитки я промок,
И каждой порой тело пьет
Животворящий сок.

Встаю — и телу так легко:
Иль умер я во сне?
Или бесплотным духом стал
И рай открылся мне?

Он слышит какие-то звуки и видит странное движение в небесах и в стихиях.

Но ветер прошумел вдали,
Потом опять, опять,
И шевельнулись паруса
И стали набухать.

И воздух ожил в вышине!
Кругом зажглись огни.
Вблизи, вдали — мильон огней,
Вверху, внизу, средь мачт и рей,
Вкруг звезд вились они.

И ветер взвыл, и паруса
Шумели, как волна.
И ливень лил из черных туч,
Средь них плыла Луна.

Грозой разверзлись недра туч,
Был рядом серп Луны.
Воздвиглась молнии стена,
Казалось, падала она
Рекою с крутизны.

В трупы корабельной команды вселяется жизнь, и корабль несется вперед;

Но вихрь не близился, и все ж
Корабль вперед несло!
А мертвецы, бледны, страшны,
При блеске молний и Луны
Вздохнули тяжело.

Вздохнули, встали, побрели,
В молчанье, в тишине.
Я на идущих мертвецов
Смотрел, как в страшном сне.

А ветер стих, но бриг наш плыл,
И кормчий вел наш бриг.
Матросы делали свое,
Кто где и как привык.
Но каждый был, как манекен,
Безжизнен и безлик.

Сын брата моего стоял
Плечо к плечу со мной.
Один тянули мы канат,
Но был он — труп немой».

но не души людские,
не демоны земли или срединной сферы
воздуха вселяются в них, а духи небесные,
блаженные духи,
посланные заступничеством святых.

«Старик, мне страшно!» — «Слушай Гость,
И сердце успокой!
Не души мертвых, жертвы зла,
Вошли, вернувшись, в их тела,
Но светлых духов рой.

И все, с зарей оставив труд,
Вкруг мачты собрались,
И звуки сладостных молитв
Из уст их полились.

И каждый звук парил вокруг —
Иль к Солнцу возлетал.
И вниз неслись они чредой,
Иль слитые в хорал.

Лилась то жаворонка трель
С лазоревых высот,
То сотни щебетов иных,
Звенящих в зарослях лесных,
В полях, над зыбью вод.

То флейту заглушал оркестр,
То пели голоса,
Которым внемля в светлый день,
Ликуют небеса.

Но смолкло все. Лишь паруса
Шумели до полдня.
Так меж корней лесной ручей
Бежит, едва звеня,
Баюкая притихший лес
И в сон его клоня.

И до полудня плыл наш бриг,
Без ветра шел вперед,
Так ровно, словно кто-то вел
Его по глади вод.

Послушный силам небесным, одинокий Дух Южного полюса ведет корабль к Экватору, но требует мести.

Под килем, в темной глубине,
Из царства вьюг и тьмы
Плыл Дух, он нас на север гнал
Из южных царств зимы.
Но в полдень стихли паруса,
И сразу стали мы.

Висел в зените Солнца диск
Над головой моей.
Но вдруг он, словно от толчка,
Сместился чуть левей
И тотчас — верить ли глазам? —
Сместился чуть правей.

И, как артачащийся конь,
Рывком метнулся вбок.
Я в тот же миг, лишившись чувств,
Упал, как сбитый с ног.

Демоны, послушные Духу Южного полюса, незримые обитатели стихий, беседуют о его мстительном замысле, и один из них рассказывает другому, какую тяжелую долгую епитимью назначил Старому Мореходу Полярный Дух, возвращающийся ныне к югу.

Не знаю, долго ль я лежал
В тяжелом, темном сне.
И, лишь с трудом открыв глаза,
Сквозь тьму услышал голоса
В воздушной вышине.

«Вот он, вот он,— сказал один,—
Свидетелем Христос —
Тот человек, чьей злой стрелой
Загублен Альбатрос.

Любил ту птицу мощный Дух,
Чье царство — мгла и снег.
А птицей был храним он сам,
Жестокий человек».

И голос прозвенел другой,
Но сладостный как мед:
«Он кару заслужил свою
И кару понесет».

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Первый голос

«Не умолкай, не умолкай,
Не исчезай в тумане —
Чья сила так стремит корабль?
Что видно в океане?»

Второй голос

«Смотри — как пред владыкой раб,
Смиренно замер он,
И глаз огромный на Луну
Спокойно устремлен.
Губителен иль ясен путь —
Зависит от Луны.
Но ласково глядит она
На море с вышины».

Мореход лежит без чувств, ибо сверхъестественная сила стремит корабль к северу быстрее, чем это способна выдержать человеческая природа.

Первый голос

«Но чем, без ветра и без волн,
Корабль вперед гоним?»

Второй голос

«Пред ним разверстый, воздух вновь
Смыкается за ним.
Назад, назад! Уж поздно, брат,
И скоро день вернется,
Все медленней пойдет корабль,
Когда Моряк проснется».

Сверхъестественное движение замедлилось. Мореход очнулся, и возобновляется ему назначенная епитимья.

Я встал. Мы полным ходом шли
При Звездах и Луне.
Но мертвецы брели опять,
Опять брели ко мне.

Как будто я — их гробовщик,
Все стали предо мной.
Зрачки окаменелых глаз
Сверкали под Луной.

В глазах застыл предсмертный страх,
И на устах — укор.
И ни молиться я не мог,
Ни отвратить мой взор.

Пеистовый бег прекратился.

Но кара кончилась. Чиста
Была кругом вода.
Я вдаль глядел, хоть страшных чар
Не стало и следа,—

Так путник, чей пустынный путь
Ведет в опасный мрак,
Раз обернется и потом
Спешит, ускорив шаг,
Назад не глядя, чтоб не знать,
Далек иль близок враг.

И вот бесшумный, легкий бриз
Меня овеял вдруг,
Не зыбля, не волнуя гладь,
Дремавшую вокруг.

Он в волосах моих играл
И щеки освежал.
Как майский ветер, был он тих,
И страх мой исчезал.

Так быстр и легок, плыл корабль,
Покой и мир храня.
Так быстр и легок, веял бриз,
Касаясь лишь меня.

И Старый Мореход видит свою отчизну.

Я сплю? Иль это наш маяк?
И церковь под холмом?
Я вновь на родине моей,
Я узнаю свой дом.

Я, потрясенный, зарыдал!
Но в гавань мы вошли...
Всевышний, разбуди меня
Иль сон навек продли!

Весь берег в лунный свет одет,
И так вода ясна!
И только тени здесь и там
Раскинула Луна.

А холм и церковь так светлы
В сияющей ночи.
И спящий флюгер серебрят
Небесные лучи.

От света бел, песок блестел,
И вдруг — о дивный миг! —
В багряных ризах сонм теней
Из белизны возник.

Духи небесные покидают мертвые тела

Невдалеке от корабля —
Багряный сонм теней.
Тут я на палубу взглянул —
О Господи, на ней

и появляются в своем собственном лучезарном облике.

Лежали трупы, но клянусь,
клянусь крестом твоим:
Стоял над каждым в головах
Небесный серафим.

И каждый серафим рукой
Махнул безмолвно мне,
И был чудесен их привет,
Их несказанный, странный свет,
Как путь к родной стране.

Да, каждый мне рукой махал
И звал меня без слов.
Как музыка, в моей душе
Звучал безмолвный зов.

И я услышал разговор,
Услышал плеск весла
И, обернувшись, увидал:
За нами лодка шла.

Рыбак с сынишкой в ней сидел.
О, доброта Творца! —
Такую радость не убьет
Проклятье мертвеца!

И третий был Отшельник там,
Сердец заблудших друг.
Он в славословиях Творцу
Проводит свой досуг.
Он смоет Альбатроса кровь
С моих преступных рук.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Лесной Отшельник

Отшельник тот в лесу живет
На берегу морском.
Он славит Божью благодать,
И он не прочь потолковать
С заезжим моряком.

Он трижды молится на дню,
Он трав язык постиг,
И для него замшелый пень —
Роскошный пуховик.

Челн приближался, и Рыбак
Сказал: «Но где ж огни?
Их столько было! Как маяк,
Горели здесь они».

в изумлении приближается к кораблю.

«Ты прав,— Отшельник отвечал,—
И видят небеса:
Не отзывается никто
На наши голоса.
Но как истрепан весь корабль,
Истлели паруса,—

Как листья мертвые в лесу,
Что вдоль ручья лежат,
Когда побеги снег накрыл,
И филины кричат,
И в мерзлой чаще воет волк
И жрет своих волчат».

«Вот страх-то! — бормотал Рыбак.—
Господь, не погуби!»
«Греби»! — Отшельник приказал
И повторил: «Греби!»

Челнок подпыл, но я не мог
Ни говорить, ни встать.
Челнок подплыл. И вдруг воды
Заволновалась гладь.

Внезапно корабль идет ко дну.

В пучине грянул гром, вода
Взметнулась в вышину,
Потом разверзлась, и корабль
Свинцом пошел ко дну.

Старого Морехода спасают, он поднят в лодку Рыбака.

Остолбенев, когда удар
Сотряс гранит земной,
Я, словно семидневный труп,
Был унесен волной.
Но вдруг почувствовал сквозь мрак,
Что я в челне, и мой Рыбак
Склонился надо мной.

Еще бурлил водоворот,
И челн крутился в нем.
Но стихло все. Лишь от холма
Катился эхом гром.

Я рот раскрыл — Рыбак упал,
На труп похожий сам.
Отшельник, сидя, где сидел,
Молился небесам.

Я взял весло, но тут малыш
От страха одурел.
Вращал глазами, хохотал
И бледен был как мел.
И вдруг он завопил: «Го-го!
На весла дьявол сел!»

И я на родине опять,
Я по земле могу ступать,
Я вновь войду в свой дом!
Отшельник, выйдя из челна,
Стал на ноги с трудом.

Старый Мореход молит Отшельника выслушать его исповедь.

«Внемли, внемли, святой отец!»
Но брови сдвинул он:
«Скорее говори — кто ты?
И из каких сторон?»

И здесь его настигает возмездие.

И тут я, пойманный в силки,
Волнуясь и спеша,
Все рассказал. И от цепей,
От страшной тяжести своей
Избавилась душа.

И непрестанная тревога заставляет его скитаться из края в край.

Но с той поры в урочный срок
Мне боль сжимает грудь.
Я должен повторить рассказ,
Чтоб эту боль стряхнуть.

Брожу, как ночь, из края в край
И словом жгу сердца
И среди тысяч узнаю,
Кто должен исповедь мою
Прослушать до конца.

Какой, однако, шумный пир!
Гостями полон двор.
Невеста и жених поют,
Подхватывает хор.
Но, слышишь, колокол зовет
К заутрене в собор.

О Брачный Гость, я был в морях
Пустынных одинок.
В таких морях, где даже Бог
Со мною быть не мог.

И пусть прекрасен этот пир,
Куда милей — пойми! —
Пойти молиться в Божий храм
С хорошими людьми.

Пойти со всеми в светлый храм,
Где Бог внимает нам,
Пойти с отцами и детьми,
Со всеми добрыми людьми,
И помолиться там.

И собственным примером учит он людей любить и почитать всякую тварь, которую создал и возлюбил Всевышний.

Прощай, прощай, и помни, Гость,
Напутствие мое:
Молитвы до Творца дойдут,
Молитвы сердцу мир дадут,
Когда ты любишь всякий люд
И всякое зверье.

Когда ты молишься за них
За всех, и малых и больших,
И за любую плоть,

И любишь все, что сотворил
И возлюбил Господь».

И старый Мореход побрел,—
Потух горящий взор.
И удалился Брачный Гость,
Минуя шумный двор.

Он шел бесчувственный, глухой
К добру и недобру.
И все ж другим — умней, грустней —
Проснулся поутру.

1797—1798

ЮЛИЯ

Medio de fonte leporum
surgit amari aliquid [1].

Как розан вешний, Юлия цвела —
Прекрасна, добродетельна, мила.
Поэты прелестям ее дивились,
Поклонники, как божеству, молились;
Но лишь один из них ответный пыл
В разборчивой девице заронил —
Блестящий Флорио, повеса юный,
Взлелеянный Венерой и Фортуной.
Еще уста красавицы хитрят,
Но жест и взгляд о страсти говорят;
Тут Флорио, предчувствуя победу,
Заводит о супружестве беседу
И радости, что дарит Гименей,
Живописует вдохновенно ей;
Минута та последних колебаний,
Что лишь согласье делают желанней!
Вот на колени с пылкостью двойной
Пред ней он падает... Но боже мой!..
О феи, покровительницы мосек!
В какую сторону глядел ваш носик?
Зачем вы не успели как-нибудь
В последний миг щеночка оттолкнуть?
Как допустили вы, чтоб тушей всею
Влюбленный мопсу сверзился на шею?

[1] Из источника всяческой прелести возникло нечто достойное любви *(лат.)*.

О, злобный рок! Подъемля к небу взор,
В котором только грусть, а не укор,
Несчастный взвыл в тоске неутолимой —
И пал у ног хозяйки недвижимый.
Дух отлетел — остался только прах...
Гнев и печаль у Юлии в глазах;
На Флорио они должны пролиться,
Мгновение — и буря разразится!
Но бури он бежал — поклявшись впредь
Щенят в соперниках не потерпеть!
Он вскоре занялся другим предметом,—
И ничего не потерял на этом.
Бедняжка Юлия! Что делать ей?
Увы! О злополучнейший из дней! —
Утрачены в единый час прескверный
И преданный жених, и мопсик верный!

1789

ПАДЕНИЕ БАСТИЛИИ

Ты слышала ли крик Французской всей земли?
Зачем же медлишь ты? Не жди и не надейся!
Прочь, Тирания, прочь! У варваров, вдали,
Оплачь былую мощь, оплачь свои злодейства!
Во все века, сквозь стоны бытия
Угадывались ты и ненависть твоя;
Но Вольность, услыхав напутствие Презренья,
Сломала цепь твою и раздробила звенья,
Как лава, что в земле родил глубинный взрыв,
Прорвала путь себе, руины сотворив!

Дыхание людей на вздохи изошло,
Надежды луч устал светить потемкам этим,
Лишь изредка, во сне, забыв дневное зло,
Унылых возвращал к друзьям и милым детям;
Но вот они, разбуженные вдруг,
Смотрели с ужасом удвоенным вокруг
И ускользали прочь, покорствуя Страданью,
Смерть призывавшему отчаявшейся дланью;
Иные же, сгорев, утратив разум свой,
В прилив Безумия бросались с головой.

Но полно вам, скорбя, кровоточить, сердца!
Не надо больше слез — ведь вижу каждый день я,
Что Воля дождалась счастливого конца,
Что Добродетель длит победное движенье,
Что, не страшась, крестьянин-патриот
Глядит восторженно, как колос в рост идет;
Его душа навек ушла от плена злого,
И смело зазвучит раскованное слово,
И душу в жизнь вдохнет Свобода — мудрый друг:
Свободна будет кровь, свободен сердца стук.

Одна ли Франция отвергнет старый трон?
Свобода, выбор твой — Лютеция одна ли?
Вот Бельгии сыны вокруг твоих знамен —
Но и врагов твоих знамена запылали...
Ты свет несешь, идя из края в край,
Иди и головы пред бурей не склоняй,
Чтобы у разных стран, по всем меридианам,
Была одна душа, враждебная тиранам!
И все же первым пусть среди других племен,
Свободнейшим из всех пребудет Альбион!

1789

МОНОДИЯ НА СМЕРТЬ ЧАТТЕРТОНА

Не странно ли, что смерть душе страшна?
Ведь с легким сердцем предаются сну
За ночью ночь, до гробовой межи,
Младенцы, дети, юноши, мужи.
Но дважды странно, если жизнь дана
Как краткий вдох в пути на крутизну.

Прочь, злобный призрак! Царь чудовищ, сгинь!
Лавину тьмы и ужасов низринь
На преступленья в мантиях державных!
Я — над могилой юноши, по ком
Звонит набат в отчаянье глухом.
Щедра Природа — жаден хищный Рок.
И колокол гудит с таким надрывом,
Как плачет мать о сыне, сбившись с ног:
Вернись домой веселым и счастливым!

Поэт! Заслон неосвященных плит
Тебя от злобы и нужды хранит.
Не подождав естественной черты,
Ты здесь нашел покой, под этим дерном.
Ты! Разве прах быть может назван «ты»?
Пред Господом, в сиянье животворном,
Перед престолом высшей доброты
Ты славишь мощь любви в греховном мире
(Не сомневайся, дух!) на царственной псалтири.

Но плачу, не избегнув размышлений
Над тем, *какою* смертью умер гений.
И часто в черный час воображенья
Над ядом застываю в отвращенье,
И тошно мне — я трепещу над телом,
    Распухшим, посинелым,
Хоть гнев рыданьям воли не дает
И разве что слезой на кромке глаз блеснет.

Не здесь ли люди в песнях знали толк?
Не здесь ли были исстари поэты
    Вниманием согреты?
Но все же голос Спенсера умолк,
И утомленное борьбою тело
От одиночества окоченело.
    И Отвэя удел
    Тихий хор стихий отпел,
Когда под грохот бури беспощадной
Сразил поэта голод кровожадный.

Наперсник Мысли, баловень Фортуны,
Покинул Эйвон сладкопевец юный.
С душою легкой он летит вперед
    И звучный стих стремит в полет
О том, как Элла смел в бою с врагами.
    Бурлит, клокочет и поет
    Шальных стихов водоворот,
И в пляске с бесноватыми стихами
Вскипает в жилах кровь, горячая, как пламя.

Но вот еще сильней пылают щеки,
И на лице такое торжество,
Перед которым слепнет естество,
И мощью дышит вымысел высокий.

Вот выросли крыла — и он стремглав
Взмывает ввысь для песенных забав.
Отрада сирым, страждущим бальзам,
Он слышит плач вдовы и стон калеки;
Он вымысел стремит к таким мирам,
Что вытравляет горе в человеке.
Какую мощь для слабых он припас,
Какую ширь — для узнических глаз!
Отчизне верен, он берет клинок —
И укрощен тиран, и распростерт у ног.
Стихий свободных вдохновенный сын!
Цветок, явивший миру слишком рано
Свой аромат неповторимо пряный!
Кто в мире злобы выживет один?
Как серафимы в небе ни старались,
Мороз побил листы, и черви внутрь пробрались.
Куда девался этот ясный взгляд
И жар, которым дух твой был объят?
Мечтатель дерзкий, юноша мятежный!
Я вижу снова твой тревожный шаг,
И бледен лоб, как будто первый знак
Явила смерть в заботе неизбежной.

Но в час, когда старушечьей рукой
Нужда тебе давала
Навеки усыпляющий настой,
Когда ты яд уже хотел хлебнуть,
Любовь, как ангел, встала за спиной
(Она была усталой и больной)
И внутрь души велела заглянуть,
Чтоб отогреть замерзнувшую грудь.
Твой дом родной она тебе явила —
Твой дом родной, где на закате дня
Тебя с улыбкой слушала родня.
Смотри: сестра твоя страдает,
И безутешно мать рыдает.
Вглядись, как мается она,
Отчаяньем ослеплена!
Прочь руку от постыдной чаши с ядом!

И руку ты отвел под этим взглядом.
Но Горе и Отчаянье стеной
На жизнь твою опять пошли войной —
Напомнили сознанью каждый штрих

Любой беды, любого униженья,
Всех оскорблений, всех невзгод твоих,
Ухмылку злобы и оскал презренья.
И чтоб от боли сердце уберечь,
Ты холоду велел по жилам течь.
О дух благословенный!
Где б ни был ты — пред божеством
Поёшь хвалу делам небесным
В согласье с братством бестелесным
Или в неистовстве сверх меры
Летишь сквозь ангельские сферы —
Дай мне с таким же торжеством,
Как ты, владеть высоким даром,
Дай противостоять ударам,
Пред бурею судьбы не оробеть
И ясный, трезвый взор не утерять и впредь!

Приманчив лес на крутизне приречной,
Чья тень сладка Мечте простосердечной, —
Здесь любо ей в тени венки сплетать
И пристальным зрачком закаты наблюдать.
Здесь, в темноте безлюдной, бездорожной,
Любил скитаться юноша тревожный,
Таинственный, как тусклый сноп лучей,
Рябым пятном упавших на ручей.
И в час урочный — в час, когда стихии
Порабощают помыслы людские,
Под шорохи пещер, и грай, и вой,
Под клекот чаек над речной волной
Метался здесь скиталец одинокий,
Шепча в пути рождаемые строки,
И вдруг на гребне островерхих скал
Он застывал и взгляд в пучину увлекал.

О Чаттертон! Над бедным прахом плачет
Тот, для кого твой гений столько значит.
Прощай, страдалец! Траурный венок
Кладу на холм заброшенной могилы.
Но хватит посвященных смерти строк,
Не то для жизни недостанет силы.
С крыла Безумья на меня упав,
Прожжет Надежду горя черный сплав.
И как бы Рок по злобе не убил
Оставшийся во мне природный пыл.

Поэтому, печаль, меня покинь!
Воспоминанья от себя гоню —
Довольно мучить роковому дню
Мой ум. Стремлюсь туда, где моря синь
Граничит с яркой зеленью долины,
Где тихой добродетели приют,
Где в лунном свете пляшут и поют,
Отдавшись чарам ночи соловьиной!

О Чаттертон! О, если б ты был жив!
Я знаю — дав отпор печали тяжкой,
Ты вместе с нами бы меж мирных нив
На воле правил звонкою упряжкой.
И мы к тебе б сходились ввечеру,
Чтоб слушать величавую игру,
Чтоб славить песни музы молодой,
В сужденьях равной старице седой.

Мечты! Вы осушаете на миг
Печали и отчанья родник.
Но есть мечта, к которой дух стремится,—
К потоку Сасквеханны удалиться
И на холме, чей неспокойный бор
Ведет с речною гладью долгий спор,
Смиренный кенотаф тебе поставить,
Чтобы певца погибшего восславить,
И под раскаты ветров погребальных
Взвалить на ум громаду дум печальных.

1790—1834

ЭОЛОВА АРФА

Задумчивая Сара! Мне к руке
Щекой прижалась ты — и как приятно
Сидеть у нашей хижины, заросшей
Жасмином белым и тенистым миртом
(То символы Невинности с Любовью!),
Следить за облаками, на глазах
Тускнеющими, за звездой вечерней,
Как Мудрость, безмятежною и яркой,
Сияющей напротив! Как прекрасен
На грядках аромат! И как все тихо!
Далекий ропот моря о молчанье

Нам говорит.
А та простая лютня,
В окне прикреплена! Нет, ты послушай!
Под ласкою небрежной ветерка
Она, как дева робкая, упреки
Возлюбленному шлет, ему внушая
Быть повольнее! А теперь по струнам
Смелее он проводит, ноты плавно
Вздымаются по сладостным волнам —
Такие нежно-колдовские звуки
В час сумеречный эльфы издают,
Несомы ветерком из Царства Фей,
Где вкруг цветов медвяных нежно реют
Мелодии, подобны птицам райским,
Без отдыха, на крыльях неуемных!
Вне нас и в нас едино бытие —
Душа всему, что движется навстречу,
Свет в звуке, и подобье звука в свете,
И в каждой мысли ритм, и всюду радость.
По мне бы, право, было невозможно
Не возлюбить всего в обширном мире,
Где ветерок поет, а тихий воздух
Есть Музыка, уснувшая на струнах.

Так, дорогая! На пологом скате
Того холма я лягу в яркий полдень
И наблюдаю, щурясь, как танцуют
Алмазные лучи на водной глади,
Спокойно размышляю о покое,
И много мыслей зыбких и незваных,
И много праздных, призрачных фантазий
Проносится в мозгу недвижном, праздном,
Разнообразны, словно ветерки,
Играющие на покорной арфе!

А что, когда вся сущая природа —
Собрание живых и мертвых арф,
Что мыслями трепещут, если их
Коснется ветер, беспредельный, мудрый,—
И каждого Душа и Бог Всего?

Но ты мне взглядом легкий шлешь упрек,
Любимая! Тебе такие мысли
Неясно-дерзкие не по душе,

Ты требуешь смиренья перед богом,
Дщерь кроткая в семействе Иисуса!
Сказала мудро ты, благочестиво
Отвегнув домыслы незрелой мысли:
Они легко исчезнут — пузыри
В потоке Философского ключа.
Грех толковать мне о Непостижимом:
Лишь, трепеща, его хвалить я должен
С неодолимой внутреннею верой —
Того, кто милосердно исцелил
Несчастнейшего грешника и после
Мне даровал покой, и кров смиренный,
И деву, сердцем чтимую,— тебя!

24 августа 1795

ОГОНЬ, ГОЛОД И РЕЗНЯ

ВОЕННАЯ ЭКЛОГА

Место действия — заброшенная тропа в Вандее.

Ведьма Голод лежит на земле;
входят Ведьма Огонь и Ведьма Резня.

Ведьма Голод

Кто вас в эту слал страну?

Ведьма Резня
(Ведьме Огню)

Я ей на ухо шепну.

Ведьма Огонь

Нет! Нет! Нет!
Веселиться будет Ад,
Если звуки долетят.
Нет! Нет! Нет!
Шепнув, не оберешься бед.
Назвала его я раз,
Черти вняли мне тотчас,
Начался разгульный пляс,
Своды Ада смех сотряс,
И они, пока дрожали,
Смех нечистый умножали.
Нет! Нет! Нет!

Веселиться будет Ад,
Если звуки долетят.

Ведьма Голод

Еле слышно ты шепни,
По секрету намекни.

Ведьма Резня

Четверкой букв он заклеймен —
А вас кто слал?

Обе

Все он! Все он!

Ведьма Резня

Тайком он логово отпер мое,
И тысяч трижды трехсот бытие
Прервалось, чтобы кровь мне пошла
на питье.

Обе

А кто поил тебя?

Ведьма Резня

Все он!
Четверкой букв он заклеймен.
Пустил и крикнул: улю-лю!
Его я одного хвалю.

Ведьма Голод

Сестра, спасибо! Кровь течет,
Детей и женщин голод грызет.
Я на топком поле битвы ждала,
Череп и кости подобрала;
Мне колотушкой служили они,
Но ворона с волком попробуй спугни!
И я тогда пустилась прочь:
На пир их мне взирать невмочь.
Я услышала стон и визг и тотчас
К щели в лачуге приставила глаз...
И что предстало мне в тени?

Обе

Ты нам на ухо шепни.

Ведьма Голод

Ребенок бил больную мать:
Обрекла я их с голоду умирать!

Обе

Кто так велел?

Ведьма Голод

Все он! Все он!
Четверкой букв он заклеймен.
Велел и крикнул: улю-лю!
Его я одного хвалю.

Ведьма Огонь

Я в Ирландии была!
Нивы и кусты я жгла,
И тускнел закат в огне!
Я шагала по стране,
Работа мне была легка,
Я хохотала, держась за бока:
Меня смешил взъяренный скот,
Когда средь пашен и болот
Он пробегал сквозь мрак и дым,
Рычащим пламенем гоним!
У хижин в зареве огней
Стреляли в голых бунтарей,
Огонь трещал, багрово-рыж,
И низвергались балки крыш
На злобных, немощных старух,
Чьи вопли мне ласкали слух.

Обе

Кто так велел?

Ведьма Огонь

Все он! Все он!
Четверкой букв он заклеймен.
Велел и крикнул: улю-лю!
Его я одного хвалю.

Все

Велел и крикнул: улю-лю!
О, как его я восхвалю?

В е д ь м а Г о л о д

Голод — мудрости залог.
Буду грызть и грызть народ,
Чтоб народ терпеть не смог —
И его проклятый род...

В е д ь м а Р е з н я

Он на клочья разорвет!

В е д ь м а О г о н ь

Неблагодарные! Вот срам!
И это ваш ответ дарам
Того, кто столько сделал вам?
Убирайтесь! Я одна
Остаюсь ему верна.

Он пекся восемь лет о вас —
И долг вернуть в единый час,
Бесстыжие, уж вам ли смочь?
Ступайте прочь, ступайте прочь!

<1798>

ОДА УХОДЯЩЕМУ ГОДУ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Ἰού ἰού, ὦ ὦ κακά.
Ψπ' αὖ με δεινός ὀρθομαντείας πόνος
Στροβεῖ, ἰαράδδων φροιμίοις δσφροιμίοι,
. . . . . .
Τὸ μέλλον ἥξει Καὶ σὺ μ'ἐν τάχει παρών
''Αγαν ἀληθόμαντιν οἰκτείρας ἐπεῖς [1].

Э с х и л. Агамемнон. 1173—1175; 1199—1200.

Ода начинается обращением к Божественному Промыслу, приводящему к единой великой гармонии все события времени, как бы бедственны ни казались смертным некоторые из них. Вторая строфа призывает людей отречься от их личных радостей и печалей

[1] Опять, опять
Меня кружит пророчества безумный вихрь
И мучит боль предчувствий. О, беда, беда!
. . . . . .
Что будет — будет. Слишком вещей скоро ты
Меня, свидетель скорбный, назовешь и сам.
(Перевод С. К. Апта)

и посвятить себя на время делу всего человеческого рода. Первый эпод говорит о Русской Императрице, умершей от апоплексии 17 ноября 1796 года, как раз перед тем заключив дополнительный договор с Королями, направленный против Франции. Первая и вторая антистрофы описывают образ Уходящего Года и т. д., как бы в видении. Второй эпод предвещает, в сокрушении духа, гибель отечества.

I

О Дух, гремящий Арфою Времен!
Чей смелый слух, не дрогнув, переймет
Твоих гармоний черногканый ход?
Но, взор вперяя в вечный небосвод,
Я долго слушал, сбросив смертный гнет,
В тиши душевной ум смирив земной;
И в вихре пышных риз передо мной
Пронесся мимо Уходящий Год!
Тихое забыв раздумье,
В некоем святом безумье,
Пока он в туче не исчез из глаз,
Я бурно грянул песнь и славил этот час.

II

От оплаканных гробниц
Из ужасной мглы темниц,
От ночной тоски недуга,
Из нор, где Бедность тщетно кличет друга,
Оттуда, где во тьме ущелий
Пламенник Любви заложен
Иль где Надежды в колыбели
Охраняет детский сон,—
Пестрый правя хоровод,
Вы, Скорби, Радости, вперед!
Той дикой Арфой, той рукой,
Чьим мощным взмахом ото сна —
Тревога струн пробуждена,
Вас заклинаю всех сойтись толпой!
Из мирного гнезда,
Из нищенских лачуг,
Все, в страшный час, сюда;

Чтобы из вас священный вид исторг
Природы в пытке материнских мук
Плач и восторг!
Еще гремит то Имя, что вокруг
Воздвигло бурю и разверзло Ад;
Уже спешат на торжество веков
И Суд и Честь! Их поднял, как набат,
Святая Вольность, твой высокий зов!

III

Я видел в шлеме Властолюбья лик!
Царей я слышал беспокойный крик —
«О, где ж Богиня Северных границ?[1]
Где гром ее победных колесниц?»
Беги, Царей собор!
Секирой смерти сражена,
Вовеки не вперит она
В лицо Убийства охмелевший взор!
Души павших без числа,
Тех, что Висла унесла,
Тех, что с башен Измаила,
Где ров телами запружен,
Ярость дикая скосила
Под крик детей и вопли жен!
Тени, спящих без гробниц,
Грозный трубный звук разлейте,
Цепи мрачных верениц
Вкруг ее могилы вейте!

---

[1] Дополнительный Договор был только что заключен, и Россия готовилась, не ограничиваясь благочестивыми воззваниями, оказать более эффективную помощь державам, объединившимся против Франции. Я радуюсь не смерти Женщины (мысленно я никогда не смел представить себе Русскую Императрицу в дорогом и чтимом облике Женщины — Женщины, этом многогранном понятии, объемлющем Мать, Сестру, Жену!). Я радуюсь низвержению демона! Я радуюсь искоренению злого Начала, воплощаемого ею! Ровно шесть лет назад, день в день, была совершена кровавая резня в Измаиле. Тридцать тысяч людей, мужчин, женщин и детей, были хладнокровно убиты только за то, что их гарнизон стойко и храбро оборонял город. Зачем вспоминать, что она отравила мужа, ее преступления в Польше или ее недавнее, ничем не спровоцированное нападение на Персию, всепоглощающее честолюбие ее общественной деятельности или разнузданное сладострастие часов ее досуга! У меня нет никакого желания занять пост Историографа при Князе Преисподней! — *23 декабря 1796 г.*

Кровожадный Дух угас —
(Темен путь и грязны дни) —
Вкруг нее ведите пляс,
Как могильные огни!
И пойте ей во тьме ночей
Рок венчанных палачей!

IV

Отшедший Год! Не на земных брегах
Тебя душа узрела! Где одна
Пред троном облачным, тиха, мрачна,
Ждет память, ты со стоном и в слезах,
Кровавой ризой кроя рамена,
Свои часы поведал! Тишиной,
Внимая, сонм облекся неземной,
Чьи волосы венчают пламена.
Тут, огнем очей блистая,
Хор бесплотный покидая,
Ступил вперед прекрасный Дух Земли
И стал у ступеней, где тучи залегли.

V

Затихли арфы, смолк
Небесный светлый полк.
Но семь Лампад, плывущих мимо трона
(семь Тайных Слов Закона),
Заветный дали знак.
Крылатый Дух поник, восстал и молвил так:
«Ты, во мраке гроз царящий,
Свет предвечный и Любовь,
Ради слез Земли скорбящей,
Сотряси Перуна вновь!
Во имя попранного Мира,
Гордыни, Зависти, Вражды!
Во имя долгих лет Нужды
И Голода, который стонет сиро!
Во имя страшных пут,
Что Африку томят,
Пока творит свой суд
Глухой Синод, берущий кровью дань!
Во имя смеха тех, кто сыт и рад!

Отмститель, встань!
Неблагодарный Остров хмурит взгляд,
Сложив свой лук и полный стрел колчан.
Проговори с небесных черных круч!
На темный вражий стан
Взгляни огнем с нагроможденных туч!
Блесни перуном! Тяжким громом грянь!
То крик былых и будущих времен!
Услышь Природы непомерный стон!
Встань, Бог Природы, встань!

VI

Виденье скрылось, смолк глагол;
Но душу долгий ужас гнел.
И часто по ночам, во сне,
Все тот же призрак виден мне.
Холодный пот меня томит;
Пылает слух, плывут глаза;
Тяжелым гулом мозг обвит;
На сердце дикая гроза;
И дыханья трудный звук
Сходен с хрипом смертных мук!
Таким же бредом обуян
На поле боевом солдат,
Когда, полуживой от ран,
Он в груды тел вперяет взгляд!
(Окончен бой, в росе трава,
Ночному ветру нет конца!
Смотри: живая голова
Дрожит в объятьях мертвеца!)

VII

Еще не пал, не покорен
Родимый Остров, Альбион!
Твои холмы, как райский сад,
Солнечным дождем блестят;
Твои луга средь мирных гор
Оглашают бубенцы;
Их зеленеющий простор
Ограждают скал зубцы;

И Океан под дикий вой
Хранит, как сына, Остров свой!
Тебе дарит свою любовь
Гражданский Мир из года в год;
И никогда огонь и кровь
В твои поля не нес чужой народ.

VIII

Покинутый Небом! [1] Стяжанием пьян,
В трусливой дали, но гордыней венчан,
Ты меж пашен и стад охраняешь свой дом
И Голод и Кровь разливаешь кругом!
Ты проклят всеми! Жадно ждут народы,
Не клекчет ли Погибель с вышины!
Погибель с жутким взглядом!
Только сны
О пламени глубин, прорвавшем воды,
Ее дремоту тешат; всякий раз,
Когда под пеной пламенной волны
Провидит вновь ее драконий глаз
Твой, Альбион, неотвратимый час,
Чудовище на ложе привстает
И диким торжеством скрежещет сонный рот.

---

[1] Поэт, рассмотрев особые преимущества, которыми располагает Англия, сразу переходит к тому, как мы использовали эти преимущества. В силу того, что мы живем на острове, подлинные ужасы войны минули нас, и мы отблагодарили Провидение, пощадившее нас, тем пылом, с которым мы сеем эти ужасы меж народов, живущих в менее благоприятных географических условиях. Средь мира и довольствия мы возопили, примкнув к воплю алчущих голода и крови. Из ста семи минувших лет пятьдесят мы отдали Войне. Такое зло не может остаться безнаказанным. Мы гордимся и верим в наших союзников и наш флот,— но бог сотворил червя и подточит стебель нашей гордыни.

«Разве ты лучше Но-Аммона, находящегося между реками, окруженного водою, которого вал было море и море служило стеною его? Эфиопия и Египет с бесчисленным множеством других служили ему подкреплением; копты и ливийцы приходили на помощь тебе. Но и он переселен, пошел в плен; а о знатных его бросали жребий, и все вельможи скованы цепями. Так и ты — опьянеешь и скроешься. Все укрепления твои подобны смоковнице со спелыми плодами: если тряхнуть их, то они упадут прямо в рот желающего есть. Купцов у тебя стало более, чем звезд на небе. Князья твои — как саранча, и военачальники твои — как рои мошек, которые во время холода гнездятся в щелях стен, и когда взойдет солнце, то разлетаются — и не узнаешь места, где они были. Нет врачества для ран твоих, болезненна язва твоя. Все услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе; ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?» (Ветхий завет, Книга Пророка Наума, гл. III).

IX

Беги, беги, Душа!
Напрасен Птиц пророческих глагол —
Чу! хищники голодные, спеша,
Крылами бьют сквозь долгий ветра стон!
Беги, беги, Душа!
Я, непричастный к этой бездне зол,
С молитвой жаркой и в трудах,
Прося о хлебе скудной нивы прах,
Скорбел и плакал над родной страной.
Теперь мой дух бессмертный погружен
В Субботний мир довольствия собой;
И облаком страстей неомрачим
Господень Образ, чистый Серафим.

1796

КУБЛА ХАН, ИЛИ ВИДЕНИЕ ВО СНЕ

Фрагмент

Летом 1797 года автор, в то время больной, уединился в одиноком крестьянском доме между Порлоком и Линтоном, на эксмурских границах Сомерсета и Девоншира. Вследствие легкого недомогания ему прописали болеутоляющее средство, от воздействия которого он уснул в креслах как раз в тот момент, когда читал следующую фразу (или слова того же содержания) в «Путешествии Пэрчаса»: «Здесь Кубла Хан повелел выстроить дворец и насадить при нем величественный сад; и десять миль плодородной земли были обнесены стеною». Около трех часов автор оставался погруженным в глубокий сон, усыпивший, по крайней мере, все восприятия внешней обстановки; он непререкаемо убежден, что за это время он сочинил не менее двухсот или трехсот стихотворных строк, если можно так назвать состояние, в котором образы вставали перед ним во всей своей вещественности, и параллельно слагались соответствующие выражения, безо всяких ощутимых или сознательных усилий. Когда автор проснулся, ему показалось, что он помнит все, и, взяв перо, чернила и бумагу, он мгновенно и поспешно записал строки, здесь приводимые. В то мгновение, к несчастью, его позвал некий человек, прибывший по делу из Порлока, и задержал его более часа; по возвращении к себе в комнату автор, к немалому своему удивлению и огорчению, обнаружил,

что, хотя он и хранит некоторые неясные и тусклые воспоминания об общем характере видения, но, исключая каких-нибудь восьми или десяти разрозненных строк и образов, все остальное исчезло, подобно отражениям в ручье, куда бросили камень, но, увы! — без их последующего восстановления.

И все очарованье
Разрушено — мир призраков прекрасный
Исчез, и тысячи кругов растут,
Уродуя друг друга. Подожди,
Несчастный юноша со взором робким,—
Разгладится поток, виденья скоро
Вернутся! Остается он следить,
И скоро в трепете клочки видений
Соединяются, и снова пруд
Стал зеркалом.

Все же, исходя из воспоминаний, еще сохранившихся у него в уме, автор часто пытался завершить то, что первоначально было, так сказать, даровано ему целиком. Σαμερον αδιον ασω;[1] но «завтра» еще не наступило.

В качестве контраста этому видению я добавил фрагмент весьма несхожего характера, где с такой же верностью описывается сновидение, порожденное мучениями и недугом.

1798

Построил в Занаду́ Кубла́
Чертог, земных соблазнов храм,
Где Альф, река богов, текла
По темным гротам без числа
К бессолнечным морям.
Там тучных десять миль земли
Стеною прочной обнесли;
Среди садов ручьи плели узор,
Благоухали пряные цветы,
И окаймлял холмов ровесник, бор,
Луга, что ярким солнцем залиты.

А пропасть, жуткою полна красою,
Где кедры высились вокруг провала!
Не там ли женщина с душой больною,
Стеная под ущербною луною,

[1] Завтра песнь я вам спою *(греч.)*.

К возлюбленному демону взывала?
И, неумолчно в пропасти бурля,
Как будто задыхается земля,
Могучий гейзер каждый миг взлетал
И в небо взметывал обломки скал —
Они скакали в токе вихревом,
Как град или мякина под цепом!
Средь пляшущих камней ежемгновенно
Взмывал горé поток реки священной —
Пять миль по лесу, долу и поляне
Она текла, петляя и виясь,
Потом в пещеру мрачную лилась
И в мертвенном тонула океане,
И хану были в грохоте слышны
Вещанья предков — голоса войны!

Чертога тень в волнах скользила,
И звучали стройно в лад
Песнь, что тьма пещер творила,
И гремящий водопад.
Такого не увидишь никогда:
Чертог под солнцем — и пещеры льда!

Раз абиссинка с лютнею
Предстала мне во сне:
Она о сказочной горе,
О баснословной Аборе,
Слух чаруя, пела мне.
Когда бы воскресил я
Напев ее чужой,
Такой восторг бы ощутил я,
Что этой музыкой одной
Я воздвиг бы тот чертог
И ледяных пещер красу!
Их каждый бы увидеть мог
И рек бы: «Грозный он пророк!
Как строгий взор его глубок!
Его я кругом обнесу!
Глаза смежите в страхе: он
Был млеком рая напоен,
Вкушал медвяную росу».

1797

ЛЬЮТИ,
ИЛИ ЧЕРКЕССКАЯ ЛЮБОВНАЯ ПЕСНЯ

Я вышел в путь, лишь ночь легла,
Чтобы сжечь любовь дотла.
Надежда, сгинь, мечта, уйди —
У Льюти сердца нет в груди.
Взошла луна, и тень звезды
Белым маревом легла
На поверхности воды.
Всех светлей была скала —
Скала, чей блещущий алмаз
Кудрявый тис укрыл от глаз.
И Льюти встала предо мною:
На лоб, пьянящий белизною,
Упала прядь густой волною.
Манящий призрак, уходи!
Не сердце — лед у ней в груди.

Я видел облако — оно
Медленно текло к луне,
Игрой лучей привлечено,
Искрящееся, как руно.
Взлетев к слепящей белизне,
Оно в лучистый круг вошло
И стало царственно-светло.
Так я к любви моей иду
В пылу надежд, в душевной смуте
И млею, сердцу на беду,
Перед лицом лукавой Льюти.
Обманный морок, уходи!
Не сердце — лед у ней в груди.

У облака опоры нет,
Оно бессильно мчится прочь,
В пути теряя лунный свет,
И в тусклый темно-серый цвет
Его окрашивает ночь.
Раскинув скорбные крыла,
Облако летит в страну,
Где для него готовит мгла
Пугающую белизну.

Мое лицо ему под стать:
Любовь румянец извела
И хочет жизнь мою отнять.
Надежда, сгинь, мечта, уйди!
Зажгу ли жар у ней в груди?

Парит на небе островок —
Он легок, светел и высок,
Прозрачней облака любого.
Наверно, ветер в путь увлек
Частичку легче кисеи —
Батистовую ткань покрова
Умершей в муках от любви.
Познавший жар неразделенный
Погибнет, смерти обреченный.
Надежда, сгинь, мечта, уйди:
Не вспыхнет жар у ней в груди.

Из-под ног волна обвала
Сорвалась гудящим градом —
Река спокойная взыграла,
Как зверь, ревущим водопадом.
И лебеди, почуяв дрожь,
Поднялись с камышовых лож.
О птицы! Музыкой поверен
Движений ваших стройный лад!
Как неожидан и безмерен
Восторг, которым я богат!
По мне, не день, а ночь одна
Для ваших таинств создана.

Я знаю, где во власти сна
Любимая лежит одна —
Там соловей в кустах жасмина
Не замолкает ни на миг.
Будь я хоть тенью соловьиной,
Я б на мгновение проник
В укрытый ветками тайник
И мог хоть издали взглянуть
На белую нагую грудь,
Напоминающую мне
Двух птиц на вздыбленной волне.

О, если б в снах я ей предстал
В гробу, холодный и бесстрастный,
И взор любимой приковал
Мой лик, величию причастный!
Мпе не страшна была б могила,
Когда бы Льюти полюбила!
Надежда, сжалься, подожди —
Зажжется жар у ней в груди.

1798

ФРАНЦИЯ: ОДА

I [1]

Вы, облака, чей вознесенный ход
Остановить не властен человек!
Вы, волны моря, чей свободный бег
Лишь вечные законы прпзнает!
И вы, леса, чаруемые пеньем
Полночных птиц среди угрюмых скал
Или ветвей могучим мановеньем
Из ветра создающие хорал,—
Где, как любимый сын Творца,
Во тьме безвестной для ловца,
Как часто, вслед мечте священной
Я лунный путь свивал в траве густой,
Величьем звуков вдохновенный
И диких образов суровой красотой!

---

[1] *Первая строфа.* Обращение к тем предметам Природы, размышление о которых внушило Поэту преданную любовь к Свободе. *Вторая строфа.* Радость Поэта при свершении Французской Революции и его бесконечное отвращение к Союзу держав против Республики. *Третья строфа.* Бесчинства и преступления во время власти Террористов рассматриваются Поэтом как недолговечная буря и как естественный результат недавнего деспотизма и грязных суеверий Папства. В действительности Рассудок уже начал внушать множество опасений; но все же Поэт стремился сохранить надежду, что Франция изберет лишь один путь победы — показать Европе более счастливый и просвещенный народ, чем при других формах Правительства. *Четвертая строфа.* Швейцария и отказ Поэта от прежних мыслей. *Пятая строфа.* Обращение к Свободе, в котором Поэт выражает убеждение, что те чувства и тот великий и д е а л Свободы, который разум обретает, созерцая свое индивидуальное бытие и возвышенные объекты вокруг нас (см. первую строфу), не принадлежат людям как членам общества и не могут быть дарованы или воссозданы ни при какой форме правления; но являются достоянием отдельных людей, если они чисты и полны любви и поклонения богу в Природе».

Морские волны! Мощные леса!
Вы, облака, средь голубых пустынь!
И ты, о солнце! Вы, о небеса!
Великий сонм от века вольных сил!
Вы знаете, как трепетно я чтил,
Как я превыше всех земных святынь
Божественную Вольность возносил.

II

Когда, восстав в порыве мятежа,
Взгремела Франция, потрясши свет,
И крикнула, что рабства больше нет,
Вы знаете, как верил я, дрожа!
Какие гимны, в радости высокой,
Я пел, бесстрашный, посреди рабов!
Когда ж, стране отмщая одинокой,
Как вызванный волхвами полк бесов,
Монархи шли, в годину зла,
И Англия в их строй вошла,
Хоть милы мне ее заливы,
Хотя любовь и дружба юных лет
Отчизны освятили нивы,
На все ее холмы пролив волшебный свет,—
Мой голос стойко возвещал разгром
Противникам тираноборных стрел,
Мне было больно за родимый дом!
Затем, что, Вольность, ты одна всегда
Светила мне, священная звезда;
Я Францию проснувшуюся пел
И за отчизну плакал от стыда.

III

Я говорил: «Пусть богохульный стон
Врывается в созвучья вольных дней
И пляс страстей свирепей и пьяней,
Чем самый черный и безумный сон!
Вы, на заре столпившиеся тучи,
Восходит солнце и рассеет вас!»
И вот, когда вослед надежде жгучей
Разлад умолк, и длился ясный час,
И Франция свой лоб кровавый

Венчала тяжким лавром славы,
Когда крушительным напором
Оплот врагов смела, как пыль, она
И, яростным сверкая взором,
Измена тайная, во прах сокрушена,
Вилась в крови, как раненый дракон,—
Я говорил, провидя свет вдали:
«Уж скоро мудрость явит свой закон
Под кровом всех, кто горестью томим!
И Франция укажет путь другим,
И станут вольны племена земли,
И радость и любовь увидят мир своим!»

IV

Прости мне, Вольность! О, прости мечты!
Твой стон я слышу, слышу твой укор
С холодных срывов Гельветийских гор,
Твой скорбный плач с кровавой высоты!
Цвет храбрецов, за мирный край сраженный,
И вы, чья кровь окрасила снега
Родимых круч, простите, что, плененный
Мечтой, я славил вашего врага!
Разить пожаром и мечом,
Где мир воздвиг ревнивый дом,
Лишить народ старинной чести,
Всего, что он в пустыне отыскал,
И отравить дыханьем мести
Свободу чистую необагренных скал,—
О Франция, пустой, слепой народ,
Не помнящий своих же страшных ран!
Так вот чем ты горда, избранный род?
Как деспоты, кичась, повелевать,
Вопить на травле и добычу рвать,
Осквернить знаменами свободных стран
Храм Вольности, опутать и предать?

V

Кто служит чувствам, кто во тьме живет,
Тот вечно раб! Безумец, в диких снах,
Он, раздробив оковы на руках,
Свои колодки волею зовет!

Как много дней, с тоскою неизменной,
Тебе вослед, о Вольность, я летел!
Но ты не там, где власть, твой дух священный
Не веет в персти человечьих дел.
Ты ото всех тебя хвалящих,
Чудясь молитв и песен льстящих,
От тех, что грязнет в суеверьях,
И от кощунства буйственных рабов
Летишь на белоснежных перьях,
Вожатый вольных бурь и друг морских валов!
Здесь я познал тебя — у края скал,
Где стройный бор гуденье хвои
В единый ропот с шумом вод сливал!
Здесь я стоял с открытой головой,
Себя отдав пустыне мировой,
И в этот миг властительной любви
Мой дух, о Вольность, встретился с тобой.

Февраль 1798

ПОЛУНОЧНЫЙ МОРОЗ

Мороз свершает тайный свой обряд
В безветрии. Донесся резкий крик
Совы — и чу! опять такой же резкий.
Все в доме отошли ко сну, и я
Остался в одиночестве, зовущем
К раздумью тайному; со мною рядом
Мое дитя спит мирно в колыбели.
Как тихо все! Так тихо, что смущает
И беспокоит душу этот странный,
Чрезмерный мир. Холм, озеро и лес,
С его неисчислимо-полной жизнью,
Как сны, безмолвны! Синий огонек
Обвил в камине угли и не дышит;
Лишь пленочка [1] из пепла на решетке
Все треплется, одна не успокоясь.
Ее движенья, в этом сне природы,
Как будто мне сочувствуют, живому.
И облекаются в понятный образ,

---

[1] Лишь пленочка. Во всех частях Королевства эти пленочки называют «гостями»; считается, что они предвещают приход отсутствующего друга. *(Прим. автора.)*

Чьи зыбкие порывы праздный ум
По-своему толкует, всюду эхо
И зеркало искать себе готовый,
И делает игрушкой мысль.

Как часто,
Как часто в школе, веря всей душой
В предвестия, смотрел я на решетку,
Где тихо реял этот «гость»! И часто,
С открытыми глазами, я мечтал
О милой родине, о старой церкви,
Чей благовест, отрада бедняка,
Звучал с утра до ночи в теплый праздник
Так сладостно, что диким наслажденьем
Я был охвачен и внимал ему,
Как явственным речам о том, что будет!
Так я смотрел, и нежные виденья
Меня ласкали, превращаясь в сон!
Я ими полон был еще наутро,
Перед лицом наставника вперив
Притворный взор в расплывчатую книгу:
И если дверь приоткрывалась, жадно
Я озирался, и сжималось сердце,
Упорно веря в появленье «гостя» —
Знакомца, тетки иль сестры любимой,
С которой мы играли в раннем детстве.

Мое дитя, что спит со мною рядом,
Чье нежное дыханье, раздаваясь
В безмолвье, заполняет перерывы
И краткие отдохновенья мысли!
Мое дитя прекрасное! Как сладко
Мне думать, наклоняясь над тобой,
Что ждет тебя совсем другое знанье
И мир совсем другой! Ведь я возрос
В огромном городе, средь мрачных стен,
Где радуют лишь небо да созвездья.
А ты, дитя, блуждать, как ветер, будешь
По берегам песчаным и озерам,
Под сенью скал, под сенью облаков,
В которых тоже есть озера, скалы
И берега: ты будешь видеть, слышать
Красу обличий, явственные звуки
Довременного языка, которым

Глаголет бог, от века научая
Себе во всем и всем вещать в себе.
Учитель вышний мира! Он взлелеет
Твой дух и, даруя, вспоит желанья.

Ты всякое полюбишь время года:
Когда всю землю одевает лето
В зеленый цвет. Иль реполов поет,
Присев меж комьев снега на суку
Замшелой яблони, а возле кровля
На солнце курится; когда капель
Слышна в затишье меж порывов ветра
Или мороз, обряд свершая тайный,
Ее развесит цепью тихих льдинок,
Сияющих под тихою луной.

Февраль 1798

СОЛОВЕЙ

Поэма-беседа, апрель 1798 г.

День отошедший не оставил в небе
Ни облака, ни узкой полосы
Угрюмого огня, ни смутных красок.
Взойдем сюда, на этот старый мост.
Отсюда видно, как блестит поток,
Но струй не слышно; он течет бесшумно
По мягкому ковру травы. Все тихо,
Ночь так спокойна! И хоть звезды тусклы,
Подумаем о шумных вешних ливнях,
Что радуют зеленый мир, и мы
Найдем отраду в тусклом свете звезд.
Но слушайте! Вот соловей запел.
«Звучнейшая, печальнейшая» птица!
Печальнейшая птица? Нет, неправда!
Нет ничего печального в Природе.
То, верно, был ночной скиталец с сердцем,
Пронзенным памятью о злой обиде,
Недуге давнем иль любви несчастной
(Собой, бедняга, наполнявший все
И слышавший в нежнейших звуках повесть
Своей же скорби), иль ему подобный,
Кто первый назвал эту песнь печальной.

И этой басне вторили поэты,
Которым, чем за рифмами гоняться,
Гораздо лучше было бы прилечь
На мху лесной лощины, у ручья,
При солнце или месяце, внушеньям
Живых стихий, и образов, и звуков
Всю душу отдавая, позабыв
И песнь свою и славу! Эта слава
Тонула бы в бессмертии Природы, —
Удел достойнейший! — и эта песнь
С Природой бы слилась и, как Природу,
Ее любили бы. Но так не будет;
И поэтичнейшая молодежь,
Что коротает сумерки весны
В театрах душных, в бальных залах, сможет
По-прежнему сочувственно вздыхать
Над жалобною песнью Филомелы.

Мой друг, и ты, Сестра! Открыта нам
Другая мудрость: в голосах Природы
Для нас всегда звучит одна любовь
И радость! Вот веселый соловей
Стремит, торопит сладостный поток
Своих густых, живых и частых трелей,
Как бы боясь, что тьмы апрельской ночи
Ему не хватит, чтобы песнь любви
Спеть до конца и с сердца сбросить груз
Всей этой музыки!
Я знаю рощу
Дремучую у стен высоких замка,
Где не живут уже давно. Она
Вся заросла густым хворостником,
Запущены широкие аллеи,
По ним трава и лютики растут.
Но я нигде на свете не встречал
Так много соловьев; вдали, вблизи,
В деревьях и кустах обширной рощи
Они друг друга окликают пеньем,—
Где и задор, и прихотливость лада,
Напевный рокот, и проворный свист,
И низкий звук, что всех других отрадней,—
Такой гармонией волнуя воздух,
Что вы, закрыв глаза, забыть готовы,
Что это ночь! Меж лунными кустами

С полураскрытой влажною листвой
Вы по ветвям увидите сверканье
Их ярких, ярких глаз, больших и ярких,
Когда лампаду страстную затеплит
Светляк во мраке.
Молодая дева,
Живущая в своем радушном доме
Поблизости от замка, в поздний час,
(Как бы служа чему-то в этой роще,
Что величавей, чем сама Природа)
Скользит по тропам; ей давно знакомы
Все звуки их и тот летучий миг,
Когда луна за облака зайдет
И смолкнет все кругом; пока луна,
Вновь выплывая, не пробудит властно
И дол, и твердь, и бдительные птицы
Не грянут разом в дружном песнопенье,
Как если бы нежданный ветер тронул
Сто небывалых арф! Она видала
Порой, как соловей сидит, вертясь,
На ветке, раскачавшейся от ветра,
И в лад движенью свищет, ошалев,
Шатаемый, как пьяное Веселье.

С тобой, певец, до завтра я прощаюсь,
И вы, друзья, прощайте, не надолго!
Нам было хорошо помедлить тут.
Пора и по домам.— Вновь эта песнь!
Я был бы рад остаться! Мой малютка,
Который слов не знает, но всему
Забавным подражает лепетаньем,
Как бы сейчас он к уху приложил
Свою ручонку, оттопырив палец,
Веля нам слушать! Пусть Природа будет
Ему подругой юности. Он знает
Вечернюю звезду; раз он проснулся
В большой тревоге (как ни странно это,
Ему, наверно, что-нибудь, приснилось);
Я взял его и вышел с ним в наш сад;
Он увидал луну и вдруг умолк,
Забыв про плач, и тихо засмеялся,
А глазки, где еще дрожали слезы,
Блестели в желтом лунном свете! Полно!
Отцам дай говорить! Но если Небо

Продлит мне жизнь, он будет с детских лет
Свыкаться с этой песнью, чтобы ночь
Воспринимать, как радость,— Соловей,
Прощай, и вы, мои друзья, прощайте!

1798

ГЕНДЕКАСИЛЛАБЫ В ДУХЕ КАТУЛЛА

Дорогая, внемли милетской сказке!
Обдуваем ветрами, в кущах лавра,
Храм, мерцая, над мысом возвышался;
И вставал в тонкой дымке над волнами,
Богом стад сотворен, прекрасный остров.
И с его берегов, суровых, дальних,
Часто челн доплывал при лунном свете
До пещеры, в подножье мыса скрытой,
Где средь миртов тропинка извивалась
И вела к рощам лавра возле храма.
Там, средь роз, Киферее посвященных,
Часто жрица, прелестна, как виденье,
Душу сыну богини изливала,
Утлый челн умоляла не оставить
И незримо по сумеречным волнам
Направлять, чтобы вновь пловец отважный,
Трепеща, мог поникнуть ей на лоно.

⟨1799⟩

БАЛЛАДА О ЧЕРНОЙ ЛЕДИ

Отрывок

Ветвистый, среброкорый ствол
Березы над ручьем поник,
Где, со скалы сбегая вниз,
Во мхах журчит родник;

Там Леди Черная сидит
В безмолвной муке рядом с ним,
И слезы тяжкие из глаз
Журчат ручьем двойным;

Пажа три раза в замок шлет,
Воздвигнутый на высоте,
Дабы к ней рыцаря призвал
С грифоном на щите.

Все ниже солнце; смеркся день,
А Леди, ужасаясь, ждет,
Мгновенья числит, замерев:
Что ж рыцарь не идет!

Вдруг,— легкий шелест над ручьем
Шатнулись дальние кусты...
«Мой нареченный! Мой жених!
Лорд Фолкленд, это ты!»

К нему припав, она спешит
Надежды выплакать и страх,
Ручьями слез гася огонь
Лобзаний на щеках.

«Велели у тебя спастись
Друзья, злокозненно дразня;
Укрой же на твоей груди
И защити меня!

Тебе, мой Генри, отдала
Я мир души и сердца жар.
О, Небо! Их назад не взять!
Все принесла я в дар!»

«Владетель замков — мой отец,—
Промолвил рыцарь ей в ответ,—
Их девять, и на всей земле
Прекрасней замков нет!

Прекраснейший из девяти
Моей возлюбленной сужден;
Дождись лишь почи, и твоим
Владеньем станет он!

Как только вечер заслонит
Ладонью западный проем,
Сквозь мрак, среди мерцанья звезд,
Мы заскользим вдвоем!»

«Сквозь мрак? Среди мерцанья звезд?
Зачем же? Погоди, постой!..
О, боже! Он пред ликом дня
Мне дал обет святой!

Из дома отчего меня
Он должен полднем увести,
И дети в белом нам цветы
Рассыплют на пути.

Нас менестрелей встретит хор
Хвалой в честь молодой четы,
И дети в белом, встретив нас,
Рассыплют вновь цветы.

В перловых нитях смоль кудрей,—
Так я войду с любимым в круг
Веселых статных поезжан
И розовых подруг...»

1798

МЫСЛИ ДЬЯВОЛА

I

Дьявол утром, с ложа серного встав,
Покинул пределы Ада:
На Землю — на ферму свою — поглядеть
И узнать, как живет его стадо.

II

По горам он шел, по долам шагал,
Полезной прогулке рад,
И длинным хвостом непрестанно махал,
Как тростью машет фат.

III

Каков же дьявол был на вид?
О! По-воскресному франтовит:
Сюртук из алого сукна,
А в штанах дыра для хвоста видна.

IV

Он увидал: у конюшни бьет
Палкой змею адвокат,
И черту припомнились в тот же миг
Авель и его брат.

V

Ехал аптекарь на белом коне
По делу, и, как ни странно,
Дьявол припомнил друга: Смерть
В Откровениях Иоанна.

VI

Увидев, коттедж, а при нем
Для двух карет помещенье,
Ухмыльнулся черт: он всегда одобрял
Паче гордости униженье.

VII

Букинисту богатому дьявол сказал:
«Одинаковы наши призванья!
Я сам когда-то сидел, как баклан,
Возле Древа Познанья» [1].

VIII

Черт увидел, как рыла яму свинья
И сама же в нее попала;
«Она похожа,— нечистый изрек,—
На коммерцию Англии в нынешний век —
Меж ними разницы мало».

---

[1] Мистер Джон Мильтон, этот интереснейший из биографов дьявола, приводит сей анекдот в своем «Потерянном Рае», а здесь мы имеем собственное свидетельство самого дьявола относительно верности и точности этого анекдота.

IX

Ряд одиночных камер предстал
В Колд-Батской тюрьме перед ним,
И нечистый был рад: он способ узнал,
Как усилить в Аду режим.

X

Там тюремщик узника заковал
Во мгновение ока в оковы.
«Что значит практика! — дьявол изрек.—
Раз-два — и готово!»

XI

И тот же страж отсидевших срок
Не спешил отпускать из-под кровли,
И черту припомнился долгий дебат
Об отмене работорговли.

XII

Он знакомую старую увидал:
На моленье она спешила
К методистам в часовню, и дьявол ей
Поклонился учтиво и мило.

XIII

Нос она задрала и сказала ему:
«Изыди! Крепка моя вера!»
И стала облизываться, воззрясь
На какого-то кавалера.

XIV

Он видел, как один министр,
Давно уж им любим,
В Палату некую прошел,
А большинство — за ним.

XV

И вспомнил из Писанья черт
О том, как в оный век
В сопровожденье гадов Ной
Прошествовал в ковчег.

XVI

Стал бедных грабить черт
Для богатого господина,
Одному шотландцу он руку пожал,
Не пугаясь сукина сына.

XVII

Увидев, как некий генерал
Багровеет, накачан вином,
Нечистый в пекло заспешил;
Ошибся дьявол: он решил,
Что все горит кругом.

1799

ГИМН ЗЕМЛЕ. ГЕКЗАМЕТРЫ

В ПОДРАЖАНИЕ «ГИМНУ ЗЕМЛЕ» ШТОЛЬБЕРГА

Гея! Бесчисленных чад и мать и кормилица, Гея!
Трижды привет мой тебе, о богиня! Пою тебе славу!
Лейтесь, о лирные звуки, как волны, качая мой голос!
Ввысь воспари, о душа! Вознеси на крылах мою песню.
Взор мой блуждает по долу — вот озеро, остров зеленый,
Темные скалы, по скалам ручей пробегающий светлый;
В горной дубраве, красой и любовью твоей очарован,
Матерь великая, здесь у тебя я на лоне покоюсь!
Духи полудня игриво треплют кудри богини
Зеленовласой! Земля! Освежи меня! Чу! Коль примолкну,
Паузы арфы моей музыкальным гуденьем заполни.
Ты навеваешь мне радость и нежною грустью кропишь мне
Сердце, как будто росою, пока не прорвутся слезами
Радость и грусть из души в благодарственном трепетном гимне.
Гея! Бесчисленных чад и мать и кормилица, Гея!

Звездам небесным сестра, любимая радостным Солнцем!
Друг и хранитель Луны, о Земля, ты, кого не забудут
В круговращенье извечном на своде лазурном кометы!
Неувядаемо юная, всех в мирозданье моложе,
Небу супруга, что с высей на Землю взирает влюбленно,
Гея-загадка! Ответствуй, великая мать и богиня!
Иль ты не рада была, распустив свой девический пояс
В день, когда Небо-супруг впервые поял тебя в жены?
Был твой румянец прекрасен, тот утренний первый румянец!
Ты содрогнулась глубоко, Земля! И укрыться хотела
В собственной глуби своей! И могучую после отраду
Ты, извиваясь в объятьях у Неба-супруга, вкусила:
Дали объятья могучие жизнь существам бесконечным.
Тысячи новых насельников с тысячей новых влечений
Водные глади заполнили; реки по руслам запели;
Хриплое море взыграло, и вздулись валы океана;
Жизнь молодая мычала по гулким горам и дубравам,
Блея, блуждала в лугах, щебетала на ветках цветущих.

1799

НАДПИСЬ ДЛЯ СТЕПНОГО РОДНИКА

Платан, звенящий пчелами, подобен
Намету патриархов! Пусть всегда
Его седые ветви осеняют
Источник малый с круглым водоемом,
Куда нависший камень не пускает
Опавшую листву! Пусть ключ всегда,
Тих, как дыханье спящего младенца,
Стремит размерно ледяную влагу
Для путника! Пусть непрестанно пляшет,
Песок, завитый конусом, на дне,
Веселый, как прислужник фей, поверхность
Спокойных вод не покрывая рябью.
Прохлада здесь, и сумерки, и тень,
И мягкий мох — удобное сиденье.
Вблизи второго дерева не сыщешь.
Испей, скиталец! Отдохни! И если
Невинен сердцем ты — здесь освежишь
Твой дух, внимая еле слышным звукам —
Иль ветерку, или гуденью пчел!

1802

ОДА ДОЖДЮ,

сочиненная перед рассветом дня, назначенного для отъезда одного очень достойного,
но не слишком приятного гостя,
которого,— как я боялся,— дождь мог задержать.

1

Я знаю, что ночь сыра и темна,
Что час или два пролежал без сна,
И хоть глаза открывал порой,
Лежал, как слепой, в темноте сырой.
О Дождь! Я понял — ты ничто,
Ты заунывный, сложный звук.
Не благодарствую за то,
Что сон мой ты нарушил вдруг.
С рассветом воцарится тишь,
О Дождь! Ты смолкнешь, улетишь...
Больной, не выспавшийся всласть,
Тебя отнюдь не стану клясть;
Лишь нынче, до заката дня,
Уйди, пройди, оставь меня!

2

О Дождь! Унылый звук двойной:
Далекий бормот и плеск надо мной.
Мы, в соответствии дурном,
Ночью и днем, ночью и днем
Сквозь полог слез так много лет
Хромали друг за другом вслед.
С тех пор окрепла наша связь,
И плоть моя с тобой сжилась.
На раннем утре ты уйдешь,
Потом вернешься вновь!.. Ну, что ж!
Вернется боль, вернется грусть,
Суставы вновь опухнут,— пусть!
За эту вечную напасть
Тебя, о Дождь, не стану клясть,
Лишь нынче, до заката дня,
Уйди, пройди, оставь меня!

3

О Дождь! Готов прекрасным счесть
Тебя таким, каков ты есть!
Я мог бы написать о том,
Как ты хорош,— толстенный том.
Порой ты покидаешь нас,
Так почему бы не сейчас?
Хоть нынче, до заката дня,
Уйди, пройди, оставь меня!

4

О Дождь! На сдержанный прием
Не злись! Гостят в жилье моем
Старинный друг с моей сестрой,—
Ты нам свиданье не расстрой!
Мы не встречались так давно...
Недуги и тоска равно
Снедали нас; мы нынче днем
Хотим поговорить втроем.
Пойми: втроем! Ты это взвесь,
Четвертый лишним будет здесь.
Так много надо нам излить
Печалей, столько исцелить
Страданий, что нам Рок принес,
Так много набежало слез! —
Короче: хоть к началу дня
Уйди, пройди, оставь меня!

5

О Дождь! Клянусь тебя терпеть,
Когда б ты ни вернулся впредь!
Явись и нудно заряди!
Ведь ты, как прочие дожди,
Не столь приятен, сколь хорош.
Но я не хнычу ни на грош,
Хоть заряди на десять дней
И вдесятеро будь скучней,—

Я не взыщу и потому
Приветливо тебя приму
И стану слушать, как всегда.
Гости хоть месяц,— не беда!
Лишь нынче, до заката дня,
Уйди, пройди, оставь меня!

1802

МУЧИТЕЛЬНЫЕ СНЫ

Пред тем, как лечь в постель свою,
Я на коленях не стою
И не творю молитвы вслух,
Но медленно смиряю дух,
Предавшись вере и мечте, —
Смежаю веки в темноте,
И, отрешившись от судьбы,
Забыв заботы бытия,
Я к небу возношу мольбы,
И чувствует душа моя,
Что слаб, но не отвержен я,
И воскресают в мире вновь
Надежда, мудрость и любовь.

Настала ночь. Во власти чар
Я напрягал в молитве ум,
Пытаясь отогнать кошмар
Бесовских образов и дум,
Зловещий строй: толпу теней,
И месть, которой нет черней,
И все обиды прошлых дней,
Я зрил: презренных, что сильны
И злобой вооружены,
И мерзостных желаний власть,
И худшую из худших страсть,
Роились сонмища впотьмах,—
О, тяжкий стыд! О, душный страх!
Дела, таимые от всех,
Известны всем, и не поймешь,
В чем — благость, в чем — геенский грех;
Кругом мучительная ложь,
Что сердце мает и томит:
О, горький страх! О, душный стыд!

Так, в потрясенье, для меня
Две ночи минуло, два дня,
И сон бессонный в тишине,
Казался хуже смерти мне.
На третью ночь — все тот же сон.
Я был кошмаром пробужден,
И он не уходил, хотя
Я плакал горько, как дитя.
Лишь слезы мне могли помочь
Тогда, в мучительную ночь.
Я постигаю: суждена
Такая мука лишь тому,
Чья жизнь соблазнами полна,
Кто обречен сойти во тьму,
Кто носит в сердце вечный ад
И знает — нет пути назад.
Пусть он терзается во сне.
Но отчего все это — мне?
Одной любви взыскую я,
Ведь истинна любовь моя!

1816

ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

НОЧЬ

Ночное небо
Покрыто тонкой тканью облаков;
Неявственно, сквозь эту пелену,
Просвечивает белый круг луны.
Ни дерево, ни башня, ни скала
Земли не притеняют в этот час.
Но вот внезапно хлынуло сиянье,
Притягивая путника, который
Задумчиво бредет своей дорогой.
И видит он, глаза подъемля к небу,
В разрыве облаков — царицу ночи:
Во всем ее торжественном величье
Она плывет в провале темно-синем
В сопровожденье ярких, колких звезд:
Стремительно они несутся прочь,
Из глаз не исчезая; веет ветер,
Но тихо все, ни шороха в листве...
Провал средь исполинских облаков
Все глубже, все бездонней. Наконец
Видение скрывается, и ум,
Еще восторга полный, постепенно
Объемлемый покоем, размышляет
Об этом пышном празднестве природы.

25 января 1798

ТЁРН

I

— Ты набредешь на старый Тёрн
И ощутишь могильный холод:
Кто, кто теперь вообразит,
Что Тёрн был свеж и молод!
Старик, он ростом невелик,
С двухгодовалого младенца.
Ни листьев, даже ни шипов —
Одни узлы кривых сучков
Венчают отщепенца.
И, как стоячий камень, мхом
Отживший Тёрн оброс кругом.

II

Обросший, словно камень, мхом
Терновый куст неузнаваем:
С ветвей свисают космы мха
Унылым урожаем,
И от корней взобрался мох
К вершине бедного растенья,
И навалился на него,
И не скрывает своего
Упорного стремленья —
Несчастный Тёрн к земле склонить
И в ней навек похоронить.

III

Тропою горной ты взойдешь
Туда, где буря точит кручи,
Откуда в мирный дол она
Свергается сквозь тучи.
Там от тропы шагах в пяти
Заметишь Тёрн седой и мрачный,
И в трех шагах за ним видна
Ложбинка, что всегда полна
Водою непрозрачной:
Ей нипочем и суховей,
И жадность солнечных лучей.

IV

Но возле дряхлого куста
Ты встретишь зрелище иное:
Покрытый мхом прелестный холм
В полфута вышиною.
Он всеми красками цветет,
Какие есть под небесами,
И мнится, что его покров
Сплетен из разноцветных мхов
Девичьими руками.
Он зеленеет, как тростник,
И пышет пламенем гвоздик.

V

О боже, что за кружева,
Какие звезды, ветви, стрелы!
Там — изумрудный завиток,
Там — луч жемчужно-белый.
И как все блещет и живет!
Зачем же рядом Тёрн унылый?
Что ж, может быть, и ты найдешь,
Что этот холм чертами схож
С младенческой могилой.
Но как бы ты ни рассудил,
На свете краше нет могил.

VI

Ты рвешься к Тёрну, к озерку,
К холму в таинственном цветенье?
Спешить нельзя, остерегись,
Умерь на время рвенье:
Там часто Женщина сидит,
И алый плащ ее пылает;
Она сидит меж озерком
И ярким маленьким холмом
И скорбно повторяет:
«О, горе мне! О, горе мне!
О, горе, горе, горе мне!»

VII

Несчастная туда бредет
В любое время дня и ночи;
Там ветры дуют на нее
И звезд взирают очи;
Близ Тёрна Женщина сидит
И в час, когда лазурь блистает,
И в час, когда из льдистых стран
Над ней проносится буран,—
Сидит и причитает:
«О, горе мне! О, горе мне!
О, горе, горе, горе мне!»

VIII

— Молю, скажи, зачем она
При свете дня, в ночную пору,
Сквозь дождь и снег и ураган
Взбирается на гору?
Зачем близ Тёрна там сидит
И в час, когда лазурь блистает,
И в час, когда из льдистых стран
Над ней проносится буран,—
Сидит и причитает?
Молю, открой мне, чем рожден
Ее унылый долгий стон?

IX

— Не знаю; никому у нас
Загадка эта не под силу.
Ты убедишься: холм похож
На детскую могилу,
И мутен пруд, и мрачен Тёрн.
Но прежде на краю селенья
Взгляни в ее убогий дом,
И ежели хозяйка в нем,
Тогда лови мгновенье:
При ней никто еще не смел
Войти в печальный тот предел.

X

— Но как случилось, что она
На это место год от году
Приходит под любой звездой,
В любую непогоду?
— Лет двадцать минуло с поры,
Как другу Марта Рэй вручила
Свои мечты и всю себя,
Вручила, страстно полюбя
Лихого Стива Хилла.
Как беззаботна, весела,
Как счастлива она была!

XI

Родня благословила их
И объявила день венчанья;
Но Стив другой подруге дал
Другое обещанье;
С другой подругой под венец
Пошел, ликуя, Стив беспечный.
А Марта,— от несчастных дум
В ней скоро помрачился ум,
И вспыхнул уголь вечный,
Что тайно пепелит сердца,
Но не сжигает до конца.

XII

Так полугода не прошло,
Еще листва не пожелтела,
А Марта в горы повлеклась,
Как будто что хотела
Там отыскать — иль, может, скрыть.
Все замечали поневоле,
Что в ней дитя, а разум дик
И чуть светлеет лишь на миг
От непосильной боли.
Уж лучше б умер подлый Стив,
Ее любви не оскорбив!

XIII

О, что за грусть! Вообрази,
Как помутненный ум томится,
Когда под сердцем все сильней
Младенец шевелится!
Седой Джером под Рождество
Нас удивил таким рассказом:
Что, в матери набравшись сил,
Младенец чудо сотворил,
И к ней вернулся разум,
И очи глянули светло;
А там и время подошло.

XIV

Что было дальше — знает бог,
А из людей никто не знает;
В селенье нашем до сих пор
Толкуют и гадают,
Что было — или быть могло:
Родился ли ребенок бедный,
И коль родился, то каким,
Лишенным жизни иль живым,
И как исчез бесследно.
Но только с тех осенних дней
Уходит в горы Марта Рэй.

XV

Еще я слышал, что зимой
При вьюге, любопытства ради,
В ночи стекались смельчаки
К кладбищенской ограде:
Туда по ветру с горных круч
Слетали горькие рыданья,
А может, это из гробов
Рвались наружу мертвецов
Невнятные стенанья.
Но вряд ли был полночный стон
К несчастной Марте обращен.

XVI

Одно известно: каждый день
Наверх бредет она упорно
И там в пылающем плаще
Тоскует возле Тёрна.
Когда я прибыл в этот край
И ничего не знал, то вскоре
С моей подзорною трубой
Я поспешил крутой тропой
Взглянуть с горы на море.
Но смерклось так, что я не мог
Увидеть собственных сапог.

XVII

Пополз туман, полился дождь,
Мне не было пути обратно,
Тем более что ветер вдруг
Окреп десятикратно.
Я озирался, я спешил
Найти убежище от шквала,
И, что-то смутно увидав,
Я бросился туда стремглав,
И предо мной предстала —
Нет, не расселина в скале,
Но Женщина в пустынной мгле.

XVIII

Я онемел — я прочитал
Такую боль в погасшем взоре,
Что прочь бежал, а вслед неслось:
«О, горе мне! О, горе!»
Мне объясняли, что в горах
Она сидит безгласной тенью,
Но лишь луна взойдет в зенит
И воды озерка взрябит
Ночное дуновенье,
Как раздается в вышине:
«О, горе, горе, горе мне!»

XIX

— И ты не знаешь до сих пор,
Как связаны с ее судьбою
И Тёрн, и холм, и мутный пруд,
И веянье ночное?
— Не знаю; люди говорят,
Что мать младенца удавила,
Повесив на кривом сучке;
И говорят, что в озерке
Под полночь утопила.
Но все сойдутся на одном:
Дитя лежит под ярким мхом.

XX

Еще я слышал, будто холм
От крови пролитой багрится —
Но так с ребенком обойтись
Навряд ли мать решится.
И будто — если постоять
Над той ложбинкою нагорной,
На дне дитя увидишь ты,
И различишь его черты,
И встретишь взгляд упорный:
Какой бы в небе ни был час,
Дитя с тебя не сводит глаз.

XXI

А кто-то гневом воспылал
И стал взывать о правосудье;
И вот с лопатами в руках
К холму явились люди.
Но тот же миг перед толпой
Цветные мхи зашевелились,
И на полста шагов вокруг
Трава затрепетала вдруг,
И люди отступились.
Но все уверены в одном:
Дитя зарыто под холмом.

XXII

Не знаю, так оно иль нет;
Но только Тёрн по произволу
Тяжелых мрачных гроздьев мха
Все время гнется долу;
И сам я слышал с горных круч
Несчастной Марты причитанья;
И днем, и в тишине ночной
Под ясной блещущей луной
Проносятся рыданья:
«О, горе мне! О, горе мне!
О, горе, горе, горе мне!»

Март — апрель 1798

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СТАДА

Прошла в скитаньях жизнь моя,
Но очень редко видел я,
Чтобы мужчина, полный сил,
Так безутешно слезы лил,
Как тот, какого повстречал
Я на кругах родной земли:
Он по дороге шел один,
И слезы горькие текли.
Он шел, не утирая слез,
И на плечах ягненка нес.

Своею слабостью смущен,
Стыдясь, отворотился он,
Не смея поглядеть в упор,
И рукавом глаза утер.
— Мой друг,— сказал я,— что с тобой?
О чем ты? Что тебя гнетет?
— Заставил плакать, добрый сэр,
Меня ягненок этот вот,
Последний,— с нынешнего дня
Нет больше стада у меня...

Я смолоду беспечен был;
Но, образумившись, купил

Овцу — не зная, есть ли прок
В таких делах, но в должный срок
Моя овца, на радость мне,
Хороших принесла ягнят;
Желания мои сбылись —
Женился я и стал богат.
Плодились овцы; что ни год
Со стадом вместе рос доход.

От лета к лету время шло,
И все росло овец число,
И вот их стало пятьдесят,
Отборных маток и ягнят!
Для них был раем горный луг,
Для нас был раем наш очаг...
Один ягненок уцелел —
Его несу я на плечах,
И пусть нам сгинуть суждено
От нищеты — мне все равно.

Я шестерых детей кормил,
На это не хватало сил
В неурожайный, горький год —
Я попросил помочь приход.
А мне сказали: «Ты богат —
Богатство на лугу твоем,
А хочешь хлеба — обходись
Своим нетронутым добром.
Приходский хлеб — для бедноты,
Его просить не смеешь ты!»

Овцу я продал, и моя
Досыта стала есть семья,
Окрепли дети — мне ж кусок
И горек был, и шел не впрок.
Настала страшная пора,
Смятение вошло в мой дом:
Овечье стадо — мой оплот,
Моим же созданный трудом,—
Как снег растаяло, и нас
Настиг беды и скорби час.

Еще овца, еще одна
Покинуть пастбище должна!

И каждая из них была,
Как капля крови. Кровь текла
Из ран моих — вот так пустел
Мой луг, и сколько там в живых,
Я не считал — я лишь мечтал,
Чтоб не осталось вовсе их,
Чтоб волю дать судьбе слепой,
Чтоб кончить горький этот бой!

Я замкнут стал, я стал угрюм,
Мутился ум от черных дум,
В грехах подозревал я всех
И сам способен стал на грех.
Печален дом, враждебен мир,
И навсегда ушел покой,
Устало к своему концу
Я шел, охваченный тоской;
Порой хотелось бросить дом
И жить в чащобах, со зверьем.

Таких овец не видел свет,
Цены им не было и нет;
Клянусь, я поровну любил
Детей — и тех, кто их кормил,—
Моих овец... И вот, молясь,
Я думал, что, наверно, бог
Карал за то, что больше я
Своих детей любить бы мог...
Редело стадо с каждым днем,
Овец все меньше было в нем.

Все горше было их считать!
Вот их пятнадцать, десять, пять,
Их три,— уж близко до конца! —
Ягненок, валух и овца...
Из стада в пятьдесят голов
Один остался, да и тот,
Оставшийся, из рук моих
В чужие руки перейдет,
Последний,— с нынешнего дня
Нет больше стада у меня...

1798

СТРОКИ,
НАПИСАННЫЕ НА РАССТОЯНИИ НЕСКОЛЬКИХ МИЛЬ ОТ ТИНТЕРНСКОГО АББАТСТВА ПРИ ПОВТОРНОМ ПУТЕШЕСТВИИ НА БЕРЕГА РЕКИ УАЙ

Пять лет прошло; зима, сменяя лето,
Пять раз являлась! И опять я слышу
Негромкий рокот вод, бегущих с гор,
Опять я вижу хмурые утесы —
Они в глухом, уединенном месте
Внушают мысли об уединенье
Другом, глубоком, и соединяют
Окрестности с небесной тишиной.
Опять настала мне пора прилечь
Под темной сикоморой и смотреть
На хижины, сады и огороды,
Где в это время года все плоды,
Незрелые, зеленые, сокрыты
Среди густой листвы. Опять я вижу
Живые изгороди, что ползут,
Подобно ответвленьям леса; мызы,
Плющом покрытые; и дым витой,
Что тишина вздымает меж деревьев!
И смутно брезжат мысли о бродягах,
В лесу живущих, или о пещере,
Где у огня сидит отшельник.
Долго
Не видел я ландшафт прекрасный этот,
Но для меня не стал он смутной грезой.
Нет, часто, сидя в комнате унылой
Средь городского шума, был ему я
Обязан в час тоски приятным чувством,
Живящим кровь и в сердце ощутимым,
Что проникало в ум, лишенный скверны,
Спокойным обновлением; и чувства
Отрад забытых, тех, что, может быть,
Немалое влияние окажут
На лучшее, что знает человек,—
На мелкие, невидные деянья
Любви и доброты. О, верю я:

Иным я, высшим даром им обязан,
Блаженным состояньем, при котором
Все тяготы, все тайны и загадки,
Все горькое, томительное бремя
Всего непознаваемого мира
Облегчено покоем безмятежным,
Когда благие чувства нас ведут,
Пока телесное дыханье наше
И даже крови ток у нас в сосудах
Едва ль не прекратится — тело спит,
И мы становимся живой душой,
А взором, успокоенным по воле
Гармонии и радости глубокой,
Проникнем в суть вещей.
И если в этом
Я ошибаюсь, все же — ах! — как часто
Во тьме, средь обликов многообразных
Безрадостного дня, когда все в мире
Возбуждено бесплодной суетой,—
Как часто я к тебе стремился духом,
Скиталец Уай, текущий в диких чащах,
Как часто я душой к тебе стремился.

А ныне, при мерцанье зыбких мыслей,
В неясной дымке полуузнаванья
И с некоей растерянностью грустной
В уме картина оживает вновь:
Я тут стою, не только ощущая
Отраду в настоящем, но отрадно
Мне в миге этом видеть жизнь и пищу
Грядущих лет. Надеяться я смею,
Хоть я не тот, каким я был, когда,
Попав сюда впервые, словно лань,
Скитался по горам, по берегам
Глубоких рек, ручьев уединенных,
Куда вела природа; я скорее
Напоминал того, кто убегает
От страшного, а не того, кто ищет
Отрадное. Тогда была природа
(В дни низменных, мальчишеских утех,
Давно прошедших бешеных восторгов)
Всем для меня. Я описать не в силах
Себя в ту пору. Грохот водопада

Меня преследовал, вершины скал,
Гора, глубокий и угрюмый лес —
Их очертанья и цвета рождали
Во мне влеченье — чувство и любовь,
Которые чуждались высших чар,
Рожденных мыслью, и не обольщались
Ничем незримым.— Та пора прошла,
И больше нет ее утех щемящих,
Ее экстазов буйных. Но об этом
Я не скорблю и не ропщу: взамен
Я знал дары иные, и обильно
Возмещены потери. Я теперь
Не так природу вижу, как порой
Бездумной юности, но часто слышу
Чуть слышную мелодию людскую
Печальную, без грубости, но в силах
Смирять и подчинять. Я ощущаю
Присутствие, палящее восторгом,
Высоких мыслей, благостное чувство
Чего-то, проникающего вглубь,
Чье обиталище — лучи заката,
И океан, и животворный воздух,
И небо синее, и ум людской —
Движение и дух, что направляет
Все мыслящее, все предметы мыслей,
И все пронизывает. Потому-то
Я до сих пор люблю леса, луга
И горы — все, что на земле зеленой
Мы видеть можем; весь могучий мир
Ушей и глаз — все, что они приметят
И полусоздадут; я рад признать
В природе, в языке врожденных чувств
Чистейших мыслей якорь, пристань сердца,
Вожатого, наставника и душу
Природы нравственной моей.
Быть может,
Не знай я этого, мой дух в упадок
Прийти бы мог; со мной ты на брегах
Реки прекрасной — ты, мой лучший друг,
Мой милый, милый друг; в твоих речах
Былой язык души моей я слышу,
Ловлю былые радости в сверканье
Твоих безумных глаз. О да! Пока
Еще в тебе я вижу, чем я был,

Сестра любимая! Творю молитву,
Уверен, что Природа не предаст
Ее любивший дух: ее веленьем
Все годы, что с тобой мы вместе, стали
Чредою радостей; она способна
Так мысль настроить нашу, так исполнить
Прекрасным и покойным, так насытить
Возвышенными думами, что ввек
Злословие, глумленье себялюбцев,
Поспешный суд, и лживые приветы,
И скука повседневной суеты
Не одолеют нас и не смутят
Веселой веры в то, что все кругом
Полно благословений. Пусть же месяц
Тебя в часы прогулки озарит,
Пусть горный ветерок тебя обвеет,
И если ты в грядущие года
Экстазы безрассудные заменишь
Спокойной, трезвой радостью, и ум
Все облики прекрасного вместит,
И в памяти твоей пребудут вечно
Гармония и сладостные звуки —
О, если одиночество и скорбь
Познаешь ты, то как целебно будет
Тебе припомнить с нежностью меня
И увещания мои! Быть может,
Я буду там, где голос мой не слышен,
Где не увижу взор безумный твой,
Зажженный прошлой жизнью,— помня все же,
Как мы на берегу прекрасных вод
Стояли вместе; как я, с давних пор
Природы обожатель, не отрекся
От моего служенья, но пылал
Все больше — о! — все пламеннее рвеньем
Любви святейшей. Ты не позабудешь,
Что после многих странствий, многих лет
Разлуки, эти чащи и утесы
И весь зеленый край мне стал дороже...
Он сам тому причиной — но и ты!

13 июля 1798

ЛЮСИ

I

Какие тайны знает страсть!
Но только тем из вас,
Кто сам любви изведал власть,
Доверю свой рассказ.

Когда, как роза вешних дней,
Любовь моя цвела,
Я на свиданье мчался к ней,
Со мной луна плыла.

Луну я взглядом провожал
По светлым небесам.
А конь мой весело бежал —
Он знал дорогу сам.

Вот наконец фруктовый сад,
Взбегающий на склон.
Знакомый крыши гладкий скат
Луною озарен.

Охвачен сладкой властью сна,
Не слышал я копыт
И только видел, что луна
На хижине стоит,

Копыто за копытом, конь
По склону вверх ступал.
Но вдруг луны погас огонь,
За крышею пропал.

Тоска мне сердце облегла,
Чуть только свет погас.
«Что, если Люси умерла?» —
Сказал я в первый раз.

II

Среди нехоженых дорог,
Где ключ студеный бил,
Ее узнать никто не мог
И мало кто любил.

Фиалка пряталась в лесах,
Под камнем чуть видна.
Звезда мерцала в небесах
Одна, всегда одна.

Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет — и оттого
Так изменился свет.

III

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал я, родина моя,
Как связан я с тобой.

Теперь очнулся я от сна
И не покину вновь
Тебя, родная сторона —
Последняя любовь.

В твоих горах ютился дом.
Там девушка жила.
Перед родимым очагом
Твой лен она пряла.

Твой день ласкал, твой мрак скрывал
Ее зеленый сад.
И по твоим холмам блуждал
Ее прощальный взгляд.

IV

Забывшись, думал я во сне,
Что у бегущих лет
Над той, кто всех дороже мне,
Отныне власти нет.

Ей в колыбели гробовой
Вовеки суждено
С горами, морем и травой
Вращаться заодно.

1799

СИМПЛОНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Дорога и река
Сопутствовали нам. Мы шли часами
Неторопливым шагом. Из лесов
К нам доносился тяжкий запах тленья,
Но жизнь торжествовала здесь повсюду;
Гремели, низвергаясь, водопады;
В теснине узкой воевали ветры
И выли, побежденные, протяжно;
Потоки изливались — с ясной выси;
Невнятными глухими голосами
Чернеющие — все в слезах — утесы
Пытались нам поведать о себе;
Безумствуя, речная быстрина
Нам головы кружила; в небесах
Парили облака свободной стаей.
Покой и непокой и тьма и свет —
Все словно одного ума творенье
И словно одного лица черты.
О, грозные, таинственные знаки!
Своей рукой их начертала вечность:
Начало, и конец, и бесконечность.

АГАСФЕР

Многопенные потоки,
Пробежав скалистый путь,
Ниспадают в дол глубокий,
Чтоб умолкнуть и заснуть.

Стая туч, когда смирится
Гнев грозы и гул громов,
Шлемом сумрачным ложится
На зубчатый ряд холмов.

День и ночь косуля скачет
По скалам среди высот,
Но ее в ненастье прячет
От дождя укромный грот.

Зверь морской, что в океане
Крова мирного лишен,
Спит меж волн, но их качанья
Он не чувствует сквозь сон.

Пусть, как челн, грозой гонимый,
Пляшет ворон в бурной мгле,—
Рад он пристани родимой
На незыблемой скале.

Робкий страус до заката
По пескам стремит свой бег,
Но и он спешит куда-то
В сень родную — на ночлег...

Без конца моя дорога,
Цель все так же впереди,
И кочевника тревога
День и ночь в моей груди.

1800

СКАЛА ДЖОАННЫ

Два года ранней юности своей
Ты подарила дымным городам
И с тихим прилежаньем научилась
Ценить лишь те живые Существа,
Какие жизнь проводят у камина;
И потому-то сердцем не спешишь
Ответить на расположенье тех,

Кто с умилением глядит на горы
И дружит с рощами и ручейками.
Ты нас покинула, и все же мы,
Живущие в укромной простоте
Среди лесов и нив, не разлюбили
Тебя, Джоанна! Я бы поручился,
Что после долгих месяцев разлуки
Ты с радостью бы услыхала некий
Обычный наш пустячный разговор
И подивилась верным чувствам тех,
С кем ты бывала счастлива когда-то.

Тому дней десять — я сидел в тиши
Под соснами, сомкнувшимися гордо
Над старой колокольней, и Викарий
Оставил мрачное свое жилище
И, поздоровавшись со мной, спросил:
«Что слышно про строптивую Джоанну?
Не собирается ль она вернуться?»
Порассудив о сельских новостях,
Он принялся выпытывать, зачем
Я возрождаю идолопоклонство,
И, как Друид, руническим письмом
Я высек чье-то имя на отвесной
Скале над Ротой, у опушки леса.

Я ощущал в душе невозмутимость,
Какая возникает на границе
Меж старою любовью и досадой,
И не старался избежать дознанья;
И вот что я сказал ему: — Однажды
С Джоанной мы гуляли на заре
В то восхитительное время года,
Когда повсюду верба расцветает
И золотыми жилами струится
В зеленых перелесках по холмам.
Тропинка привела на берег Роты
К крутой скале, глядящей на восток;
И там пред величавою преградой
Я замер — я стоял и созерцал
Скалу от основанья до вершины:
На необъятной плоскости сплетались
Кусты, деревья, камни и цветы;
Прелестная игра нежнейших красок,

Объединенных властной красотой,
Одним усильем восхищала сердце.

Так я стоял минуты две — и вдруг
Лукавая Джоанна мой восторг
Заметила и громко рассмеялась.
Скала как бы воспрянула от сна
И, вторя Деве, тоже рассмеялась;
Им отвечала древняя Старуха,
Сидящая на гулком Хэммарскаре;
И Хелмкрег, и высокий Силвер-Хау
Послали вдаль раскаты смеха; к югу
Его услышал Ферфилд, а за ним
Откликнулся громами дальний Лохригг;
Хелвеллин к ясным небесам вознес
Веселье гордой Девы; старый Скиддо
Задул в свою трубу; сквозь облачка
Донесся снежный голос Гларамары;
И Керкстон возвратил его к земле.

Наш добрый друг Викарий мне внимал
С растерянной улыбкой изумленья,
И мне пришлось сказать, что я не знаю,
На самом деле братство древних гор
Откликнулось на смех иль, может быть,
Я грезил наяву и был мой слух
Обманут потаенными мечтами.
Но только я уверен, что вдали
Мы слышали раскатистое эхо,
И милая Джоанна вдруг прильнула
Ко мне, как будто требуя защиты.

А восемнадцать месяцев спустя,
Уже один, прохладным ясным утром
Я оказался около скалы
И в память о давнишнем верном чувстве
Я высек на живом ее граните
Руническими буквами: ДЖОАННА.
И я, и те, кто близок мне, зовем
Прекрасную скалу Скалой Джоанны.

Август 1800

К У К У Ш К А

Я слышу издали сквозь сон
Тебя, мой давний друг.
Ты — птица или нежный стон,
Блуждающий вокруг?

Ложусь в траву, на грудь земли,
И твой двукратный зов
Звучит так близко и вдали,
Кочует меж холмов.

Привет любимице весны!
До нынешнего дня
Ты — звонкий голос тишины,
Загадка для меня.

Тебя я слушал с детских лет
И думал: где же ты?
Я за холмом искал твой след,
Обшаривал кусты.

Тебя искал я вновь и вновь
В лесах, среди полей.
Но ты, как счастье, как любовь,—
Все дальше и милей.

Я и сейчас люблю бывать
В твоем лесу весной,
И время юности опять
Встает передо мной.

О птица-тайна! Мир вокруг,
В котором мы живем,
Виденьем кажется мне вдруг.
Он — твой волшебный дом.

23—26 марта 1802

* * *

Моя любовь любила птиц, зверей,
Цветы любила, звезды, облака.
Я знал, что твари все знакомы ей,
Но не случалось видеть светлячка.

Ненастной ночью, едучи домой,
Я вижу вдруг зеленый луч у пня.
Гляжу, светляк! Вот радость, боже мой!
Обрадованный, спрыгнул я с коня.

Я положил жучка на мокрый лист
И взял с собой в ненастье, в ночь его.
Он был все так же зелен и лучист,
Светил — и не боялся ничего.

Подъехав к дому Люси, я тайком
Прошел к ней в сад, хотя был еле жив,
Жучка оставил под ее окном
На ветке и ушел, благословив.

Весь день я ждал, надежду затая,
И ночью в сад пустился поскорей.
Жучок светился. «Люси!» — крикнул я
И так был рад, доставив радость ей!

1802

* * *

Созданьем зыбкой красоты
Казались мне ее черты,
Когда, ниспослана судьбой,
Она возникла предо мной:
От звезд полночных — блеск очей,
От ночи летней — смоль кудрей,
А май беспечный и рассвет
Дополнили ее портрет
Весельем чувственных проказ,
Таких губительных для нас.

Сия духовность — я узнал —
Не лишена земных начал:
Уверенность хозяйских рук
И девичьи движенья вдруг;
Лицо, в котором чистота
Со страстью пылкою слита;
А как выдерживать подчас
Потоки немудреных фраз,
Печаль, и смех, и ливень слез,
Признаний, клятвенных угроз?!

Теперь мой взор невозмутим,
И ясно предстает пред ним
Ее размеренность во всем,
Единство опыта с умом,
Уменье все перенести
На трудном жизненном пути;
Венец земных начал, она
Для дома Богом создана,
И все ж духовное нет-нет,
Свой ангельский в ней явит свет.

1804

НАРЦИССЫ

Как тучи одинокой тень,
Бродил я, сумрачен и тих,
И встретил в тот счастливый день
Толпу нарциссов золотых.
В тени ветвей у синих вод
Они водили хоровод.

Подобно звездному шатру,
Цветы струили зыбкий свет,
И, колыхаясь на ветру,
Мне посылали свой привет.
Их были тысячи вокруг,
И каждый мне кивал, как друг.

Была их пляска весела,
И видел я, восторга полн,
Что с ней сравниться не могла
Медлительная пляска волн.
Тогда не знал я всей цены
Живому золоту весны.

Но с той поры, когда впотьмах
Я тщетно жду прихода сна,
Я вспоминаю о цветах,
И, радостью осенена,
На том лесистом берегу
Душа танцует в их кругу.

1804

ЭЛЕГИЧЕСКИЕ СТРОФЫ, ВНУШЕННЫЕ КАРТИНОЙ СЭРА ДЖОРДЖА БОМОНТА, ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ ПИЛСКИЙ ЗАМОК ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

Громада грозная на гребне скал!
С тобою был когда-то я знаком
И летом целый месяц наблюдал,
Как ты дремала в зеркале морском.

Был воздух тих, и ясен небосвод,
И дней однообразна череда;
Ты, отражаясь в сонной глади вод,
Дрожала, но видна была всегда.

И не казался штиль подобьем сна,
Незыблемого в пору летних дней;
Подумать мог бы я, что Глубина
Всего на свете кротче и нежней.

И если бы художником я был,
Я б написать в то время был готов
Свет, что по суше и воде скользил,
Поэта грезу, таинство миров;

Тебя я написал бы не такой,
Какая ты сейчас на полотне,
Но у воды, чей нерушим покой,
Под небом в безмятежной тишине;

Ты б летописью райскою была,
Сокровищницей бестревожных лет,
Тебя б любовно ласка облекла
Лучей, нежней которых в небе нет,

Под кистью бы моей предстал тогда
Покоя элизейского чертог,
Где нет борьбы тяжелой и труда,
А лишь Природы жизнь да ветерок,—

Такую бы картину создал я,
Когда душа мечте попала в плен,
В нее вместил бы сущность бытия
И тишь, которой не узнать измен.

Так раньше было бы — но не теперь:
Ведь я во власти у иных начал,
Ничто не возместит моих потерь,
И я от горя человечней стал.

Улыбку моря увидав опять,
Былого не верну, не повторю:
Утрату мне из сердца не изгнать,
Но я о ней спокойно говорю.

О друг мой Бомонт! Другом стать ты мог
Тому, по ком не минет скорбь вовек!
Твой труд прекрасный пылок и глубок:
Во гневе море и в унынье брег.

Ему несу я похвалу мою,
Его и ум и мастерство живят:
Седая глыба с бурею в бою,
Небес печаль, смятения парад!

И мил мне замка сумрачный оплот:
В доспехи стариною облачен,
Бестрепетно сражение ведет
С грозой, со штормом и с волнами он.

Прощай, уединенная душа,
Что без людей, в мечтах проводит дни!
Твоя отрада вряд ли хороша —
Они, конечно, слепоте сродни.

Но слава, слава стойкости людской
И грозам, что присущи дням земным,
Как эта, на холсте передо мной...
Не без надежд мы страждем и скорбим.

1805

СОЖАЛЕНИЕ

Увы, лишился я всего,
Богатый — обеднел я вмиг.
Близ двери сердца моего
Еще недавно бил родник
Твоей любви. Свежа, чиста,
Вода сама лилась в уста.

Как счастлив был в ту пору я!
Играя, в пламени луча
Кипела, искрилась струя
Животворящего ключа.
Но вот беда — ручей иссох,
Теперь на дне его лишь мох.

Родник любви, он не иссяк,—
Но что мне в том, когда навек
Вода ушла в подземный мрак
И тихо спит, прервав свой бег?
Отныне горек мой удел:
Я был богат, но обеднел.

[*1806—1807*]

Ц Ы Г А Н Ы

Мужчины, женщины и дети,— весь
Сплоченный род, на том же месте, здесь;
Подмостки те же — тот же луг,
И тех же лицедеев круг;
Лишь дерзостней костер ночной горит,
Придав глубокий, рдяный колорит
Цыганам смуглым, и шатрам,
И жалким травяным одрам...
Столь много перемен, в теченье дня,
Под небосводом тешили меня
В скитаниях,— но этот люд
На месте прежнем, тут как тут!
Вот солнце утомленное зашло,
И Веспер, словно некий бог, светло
Вознесся, царственно скользя,
Где пролегла его стезя;
И после краткой тьмы, когда Луна
Была развенчана, опять она
Свершает властный свой полет,
Но табор к ней молитв не шлет...
Нет! Лучше распря, лучше боль обид
Неправых, чем застывший этот быт,
Покой, которому в укор
Кружится вечно звездный хор!
Хоть в мире все и движется, но я

Не опорочу косного житья
Цыган,— Судьба взрастила их
Изгоями общин людских!

1807

* * *

Кто вышел солнцем без пятна,
Тот ангелов и пой.
Ты в «совершенства» не годна,
И тут я схож с тобой.

Твоей не видят красоты,
Но я, моя душа,
Я, Мэри, всем твержу, что ты
Безмерно хороша:

Не тем, что видеть всем дано,
А видным — лишь двоим,
Когда сердца слились в одно
И любящий любим.

1824

СОНЕТЫ

* * *

Монашке мил свой нищий уголок,
В пещерной тьме аскет не знает скуки,
Мила студенту цитадель науки,
Девица любит прялку, ткач — станок.

Пчела, трудясь, летит искать цветок
На дикий Фернс,— жужжит, и в этом звуке
Лишь радость, ни усталости, ни муки.
И кто в тюрьме свой дом увидеть смог,

Тот не в тюрьме. Вот почему не ода,
Но тесного сонета краткий взлет
И в радостях мне люб, и средь невзгод.

И кто, как я (не шутит ли природа!),
Горюет, что стеснительна свобода,
В сонете утешение найдет.

* * *

Земля в цвету и чистый небосвод,
Жужжанье пчел, медлительное стадо,
И шум дождя, и шум от водопада,
И зрелость нив, и поздних птиц отлет.

Я вспоминаю все — и сон нейдет,
Но долго ждать еще рассвета надо.
Ворвется щебет утреннего сада,
Начнет кукушка свой печальный счет.

Две ночи я в борьбе с бегущим сном
Глаз не сомкнул, и вот сегодня — эта!
Настанет утро — что за радость в нем,

Когда не спал и маялся до света.
Приди, поставь рубеж меж днем и днем,
Хранитель сил и ясных дум поэта!

СОН

О сон! Когда в душе — тоски приток,
Забвения даруешь ты крупицы.
Обычно ты смиренней пленной птицы,
Страшащейся покинуть свой шесток.

Но этой ночью ты — как мотылек,
Порхающий беспечно у границы
Воды и неба: сядешь на ресницы,
Но миг один — и ты уже далек.

Я весь пылаю в нетерпенье жгучем
И, словно своенравное дитя,
То на тебя ропщу, досадой мучим,

То жажду примиренья не шутя.
Ты был врагом, о сон! Стань другом лучшим —
И сердце убаюкай, низлетя.

ОТПЛЫТИЕ

Как жаворонок, неба звонкий друг,
Резвящийся в предутренней прохладе,
Она в веселом праздничном наряде
Летит... Куда же путь ее?.. На юг,

На север ли — туда, где царство вьюг?
Кому какое дело? Пусть в досаде
Косится враг, она скользит по глади —
И только брызги тучами вокруг.

Пристанищем ей будет порт, лагуна?
Кто знает... Как и в прошлые века,
В груди моей тревога и тоска...

Она ж, сияя радостно и юно,
Летит вперед. Уже издалека,
Я шлю тебе свое прости, о шхуна!

* * *

Господень мир, его мы всюду зрим,
И смерть придет, копи или расходуй.
А в нас так мало общего с природой,
В наш подлый век мы заняты иным.

Играет море с месяцем златым,
Порхает ветер, опьянен свободой,
Иль спит и копит мощь пред непогодой.
Что нам с того! Мы равнодушны к ним.

Мы для всего чужие. Боже правый,
Зачем я не в язычестве рожден!
Тогда, священной вскормленный дубравой,

Я видел бы веков минувших сон.
При мне б из волн вставал Протей лукавый,
При мне бы дул в крученый рог Тритон.

НЕ ХМУРЬСЯ, КРИТИК...

Не хмурься, критик, не отринь сонета!
Он ключ, которым сердце открывал
Свое Шекспир; Петрарка врачевал
Печаль, когда звенела лютня эта;

У Тассо часто флейтой он взывал;
Им скорбь Камоенса была согрета;
Он в кипарисовый венок поэта,
Которым Дант чело короновал,

Вплетен, как мирт; он, как светляк бессонный,
Вел Спенсера на трудный перевал,
Из царства фей, дорогой потаенной;
Трубой в руках у Мильтона он стал,

Чье медногласье душу возвышало;
Увы, труба звучала слишком мало!

СОНЕТ, НАПИСАННЫЙ НА ВЕСТМИНСТЕРСКОМ МОСТУ 3 СЕНТЯБРЯ 1802 ГОДА

Нет зрелища пленительней! И в ком
Не дрогнет дух бесчувственно-упрямый
При виде величавой панорамы,
Где утро — будто в ризы — все кругом

Одело в Красоту. И каждый дом,
Суда в порту, театры, башни, храмы,
Река в сверканье этой мирной рамы,
Все утопает в блеске голубом.

Нет, никогда так ярко не вставало,
Так первозданно солнце над рекой,
Так чутко тишина не колдовала,

Вода не знала ясности такой.
И город спит. Еще прохожих мало,
И в Сердце мощном царствует покой.

ПРОЩАЛЬНЫЙ СОНЕТ РЕКЕ ДАДДОН

В прощальный час, мой друг и спутник мой,
Иду к тебе.— Напрасное влеченье!
Я вижу, Даддон, все в твоем теченье,
Что было, есть и будет впредь со мной.

Ты катишь воды, вечный, озорной,
Даруешь вечно жизнь и обновленье,
А мы — мы сила, мудрость, устремленье,
Мы с юных лет зовем стихии в бой,

И все-таки мы смертны.— Да свершится!
Но не обижен, кто хоть малый срок
Своим трудом служить потомству мог,

Кто и тогда, когда близка гробница,
Любовь, Надежду, Веру — все сберег.
Не выше ль он, чем смертным это мнится!

НА ЛИКВИДАЦИЮ ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, 1802 г.

И часовым для Запада была,
И мусульман надменных подчинила.
Венеция! Ни ложь врага, ни сила
Ее дела унизить не могла.

Она Свободы первенцем была,
Рожденью своему не изменила,
Весь мир девичьей красотой пленила
И с морем вечным под венец пошла.

Но час настал роскошного заката —
Ни прежней славы, ни былых вождей!
И что ж осталось? Горечь и расплата.

Мы — люди! Пожалеем вместе с ней,
Что все ушло, блиставшее когда-то,
Что стер наш век и тень великих дней.

ТУССЕНУ ЛУВЕРТЮРУ

Несчастнейший из всех людей, Туссен!
Внимаешь ли напевам плугаря,
Уносишься ли мыслью за моря,—
Во мгле, среди глухих тюремных стен,—
Будь тверд, о Вождь, и превозможешь плен!
Поверженный — сражался ты не зря.
Чело твое — как ясная заря,
И знаю: гордый дух твой не согбен.
Всё — даже ветра шелестящий лёт —
Нашептывает о тебе. Живи!
Сама земля и сам небесный свод —
Великие союзники твои.
Отчаяния горечь, жар любви
И ум — вот непоборный твой оплот.

[*Август 1802*]

АНГЛИЯ, 1802 г.

Скажи, мой друг, как путь найти прямей,
Когда притворство — общая зараза,
И делают нам жизнь — лишь для показа —
Портной, сапожник, повар и лакей.

Скользи, сверкай, как в ясный день ручей,
Не то пропал! В цене — богач, пролаза.
Величье — не сюжет и для рассказа,
Оно не тронет нынешних людей.

Стяжательство, грабеж и мотовство —
Кумиры наши,— то, что нынче в силе.
Высокий образ мыслей мы забыли.

Ни чистоты, ни правды — все мертво!
Где старый наш святой очаг семейный,
Где прежней веры дух благоговейный?

Сентябрь 1802

ЛОНДОН, 1802. МИЛЬТОН

Как нынче, Мильтон, Англии ты нужен!
Она — болото; меч, перо, амвон,
Село и замок впали в смутный сон.
Мы себялюбцы, и наш дух недужен.

Вернись же к нам, дабы тобой разбужен
Был край родной и к жизни воскрешен!
Пусть мощным, вольным, властным станет он
И с добродетелью исконной дружен.

С душой, как одинокая звезда,
И речью, словно гул стихии водной,
Как небо чист, могучий и свободный,
Ты бодро-благочестным был всегда,

Взвалив на сердце, в простоте безгневной,
Убогий труд работы повседневной.

Сентябрь 1802

* * *

Я отложил перо; мне шквальный ветер пел
О бригах гибнущих, о буреломных чащах,—
Полуночный псалом, утраченный для спящих
Невольников забот и повседневных дел.

Помыслил я тогда: вот мой земной удел —
Внимать мелодии, без меры и созвучий,
Чтоб я ответствовал на вещий зов певучий
И страстным языком природы овладел.

Немногим явственен надгробный стон такой,
Звучащий набожно над горем и тоской
Давно минувших лет; но он как буря эта,

Порывом яростным печаля сердце мне,
О наступающей пророчит тишине,
О легкой зыби волн в сиянии рассвета.

⟨Ноябрь⟩ 1808

* * *

— Бессилен человек и близорук,
Он в прошлом весь, и нет надежды боле,
И даже радость, промелькнувши вдруг,
Ему не в силах скрасить скорбной доли!

— Но есть творцы; из бренной сей юдоли
Они, минут нарушив перестук,
Выводят Мысль — и жизни мрачный круг
Горит зарей, неведомой дотоле.

Воображенье властью неземной
Страдающих спасет от горьких мук;
Оно вернет заблудшему покой,

Врачуя амарантами недуг;
С цветами веры в час печали злой
Оно для всех — незаменимый друг.

* * *

Ты все молчишь! Как быстро отцвела
Твоя любовь, не выдержав дыханья
Разлуки, растоптав воспоминанья,
Отвергла долг и дар свой отняла.

Но в горький плен мой разум ты взяла,
Тебе служить — иного нет желанья!
И хоть сожгла ты прошлое дотла,
Душа, как нищий, просит подаянья.

Ответь! — Пусть сердце, пылкое тогда,
Когда мы страстным предавались негам,
Пустым, холодным стало навсегда,—

Гнездо в лесу, засыпанное снегом,
В глухом лесу, где замер каждый звук.
Ответь, молю, не дли жестоких мук!

1832—1833

РОБЕРТ САУТИ

МЕДОК

(МЁДОК В УАЛЛАХ)

Попутный веет ветр.— Идет корабль,
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все,— идет, и пред кормой
Морская пена раздается. Многим
Наполнилася грудь у всех пловцов.
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя взоры,
И в темных очерках ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс,— пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И господа благодарит, рыдая.
Другой, в безмолвии творя молитву
Угоднику и деве пресвятой,
И милостынь и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
Когда найдет он всё благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далек,
Сам Мёдок погружен в воспоминанья
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветр
Звучит меж вервий, и корабль надежный
Бежит, шумя, меж волн.

Садится солнце.

1805 *Перевод А. С. Пушкина*

ДОНИКА

Есть озеро перед скалой огромной;
На той скале давно стоял
Высокий замок и громадой темной
Прибрежны воды омрачал.

На озере ладья не попадалась;
Рыбак страшился у́дить в нем;
И ласточка, летя над ним, боялась
К нему дотронуться крылом.

Хотя б стада от жажды умирали,
Хотя б палил их летний зной:
От берегов его они бежали
Смятенно-робкою толпой.

Случалося, что ветер и осокой
У озера не шевелил:
А волны в нем вздымалися высоко,
И в них ужасный шепот был.

Случалося, что, бурею разима,
Дрожала твердая скала;
А мертвых вод поверхность недвижима
Была спокойнее стекла.

И каждый раз — в то время, как могилой
Кто в замке угрожаем был,—
Пророчески, гармонией унылой
Из бездны голос исходил.

И в замке том, могуществом великий,
Жил Ромуальд; имел он дочь;
Пленялось все красой его Доники:
Лицо — как день, глаза — как ночь.

И рыцарей толпа пред ней теснилась:
Все душу приносили в дар;
Одним из них красавица пленилась;
Счастливец этот был Эврар.

И рад отец; и скоро уж наступит
Желанный, сладкий час, когда
Во храме их священник совокупит
Святым союзом навсегда.

Был вечер тих, и небеса алели;
С невестой шел рука с рукой
Жених; они на озеро глядели
И услаждались тишиной.

Ни трепета в листах дерев, ни знака
Малейшей зыби на водах...
Лишь лаяньем Доникина собака
Пугала пташек на кустах.

Любовь в груди невесты пламенела
И в темных таяла очах;
На жениха с тоской она глядела:
Ей в душу вкрадывался страх.

Все было вкруг какой-то по́лно тайной;
Безмолвно гас лазурный свод;
Какой-то сон лежал необычайный
Над тихою равниной вод.

Вдруг бездна их унылый, и глубокий,
И тихий голос издала:
Гармония в дали небес высокой
Отозвалась и умерла...

При звуке сем Доника побледнела
И стала сумрачно-тиха;
И вдруг... она трепещет, охладела
И пала в руки жениха.

Оцепенев, в безумстве исступленья,
Отчаянный он поднял крик...
В Донике нет ни чувства, ни движенья:
Сомкнуты очи, мертвый лик.

Он рвется... плачет... вдруг пошевелились
Ее уста... потрясена
Дыханьем легким грудь... глаза открылись...
И встала медленно она.

И мутными глядит кругом очами,
И к другу на руку легла,
И, слабая, неверными шагами
Обратно в замок с ним пошла.

И были с той поры ее ланиты
Не свежей розы красотой,
Но бледностью могильною покрыты;
Уста пугали синевой.

В ее глазах, столь сладостно сиявших,
Какой-то острый луч сверкал,
И с бледностью ланит, глубоко впавших,
Он что-то страшное сливал.

Ласкаться к ней собака уж не смела;
Ее прикликать не могли;
На госпожу, дичась, она глядела
И выла жалобно вдали

Но нежная любовь не изменила:
С глубокой нежностью Эврар
Скорбел об ней, и тайной скорби сила
Любви усиливала жар.

И милая, деля его страданья,
К его склонилася мольбам:
Назначен день для бракосочетанья;
Жених повел невесту в храм.

Но лишь туда вошли они, чтоб верный
Пред алтарем обет изречь:
Иконы все померкли вдруг, и серный
Дым побежал от брачных свеч.

И вот жених горячею рукою
Невесту за руку берет...
Но ужас овладел его душою:
Рука та холодна, как лед.

И вдруг он вскрикнул... окружен лучами,
Пред ним бесплотный дух стоял
С ее лицом, улыбкою, очами...
И в нем Донику он узнал.

Сама ж она с ним не стояла рядом:
Он бледный труп один узрел...
А мрачный бес, в нее вселенный адом,
Ужасно взвыл и улетел.

1797

АДЕЛЬСТАН

День багрянил, померкая,
Скат лесистых берегов:
Реин, в зареве сияя,
Пышен тек между холмов.

Он летучей влагой пены
Замок Аллен орошал;
Терема зубчаты стены
Он в потоке отражал.

Девы красные толпою
Из растворчатых ворот
Вышли на́ берег — игрою
Встретить месяца восход.

Вдруг плывет, к ладье прикован,
Белый лебедь по реке;
Спит, как будто очарован,
Юный рыцарь в челноке.

Алым парусом играет
Легкокрылый ветерок,
И ко брегу приплывает
С спящим рыцарем челнок.

Белый лебедь встрепенулся,
Распустил криле свои;
Дивный плаватель проснулся—
И выходит из ладьи.

И по Реину обратно
С очарованной ладьей
Поплыл тихо лебедь статный
И сокрылся из очей.

Рыцарь в замок Аллен входит:
Все в нем прелесть — взор и стан;
В изумленье всех приводит
Красотою Адельстан.

Меж красавицами Лора
В замке Аллене была
Видом ангельским для взора,
Для души душой мила.

Графы, герцоги толпою
К ней стеклись из дальних стран —
Но умом и красотою
Всех был краше Адельстан.

Он у всех залог победы
На турнирах похищал;
Он вечерние беседы
Всех милее оживлял.

И приветны разговоры
И приятный блеск очей
Влили нежность в сердце Лоры —
Мплый стал супругом ей.

Исчезает сповиденье —
Вслед за днями мчатся дни:
Их в сердечном упоенье
И не чувствуют они.

Лишь случается порою,
Что, на воды взор склонив,
Рыцарь бродит над рекою,
Одинок и молчалив.

Но при взгляде нежной Лоры
Возвращается покой;
Оживают тусклы взоры
С оживленною душой.

Невидимкой пролетает
Быстро время — накопец,
Улыбаясь, возвещает
Другу Лора: «Ты отец!»

Но безмолвно и уныло
На младенца смотрит он,
«Ах! — он мыслит,— ангел милый,
Для чего ты в свет рожден?»

И когда обряд крещенья
Патер должен был свершить,
Чтоб водою искупленья
Душу юную омыть:

Как преступник перед казнью,
Адельстан затрепетал;
Взор наполнился боязнью;
Хлад по членам пробежал.

Запинаясь, умоляет
День обряда отложить.
«Сил недуг меня лишает
С вами радость разделить!»

Солнце спряталось за гору;
Окропился луг росой;
Он зовет с собою Лору
Встретить месяц над рекой.

«Наш младенец будет с нами;
При дыханье ветерка
Тихоструйными волнами
Усыпит его река».

И пошли рука с рукою...
День на холмах догорал;
Молча, сумрачен душою,
Рыцарь сына лобызал.

Вот уж поздно; солнце село;
Отуманился поток;
Черен берег опустелый;
Холодеет ветерок.

Рыцарь все молчит, печален;
Все идет вдоль по реке;
Лоре страшно; замок Аллен
С час как скрылся вдалеке.

«Поздно, милый; уж седеет
Мгла сырая над рекой;
С вод холодный ветер веет;
И дрожит младенец мой».

«Тише, тише! Пусть седеет
Мгла сырая над рекой;
Грудь моя младенца греет;
Сладко спит младенец мой».

«Поздно, милый; поневоле
Страх в мою теснится грудь;
Месяц бледен; сыро в поле;
Долог нам до замка путь».

Но молчит, как очарован,
Рыцарь, глядя на реку...
Лебедь там плывет, прикован
Легкой цепью к челноку.

Лебедь к берегу — и с сыном
Рыцарь сесть в челнок спешит;
Лора вслед за паладином;
Обомлела и дрожит.

И, осанясь, лебедь статный
Легкой цепию повлек
Вдоль по Реину обратно
Очарованный челнок.

Небо в Реине дрожало,
И луна из дымных туч
На ладью сквозь парус алый
Проливала темный луч.

И плывут они, безмолвны;
За кормой струя бежит;
Тихо плещут в лодку волны;
Парус вздулся и шумит.

И на береге молчанье;
И на месяце туман;
Лора в робком ожиданье;
В смутной думе Адельстан.

Вот уж ночи половина:
Вдруг... младенец стал кричать.
«Адельстан, отдай мне сына!» —
Возопила в страхе мать.

«Тише, тише; он с тобою.
Скоро... ах! кто даст мне сил?
Я ужасною ценою
За блаженство заплатил.

Спи, невинное творенье;
Мучит душу голос твой;
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навек тебе покой».

Лодка к брегу — рыцарь с сыном
Выйти на берег спешит;
Лора вслед за паладином,
Пуще млеет и дрожит.

Страшен берег обнаженный;
Нет ни жила, ни древес;
Черен, дик, уединенный,
В стороне стоит утес.

И пещера под скалою —
В ней не зрело око дна;
И чернеет пред луною
Страшным мраком глубина.

Сердце Лоры замирает;
Смотрит робко на утес.
Звучно к бездне восклицает
Паладин: «Я дань принес».

В бездне звуки отразились;
Отзыв грянул вдоль реки;
Вдруг... из бездны появились
Две огромные руки.

К ним приблизил рыцарь сына...
Цепенеющая мать,
Возопив, у паладина
Жертву бросилась отнять

И воскликнула: «Спаситель!..»
Глас достигнул к небесам:
Жив младенец, а губитель
Ниспровергнут в бездну сам.

Страшно, страшно застонало
В грозных сжавшихся когтях...
Вдруг все пусто, тихо стало
В глубине и на скалах.

1797

МЭРИ,
СЛУЖАНКА ПОСТОЯЛОГО ДВОРА

1

Кто она, чей бессмысленный взор недвижим
И, как скорбное сердце, молчит,
Кто не плачет, не делится горем своим,
Лишь вздыхает, безмолвием скрыв роковым
Эту рану, что кровоточит?

2

Не нужны ей подмога и жалость ничуть,
Хоть бедняжка смертельно бледна.
Могут ветры зимы беспрепятственно дуть
На ее истощенную, чахлую грудь;
Голод, стужу — все стерпит она!

3

А ведь Мэри недавно счастливой была;
Помнит путник об этой поре.
Отовсюду о Мэри гремела хвала,—
Так прекрасно лицо, так улыбка светла
У служанки в заезжем дворе!

4

Детский трепет нисколько ей не был знаком,
И хоть ветер во мраке гудел,
Вдоль развалин аббатства она, вечерком,
Возвращаясь обычно домой, прямиком
Миновала церковный придел.

5

Мэри встретила Ричарда; свадьба у них
Решена, но молвою мирской
Как последний бездельник ославлен жених;
Мол, прохвост и гуляка, из самых дрянных,
Не достоин невесты такой!

6

Поздней осенью, вихрь бушевал за окном,
В очаге занялась головня,
И под вой непогоды во мраке ночном
Наслаждались два гостя веселым огнем
И курили, молчанье храня.

7

Первый молвил: «Осеннею ночью сырой
Так отрадно глядеть на очаг!»
«Средь развалин аббатства,— ответил второй,—
Испытать свою храбрость ночною порой
В силах только заправский смельчак!

8

Содрогнулся бы я от макушки до пят,
Внемля шороху сохлых ветвей,
И поверил бы, страхом ребячьим объят,
Что предстал предо мною усопший аббат,
Пробужденный в могиле своей!»

9

«Даже Мэри не струсит,— пари на обед!
И туда поспешит напрямик!»
«Проиграешь! — гласил ядовитый ответ,—
Ведь при виде коровы, бредущей вослед,
Мэри в обморок хлопнется вмиг!»

10

Первый молвил уверенно: «Выигрыш мой!
Шансы наши отнюдь не равны;
Мэри тотчас пойдет и, вернувшись домой,
Новый чепчик получит с красивой каймой,
Принеся нам сучок бузины!»

11

Улыбаясь, она согласилась пойти.
Ночь тем временем стала темней,
Резкий ветер служанку хлестал по пути,
Ледяною волной пробирал до кости
И стонал, пролетая над ней.

12

Вот аббатство; развалины стен и ворот,
Поглощенные тенью густой...
Но бесстрашно она зашагала вперед,
Хоть руины во тьме превзошли небосвод
Непроглядной своей чернотой.

13

Ни души. Молчалива угрюмая мгла,
Только жалоба ветра слышна.
Меж камней и кустарников Мэри брела;
Наконец-то она добралась до крыла,
Где росла у стены бузина.

14

Но служанка сучок отломила едва,—
Как неясный заслышала звук;
Ей казалось — она различает слова,
И она замерла — ни жива, ни мертва,
Стиснул сердце внезапный испуг.

15

Стоны бури, шуршанье плюща на стене
Оглушали; не видно ни зги.
Ветер смолк на мгновенье; она в тишине
Чутко вслушалась и убедилась вполне,
Что сюда приближались шаги!

16

За колонною Мэри, в тени бузины
Прикорнула у самой земли,
Но сквозь тучи блеснула луна с вышины,
И она увидала, при свете луны,
Двух злодеев, что труп волокли.

17

И когда она в страхе застыла, без сил,
Ветер снова дохнул — и вразлет,
Шляпу сбив с одного из убийц, покатил
Прямо к Мэри, у ног на траву опустил,—
Смерть несчастную девушку ждет!

18

«К черту шляпу! Мы тело должны уволочь
И немедля, поглубже зарыть!»
И убийц поглотила угрюмая ночь...
Мэри шляпу схватила и кинулась прочь,
Страх помог ей шаги убыстрить.

19

Так бежала она, все скорей и скорей,
И влетела без памяти в дом,
Молча рухнула на пол, у самых дверей,
Разметав золотистые пряди кудрей,
И неровно дышала с трудом.

20

Но едва она силы опять обрела,
Чтоб поведать ужасную весть,
Вдруг на шляпу взглянула и взор отвела,
Потому что,— о, боже! — на тулье смогла
Имя Ричарда ясно прочесть!

Близ руин — с перекладиной столб вознесен,
Там убийца повис на заре.
Ветер цепи колеблет, и слышится звон...
Грустно путник вздыхает, и думает он
О служанке в заезжем дворе.

1796

БАЛЛАДА,

в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди

На кровле ворон дико прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал:
Слегла в постель, дрожит, хладеет.

И вопит скорбно: «Где мой сын чернец?
Ему сказать мне слово дайте;
Увы! я гибну; близок мой конец;
Скорей, скорей! не опоздайте!»

И к матери идет чернец святой:
Ее услышать покаянье;
И тайные дары несет с собой,
Чтоб утолить ее страданье.

Но лишь пришел к одру с дарами он,
Старушка в трепете завыла;
Как смерти крик ее протяжный стон...
«Не приближайся! — возопила.—

Не подноси ко мне святых даров;
Уже не в пользу покаянье...»
Был страшен вид ее седых власов
И страшно груди колыханье.

Дары святые сын отнес назад
И к страждущей приходит снова;
Кругом бродил ее потухший взгляд;
Язык искал, немея, слова.

«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул Искупитель;
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев проливала,
Власы невест в огне волшебном жгла
И кости мертвых похищала.

И казнь лукавый обольститель мой
Уж мне готовит в адской злобе;
И я, смутив чужих гробов покой,
В своем не успокоюсь гробе.

Ах! не забудь моих последних слов:
Мой труп, обвитый пеленою,
Мой гроб, мой черный гробовой покров
Ты окропи святой водою.

Чтоб из свинца мой крепкий гроб был слит,
Семью окован обручами,
Во храм внесен, пред алтарем прибит
К помосту крепкими цепями.

И цепи окропи святой водой;
Чтобы священники собором
И день и ночь стояли надо мной
И пели панихиду хором;

Чтоб пятьдесят на крылосах дьячков
За ними в черных рясах пели;
Чтоб день и ночь свечи у образов
Из воску яркого горели;

Чтобы звучней во все колокола
С молитвой день и ночь звонили;
Чтоб заперта во храме дверь была;
Чтоб дьяконы пред ней кадили;

Чтоб крепок был запор церковных врат;
Чтобы с полуночного бденья
Он ни на миг с растворов не был снят
До солнечного восхожденья.

С обрядом тем молитеся три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтоб не достиг губитель до меня,
Чтоб прах мой принят был землею».

И глас ее быть слышен перестал;
Померкши, очи закатились;
Последний вздох в груди затрепетал;
Уста, охолодев, раскрылись.

И хладный труп, и саван гробовой,
И гроб под черной пеленою
Священники с приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гроб положены;
Три цепи тяжкими винтами
Вонзились в гроб и с ним утверждены
В помост пред царскими дверями.

И вспрыснуты они святой водой;
И все священники в собранье:
Чтоб день и ночь душе на упокой
Свершать во храме поминанье.

Поют дьячки все в черных стихарях
Медлительными голосами;
Горят свечи́ надгробны в их руках,
Горят свечи́ пред образами.

Протяжный глас, и бледный лик певцов,
Печальный, страшный сумрак храма,
И тихий гроб, и длинный ряд попов
В тумане зыбком фимиама,

И горестный чернец пред алтарем,
Творящий до земли поклоны,
И в высоте дрожащим свеч огнем
Чуть озаренные иконы...

Ужасный вид! Колокола звонят;
Уж час полуночного бденья...
И заперлись затворы тяжких врат
Перед начатием моленья.

И в перву ночь от свеч веселый блеск.
И вдруг... к полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шум и треск;
И слышалось: гремят цепями.

Железных врат запор, стуча, дрожит;
Звонят на колокольне звонче;
Молитву клир усерднее творит,
И пение поющих громче.

Гудят колокола, дьячки поют,
Попы молитвы вслух читают,
Чернец в слезах, в кадилах ладан жгут,
И свечи яркие пылают.

Запел петух... и, смолкнувши, бегут
Враги, не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Смелей попы творят молитвы.

В другую ночь от свеч темнее свет,
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всех на лицах цвет,
Как будто встали из могилы.

И снова рев, и шум, и треск у врат;
Грызут замок, в затворы рвутся;
Как будто вихрь, как будто шумный град,
Как будто воды с гор несутся.

Пред алтарем чернец на землю пал,
Священники творят поклоны,
И дым от свеч туманных побежал,
И потемнели все иконы.

Сильнее стук — звучней колокола,
И трепетней поющих голос:
В крови их хлад, объемлет очи мгла,
Дрожат колена, дыбом волос.

Запел петух... и прочь враги бегут,
Опять не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Попы смелей творят молитвы.

На третью ночь свечи́ едва горят;
И дым густой, и запах серный;
Как ряд теней, попы во мгле стоят;
Чуть виден гроб во мраке черный.

И стук у врат: как будто океан
Под бурею ревет и воет,
Как будто степь песчаную оркан
Свистящими крылами роет.

И звонари от страха чуть звонят,
И руки им служить не вольны;
Час от часу страшнее гром у врат,
И звон слабее колокольный.

Дрожа, упал чернец пред алтарем;
Молиться силы нет; во прахе
Лежит, к земле приникнувши лицом;
Поднять глаза не смеет в страхе.

И певчих хор, досель согласный, стал
Нестройным криком от смятенья:
Им чудилось, что церковь зашатал
Как бы удар землетрясенья.

Вдруг затускнел огонь во всех свечах,
Погасли все и закурились;
И замер глас у певчих на устах,
Все трепетали, все крестились.

И раздалось... как будто оный глас,
Который грянет над гробами;
И храма дверь со стуком затряслась
И на пол рухнула с петлями.

И *он* предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренный;
И вкруг него огромный божий храм
Казался печью раскаленной!

Едва сказал: «Исчезните!» — цепям —
Они рассыпались золою;
Едва рукой коснулся обручам —
Они истлели под рукою.

И вскрылся гроб. *Он* к телу вопиёт:
«Восстань, иди вослед владыке!»
И проступил от слов сих хладный пот
На мертвом, неподвижном лике.

И тихо труп со стоном тяжким встал,
Покорен страшному призванью;
И никогда здесь смертный не слыхал
Подобного тому стенанью.

И ко вратам пошла она с врагом...
Там зрелся конь чернее ночи.
Храпит и ржет и пышет он огнем,
И как пожар пылают очи.

И на коня с добычей прянул враг;
И труп завыл; и быстротечно
Конь полетел, взвивая дым и прах;
И слух об ней пропал навечно.

Никто не зрел, как с нею мчался *он*...
Лишь страшный след нашли на прахе;
Лишь, внемля крик, всю ночь сквозь тяжкий сон
Младенцы вздрагивали в страхе.

1799

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ХИРУРГА

Сиделке лекарь что-то шепнул.
Но хирург подслушать сумел;
В корчах и дрожи на скорбном ложе,
Он побелел как мел.

«Ведите,— воззвал он,— братьев моих
К страдальческому одру,
Священника и гробовщика,
Скорей! Вот-вот я умру!»

Священник явился и гробовщик,
Заслышав печальную весть;
Ученики хирурга вослед
Успели в спальню пролезть.

По одному, вдвоем и втроем
Входили, но прежде всех
Был Джозеф тут, первейший плут,
Скрывая лукавый смех.

Ужасной хулой разразился больной:
«Покуда я не издох,
О братья! К дьяволу, ради Творца,
Гоните этих пройдох!»

Нахмурясь, он с пеной у рта вопиял:
«Достанусь наверняка
Мерзавцу Джо, но, черт побери,
Пусть меня пощадит пока!»

Когда спровадили учеников,
Хирург в истоме обмяк,
На братьев он выпучил страшно глаза
И хрипло взмолился так:

«Я всякие трупы резал, кромсал
И буду наказан вдвойне.
О братья! Заботился я о родне,
Заботьтесь теперь обо мне!

Я делал свечи из жира детей,
Могильщиков брал под начал,
Засушивал печени и сердца,
Зародыши в спирт помещал.

Ученики мой труп расчленят,
Растащат мой жалкий скелет,
И мне, осквернителю стольких могил,
Покоя в собственной нет.

Для меня, мертвеца, не жалейте свинца,
Свезите в свинце на погост;
Проследите, чтоб я очутился в гробу,
Не надул бы мастер-прохвост!

И, в свинец мое бренное тело замкнув,
Запаяв на совесть металл,
В гроб особый, другой и весьма дорогой,
Погрузите, чтоб я не восстал.

Присмотри за покупкой, брат-гробовщик,
Чтоб в могиле обрел я покой;
В переулке святого Мартина купи,
В самой честной у нас мастерской.

В церкви брата пусть похоронят мой труп
И запрут ее на замок.
Пусть припрячут скорей ключи от дверей,
Чтобы вор проникнуть не мог.

Пусть на страже, в ризнице, три силача
До рассвета глаз не сомкнут.
Дайте каждому крепкого пива галлон
И бочонок джина за труд.

Дайте пули, порох и мушкетон,
Чтоб мой труп не унес гробокрад,
Дайте пять гиней тому из парней,
Кто вобьет в гробокрада заряд.

Три недели должно мой жалкий прах
Охранять, не жалея сил,
Чтоб пустил я дух и порядком протух
И покой в могиле вкусил!»

Тут упал больной на подушки спиной,
Взор померк в предвестье конца,
Грудь застыла вдруг и от смертных мук
Исказились черты лица.

Братья саваном облекли мертвеца,
Поместили тело в свинец,
И свинцовый гроб они взвесили, чтоб
Не обжулил мастер-подлец.

И, дотошно свинцовый гроб осмотрев,
Запаяв на совесть металл,
В гроб особый, другой и весьма дорогой
Погрузили, чтоб труп не восстал.

В переулке святого Мартина они
Гроб особый приобрели,
В самой честной у нас мастерской городской,
Чтоб изделье взломать не могли.

В церкви брата они схоронили труп,
Безопасного места ища,
И могильщику, накрепко дверь заперев,
Не доверили вовсе ключа.

И три стража в ризнице поклялись
Охранять три недели подряд,
С мушкетонами ждать и промашки не дать,
Если ночью придет гробокрад.

Первой ночью могильщик, фонарь засветив,
Соблазнял гинеей плутов,
Намекнув им, что с этой золотою монетой
Мистер Джозеф расстаться готов.

Но их воля тверда, и невыгодна мзда,
И они в благородном пылу
К Вельзевулу ужо вместе с мистером Джо
Предложили убраться послу.

И всю ночь они пиво глотали и джин,
Одурев от хмельной суетни,
И немало историй о том и о сем
Рассказали друг другу они.

Но двумя гинеями ночью второй
Соблазнял могильщик плутов,
И шепнул напоследки: мол, эти монетки
Мистер Джозеф отдать готов.

Но их воля тверда, и мала эта мзда,
И можно содрать с лихвой;
И стражи сугубо, но менее грубо
Отказ подтвердили свой.

И всю ночь они пиво глотали и джин,
Одурев от хмельной суетни,
И немало историй о том и о сем
Рассказали друг другу они.

Третьей ночью могильщик пришел с фонарем,
Снова стражей взял в переплет;
Он шепнул им: «Смотри! Мистер Джозеф три
Золотые гинеи шлет!»

Трое стражей алчно скосили зрачки,
А монеты слепили, горя;
Драгоценный металл так маняще блистал
Под неверным лучом фонаря.

Стражам было невмочь отослать его прочь,
И они не противились впредь:
Хитрым глазом своим подмигнул он троим
И заставил монеты звенеть.

Сразу разум притих, и от совести их
Даже тень сохранилась навряд.
Шельмы знали давно, что в могилах темно
И покойники не говорят.

Мушкетоны, в которых были пули и порох,
На гинеи сменяли плуты:
За кувшином кувшин пили пиво и джин,
Веселясь до ночной поздноты.

Хоть от храма ключи брат-священник хранил,
Но могильщику все нипочем!
Он в двенадцать часов откинул засов,
Дверь открыв запасным ключом.

В храм проникли они, с ними Джо-негодяй;
Еле-еле чадил фитилек.
Церковь мрачной была, и зловещая мгла
Уходила под потолок.

И они киркой отвернули плиту,
Углубили спешно прокоп,
И лопатой сгребли комья сохлой земли,
Обнажив патентованный гроб.

Этот гроб особый разбили со злобой
И, прорезав толстый свинец,
Засмеялись при виде могильных пелен,
До останков дойдя наконец.

И, в награду могильщику саван отдав,
Проклиная трупный душок,
Тело вдвое согнули, нос в колени уткнули
И впихнули хирурга в мешок.

И пока выносили из церкви груз,—
Все четыре ярда пути,
Проклинали стражи смрад зловонной поклажи
И молили скорей унести.

Труп на клочья изрезали вкривь и вкось
Ученые господа,
Ну, а что с душою хирурга стряслось,
Не узнает никто никогда.

1798

БЛЕНХАЙМСКИЙ БОЙ

Закончив летним вечерком
Чреду вседневных дел,
Дед Каспар на своем крыльце
На солнышке сидел;
Резвилась внучка рядом с ним,
А внук играл песком речным.

Сестра увидела, что брат
От речки мчится вскачь
И катит нечто пред собой,
Округлое, как мяч;
Предмет, округлый, словно мяч,
Он откопал и мчится вскачь.

Дед Каспар в руки взял предмет,
Вздохнул и молвил так:
«Знать, череп этот потерял
Какой-нибудь бедняк,
Сложивший голову свою
В победном, памятном бою.

В земле немало черепов
Покоится вокруг;
Частенько выгребает их
Из борозды мой плуг.
Ведь много тысяч полегло
В бою, прославленном зело!»

«Что ж там случилось? — молвил внук,—
Я, право, не пойму!»
И внучка, заглядевшись, ждет:
«Скажи мне — почему

Солдаты на полях войны
Друг друга убивать должны!»

«Поверг француза,— дед вскричал,—
Британец в той войне,
Но почему они дрались,
Отнюдь не ясно мне,
Хоть все твердят наперебой,
Что это был победный бой!

Отец мой жил вблизи реки,
В Бленхайме, в те года;
Солдаты дом его сожгли,
И он бежал тогда,
Бежал с ребенком и женой
Из нашей местности родной.

Округу всю огонь и меч
Очистили дотла,
А рожениц и малышей
Погибло без числа;
Но так кончается любой
Прославленный, победный бой.

Такого не было досель!
Струили, говорят,
Десятки тысяч мертвецов
Невыразимый смрад,
Но так кончается любой
Прославленный, победный бой!

И герцог Мальборо и принц
Евгений выше всех
Превознеслись!» — «Но этот бой —
Злодейство, страшный грех!» —
Сказала внучка. «Вовсе нет!
Он был победой» — молвил дед.

«Увенчан герцог за разгром
Несметных вражьих сил!»
«Чего ж хорошего они
Добились?» — внук спросил.
«Не знаю, мальчик; бог с тобой!
Но это был победный бой!»

1798

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет»,—
Так говорил изумленный народ.

К сроку собрался званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворен:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный,
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
«В Реинской башне спасусь» (говорит).

Башня из реинских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом ограждала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казалися слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнули ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они навострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

1799

КОРОЛЬ КРОКОДИЛОВ

1

«О Женщина, что означает твой крик?
Что сделало бледным и скорбным лик?
Скажи, почему ты бредешь без фаты
И бьешь себя в грудь так неистово ты?»

«О, горе мне, умер бесценный мой сын,
Отрадой души моей был он один,
Фату разорвала в смятении я,
Душа осиротела моя.

О, горе мне, сын мой безвинно убит,
И ярость во мне, не стихая, кипит!
К реке по тропе он спокойно сходил,
А там затаился злодей-крокодил.

О, горе мне, мальчик не чуял беды,
К реке он спустился напиться воды,
Но подлый убийца из-за куста
Свалил его наземь ударом хвоста.

Возьми меня в лодку, помощником будь,
Пешком одолеть не под силу мне путь:
На Остров меня отвези, молю,
К их крокодильему Королю.

Крокодилополь заброшен — там
Он уже более не султан,
И все-то владенье его — река
Около Острова Тростника.

Там дни он проводит в рвенье святом —
Молитвою занят он и постом,
На все благодать изливая окрест,
Возвышенный, кроткий, людей он не ест.

Душа его благостна и чиста,
И страшного нет у него хвоста,
Хвоста, чтоб разить и чтоб убивать,—
Но уши есть, чтоб речам внимать.

Ему я пожалуюсь — и Властелин
Узнает, как подло убит мой сын.
Он добрый, он мудрый, он чтит закон,
И кровь убийцы отдаст мне он!»

Но Лодочник так ей сказал в ответ:
«Нет, Женщина, я не поеду, нет,
Ведь мне — хоть меня ты озолоти! —
К Царю этих гадов невмочь подойти!»

«Так дай мне челнок твой, и в челноке
Сама я к нему поплыву по реке,
Никто не свернет меня, говорю,
С дороги к могущественному Царю!

Он добрый, он мудрый, он чтит закон,
И кровью за кровь возместит мне он;
Он весь — воплощенные Сила и Честь,
И он совершит справедливую месть!»

И вот садится она в челнок,
И быстрый поток ее вниз повлек,
И челн, хоть дорога была далека,
Принес ее к Острову Тростника.

Там благостный, тихий, как старый монах,
Высиживал яйца почтенный монарх,
Бросая порой отеческий взгляд
На лежбище Принцев-крокодилят.

Вот время пришло пред Владыкой предстать —
Всем телом трясется упрямая Мать,
Поскольку Царя Крокодилов вид
От века людские сердца леденит.

Она говорит: «О Король Королей!
Ты чадолюбив — и меня пожалей:
Погиб мой ребенок, отрада моя,
От этой потери в неистовстве я.

Твой подданный мальчика съел моего,
О, выдай убийцу, отдай мне его!
Молю, отомстить мне за сына позволь,
Лишь это меня успокоит, Король!

О Сир! Твоя жизнь и светла и чиста,
И страшного нет у тебя хвоста,
Хвоста, чтоб разить и чтоб убивать,
Но уши есть, чтобы речам внимать».

«Отлично,— сказал ей Король-крокодил
И глазки свои на нее устремил,—
Сказала ты правильно, спору нет,
Но все же неполон такой портрет:

Да, нету хвоста, чтобы им убивать,
Да, уши есть, чтобы мольбам внимать,
Но также есть зубы, что ведомо всем,—
И я тебя, добрая женщина, съем».

2

Но злость Короля и его хвастовство
Причиною стали несчастий его;
В ответ на жестокость — тирану урок:
Хвалиться зубами бывает не впрок.

«Меня, беззащитную женщину — съесть?!»
И мигом, презрев августейшую честь,
За туловище ухватив хвастуна,
Стащила с яиц самодержца она.

Да, способ для мести на диво был прост:
Король неуклюж был, затем что бесхвост,
К тому же жена Короля Без Хвоста
Прогулкой по Нилу была занята.

И Женщина принцев поймала в песке,
Зажала по отпрыску в каждой руке
И быстро воткнула, страшна и сильна,
В пасть первого морду второго она.

Прием был удачен, хотя и жесток,
Три пары она побросала в челнок
И вспять поспешила дорогой прямой,
Ведущей к родному селенью, домой...

...И вот Королева глядит, возвратясь:
Все яйца разбиты и втоптаны в грязь,
И принцев-наследников нет шестерых —
На зов не ответил никто из них.

Беседа не слишком приятной потом
Была между нею и Королем:
«Отец нерадивый!» — кричала она,
А он: «Ты поменьше бы шлялась, жена!»

И все ж он решил помолчать — потому,
Что спорить невыгодно было ему:
Ведь были у дамы и хвост и язык,
Терпеть он и то и другое привык.

И он, рассудив, предпочел онеметь,
Чтоб дела с супружьим хвостом не иметь.
Но руганью — даже царей и цариц! —
Увы, не починишь разбитых яиц...

...Тем временем Женщина рада была,
Что жизнь сберегла и покой обрела:
Сама, не дождавшись подмоги других,
Взяла она за одного — шестерых!

«Аллах справедлив!» — так соседу сосед
Твердил, оценив поминальный обед,
И все соглашались, что месть — хоть куда:
Юные принцы — на славу еда!

1799

ИНГКАПСКИЙ РИФ

Полный штиль, бездыханный покой;
Корабль застыл на глади морской;
Не веет в его паруса небосвод,
И киль недвижен в глубинах вод.
Беззвучно через Ингкапский риф
Ленивые волны катит прилив;
Чуть горбясь, они продолжают путь,
Не в силах колокол буя качнуть.
Тот колокол Абербротокский аббат
Воздвиг, чтоб гудел над морем набат
В жестокий шторм, скрывающий риф
Развихренной пляской пенистых грив.
Тогда мореходы, заслышав звон,
Поймут, где грозный риф затаен,
И, ускользнув от смертной беды,
Аббата благословят за труды.

Весело солнце светило с утра,
Радость сулила дневная пора;
Чайки, вопя, облетали бриг,
Бодро звучал их нестройный крик.
Вышел на спардек сэр Ральф, пират,
Остановил на ба́кане взгляд;
Чувствуя вешнего дня благодать,
Начал игриво петь и свистать,
Но замышлял дурные дела:

Радость пирата — злобной была!
Не отводя от ба́кана глаз,
Шлюпку спустить он отдал приказ:
«Курс на Ингкапский держите риф!
Взбучим святошу, к рифу приплыв».
Спущена шлюпка, гребцы налегли;
Ба́кан аббата маячит вдали.
К бую причалил сэр Ральф, пират,
И, перевесясь, разрезал канат.
Колокол булькнул и был таков,
Взвился и лопнул рой пузырьков...
Молвил сэр Ральф: «Не дождаться уже
Благословений аббату-ханже!»

Плавая долгие годы подряд,
Много добра награбил пират,
Он повернул обратно свой бриг
И берегов Шотландских достиг.
Плотно туман простерся сплошной,
Солнце укрыто густой пеленой,
Резкий ветрило весь день задувал —
Знай, не зевай, ворочай штурвал!
К ночи утихло, дождь моросил,
И паруса повисли без сил.
Людям земля в темноте не видна...
Молвил пират: «Скоро выйдет луна».
«Братцы! — воскликнул один моряк,—
Близкий прибой ревет сквозь мрак!
Где мы находимся — мне невдомек;
Колокол нам бы очень помог!
Звона, увы, не слыхать, как назло».
В полный штиль их теченьем несло.

«Господи! Это Ингкапский риф!»
Грянул удар, обшивку пробив.
Волосы рвет сэр Ральф, пират,
Прокляв себя, призывает ад.
В трюм вторгаются волны, и вот,
Судно уходит в глубины вод.
Но, трепеща, средь предсмертных мук,
Слышит пират ужасающий звук,
Словно трезвонит по нем Сатана
В колокол Ингкапский со дна.

1803

КОРОЛЕВА УРАКА
И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВ

Пять чернецов в далекий путь идут;
Но им назад уже не возвратиться;
В отечестве им боле не молиться:
Они конец меж нехристей найдут.

И с набожной Уракой-королевой,
Собравшись в путь, прощаются они:
«Ты нас в своих молитвах помяни,
А над тобой Христос с пречистой девой!

Послушай, три пророчества тебе
Мы, отходя, на память оставляем;
То суд небесный, он неизменяем;
Смирись, своей покорствуя судьбе.

В Марокке мы за веру нашей кровью
Омоем землю, там в последний час
Прославим мы того, кто сам за нас
Мучение приял с такой любовью.

В Коимбру наши грешные тела
Перенесут: на то святая воля,
Дабы смиренных мучеников доля
Для христиан спасением была.

И тот, кто первый наши гробы встретит
Из вас двоих, король иль ты, умрет
В ту ночь: наутро новый день взойдет,
Его ж очей он боле не осветит.

Прости же, королева, бог с тобой!
Вседневно за тебя молиться станем,
Пока мы живы; и тебя помянем
В ту ночь, когда конец настанет твой».

Пять чернецов, один после другова
Благословив ее, в свой путь пошли
И в Африку смиренно понесли
Небесный дар учения Христова.

«Король Альфонзо, знает ли что свет
О чернецах? Какая их судьбина?
Приял ли ум царя Мирамолина
Ученье их? Или уже их нет?»

«Свершилося великое их дело:
В небесную они вступили дверь;
Пред господом стоят они теперь
В венце, в одежде мучеников белой.

А их тела, под зноем, под дождем,
Лежат в пыли, истерзаны мученьем;
И верные почтить их погребеньем
Не смеют, трепеща перед царем».

«Король Альфонзо, из земли далекой
Какая нам о мучениках весть?
Оказана ль им погребенья честь?
Смягчился ли Мирамолин жестокий?»

«Свирепый мавр хотел, чтоб их тела
Без погребенья честного истлели,
Чтоб расклевал их вран иль псы их съели,
Чтоб их костей земля не приняла.

Но божии там молнии пылали;
Но божий гром всечасно падал там;
К почиющим в нетлении телам
Ни пес, ни вран коснуться не дерзали.

Мирамолин, сим чудом поражен,
Подумал: нам такие страшны гости.
И Педро, брат мой, взял святые кости;
Уж на пути в Коимбре с ними он».

Все алтари коимбрские цветами
И тканями богатыми блестят;
Все улицы коимбрские кипят
Шумящими, веселыми толпами.

Звонят в колокола, кадят, поют;
Священники и рыцари в собранье;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждут.

«Пойдем, жена моя Урака, время!
Нас ждут; собрался весь духовный чин».
«Поди, король Альфонзо, ты один,
Я чувствую болезни тяжкой бремя».

«Но мощи мучеников исцелят
Твою болезнь в единое мгновенье:
За прежнее твое благоволенье
Они теперь тебя вознаградят.

Пойдем же им во сретение с ходом;
Не замедляй процессии святой;
То будет грех и стыд для нас с тобой,
Когда мощей не встретим мы с народом».

На белого коня тогда она
Садится; с ней король; они за ходом
Тихонько едут; все кипит народом;
Дорога вся как цепь людей одна.

«Король Альфонзо, назади со мною
Не оставайся ты; спеши вперед,
Чтоб первому, предупредя народ,
Почтить святых угодников мольбою.

Меня всех сил лишает мой недуг,
И нужен мне хоть миг отдохновенья;
Последую тебе без замедленья...
Спеши ж вперед со свитою, мой друг».

Немедленно король коню дал шпоры
И поскакал со свитою вперед;
Уж назади остался весь народ,
Уж вдалеке их потеряли взоры.

Вдруг дикий вепрь им путь перебежал.
«Лови! лови!» (к своим нетерпеливый
Кричит король) — и конь его ретивый
Через поля за вепрем поскакал.

И вепря он гоняет. Той порою
Медлительно во сретенье мощей
Идет Урака с свитою своей,
И весь народ валит за ней толпою.

И вдалеке представился им ход:
Идут, поют, несут святые раки;
Уже они пред взорами Ураки,
И с нею в прах простерся весь народ.

Но где ж король?.. Увы! Урака плачет:
Исполниться пророчеству над ней!
И вот, глядит... со свитою своей,
Оконча лов, король Альфонзо скачет.

«Угодники святые, за меня
Вступитеся! (она гласит, рыдая)
Мне помоги, о дева пресвятая,
В последний час решительного дня».

И в этот день в Коимбре все ликует;
Народ поет; все улицы шумят;
Нерадостен лишь королевин взгляд;
На празднике одна она тоскует.

Проходит день, и праздник замолчал;
На западе давно уж потемнело;
На улицах Коимбры опустело;
И тихо час полночный наступал.

И в этот час во храме том, где раки
Угодников стояли, был монах:
Святым мощам молился он в слезах;
То был смиренный духовник Ураки.

Он молится... вдруг час полночный бьет;
И поражен чудесным он виденьем;
Он видит: в храм с молитвой, с тихим пеньем
Толпа гостей таинственных идет.

В суровые одеты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блеск от них исходит неземной,
И светятся преображенны лицы.

И в сонме том блистательней других
Являлися пять иноков, как братья;
Казалось, кровь их покрывала платья,
И ветви пальм в руках сияли их.

И тот, кто вел пришельцев незнакомых,
Казалось, был еще земли жилец;
Но и над ним горел лучей венец,
Как над святой главою им ведомых.

Пред алтарем они, устроясь в ряд,
Запели гимн торжественно-печальный:
Казалося, свершали погребальный
За упокой души они обряд.

«Скажите, кто вы? (чудом изумленный
Спросил святых пришельцев духовник)
О ком поет ваш погребальный лик?
О чьей душе вы молитесь блаженной?»

«Угодников святых ты слышишь глас;
Мы братья их, пять чернецов смиренных:
Сопричтены за муки в лик блаженных;
Отец Франциск живой предводит нас.

Исполнили мы королеве данный
Обет: ее теперь возьмет земля;
Поди отсель, уведомь короля
О том, чему ты зритель был избранный».

И скрылось все... Оставив храм, чернец
Спешит к Альфонзу с вестию печальной...
Вдруг тяжко звон раздался погребальный:
Он королевин возвестил конец.

1815—1816

ИЗ «ЮНОШЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ» (1801)

НОЧНЫЕ ДУМЫ

Как часто сонмы черных туч
Хотят затмить стеной
Застенчивый и робкий луч
В угрюмой мгле ночной.

Так заблуждений суета
Язвит в земном пути
Того, чья тихая мечта
Легко во мглу сойти.

ОТРАЖЕНЬЕ В МОРЕ

Ты погляди, как под луной
Кипит и пенится волна
И как, объята тишиной,
Потом смиряется она.

Вот так, среди житейских вод,
Игрушка радостей и бед,
Мгновенно смертный промелькнет,
Чтоб кануть зыбким волнам вслед.

К. . . . .

Не надо слов: все так понятно.
Нас истомил взаимный плен.
Я сердце шлю тебе обратно,
А ты верни мое взамен.

Мы знали в полной мере счастье.
Пора расторгнуть узы сна:
Мрачна, как зимнее ненастье,
Была бы вечная весна.

Я слышу снова зов скитаний.
Но — верь — я не ищу иной
Подруги — преданней, желанней:
Прельщен я только новизной.

Итак, приют любви покинем
И, разлучась, пойдем с тобой,
Не отягчешные уныньем,
Ты — *той*, *я* — *этою* тропой.

В короткой вспышке страсти ярой
Не пострадал никто из нас:
Ты не утратила ни чары,
Ничуть мой пламень не угас.

Не опалили поцелуи
Лиловый розан губ твоих,
И сладость сохранил былую
Твой вздох, мечтателен и тих.

Прощай! Когда любовь другая
К себе скитальца призовет,—
Минувшего не отвергая,
Шепну я (знаю наперед):

«Был много ярче твой румянец,
Чем этот, бледный, неживой,
Твой взгляд, и влагой притуманясь,
Сиял яснее синевой».

Прощай! Всему конец. Отныне
Меж нами — отчужденья лед.
Другой в ликующей гордыне
Твой стан руками оплетет.

Но, вспоминая все, что было,
Ты вдруг поймешь, печаль гоня,—
В нем нет и половины пыла,
Переполнявшего меня.

ПОСЛАНИЯ, ОДЫ И ДРУГИЕ СТИХИ (1806)

БАЛЛАДА
ОЗЕРО УНЫЛОЙ ТОПИ

Написано в Норфольке, Вирджиния

Рассказывают о юноше, который потерял разум из-за того, что возлюбленная его умерла, и потом исчез из среды друзей; после этого о нем никогда уже не слышали. Так как он нередко говорил в бреду, будто девушка не умерла, а ушла к Унылой Топи, то предполагали, что он отправился скитаться в эти мрачные дебри и умер с голоду или погиб в одной из страшных трясин.

«Для горячей и верной души холодна
Могила была, как лед.
К Унылой Топи ушла она
И всю ночь в огнях светляков одна
В каноэ белом гребет.

Я скоро увижу ее светляков,
Услышу всплески весла,
И мы будем вдвоем, а при звуке шагов
Я найду ей в ветвях кипариса кров,
Чтобы смерть ее не нашла».

Унылую Топь отыскать спеша,
Он уходит, и путь тяжел:
Сквозь густой можжевельник, сквозь лес камыша,
По болотам, где змеи плодятся, киша,
Где еще никто не прошел.

И когда, от усталости сам не свой,
Он пытался сомкнуть глаза,
Его осыпала жгучей росой
И точила по капле слезу за слезой
Несущая смерть лоза.

А рядом в кустах шевелилось зверье,
Над ухом шипела змея.
Но он пробуждался, твердя свое:
«О, скоро ли в белом каноэ ее
На озере встречу я?»

Он к озеру вышел. Сверкнул и погас
В вышине метеор золотой.
Он сказал: «Вот любовь моя! В добрый час!»
И окликнуло эхо ее сто раз
Над тусклой ночной водой.

Из коры берез он сделал челнок
И отплыл от берега прочь.
Вдаль, вдаль его след метеора влек.
Были тучи темны, и ветер жесток,
И его поглотила ночь.

Но индейцы-охотники, верно, не лгут,
Что в глухую ночь без луны
На озере видны то там, то тут
Эти двое, что в белом каноэ гребут,
Светляками озарены.

* * *

Будь ты землей среди зыбей,
А я — прибрежною волной,
Я никому б не дал к тебе
Подплыть, мой берег дорогой.

Будь ты жемчужина и будь
Златистой раковиной я,
Тебя в объятия замкнуть
Я мог бы, милая моя!

Будь померанцем я в цвету,
А ты в листве моей цветком,
Твой аромат и красоту
Я б не делил и с ветерком.

О, не склоняйся над водой,
Чтобы горящее стекло
Дыханье груди молодой
И взор твой выпить не могло.

И блеск волос, и пурпур щек
Так повторяет эта гладь,
Что я бы с радостью в поток
Твой образ ринулся искать.

Блаженный ток! Могилой мне
И брачным ложем стал бы он,
И смерть нашел бы я в волне,
Твоею тенью поглощен.

Смотри, как светится, синея,
Вода сквозь ветви ризофор.
Так в шелковых ресницах Нея
Скрывает свой горящий взор.

Любовь моя! Везде, везде
Есть след, оставленный тобой.
Твои лучи — в любой звезде,
Стыдливость — в лилии любой.

И без тебя в природе нет
Всего, что блеск и красота,
И нега чувств, и мысли свет —
Но ты повсюду разлита.

ДУХ СНЕГА

Это остров любви, это остров чудес,
Сопричастный лазурному небу.
Он пучиной объят, так силач Геркулес
Обнимает красавицу Гебу.

Знаю, хижины ваши — бальзам для очей,
Ваши песни — услада для слуха,
Но, привычные к зною полдневных лучей,
Вы не знаете Снежного Духа!

Белый пух его крыльев, как скатный жемчуг,
Как улыбка любимой, блистает,
И на травы земли ниспадает он вдруг,
Как твой шепот на душу,— и тает.
О, лети в те края, где рождается год
На широкой студеной постели.
Мил твой Остров Чудес... Но снега непогод
Не гостят в вашем знойном пределе.

Сладко видеть, как, ветром рассветным влеком,
Снег, раздвинув ночные туманы,
Вновь терновник укрыл серебристым платком,
Будто юную жрицу Дианы!
Но не думай, что зябкая эта вуаль
Возвещает начало разлуки;
Нежным чудом вплывут в твою душную даль
Духа Снежного белые руки!

Устремись в его край, к его долам гряди,
Пусть исплачется мглою земною!
Вознеси белизну своей юной груди
Над непрочной его белизною.
О, как сладко проступит твой узенький след
На мерцании нежного пуха,
Островку твоему в свете равного нет,
Но не знает он Снежного Духа!

ИЗ «ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ» (1808—1835)

ШЕСТВУЙ К СЛАВЕ БРАННОЙ

Шествуй к славе бранной,
Только, мой желанный,
Помни обо мне.
Встретишь ты стройнее
Краше, веселее:
Помни обо мне.
Ярче будут платья
И смелей объятья
В дальней стороне!
Только, друг мой милый,
С прежней, с давней силой
Помни обо мне!

Меж цветов и терний
Под звездой вечерней
Вспомни обо мне!
Без огня и света,
Твоего привета,
Вянут розы лета
В сумрачном окне:
Я их вышивала,
В них любовь вплетала:
Помни обо мне!

В миг, когда в просторах
Грустен листьев шорох,
Вспомни обо мне!
И, когда ночами

Спит в камине пламя,
Вспомни обо мне!
Вечером угрюмым,
Весь придавшись думам
В горькой тишине,—
Вспомни, как, бывало,
Я тебе певала,—
Вспомни обо мне!

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ. ОТВАЖНОГО БРАЙАНА СЛАВУ ВОСПОЙ!

Отважного Брайана славу воспой,
Хоть в полузабытом бою
Погиб под Мононией этот герой,
Покинув Кинкору свою.
Он пал — и его закатилась звезда,
Но нам его светят дела,
И славы частица его — навсегда
В мечи нашей битвы вошла!

Монония! Нивы и горы вдали,
Далекие отблески гор...
Кто знал, что тиран в прах родимой земли
Впечатает рабства позор?
Нет! Вольность сияет и нынче, как встарь;
Так датчанам молвить успей,
Что лучше возлечь на Отчизны алтарь,
Чем сгинуть в железах цепей!

Соратников раненых память жива,
Когда в поражения дни
От крови их стала багряной трава,
Сражались без жалоб они.
То солнце, что наши ласкает мечи,
И их озаряло тела,—
Под Осори пали... О них не молчи,
Их гибель не тщетной была!

ЭРИН! В СЛЕЗАХ УЛЫБАЕШЬСЯ ТЫ

Эрин! В слезах улыбаешься ты
Радужной аркой живой высоты.
Так сквозь рыдание
Блещет сияние
Скорбной мечты.

Эрин! Не высохнут слезы твои!
Эрин! Улыбкой печаль не зови,
Прежде чем, светлую
И семицветную,
Вскинешь — заветную
Арку любви!

О, НЕ ШЕПЧИ ЕГО ИМЯ

О, не шепчи его имя, пускай оно в сумраке спит,
Там, где холодный, бесславный прах его бедный зарыт.
Смутны, тихи и печальны, катятся слезы из глаз,
Словно роса, что ложится на могилу в полуночный час.

Но от студеной росы, что плачет во мраке ночей,
Ярче могильные травы встанут в сиянье лучей;
Так и печальные слезы, которые тайно мы льем,
Делают ярче в душах вечную память о нем.

ТЕБЯ ВОЗЛЮБИВШИЙ — ПОКИНУЛ ТЕБЯ

Тебя возлюбивший — покинул тебя,
Но прочь все сомнения, прочь!
Пускай он грешил, но любил он тебя,
Ты деяний его не порочь!
Осудят враги боль и скорбь твоих слов,
И слезы, и горечи пыл,—
Но, Небо в свидетели взять я готов:
С тобою я искренен был!

С тобою — мечты моей первой любви,
И помысел страсти любой,—
Смиренной молитву мою назови,
Но это моленье — с тобой!

Друзьям и возлюбленным будет дано
Вновь дни твоей славы узреть,
Но есть еще высшее счастье одно:
В бою за тебя умереть!

ЛУЧ ЯСНЫЙ ИГРАЕТ НА СВЕТЛЫХ ВОДАХ

Луч ясный играет на светлых водах,
Но тма под сияньем и холод в волнах;
Младые ланиты румянцем горят,
Но черные думы дух юный мрачат.

Есть думы о прежнем; их яд роковой
Всю жизнь отравляет мертвящей тоской;
Ничто не утешит, ничто не страшит,
Не радует радость, печаль не крушит.

На срубленной ветке так вянет листок;
Напрасно в дубраве шумит ветерок
И красное солнце льет радостный свет,—
Листок зеленеет, а жизни в нем нет!

КАК ДОРОГ МНЕ...

Как дорог мне час умиранья дня,
Когда струится пламень по волнам
И, грудь воспоминаньями тесня,
Минувшее опять приходит к нам.

Тогда душа полна одной мечтой:
В навечном отрешенье от тревог
Хочу пойти тропинкой золотой,
Найти покоя светлый островок.

ЕСЛИ Б ЭРИН К БЫЛОМУ ДУШОЮ ПРИНИК

Если б Эрин к былому душою приник,
До предательства трусов презренных,
Когда Молаки свой золотой воротник
У захватчиков вырвал надменных.

В бой под стягом зеленым вели короли
Алых рыцарей в блеске багрянца,
Прежде чем Изумруды Закатной Земли
Увенчали главу чужеземца!

А теперь — предвечерней порой — рыболов
В ясных водах, где отмель Лох Нига,
Видит башен руины, остатки валов:
То былого раскрытая книга!
Горделивого сердца возвышенный сон,
Отсвет канувшей в море державы...
Так вот можно увидеть сквозь волны времен
Скорбный мир увядающей славы!

ЭРИН, О ЭРИН!

Как яркий светильник, озаряющий сумрачный храм,
Сияющий издали людям в глухую ненастную ночь,
Горячее сердце стучит, не сдаваясь скорбям,
И дух победительный бедам осилить невмочь.
О Эрин, о Эрин, от пролитых слез не потух
За долгие ночи неволи твой неиссякающий дух.

Усталые нации гибли, но был твой восход молодым,
Твоя восходила заря, а другие клонились в закат.
Тяжелое облако рабства повисло над утром твоим,
Но яркие полдни свободы вокруг негасимо горят.
О Эрин, о Эрин, в тени миновали года,
И сгинули все гордецы, но твоя не бледнеет звезда.

Спит белая лилия, покуда на свете зима.
Дожди не остудят ее, не разбудят ветра.
Наступит весна, и она встрепенется сама,
Свобода согреет ее, и солнце шепнет ей: «Пора!»
О Эрин, о Эрин, зимы твоей кончился срок.
Надежды, осилившей зиму, наконец развернется цветок.

МОЛЧИТ ПРОСТОРНЫЙ ТРОННЫЙ ЗАЛ

Молчит просторный тронный зал,
И двор порос травой:
В чертогах Тары отзвучал
Дух музыки живой.

Так спит гордыня прежних дней,
Умчалась слава прочь,—
И арфы звук, что всех нежней,
Не оглашает ночь.

Напевы воинов и дам
В руинах не слышны,—
Но иногда витает там
Звук лопнувшей струны:
Как будто Вольность, не воспев,
Отпев свои права,
Спешит сказать, сквозь боль и гнев,
Что все еще жива!

ХОТЬ В СЛЕЗАХ Я ГЛЯДЕЛА НА ЭРИН ВДАЛИ

Хоть в слезах я глядела на Эрин вдали,
Звуки арфы твоей в мою душу вошли,
А спешил ты в изгнанье мне душу пленить,
Чтоб родную Ирландию мне возвратить.

Мне б вернуться на берег скалистый морской,
Где тебя не настигнет чужак никакой;
Я прильнула бы к прядям желанных волос,
Что угрюмому ветру трепать довелось!

И не бойся, что локон — в ночной тишине —
Затрепещет подобно стозвучной струне:
Злобным саксам тех струн золотых не украсть,
Что сумели воспеть нашу гневную страсть!

СВОБОДНОГО БАРДА ПРЕЗРЕНЬЕМ НЕ МУЧАЙ

Свободного барда презреньем не мучай,
Коль славит услады, отбросив свой меч:
Быть может, рожден он для участи лучшей
И пламень святой мог бы в сердце сберечь?
Струна, что провисла на лире поэта,
Когда б пробудились Отчизны сыны,
Могла б прозвенеть тетивой арбалета,
А песня любви — стать напевом войны!

Но слава Отчизны его увядает,
И сломлен ее несгибаемый дух,
И дети ее на руинах рыдают:
Измена и Смерть торжествуют вокруг!
Нам велено доблестных предков стыдиться,
Томись, и казнись, и во тьме умирай,—
Спасем же огонь, озаряющий лица,
Пока не погиб наш ограбленный край!

Пускай наслаждений полны его вежды,
Он жаждет избыть беспредельную боль,—
Оставь песнопевцу хоть проблеск надежды,
Во мраке скитаться ему не позволь!
Прости ему сладость любовных мелодий,
Лишь только б он сердце высоко держал:
Не так ли Аристогитон и Гармодий
Цветами увили отмщенья кинжал.

Пусть слава прошла и надежда увяла,
Жив Эрин в словах его гневных стихов;
И, пусть в них веселье порой ликовало,
Певец не забыл его бед и грехов!
Мила чужеземцу тоска наших жалоб,
Грянь, арфа — укором живым прозвучи,
Ведь робость презренная вас не сковала б,
Коль не были б сами себе палачи!

ПЕРЕД БИТВОЙ

Вестник завтрашней суровой
Битвы здесь; он тут как тут!
Ждут нас вольность иль оковы?
Жизнь иль смерть заутра ждут?
Только ведайте, друзья,
Что в неволе жить нельзя!
Как звезда во мгле сырой,
Так в могиле спит герой,—

И народ его приют
Оросить слезой готов:
Люди будущих годов
О судьбе его поют.
Кто опочил в победный час,
Тот жил не зря, погиб за нас!

Озарен костром багряным,
Враг — он нынче бел, как мел;
Здесь сражались мы с тираном,
Чтоб тиранить нас не смел!
Не скует нам больше он
Злую цепь былых времен!
Громкий рог звучит войной:
Победив, мы мед хмельной
В рог нальем — и пустим вкруг!

Тот, в ком ярость горяча,
Может сгинуть от меча;
Что — для мертвых — горна звук?!
Но блажен, кто пал в бою
За Ирландию свою!

ПОСЛЕ БИТВЫ

Захватчиков укрыла ночь,
Зарницы блещут на холмах,
И мы не отступили прочь,
И чужд нам был презренный страх.

Надежды воинов в пыли,
Тяжка для патриотов весть,—
Но что утратить мы могли,
Коль с нами наши жизнь и честь?

Исчезли вольности мечты,
Что жили в череде веков;
Блистает солнце чистоты
На стягах гибнущих полков.

И пусть мы все обречены,
Что ж, значит, такова судьба,—
Смирятся ль Эрина сыны
С позорной участью раба!

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРФЫ

«Знаешь, арфа моя, что звенит под рукой,
В незабвенные дни была Девой Морской,
И вечерней порой, беспредельно нежна,
В молодого скитальца влюбилась она.

Но, увы, не пленился певец, в свой черед,
Тщетно плакала дева всю ночь напролет,
И пришлось, чтоб терзанья ее прекратить,
В сладкозвучную арфу ее превратить.

Вот как сжалились древле над ней небеса:
Стали струнами арфы ее волоса,
Но еще воздымалась блаженная грудь,
Чтобы чары любви в перезвоны вдохнуть.

Так любовью и скорбью звенит под рукой
Арфа в образе дивном наяды морской:
Ты о ласках любви ей вещать повели
И о муках разлуки, когда я вдали!»

ВОСПЛАЧЬТЕ, ЦЕПИ ДУШАТ ВАС

Восплачьте, цепи душат вас,
Позор всего больней:
Увяла в некий день и час
Гордыня прежних дней.
Мудрец вас предостерегал,
А Храбрый пролил кровь,
Но факел Воли отпылал
И не зажжется вновь!

Восплачьте... Впрочем, в некий день,
Блюдя любви закон,
Пусть сгонит внук позора тень
С поруганных имен.
И спросит в храме, где покой
Вкушают раб и князь:
«Чьей святотатственной рукой
Отважный брошен в грязь?

Тиранов ненависть дика:
Они в ней заодно,
А вам в любви еще пока
Сплотиться не дано:

Один, в неведенье своем,
Святыню осквернил,
Когда другой — пред алтарем —
Колени преклонил!»

СПИТ ИЗБРАННИК ЕЕ ГДЕ-ТО В ДАЛЬНЕЙ ЗЕМЛЕ

Спит избранник ее где-то в дальней земле,
Докучать ей любовью не станем:
Холодна она к нашей любви и хвале,
Ее сердце — в гробу его раннем.

И поет она песни родимых полей,
Песни, полные дикого хмеля...
Если б знали вы, те, что внимаете ей,
Что творилось в душе менестреля!

Он погиб ради этой любви и страны,
Вы при жизни его увенчали,—
Слезы горькие жечь ее щеки должны,
А любовь истомилась в печали.

Пусть задремлет в чертогах вечерних лучей,
Позлащенная скорбью заката:
Над Эрином, любимым всего горячей,
Утром солнце заблещет крылато!

В ПОЛНОЧЬ Я ПОЛЕЧУ...

В полночь я полечу, воздымая созвездий крыла,
В край, где мы полюбили, когда на земле ты жила;
И все чудится мне: если душам, померкшим давно,
Утешенья былые опять обрести суждено,
Расскажи о любви — и каким она счастьем была!

Я спою тебе дикую песню родной стороны,
Что с тобой мы певали, слиянностью прежней нежны.
Так вернись ко мне эхом и горечь моленья разрушь!
О любовь! Ты, как голос из Царства Исчезнувших Душ,
Смутный отзвук напевов, что были томленья полны!

ПОСЛЕДНЯЯ РОЗА ЛЕТА

Этой розе — последней
Томиться дано:
Все подруги ее
Отпылали давно.
И любимый далек:
Предвещают беду
Безответные вздохи
В осеннем саду.

Не покину тебя
В дни любви и тоски!
Оброню и рассыплю
Твои лепестки.
Оброню их небрежно
В объятья травы,
Где подруги твои
Безуханно-мертвы.

А ведь скоро остынет
Бурливая кровь,
Скоро дружба исчезнет,
Увянет любовь.
Только, верной любви
Потеряв благодать,
Кто захочет
В ночном этом мире страдать?

СВЕТЛЯК МИГНУЛ НОЧНОЙ ПОРОЙ

Светляк мигнул ночной порой,
Встал майский месяц над горой;
Мы там пойдем
Бродить вдвоем,
Где Морна спит в земле сырой.

Встань! Небеса — утеха глаз,
Уж пробил наслажденья час;
Ведь жизнь продлим
Мы нам двоим,
Урвав у тьмы хоть миг для нас.

Проснись, любовь, пока все спит,
И до рассвета выйди в сад,
В наш звездный час, в наш миг услад.
Я под окном
В саду ночном,
А в том окне — твой милый взгляд.

Так пробудись, так пробудись,
Пока звездами блещет высь,—
Быть может, мудрый звездочет
К их сонму и тебя причтет:
Явись, любимая, явись!

ЮНЫЙ МЕНЕСТРЕЛЬ

На битву мчится менестрель,
Певец-воитель юный,—
С ним предков меч, с ним арфы трель,
Трель арфы многострунной.
«Пусть предан остров мой родной
Никчемными сынами,—
Еще со мной — мой меч стальной,
И голос арфы — с нами!»

Пал менестрель,— в сраженье пал,
Пал поприща в начале,
Но прежде струны он порвал,
Чтоб в рабстве не звучали.
Но прежде вымолвил: «Живи
Душой для звуков новых,
Ведь песню славы и любви
Нельзя слагать в оковах!»

ПОКИНУТА ВСЕМИ

Покинута всеми, о бедная лань,
Напрасно себя не терзай и не рань.
Прильни мне на грудь, не скрывая лица:
Здесь дом твой, здесь сердце — твое до конца.

Любовь неизменна; себе лишь верна,
И в счастье и в горе все та же она.
Не знаю, виновна ли ты предо мной,—
Тебя я люблю той, что есть,— не иной.

«Мой ангел»,— я помню, меня ты звала.
О да, я твой ангел, хранящий от зла.
Мы в пламя с тобою бесстрашно войдем
И вместе спасемся — иль сгинем вдвоем.

Я ВИДЕЛ, КАК РОЗОВЫМ УТРОМ КАЧАЛСЯ

Я видел, как розовым утром качался
В волнах прибывавших у берега челн;
И вновь я пришел, когда мрак надвигался,
Челнок был все там же, но не было волн.

Я так же охвачен был счастья волною,
Как этот песком занесенный челнок...
Отхлынули волны, и, полон тоскою,
Остался у берега я, одинок.

Зачем говорите вы мне в утешенье,
Что слава должна услаждать мой закат...
Отдайте мне бурную смелость стремленья,
Отдайте мне юности слезы назад!

ВО ТЬМЕ Я ОБРЕЛ ТЕБЯ, АРФА ОТЧИЗНЫ

Во тьме я обрел тебя, арфа Отчизны,
Тебе был навязан молчанья обет,
Но, гордый, услышав твои укоризны,
Я голос вернул тебе, вольность и свет.
Я вновь пробудил в тебе нежности звуки,
Веселые песни любви и тепла,
Но долго впивала ты возгласы муки
И часто их отзвуком горьким была.

О арфа Отчизны! Порывом влекомый,
С тобой расстаюсь я до лучших времен,—
Спи в славе, овеяна сладостной дремой,
Нарушу не я твой задумчивый сон.
Сердца патриотов, солдат иль влюбленных
Вошли в наши песни земной чистоты,
Но я был как ветер в скитаньях бессонных,
И то, что я спел, подсказала мне ты.

НЕ ЗАБУДУ ТЕБЯ

Только б сердце в груди не устало стучать,—
Не забуду тебя, одинокая мать.
И в печали твоей, и в дожде, и во мгле,
Нет прекрасней тебя никого на земле.

Если б стала великой, свободной ты вдруг,
Первой розой среди пышноцветных подруг,
Я тебя прославлял бы, ликуя, но верь:
Горячее не мог бы любить, чем теперь.

Нет, залитая кровью, под гнетом цепей
Ты дороже еще для твоих сыновей:
Их сердца, как в пустыне — птенец, вновь и вновь
Пьют по капле из ран материнских любовь.

В ТОЛПЕ СКИТАЮСЬ, ОДИНОК

В толпе скитаюсь, одинок:
За что меня карает рок?
Зачем безвременно угас
Свет этих милых женских глаз?
Так, рок ужасный сокрушил
Все, что любил я, чем я жил,—
Впивал я нежности слова,
Теперь моя любовь мертва!

Прелестниц много есть вокруг,
Чужих услад, чужих подруг,
Но и тебя они дарят,
Им по душе твой робкий взгляд.

Ах, где же ясное чело?
Где голос милый? Все прошло
Бесследно — иль утрачен след?
Молчанье — жалобам в ответ!

Зачем души немая речь
Не в силах прошлого сберечь?
Зачем исчез, зачем угас
Зной милых губ, свет милых глаз?
Нет, навсегда остыла грудь,
Услад блаженных не вернуть,—
Блаженство кануло давно,
Очам воскреснуть не дано!

К ЖЕНСКИМ ВЗОРАМ

От сотен женских взоров, друг,
Пойди — уйди, пойди — уйди!
Но ту, что всех милее, друг,
Пойди — найди, пойди — найди!
Как светят звезд лампады
В небесной мгле, в небесной мгле,
Так светят эти взгляды
Здесь, на земле, здесь, на земле.
Любой бокал наполни, друг,
И пей до дна, и пей до дна!
Люби, кого полюбишь, друг,—
Любовь одна, любовь одна.

Одни глаза умеют
Вести сквозь мрак, вести сквозь мрак,
Как нас ведет и греет
В пути маяк, в пути маяк.
Зато другие, боже,
Сбивают с ног, сбивают с ног;
Не верьте им, но все же —
Прости им бог, прости им бог!
Любой бокал наполни, друг,
И пей до дна, и пей до дна!
Люби, кого полюбишь, друг,—
Любовь одна, любовь одна.

Иные лгут беспечно,
Как зеркала, как зеркала,
И нас не к ним, конечно,
Любовь вела, любовь вела.
Так пусть дойдет до цели
Любой простак, любой простак.
И все, о чем мы пели,
Да будет так! Да будет так!
Любой бокал наполни, друг,
И пей до дна, и пей до дна.
Люби, кого полюбишь, друг,—
Любовь одна, любовь одна.

ЛЕТИ, КОРАБЛЬ

Лети, корабль, вперед лети,
Вверяясь ветреной надежде.
Куда бы ни вели пути,
Не знать нам горше мук, чем прежде.
Рокочут пенные валы:
«Пусть смерть — в пучине нашей зыбкой,
Не так бездушны мы и злы,
Как те, кто лгал тебе с улыбкой».

Вперед, корабль, сквозь свет, сквозь тьму,
Лети — ни мига промедленья!
Что грозный ураган тому,
Кто испытал хулу, глумленья?
Быть может, в утреннюю рань
Ты встретишь берег безымянный,
Тогда прерви свой бег, пристань.
Наш дом — лишь там, где нет обмана.

ЛЮБОВЬ И ЛОЖЬ

Признаюсь, что я не раз
Врал для ваших милых глаз,
Да и как тут не соврешь?
Мне простится эта ложь!
Не брани меня сурово:
Ложь — влюбленности основа!

Если б все, что шепчем мы
Девам в путах летней тьмы,
Было правдой на полстолько,
Все запуталось бы только,—
Не кори меня, мой свет,—
Без иллюзий жизни нет!
Если б дамы вправду были
Знойным солнцем в полной силе,
Воздавал бы честь астроном
Этим девам и матронам!
Вот, когда б Природа вдруг,
Зубок выбелив жемчуг,
Превратила, нам на радость,
Шею — в истинную сладость,
В золотистую метель
Ваших локонов кудель,—
Вот тогда бы — до могилы —
Вы мне, право, были б милы!
А теперь я между строк
Поясню вам мой намек;
Выскажу, душой ликуя,
Дамам истину такую:
Если б повстречался вам
Юноша, влюбленный сам,—
Если б он, скажу вам дальше,
Верил вашей лжи и фальши
И, растрогавшись до слез,
Обольщал бы вас всерьез,
Коль, во лжи любовных жалоб,
Сердце вам принадлежало б,
Вы б утратили его,
Он не врал бы ничего,
Правду б он вещал нелживо,
То-то, право, было б диво!

ПЕСНИ РАЗНЫХ НАРОДОВ (1819—1828)

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

ПОСТОЙ, ГРЕБЕЦ МОЙ ЗОЛОТОЙ!

Венецианская песня

Постой, гребец мой золотой, будь с тишью заодно,
Будь плеск твой внятен только той, кем сердце пленено:
Когда бы сумрак голубой вещал меж звездных сфер,
Он вел бы речь о нас с тобой, мой чуткий гондольер!

Ну, а теперь — постой, постой, гребец мой золотой:
Я заберусь к ней на балкон, а ты на страже стой!
Когда б хоть половину мук, что терпим ради дам,
Мы сбросили с небесных плеч — быть ангелами нам!

* * *

Мир вам, почившие братья!
Честно на поле сраженья легли вы;
Саваном был вам ваш бранный наряд.
Тихо несясь на кровавые нивы,
Вас только тучи слезами кропят.
Мир вам, почившие братья!

Смерть приняла вас в объятья.
Дуб, опаленный грозой, опушится
Новою зеленью с новой весной;
Вас же, сердца, переставшие биться,
Кто возвратит стороне вас родной?
Смерть приняла вас в объятья.

На победившем проклятье!
Вечная месть нам завещана вами.
Прежде чем робко изменим мы ей,
Ляжем холодными трупами сами
Здесь же, средь этих кровавых полей.
На победившем проклятье!

* * *

Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что томным покровом луну облекли,
Еще помешают улыбке летучей,
Когда твой любовник уж будет вдали.

Как эти тучи, я долгою тенью
Мрачил твое сердце и жил без забот.
Сошлись мы — ка́к верила ты наслажденью,
Ка́к верила счастью,— о, боже!.. И вот,

Теперь свободна ты, диво созданья,—
Скорее тяжелый свой сон разгоняй;
Смотри, и луны уж прошло обаянье,
И тучи минуют,— Тереза, прощай!

ИЗ СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

ГЛАЗА ГОЛУБЫЕ И ЧЕРНЫЕ

От ран без конца
Погибают сердца,
Черноким покорные женам,
А лазоревый взор,
И сражая в упор,
Сулит исцеленье сраженным.
О Фанни! О Фанни!
Лазоревый взор,
Сражая в упор,
Сулит исцеленье сраженным, о Фанни!

Тот, кто бросился раз
В омут дьявольских глаз,
Вновь и вновь о любви умоляет;
А лазоревый взгляд,
Не взыскуя наград,
Влюбленным любить позволяет.
О Фанни! О Фанни!
Лазоревый взгляд,
Не взыскуя наград,
Влюбленным любить позволяет, о Фанни!

Но ты, чьи глаза —
Сама бирюза,
Закон синевы отвергая,
Упорное «нет!»

Твердишь мне в ответ.
О Фанни, за что, дорогая?
О Фанни! О Фанни!
Упорное «нет»
Твердишь мне в ответ.
О Фанни, за что, дорогая? О Фанни!

ЖИЗНЬ БЕЗ СВОБОДЫ

О жизнь без свободы! Проститься с тобой
За день на свободе решится любой.
Ты слышишь призывы отважной трубы?
Тиранам поют панихиду рабы.
Спешите! Израпена насмерть страна,
Своих сыновей призывает она.
О жизнь без свободы! Проститься с тобой
За день на свободе решится любой.

Последний приют наш — могильный альков,
Где нет ни тиранов, ни звона оков.
Вперед же! героем становится тот,
Кто алую кровь за отчизну прольет.
А если свободу в родимом краю
Затравят, ее обретем мы в раю.
Последний приют наш могильный альков,
Где нет ни тиранов, ни звона оков.

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

СОНЕТ ШИЛЬОНУ

Бессмертный Дух свободного ума,
Святая Вольность! В камерах зловонных
Твой свет не может погасить тюрьма,
Убить тебя в сердцах, тобой плененных.

Когда твой сын оковам обречен,
Когда его гнетут сырые своды,
Самим страданьем побеждает он,
И плен его — грядущий взлет Свободы.

Ты свят, Шильон! Твой каменный настил,
Холодный пол твой, как трава лесная,
Тот след неистребимый сохранил,

Что Боннивар оставил здесь, шагая,
И, точно вопль из тьмы к творцу светил,
К векам стезя взывает роковая.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В то время, когда я писал эту поэму, я не был достаточно знаком с историей Боннивара; будь она мне известна, я бы постарался быть на высоте моего сюжета, попытался бы воздать должную хвалу мужеству и доблестям Боннивара. Теперь я получил некоторые сведения о его жизни благодаря любезности одного из граждан республики, продолжающей гордиться памятью мужа, достойного быть сыном лучшей поры древней свободы.

«Франсуа де Боннивар (Bonnivar), сын Луи де Боннивара, родом из Сейселя (Seyssel) и владелец Люна (Lunes), родился в 1496 году. Он учился в Турине; в 1510 году Жан Эмэ де Боннивар, его дядя, передал ему приорат Сан-Виктор, прилегающий к стенам Женевы и дававший крупные бенефиции... Этот великий человек (Боннивар заслуживает такой эпитет силой духа, прямотой, благородством помыслов, мудростью советов, отважностью поступков, обширностью знаний и живостью ума), этот великий человек, перед которым преклонятся все, кого трогает геройская доблесть, будет возбуждать еще более живое чувство благодарности в сердцах женевцев, любящих Женеву. Боннивар был всегда одним из ее самых твердых столпов: чтобы упрочить свободу нашей республики, он часто ставил на карту свою свободу; он забыл о своем спокойствии, отказался от своих богатств; он сделал все, что мог, для того, чтобы упрочить счастье страны, которую почтил своим избранием; с того момента, как он признал ее своей родиной, он полюбил ее как самый ревностный из ее граждан; он служил ей с геройским бесстрашием и написал свою «Историю» с наивностью философа и горячностью патриота.

Он говорит в начале своей «Истории Женевы», что с того времени, как он начал читать историю народов, он почувствовал влечение к республикам и принимал всегда их сторону; эта любовь к свободе, несомненно, и побудила его избрать Женеву своей второй родиной.

Боннивар был еще молод, когда открыто выступил защитником Женевы против герцога Савойского и епископа. В 1519 году Боннивар сделался мучеником за свою родину: когда герцог Савойский вступил в Женеву с пятьюстами человек, Боннивар, опасаясь гнева герцога, хотел укрыться в Фрибург от грозивших ему преследований. Но его предали два человека, сопровождавшие его, и по приказу герцога его отвезли в Гролэ, где он пробыл в тюрьме два года. Путешествия не спасли Боннивара от беды: так как несчастия не ослабили его преданности Женеве и он продолжал быть страшным врагом для всех ее недругов, то и подвергался всегда опасности преследований с их стороны. В 1530 году в горах Юры на него напали воры, ограбили его и препроводили к герцогу Савойскому. Последний заточил его в Шильонский замок, где Боннивар пробыл, не будучи ни разу подвергнут допросу, до 1536 года, когда его высвободили из тюрьмы бернские войска, завладевшие всем кантоном Ваад (Payes-de-Vaud).

Выйдя на свободу, Боннивар был обрадован тем, что увидел Женеву свободной и преобразованной; республика поспешила высказать ему свою благодарность и вознаградить его за вынесенные им бедствия: в июне 1536 года он был возведен в звание женевского гражданина, республика принесла ему в дар дом, где некогда жил генеральный викарий, и назначила ему пенсион в двести золотых экю на все время его пребывания в Женеве. В 1537 году он был выбран членом Совета Двухсот.

Боннивар продолжал служить на пользу своих сограждан: позднее, после того как он помог Женеве стать свободной, ему удалось также сделать ее веротерпимой. Боннивар убедил Совет предоставить духовенству и крестьянам достаточно времени для обсуждения сделанных им предложений; он достиг цели своей мягкостью; для того чтобы успешно проповедовать христианство, нужно действовать любовью и кротостью.

Боннивар был ученым; его рукописи, сохраняющиеся в Публичной библиотеке, доказывают, что он хорошо знал латинских классиков, а также обладал обширной эрудицией в области богословия и истории. Этот великий человек любил науку и полагал, что она может составить славу Женевы; поэтому он всячески старался насадить ее в городе, начавшем жить самостоятельно. В 1551 году он подарил городу свою библиотеку и положил этим основание нашей Публичной библиотеке; книги Боннивара и составляют

часть редких прекрасных изданий XV века, имеющихся в нашем собрании. Наконец, в том же году этот истинный патриот назначил республику своей наследницей, под условием, что она употребит его состояние на содержание коллежа, основание которого проектировалось тогда.

Боннивар умер, по всей вероятности, в 1570 году, но точно установить дату его смерти нельзя, потому что в списках умерших есть пробел от июля 1570 года до 1571-го».

Жан Сенебьер. Histoire Lettéraire de Genève (1786, I, 131—137)[1]

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

I

Взгляните на меня: я сед;
Но не от хилости и лет;
Не страх незапный в ночь одну
До срока дал мне седину.
Я сгорблен, лоб наморщен мой;
Но не труды, не хлад, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостного дня,
Дыша без воздуха, в цепях,
Я медленно дряхлел и чах,
И жизнь казалась без конца.
Удел несчастного отца:
За веру смерть и стыд цепей,
Уделом стал и сыновей.
Нас было шесть — пяти уж нет.
Отец, страдалец с юных лет,
Погибший старцем на костре,
Два брата, падшие во пре,
Отдав на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На дне тюремной глубины —
И двух сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себе на горе, уцелел,
Чтоб их оплакивать удел.

II

На лоне вод стоит Шильон;
Там в подземелье семь колонн
Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет,
Луч, ненароком с вышины
Упавший в трещину стены
И заронившийся во мглу.
И на сыром тюрьмы полу
Он светит тускло-одинок,
Как над болотом огонек,
Во мраке веющий ночном.
Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;
И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им.
И день тяжел глазам моим,
Отвыкнувшим с толь давних лет
Глядеть на радующий свет;
И к воле я душой остыл
С тех пор, как брат последний был
Убит неволей предо мной
И рядом с мертвым я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III

Цепями теми были мы
К колоннам тем пригвождены,
Хоть вместе, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить,
В глаза друг друга различить
Нам бледный мрак тюрьмы мешал.
Он нам лицо чужое дал —
И брат стал брату незнаком.
Была услада нам в одном:
Друг другу голос подавать,
Друг другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной песнию войны —

Но скоро то же и одно
Во мгле тюрьмы истощено;
Наш голос страшно одичал;
Он хриплым отголоском стал
Глухой тюремныя стены;
Он не был звуком старины,
В те дни, подобно нам самим,
Могучим, вольным и живым.
Мечта ль?.. но голос их и мой
Всегда звучал мне как чужой.

IV

Из нас троих я старший был;
Я жребий собственный забыл,
Дыша заботою одной,
Чтоб им не дать упасть душой.
Наш младший брат, любовь отца...
Увы! черты его лица
И глаз умильная краса,
Лазоревых, как небеса,
Напоминали нашу мать.
Он был мне все, и увядать
При мне был должен милый цвет,
Прекрасный, как тот днéвный свет,
Который с неба мне светил,
В котором я на воле жил.
Как утро, был он чист и жив:
Умом младенчески игрив,
Беспечно весел сам с собой...
Но перед горестью чужой
Из голубых его очей
Бежали слезы, как ручей.

V

Другой был столь же чист душой;
Но дух имел он боевой:
Могуч и крепок в цвете лет,
Рад вызвать к битве целый свет
И в первый ряд на смерть готов...
Но без терпенья для оков.
И он от звука их завял.

Я чувствовал, как погибал,
Как медленно в печали гас
Наш брат, незримый нам, близ нас.
Он был стрелок, жилец холмов,
Гонитель вепрей и волков —
И гроб тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI

Шильон Леманом окружен,
И вод его со всех сторон
Неизмерима глубина;
В двойную волны и стена
Тюрьму совокупились там;
Печальный свод, который нам
Могилой заживо служил,
Изрыт в скале подводной был;
И день и ночь была слышна
В него бьющая волна
И шум над нашей головой
Струй, отшибаемых стеной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызгов дождь нас окроплял;
Случалось — вихорь бушевал
И содрогалася скала;
И с жадностью душа ждала,
Что рухнет и задавит нас;
Свободой был бы смертный час.

VII

Середний брат наш — я сказал —
Душой скорбел и увядал.
Уныл, угрюм, ожесточен,
От пищи отказался он:
Еда тюремная жестка;
Но для могучего стрелка
Нужду переносить легко.
Нам коз альпийских молоко
Сменила смрадная вода;
А хлеб наш был, какой всегда,—

С тех пор как цепи созданы,
Слезами смачивать должны
Невольники в своих цепях.
Не от нужды скорбел и чах
Мой брат: равно завял бы он,
Когда б и негой окружен
Без воли был... Зачем молчать?
Он умер... я ж ему подать
Руки не мог в последний час,
Не мог закрыть потухших глаз;
Вотще я цепи грыз и рвал —
Со мною рядом умирал
И умер брат мой, одинок;
Я близко был и был далек.
Я слышать мог, как он дышал,
Как он дышать переставал,
Как вздрагивал в цепях своих
И как ужасно вдруг затих
Во глубине тюремной мглы...
Они, сняв с трупа кандалы,
Его без гроба погребли
В холодном лоне той земли,
На коей он невольник был.
Вотще я их в слезах молил,
Чтоб брату там могилу дать,
Где мог бы дневный луч сиять;
То мысль безумная была,
Но душу мне она зажгла:
Чтоб волен был хоть в гробе он.
«В темнице (мнил я) мертвых сон
Не тих...» Но был ответ слезам
Холодный смех; и брат мой там,
В сырой земле тюрьмы, зарыт,
И в головах его висит
Пук им оставленных цепей:
Убийц достойный мавзолей.

VIII

Но он — наш милый, лучший цвет,
Наш ангел с колыбельных лет,
Сокровище семьи родной,
Он — образ матери душой

И чистой прелестью лица,
Мечта любимая отца,
Он — для кого я жизнь щадил:
Чтоб он бодрей в неволе был,
Чтоб после мог и волен быть...
Увы! он долго мог сносить
С младенческою тишиной,
С терпеньем ясным жребий свой;
Не я ему — он для меня
Подпорой был... вдруг день от дня
Стал упадать, ослабевал,
Грустил, молчал и молча вял.
О боже! боже! страшно зреть,
Как силится преодолеть
Смерть человека... я видал,
Как ратник в битве погибал;
Я видел, как пловец тонул
С доской, к которой он прильнул
С надеждой гибнущей своей;
Я зрел, как издыхал злодей
С свирепой дикостью в чертах,
С богохуленьем на устах,
Пока их смерть не заперла:
Но *там* был страх — *здесь* скорбь была,
Болезнь глубокая души.
Смиренным ангелом, в тиши,
Он гас, столь кротко-молчалив,
Столь безнадежно-терпелив,
Столь грустно-томен, нежно-тих,
Без слез, лишь помня о своих
И обо мне... увы! он гас,
Как радуга, пленяя нас,
Прекрасно гаснет в небесах:
Ни вздоха скорби на устах;
Ни ропота на жребий свой;
Лишь слово изредка со мной
О наших прошлых временах,
О лучших будущего днях,
О упованье... но, объят
Сей тратой, горшею из трат,
Я был в свирепом забытьи.
Вотще, кончаясь, он свои
Терзанья смертные скрывал...
Вдруг реже, трепетнее стал

Дышать, и вдруг умолкнул он...
Молчаньем страшным пробужден,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу как бешеный... стена
Откликнулась... и умер гул!
Я цепь отчаянно рванул
И вырвал... к брату... брата нет!
Он на столбе — как вешний цвет,
Убитый хладом,— предо мной
Висел с поникшей головой.
Я руку тихую поднял;
Я чувствовал, как исчезал
В ней след последней теплоты;
И, мнилось, были отняты
Все силы у души моей;
Все страшно вдруг сперлося в ней;
Я дико по тюрьме бродил —
Но в ней покой ужасный был:
Лишь веял от стены сырой
Какой-то холод гробовой;
И, взор на мертвого вперив,
Я знал лишь смутно, что я жив.
О! сколько муки в знанье том,
Когда мы тут же узнаем,
Что милому уже не быть,
И миг сей мог я пережить!
Не знаю — вера ль то была,
Иль хладность к жизни жизнь спасла?

IX

Но что потом сбылось со мной,
Не помню... свет казался тьмой,
Тьма светом; воздух исчезал;
В оцепенении стоял,
Без памяти, без бытия,
Меж камней хладным камнем я;
И виделось, как в тяжком сне,
Все бледным, темным, тусклым мне;
Все в мутную слилося тень;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:

То было тьма без темноты;
То было бездна пустоты
Без протяженья и границ;
То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой.

X

Вдруг луч незапный посетил
Мой ум... то голос птички был.
Он умолкал; он снова пел;
И мнилось, с неба он летел;
И был утешно-сладок он.
Им очарован, оживлен,
Заслушавшись, забылся я;
Но ненадолго... мысль моя
Стезей привычною пошла;
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Как прежде, бледною струей
Прокрадывался луч дневной
В стенную скважину ко мне...
Но там же, в свете, на стене
И мой певец воздушный был;
Он трепетал, он шевелил
Своим лазоревым крылом;
Он озарен был ясным днем;
Он пел приветно надо мной...
Как много было в песни той!
И все то было про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобного не зрел;
Как я, казалось, он скорбел
О брате и покинут был;
И он с любовью навестил

Меня тогда, как ни одним
Уж сердцем не был я любим;
И в сладость песнь его была:
Душа невольно ожила.
Но кто ж он сам был, мой певец?
Свободный ли небес жилец?
Или, недавно из цепей,
По случаю к тюрьме моей,
Играя в небе, залетел
И о свободе мне пропел?
Скажу ль?.. Мне думалось порой,
Что у меня был не земной,
А райский гость; что братний дух
Порадовать мой взор и слух
Примчался птичкою с небес...
Но утешитель вдруг исчез;
Он улетел в сиянье дня...
Нет, нет, то не был брат... меня
Покинуть так не мог бы он,
Чтоб я, с ним дважды разлучен,
Остался вдвое одинок,
Как труп меж гробовых досок.

XI

Вдруг новое в судьбе моей:
К душе тюремных сторожей
Как будто жалость путь нашла;
Дотоле их душа была
Бесчувственней желез моих;
И что разжалобило их,
Что милость вымолило мне,
Не знаю... но опять к стене
Уже прикован не был я;
Оборванная цепь моя
На шее билася моей;
И по тюрьме я вместе с ней
Вдоль стен, кругом столбов бродил,
Не смея братних лишь могил
Дотронуться моей ногой,
Чтобы последния земной
Святыни там не оскорбить.

XII

И мне оковами прорыть
Ступени удалось в стене;
Но воля не входила мне
И в мысли... я был сирота,
Мир стал чужой мне, жизнь пуста,
С тюрьмой я жизнь сдружил мою:
В тюрьме я всю свою семью,
Все, что знавал, все, что любил,
Невозвратимо схоронил,
И в области веселой дня
Никто уж не жил для меня;
Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем,
Как облако, при ясном дне
Потерянное в вышине
И в радостных его лучах
Ненужное на небесах...
Но мне хотелось бросить взор
На красоту знакомых гор,
На их утесы, их леса,
На близкие к ним небеса.

XIII

Я их увидел — и оне
Все были те ж: на вышине
Веков создание — снега,
Под ними Альпы и луга,
И бездна озера у ног,
И Роны блещущий поток
Между зеленых берегов;
И слышен был мне шум ручьев,
Бегущих, бьющих по скалам;
И по лазоревым водам
Сверкали ясны облака;
И быстрый парус челнока
Между небес и вод летел;
И хижины веселых сел,
И кровы светлых городов
Сквозь пар мелькали вдоль брегов...

И я приметил островок:
Прекрасен, свеж, но одинок
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем;
И горный воздух веял там
По мураве и по цветам,
И воды были там живей,
И обвивалися нежней
Кругом родных брегов оне.
И видел я: к моей стене
Челнок с пловцами приставал,
Гостил у брега, отплывал
И, при свободном ветерке
Летя, скрывался вдалеке;
И в облаках орел играл,
И никогда я не видал
Его столь быстрым — то к окну
Спускался он, то в вышину
Взлетал — за ним душа рвалась;
И слезы новые из глаз
Пошли, и новая печаль
Мне сжала грудь... мне стало жаль
Моих покинутых цепей.
Когда ж на дно тюрьмы моей
Опять сойти я должен был —
Меня, казалось, обхватил
Холодный гроб; казалось, вновь
Моя последняя любовь,
Мой милый брат передо мной
Был взят несытою землей;
Но как ни тяжко ныла грудь —
Чтоб от страданья отдохнуть,
Мне мрак тюрьмы отрадой был.

XIV

День приходил — день уходил —
Шли годы — я их не считал;
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земли.
И люди наконец пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать

И не помыслил я — давно
Считать привык я за одно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был,
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там все друг,
Все однодомец было мой:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;
Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

27—29 июня 1816

БЕППО

Венецианская повесть

Р о з а л и н д а. Прощайте, господин путешественник! Старайтесь картавить и носить странное платье, браните все хорошее в вашем отечестве, проклинайте ваше рождение и едва ли не упрекайте бога за то, что он создал вас не с каким-нибудь другим лицом. Иначе я с трудом поверю, что вы плавали в *гондолах*.

Ш е к с п и р. Как вам это понравится, действие IV, сцена I.

П р и м е ч а н и е к о м м е н т а т о р о в

Венеция, которую в то время очень любила посещать английская знатная молодежь, была тогда тем же, чем в настоящее время является Париж,— средоточием распущенности всяческого рода.

1

Известен всем (невежд мы обойдем)
Веселый католический обычай
Гулять вовсю перед святым постом,
Рискуя стать лукавому добычей.
Греши смелей, чтоб каяться потом!
Без ранговых различий и приличий
Все испытать спешат и стар и млад:
Любовь, обжорство, пьянство, маскарад.

2

Когда сгустится ночь под небосклоном
(Чем гуще тьма, тем лучше, господа!),
Когда скучней супругам, чем влюбленным,
И нет у целомудрия стыда,
Тогда своим жрецам неугомонным
Веселье отдается без труда.
Визг, хохот, пенье, скрипки и гитары,
И нежный вздох целующейся пары.

3

Вот маски: турок, янки-дудль, еврей,
Калейдоскоп невиданных уборов,
Лент, серпантина, блесток, фонарей,
Костюмы стряпчих, воинов, актеров —
Все, что угодно прихоти твоей,
Все надевай без дальних разговоров,
И только рясу — боже сохрани! —
Духовных, вольнодумец, не дразни.

4

Уж лучше взять крапиву для кафтана,
Чем допустить хотя б один стежок,
Которым оскорбилась бы сутана,—
Тогда ты не отшутишься, дружок,
Тебя на угли кинут, как барана,
Чтоб адский пламень ты собой разжег,—
И по душе, попавшей в когти к бесу,
Лишь за двойную мзду отслужат мессу.

5

Но кроме ряс пригодно все, что есть,—
От королевских мантий до ливреи,—
Что можно с местной Монмут-стрит унесть
Для воплощенья праздничной затеи;
Подобных «стрит» в Италии не счесть,
И лишь названья мягче и звучнее.
Из площадей английских словом «пьяцца»
Лишь Ковент-Гарден вправе называться.

Итак, пред нами праздник, карнавал.
«Прощай мясное!» — смысл его названья.
Предмет забавно с именем совпал:
Теперь направь на рыбу все желанья.
Чем объяснить — я прежде сам не знал —
Перед постом такие возлиянья?
Но так друзья, прощаясь, пьют вино,
Пока свистка к отплытью не дано.

7

На сорок дней прости-прощай, мясное!
О, где рагу, бифштекс или паштет!
Все рыбное, да и притом сухое,
И тот, кто соус любит с детских лет,
Подчас со зла загнет словцо такое,
Каких от музы ввек не слышал свет,
Хотя и склонен к ним британец бравый,
Привыкший рыбу уснащать приправой.

8

К несчастью, вас в Италию влечет,
И вы уже готовы сесть в каюту.
Отправьте ж друга иль жену вперед,
Пусть завернут в лавчонку на минуту
И, если уж отплыл ваш пакетбот,
Пускай пошлют вдогонку, по маршруту,
Чилийский соус, перец, тмин, кетчуп,
Иль в дни поста вы превратитесь в труп.

9

Таков совет питомцу римской веры,—
Пусть римлянином в Риме будет он!
Но протестанты — вы, о леди, сэры,
Для вас поститься вовсе не закон.

Вы только иностранцы, форестьеры,
Так поглощайте мясо без препон
И за грехи ступайте к черту в лапы!
Увы, я груб, но это кодекс папы.

10

Из городов, справлявших карнавал,
Где в блеске расточительном мелькали
Мистерия, веселый танец, бал,
Арлекинады, мимы, пасторали
И многое, чего я не назвал,—
Прекраснейшим Венецию считали.
Тот шумный век, что мною здесь воспет,
Еще застал ее былой расцвет.

11

Венецианка хороша доныне:
Глаза как ночь, крылатый взлет бровей,
Прекрасный облик эллинской богини,
Дразнящий кисть мазилки наших дней.
У Тициана на любой картине
Вы можете найти подобных ей
И, увидав такую на балконе,
Узнаете, с кого писал Джорджоне,

12

Соединивший правду с красотой.
В дворце Манфрини есть его творенье:
Картин прекрасных много в зале той,
Но равных нет по силе вдохновенья.
Я не боюсь увлечься похвалой,
Я убежден, что вы того же мненья.
На полотне — художник, сын, жена,
И в ней сама любовь воплощена.

13

Любовь не идеальная — земная,
Не образ отвлеченной красоты,
Но близкий нам — такой была живая,
Такими были все ее черты.
Когда бы мог — ее, не рассуждая,
Купил, украл, забрал бы силой ты...
Она ль тебе пригрезилась когда-то?
Мелькнула — и пропала без возврата.

14

Она была из тех, чей образ нам
Является неведомый, нежданный,
Когда мы страстным преданы мечтам
И каждая нам кажется желанной,
И, вдруг воспламеняясь, по пятам
Мы следуем за нимфой безымянной,
Пока она не скрылась навсегда,
Как меж Плеяд погасшая звезда.

15

Я говорю, таких писал Джорджоне,
И прежняя порода в них видна.
Они всего милее на балконе
(Для красоты дистанция нужна),
Они прелестны (вспомните Гольдони)
И за нескромным жалюзи окна.
Красоток тьма,— без мужа иль при муже,—
И чем они кокетливей, тем хуже.

16

Добра не будет: взгляд рождает вздох,
Ответный вздох — надежду и желанье.
Потом Меркурий, безработный бог,
За медный скудо ей несет посланье,
Потом сошлись, потом застал врасплох
Отец иль муж, проведав, где свиданье.
Крик, шум, побег, и вот любви тропа:
Разбиты и сердца и черепа.

17

Мы знаем, добродетель Дездемоны
От клеветы бедняжку не спасла.
До наших дней от Рима до Вероны
Случаются подобные дела.
Но изменились нравы и законы,
Не станет муж душить жену со зла
(Тем более — красотку), коль за нею
Ходить, как тень, угодно чичисбею.

18

Да, он ревнует, но не так, как встарь,
А вежливей — не столь остервенело.
Убить жену? Он не такой дикарь,
Как этот черный сатана Отелло,
Заливший кровью брачный свой алтарь.
Из пустяков поднять такое дело!
Не лучше ли, в беде смирясь душой,
Жениться вновь иль просто жить с чужой.

19

Вы видели гондолу, без сомненья.
Нет? Так внимайте перечню примет:
То крытый челн, легки его движенья,
Он узкий, длинный, крашен в черный цвет.
Два гондольера в такт, без напряженья,
Ведут его,— и ты глядишь им вслед,
И мнится, лодка с гробом проплывает.
Кто в нем, что в нем — кто ведает, кто знает?

20

И день-деньской снует бесшумный рой,
И в час ночной его бы вы застали.
То под Риальто пролетят стрелой,
То отразятся в медленном канале,

То ждут разъезда сумрачной толпой,
И часто смех под обликом печали,
Как в тех каретах скорбных, утаен,
В которых гости едут с похорон.

21

Но ближе к делу! Лет тому не мало,
Да и не много: сорок — пятьдесят,—
Когда все пело, пило и плясало,
Явилась поглядеть на маскарад
Одна синьора. Мне бы надлежало
Знать имя, но увы, лишь наугад,
И то, чтоб ладить с рифмой и цезурой,
Могу назвать красавицу Лаурой.

22

Она, хоть уж была немолода,
Еще в известный возраст не вступила,
Покрытый неизвестностью всегда.
Кому и где, какая в мире сила
Открыть его поможет, господа?
Известный возраст тайна окружила.
Он так в известном окрещен кругу,
Но невпопад — я присягнуть могу.

23

Лаура время проводить умела,
И время было благосклонно к ней.
Она цвела — я утверждаю смело,
Вы лет ее никак не дали б ей.
Она везде желанной быть хотела,
Боясь морщин, не хмурила бровей,
Всем улыбалась и лукавым взором
Мутила кровь воинственным синьорам.

24

При ней был муж — всегда удобен брак.
У христиан ведь правило такое:
Прощать замужним их неверный шаг,
Зато бесчестить незамужних вдвое.
Скорей же замуж, если что не так,—
Хоть средство не из легких, но простое!
А коль греха не скрыла от людей,
Так сам господь помочь не сможет ей.

25

Муж плавал по морям. Когда ж, бывало,
Вернувшись, он вблизи родной земли
По сорок дней томился у причала,
Где карантин проходят корабли,
Жена частенько у окна стояла,
Откуда рейд ей виден был вдали.
Он был купец и торговал в Алеппо.
Звался Джузеппе, или просто Беппо.

26

Он человек был добрый и простой.
Сложеньем, ростом — образец мужчины.
Напоминал испанца смуглотой
И золотым загаром цвета глины,
А на морях — заправский волк морской.
Жена его — на всё свои причины —
Хоть с виду легкомысленна была,
Особой добродетельной слыла.

27

Но лет уж пять, как он с женой расстался.
Одни твердили — он пошел ко дну,
Другие — задолжал и промотался
И от долгов удрал, забыв жену.
Иной уж бился об заклад и клялся,
Что не вернется он в свою страну,—
Ведь об заклад побиться все мы прытки,
Пока не образумят нас убытки.

28

Прощание супружеской четы
Необычайно трогательно было.
Так все «прости» у роковой черты
Звучат в сердцах пророчески-уныло
(И эти чувства праздны и пусты,
Хоть их перо поэтов освятило).
В слезах склонил колени перед ней
Дидону покидающий Эней.

29

И год ждала она, горюя мало,
Но вдруг себя представила вдовой,
Чуть вовсе аппетит не потеряла,
И невтерпеж ей стало спать одной.
Коль ветром с моря ставни сотрясало,
Казалось ей, что воры за стеной
И что от скуки, страха или стужи
Теперь спасенье только в вице-муже.

30

Красавицы кого ни изберут,
Им не перечь — ведь женщины упрямы.
Она нашла, отвергнув общий суд,
Поклонника из тех — мы будем прямы,—
Кого хлыщами светскими зовут.
Их очень любят, хоть ругают дамы.
Заезжий граф, он был красив, богат
И не дурак пожить, как говорят.

31

Да, был он граф, знаток балета, скрипки,
Стиха, владел французским языком,
Болтал и на тосканском без ошибки,
А всем ли он в Италии знаком?

Арбитром был в любой журнальной сшибке,
Судил театр, считался остряком,
И «seccatura»[1] графское бывало
Любой премьере вестником провала.

32

Он крикнет «браво», и весь первый ряд
Уж хлопает, а критики — ни слова.
Услышит фальшь — и скрипачи дрожат,
Косясь на лоб, нахмуренный сурово.
Проронит «фи» и кинет строгий взгляд —
И примадонна зарыдать готова,
И молит бас, бледнее мела став,
Чтобы сквозь землю провалился граф.

33

Он был импровизаторов патроном,
Играл и пел, и в рифмах был силён.
Рассказчик, славу делавший салонам,
Плясал, как истый итальянец, он
(Хоть этот их венец, по всем законам,
Не раз бывал французам присужден).
Средь кавальеро первым быть умея,
Он стал героем своего лакея.

34

Он влюбчив был, но верен. Он не мог
На женщину глядеть без восхищенья.
Хоть все они сварливы, есть грешок,
Он их сердцам не причинял мученья.
Как воск податлив, но как мрамор строг,
Он сохранял надолго увлеченья
И, по законам добрых старых дней,
Был тем верней, чем дама холодней.

---

[1] Скука *(итал.)*.

35

В такого долго ль женщине влюбиться,
Пускай она бесстрастна, как мудрец!
Надежды нет, что Беппо возвратится,
Как ни рассудишь — он уже мертвец.
И то сказать: не может сам явиться,
Так весточку прислал бы наконец!
Нет, муж когда не пишет, так, поверьте,
Он или умер, иль достоин смерти.

36

Притом южнее Альп уже давно,—
Не знаю, кто был первым в этом роде! —
В обычай двоемужье введено,
Там cavalier servente[1] в обиходе,
И никому не странно, не смешно,
Хоть это грех, но кто перечит моде!
И мы, не осуждая, скажем так:
В законном браке то внебрачный брак.

37

Когда-то было слово cicisbeo[2],
Но этот титул был бы ныне дик.
Испанцы называют их cortejo[3],
Обычай и в Испанию проник.
Он царствует везде, от По до Tacho[4],
И может к нам перехлестнуться вмиг,
Но сохрани нас бог от этой моды,—
Пойдут суды, взыскания, разводы.

---

[1] Услужливый поклонник *(итал.)*.
[2] Чичисбей *(итал.)*. В XVI—XVIII вв. в Италии — постоянный спутник и поклонник замужней женщины.
[3] Любовник *(исп.)*.
[4] Тахо *(исп.)* — река на Пиренейском полуострове.

38

Замечу кстати: я питаю сам
К девицам и любовь и уваженье,
Но в tête-à-tête[1] ценю я больше дам,
Да и во всем отдам им предпочтенье,
Причем ко всем народам и краям
Относится равно мое сужденье:
И знают жизнь, и держатся смелей,
А нам всегда естественность милей.

39

Хоть мисс, как роза, свежестью сверкает,
Но неловка, дрожит за каждый шаг,
Пугливо-строгим видом нас пугает,
Хихикает, краснеет, точно рак.
Чуть что, смутясь, к мамаше убегает,
Мол, я, иль вы, иль он ступил не так.
Все отдает в ней нянькиным уходом,
Она и пахнет как-то бутербродом.

40

Но cavalier servente — кто же он?
Свет очертил границы этой роли.
Он быть рабом сверхштатным обречен,
Он вещь, он часть наряда, но не боле,
И слово дамы для него — закон.
Тут не ленись, для дел большое поле.
Слугу, карету, лодку подзывай,
Перчатки, веер, зонтик подавай.

41

Но пусть грешит Италия по моде!
Прощаю все пленительной стране,
Где солнце каждый день на небосводе,
Где виноград не лепится к стене,

---

[1] С глазу на глаз *(франц.)*.

Но пышно, буйно вьется на свободе,
Как в мелодрамах, верных старине,
Где в первом акте есть балет — и задник
Изображает сельский виноградник.

42

Люблю в осенних сумерках верхом
Скакать, не зная, где мой плащ дорожный,—
Забыт или у грума под ремнем.
(Ведь в Англии погоды нет надежной!)
Люблю я встретить на пути своем
Медлительный, скрипучий, осторожный,
Доверху полный сочных гроздий воз
(У нас то был бы мусор иль навоз).

43

Люблю я винноягодника-птицу,
Люблю закат у моря, где восход
Не в мути, не в тумане возгорится,
Не мокрым глазом пьяницы блеснет,
Но где заря, как юная царица,
Взойдет, сияя, в синий небосвод,
Где дню не нужен свет свечи заемный,
Как там, где высь коптит наш Лондон темный.

44

Люблю язык! Латыни гордый внук,
Как нежен он в признаньях сладострастных!
Как дышит в нем благоуханный юг!
Как сладок звон его певучих гласных!
Не то что наш, рожденный в царстве вьюг
И полный звуков тусклых и неясных,—
Такой язык, что, говоря на нем,
Мы харкаем, свистим или плюем.

45

Люблю их женщин — всех, к чему таиться!
Люблю крестьянок — бронзу смуглых щек,
Глаза, откуда брызжет и струится
Живых лучей сияющий поток.
Синьор люблю — как часто взор мне снится,
Чей влажный блеск так нежен и глубок.
Их сердце — на устах, душа — во взоре,
Их солнце в нем, их небеса и море.

46

Италия! Не ты ль эдем земной!
И не твоей ли Евой вдохновленный
Нам Рафаэль открыл предел иной!
Не на груди ль прекрасной, упоенный,
Скончался он! Недаром даже твой —
Да, твой язык, богами сотворенный,
И он бессилен передать черты
Доступной лишь Канове красоты!

47

Хоть Англию клянет душа поэта,
Ее люблю,— так молвил я в Кале,—
Люблю болтать с друзьями до рассвета,
Люблю в журналах мир и на земле,
Правительство люблю я (но не это),
Люблю закон (но пусть лежит в столе),
Люблю парламент и люблю я пренья,
Но не люблю я преть до одуренья.

48

Люблю я уголь, но недорогой,
Люблю налоги, только небольшие,
Люблю бифштекс, и все равно какой,
За кружкой пива я в своей стихии.
Люблю (не в дождь) гулять часок-другой,—
У нас в году два месяца сухие.
Клянусь регенту, церкви, королю,
Что даже их, как все и вся, люблю.

49

Налог на нищих, долг национальный,
Свой долг, реформу, обедневший флот,
Банкротов списки, вой и свист журнальный
И без свободы множество свобод,
Холодных женщин, климат наш печальный
Готов простить, готов забыть их гнет,
И нашу славу чтить — одно лишь горе:
От всех побед не выиграли б тори!

50

Но что ж Лаура? Уверяю вас,
Мне, как и вам, читатель, надоело
От темы отклоняться каждый раз.
Вы рады ждать, но все ж не без предела,
Вам досадил мой сбивчивый рассказ!
До авторских симпатий нет вам дела,
Вы требуете смысла наконец,—
И вот где в затруднении певец!

51

Когда б легко писал я, как бы стало
Легко меня читать! В обитель муз
Я на Парнас взошел бы и немало
Скропал бы строф на современный вкус.
Им публика тогда б рукоплескала,
Герой их был бы перс или индус.
Ориентальность я б, согласно правил,
В сентиментальность Запада оправил.

52

Но, старый денди, мелкий рифмоплет,
Едва-едва я по ухабам еду.
Чуть что — в словарь,куда мой перст ни ткнет,
Чтоб взять на рифму стих мой непоседу.
Хорошей нет — плохую в оборот,
Пусть критик сзади гонится по следу!
С натуги я до прозы пасть готов,
Но вот беда: все требуют стихов!

53

Граф завязал с Лаурой отношенья.
Шесть лет (а это встретишь не всегда)
Их отношенья длились без крушенья,
Текли чредою схожие года.
Одна лишь ревность, в виде исключенья,
Разлад в их жизнь вносила иногда,
Но смертным, от вельможи до бродяги,
Всем суждены такие передряги.

54

Итак, любовь им счастье принесла,
Хоть вне закона счастья мы не знаем.
Он был ей верен, а она цвела,
Им в сладких узах жизнь казалась раем.
Свет не судил их, не желал им зла.
«Черт вас возьми!» — сказал один ханжа им
Вослед, но черт не взял: ведь черту впрок,
Коль старый грешник юного завлек.

55

Еще жила в них юность. Страсть унылa
Без юности, как юность без страстей.
Дары небес: веселье, бодрость, сила,
Честь, правда — все, все в юности сильней.
И с возрастом, когда уж кровь остыла,
Лишь одного не гасит опыт в ней,
Лишь одного,— вот отчего, быть может,
Холостяков и старых ревность гложет.

56

Был карнавал. Строф тридцать шесть назад
Я уж хотел заняться сим предметом.
Лаура, надевая свой наряд,
Вертелась три часа пред туалетом,
Как вертитесь, идя на маскарад,
И вы, читатель, я уверен в этом.
Различие нашлось бы лишь одно:
Им шесть недель для праздников дано.

57

Принарядясь, Лаура в шляпке новой
Собой затмить могла весь женский род.
Свежа, как ангел с карточки почтовой
Или кокетка с той картинки мод,
Что нам журнал, диктатор наш суровый,
На титуле изящно подает
Под фольгой — чтоб раскрашенному платью
Не повредить линяющей печатью.

58

Они пошли в Ридотто. Это зал,
Где пляшут все, едят и пляшут снова.
Я б маскарадом сборище назвал,
Но сути дела не меняет слово.
Зал — точно Воксхолл наш, и только мал,
Да зонтика не нужно дождевого.
Там смешанная публика. Для вас
Она низка, и не о ней рассказ.

59

Ведь «смешанная» — должен объясниться,—
Откинув вас да избранных персон,
Что снизойдут друг другу поклониться,
Включает разный сброд со всех сторон.
Всегда в местах общественных теснится,
Презренье высших презирает он,
Хотя зовет их «светом» по привычке.
Я, зная свет, дивлюсь подобной кличке.

60

Так — в Англии. Так было в те года,
Когда блистали денди там впервые.
Тех обезьян сменилась череда,
И с новых обезьянят уж другие.
Тираны мод — померкла их звезда!
Так меркнет все: падут цари земные,
Любви ли бог победу им принес,
Иль бог войны, иль попросту мороз.

61

Полночный Тор обрушил тяжкий молот,
И Бонапарт в расцвете сил погас.
Губил французов лютый русский холод,
Как синтаксис французский губит нас.
И вот герой, терпя и стыд и голод,
Фортуну проклял в тот ужасный час
И поступил весьма неосторожно:
Фортуну чтить должны мы непреложно.

62

Судьба народов ей подчинена,
Вверяют ей и брак и лотерею.
Мне редко благосклонствует она,
Но все же я хулить ее не смею.
Хоть в прошлом предо мной она грешна
И с той поры должок еще за нею,
Я голову богине не дурю,
Лишь, если есть за что, благодарю.

63

Но я опять свернул — да ну вас к богу!
Когда ж я впрямь рассказывать начну?
Я взял с собой такой размер в дорогу,
Что с ним теперь мой стих ни тпру, ни ну.
Веди его с оглядкой, понемногу,
Не сбей строфу! Ну вот я и тяну.
Но если только доползти сумею,
С октавой впредь я дела не имею.

64

Они пошли в Ридотто. (Я как раз
Туда отправлюсь завтра. Там забуду
Печаль мою, рассею хоть на час
Тоску, меня гнетущую повсюду.

Улыбку уст, огонь волшебных глаз
Угадывать под каждой маской буду,
А там, бог даст, найдется и предлог,
Чтоб от тоски укрыться в уголок.)

65

И вот средь пар идет Лаура смело.
Глаза блестят, сверкает смехом рот.
Кивнула тем, пред этими присела,
С той шепчется, ту под руку берет.
Ей жарко здесь, она б воды хотела!
Граф лимонад принес — Лаура пьет
И взором всех критически обводит,
Своих подруг ужасными находит.

66

У той румянец желтый, как шафран,
У той коса, конечно, накладная,
На третьей — о, безвкусица! — тюрбан,
Четвертая — как кукла заводная.
У пятой прыщ и в талии изъян.
А как вульгарна и глупа шестая!
Седьмая!.. Хватит! Надо знать и честь!
Как духов Банко, их не перечесть.

67

Пока она соседок изучала,
Кой-кто мою Лауру изучал,
Но жадных глаз она не замечала,
Она мужских не слушала похвал.
Все дамы злились, да! их возмущало,
Что вкус мужчин так нестерпимо пал.
Но сильный пол — о, дерзость, как он смеет! —
И тут свое суждение имеет.

68

Я, право, никогда не понимал,
Что нам в таких особах,— но об этом
Молчок! Ведь это для страны скандал,
И слово тут никак не за поэтом.
Вот если б я витией грозным стал
В судейской тоге, с цепью и с беретом,
Я б их громил, не пропуская дня,—
Пусть Вильберфорс цитирует меня!

69

Пока в беседе весело и живо
Лаура светский расточала вздор,
Сердились дамы (что совсем не диво!).
Соперницу честил их дружный хор.
Мужчины к ней теснились молчаливо
Иль, поклонясь, вступали в разговор,
И лишь один, укрывшись за колонной,
Следил за нею, как завороженный.

70

Красавицу, хотя он турок был,
Немой любви сперва пленили знаки.
Ведь туркам женский пол куда как мил,
И так завидна жизнь турчанок в браке!
Там женщин покупают, как кобыл,
Живут они у мужа как собаки:
Две пары жен, наложниц миллион,
Все взаперти, и это всё закон!

71

Чадра, гарем, под стражей заточенье,
Мужчинам вход строжайше воспрещен.
Тут смертный грех любое развлеченье,
Которых тьма у европейских жен.

Муж молчалив и деспот в обращенье,
И что же разрешает им закон,
Когда от скуки некуда деваться?
Любить, кормить, купаться, одеваться.

72

Здесь не читают, не ведут бесед
И споров, посвященных модной теме,
Не обсуждают оперу, балет
Иль слог в недавно вышедшей поэме.
Здесь на ученье строгий лег запрет,
Зато и «синих» не найдешь в гареме
И не влетит наш Бозерби сюда,
Крича: «Какая новость, господа!»

Здесь важного не встретишь рыболова,
Который удит славу с юных дней,
Поймает похвалы скупое слово
И вновь удить кидается скорей.
Все тускло в нем, все с голоса чужого.
Домашний лев! Юпитер пескарей!
Среди ученых дам себя нашедший
Пророк юнцов, короче — сумасшедший.

74

Меж синих фурий он синее всех,
Он среди них в арбитрах вкуса ходит,
Хулой он злит, надменный пустобрех,
Но похвалой он из себя выводит.
Живьем глотает жалкий свой успех,
Со всех языков мира переводит,
Хоть понимать их не сподобил бог,
Посредствен так, что лучше был бы плох

75

Когда писатель — только лишь писатель,
Сухарь чернильный, право, он смешон.
Чванлив, ревнив, завистлив — о, создатель!
Последнего хлыща ничтожней он!
Что делать с этой тварью, мой читатель?
Надуть мехами, чтобы лопнул он!
Исчерканный клочок бумаги писчей,
Ночной огарок — вот кто этот нищий!

76

Конечно, есть и те, кто рождены
Для шума жизни, для большой арены,
Есть Мур, и Скотт, и Роджерс — им нужны
Не только их чернильница и стены.
Но эти — «мощной матери сыны»,
Что не годятся даже в джентльмены,
Им лишь бы чайный стол, их место там,
В парламенте литературных дам.

77

О бедные турчанки! Ваша вера
Столь мудрых не впускает к вам персон.
Такой бы напугал вас, как холера,
Как с минарета колокольный звон.
А не послать ли к вам миссионера
(То шаг на пользу, если не в урон!),
Писателя, что вас научит с богом
Вести беседу христианским слогом.

78

Не ходит метафизик к вам вещать
Иль химик — демонстрировать вам газы,
Не пичкает вас бреднями печать,
Не стряпает о мертвецах рассказы,
Чтобы живых намеками смущать;
Не водят вас на выставки, показы
Или на крышу — мерить небосклон.
Тут, слава богу, нет ученых жен!

79

Вы спросите, зачем же «слава богу» —
Вопрос интимный, посему молчу.
Но, обратившись к будничному слогу,
Биографам резон мой сообщу.
Я стал ведь юмористом понемногу —
Чем старше, тем охотнее шучу.
Но что ж,— смеяться лучше, чем браниться,
Хоть после смеха в душу скорбь теснится.

80

О детство! Радость! Молоко! Вода!
Счастливых дней счастливый преизбыток!
Иль человек забыл вас навсегда
В ужасный век разбоя, казней, пыток?
Нет, пусть ушло былое без следа,
Люблю и славлю дивный тот напиток!
О царство леденцов! Как буду рад
Шампанским твой отпраздновать возврат!

81

Наш турок, глаз с Лауры не спуская,
Глядел, как самый христианский фат:
Мол, будьте благодарны, дорогая,
Коль с вами познакомиться хотят!
И, спору нет, сдалась бы уж другая,
Ведь их всегда волнует дерзкий взгляд.
Но не Лауру, женщину с закалкой,
Мог взять нахальством чужестранец жалкий

82

Меж тем восток светлеть уж начинал.
Совет мой дамам, всем без исключенья:
Как ни был весел и приятен бал,
Но от бесед, от танцев, угощенья

Чуть свет бегите, покидайте зал,
И сохрани вас бог от искушенья
Остаться — солнце всходит, и сейчас
Увидят все, как бледность портит вас!

83

И сам когда-то с пира или бала
Не уходил я, каюсь, до конца.
Прекрасных женщин видел я немало
И дев, пленявших юностью сердца,
Следил,— о, время! — кто из них блистала
И после ночи свежестью лица.
Но лишь одна, взлетев с последним танцем,
Одна могла смутить восток румянцем.

Не назову красавицы моей,
Хоть мог бы: ведь прелестное созданье
Лишь мельком я встречал, среди гостей.
Но страшно за нескромность порицанье,
И лучше имя скрыть, а если к ней
Вас повлекло внезапное желанье —
Скорей в Париж, на бал — и здесь она,
Как в Лондоне, с зарей цветет одна.

85

Лаура превосходно понимала,
Что значит отплясать, забыв про сон,
Ночь напролет в толпе и в шуме бала.
Знакомым общий отдала поклон,
Шаль приняла из графских рук устало,
И, распрощавшись, оба вышли вон,
Хотели сесть в гондолу, но едва ли
Не полчаса гребцов проклятых звали.

86

Ведь здесь, под стать английским кучерам,
Гребцы всегда не там, не в нужном месте.
У лодок также давка, шум и гам —
Вас так помнут, что лучше к ним не лезьте.
Но дома «бобби» помогает вам,
А этих страж ругает с вами вместе,
И брань стоит такая, что печать
Не выдержит,— я должен замолчать.

87

Все ж, наконец, усевшись, по каналу
Поплыли граф с Лаурою домой.
Был посвящен весь разговор их балу,
Танцорам, платьям дам и — боже мой! —
Так явно назревавшему скандалу.
Приплыли. Вышли. Вдруг за их спиной —
Как не прийти красавице в смятенье! —
Тот самый турок встал, как привиденье.

88

«Синьор! — воскликнул граф, прищурив глаз,—
Я вынужден просить вас объясниться!
Кто вы? Зачем вы здесь и в этот час?
Быть может... иль ошибка здесь таится?
Хотел бы в это верить — ради вас!
Иначе вам придется извиниться.
Признайте же ошибку, мой совет».
«Синьор! — воскликнул тот,— ошибки нет,

89

Я муж ее!» Лауру это слово
Повергло в ужас, но известно всем:
Где англичанка пасть без чувств готова,
Там итальянка вздрогнет, а затем
Возденет очи, призовет святого
И вмиг придет в себя — хоть не совсем,
Зато уж без примочек, расшнуровок,
Солей, и спирта, и других уловок.

90

Она сказала... Что в беде такой
Могла она сказать? Она молчала.
Но граф, мгновенно овладев собой:
«Прошу, войдемте! Право, толку мало
Комедию ломать перед толпой.
Ведь можно все уладить без скандала.
Достойно, согласитесь, лишь одно:
Смеяться, если вышло так смешно».

91

Вошли. За кофе сели. Это блюдо
И нехристи и христиане чтут,
Но нам у них бы взять рецепт не худо.
Меж тем с Лауры страх слетел, и тут
Пошло подряд: «Он турок! Вот так чудо!
Беппо! Открой же, как тебя зовут.
А борода какая! Где, скажи нам,
Ты пропадал? А впрочем, верь мужчинам!

92

Но ты и вправду турок? Говорят,
Вам служат вилкой пальцы. Сколько дали
Там жен тебе в гарем? Какой халат!
А шаль! Как мне идут такие шали!
Смотри! А правда, турки не едят
Свинины? Беппо! С кем вы изменяли
Своей супруге? Боже, что за вид!
Ты желтый, Беппо! Печень не болит?

93

А бороду ты отрастил напрасно.
Ты безобразен! Эта борода...
На что она тебе? Ах да, мне ясно:
Тебя пугают наши холода.

Скажи, я постарела? Вот прекрасно!
Нет, Беппо, в этом платье никуда
Ты не пойдешь. Ты выглядишь нелепо!
Ты стриженый! Как поседел ты, Беппо!»

94

Что Беппо отвечал своей жене —
Не знаю. Там, где камни древней Трои
Почиют ныне в дикой тишине,
Попал он в плен. За хлеб да за побои
Трудился тяжко, раб в чужой стране.
Потом решил помериться с судьбою,
Бежал к пиратам, грабил, стал богат
И хитрым слыл, как всякий ренегат.

95

Росло богатство и росло желанье
Вернуться под родимый небосклон.
В чужих краях наскучило скитанье,
Он был там одинок, как Робинзон.
И, торопя с отчизною свиданье,
Облюбовал испанский парус он,
Что плыл на Корфу. То была полакка,—
Шесть человек и добрый груз tobacco.

96

С мешком монет,— где он набрать их мог! —
Рискуя жизнью, он взошел на судно.
Он говорит, что бог ему помог.
Конечно, мне поверить в это трудно,
Но хорошо, я соглашусь, что бог,
Об этом спорить, право, безрассудно.
Три дня держал их штиль у мыса Бон,
Но все же в срок доплыл до Корфу он.

97

Сойдя, купцом турецким он назвался,
Торгующим — а чем, забыл я сам,
И на другое судно перебрался,
Сумев мешок свой погрузить и там.
Не понимаю, как он жив остался,
Но факт таков: отплыл к родным краям
И получил в Венеции обратно
И дом, и веру, и жену, понятно.

98

Приняв жену, вторично окрещен
(Конечно, сделав церкви подношенье),
День проходил в костюме графа он,
Языческое скипув облаченье.
Друзья к нему сошлись со всех сторон,
Узнав, что он не скуп на угощенье,
Что помнит он историй всяких тьму
(Вопрос, конечно, верить ли ему).

99

И в чем бедняге юность отказала,
Все получил он в зрелые года.
С женой, по слухам, ссорился немало,
Но графу стал он другом навсегда.
Листок дописан, и рука устала.
Пора кончать. Вы скажете: о да!
Давно пора, рассказ и так уж длинен.
Я знаю сам, но я ли в том повинен!

6 сентября — 12 октября 1816

ПРОЩАНИЕ С НЬЮСТЕДСКИМ АББАТСТВОМ

Зачем воздвигаешь ты чертог, сын крылатых дней? Сегодня ты глядишь со своей башни; но пройдет немного лет — налетит ветер пустыни и завоет в твоем опустелом дворе.

Оссиан

Свищут ветры, Ньюстед, над твоею громадой,
Дом отцов, твои окна черны и пусты.
Вместо розы репейник растет за оградой,
И татарник густой заглушает цветы.

Не воскреснуть суровым и гордым баронам,
Что водили вассалов в кровавый поход,
Только ветер порывистый с лязгом и звоном
Старый щит о тяжелые панцири бьет.

Старый Роберт на арфе своей исступленно
Не взгремит, вдохновляя вождя своего,
Сэр Джон Хористон спит возле стен Аскалона,
И недвижна рука менестреля его.

При Креси Поль и Хьюберт в кровавой долине
За отчизну и Эдварда пали в бою;
Предки славные! Англия помнит поныне
Вашу гибель, ваш подвиг и славу свою!

Под знаменами Руперта храбрые братья
Землю Марстона полили кровью своей
И посмертно скрепили кровавой печатью
Верность роду несчастных своих королей.

Тени храбрых! Настала минута прощанья,
Ваш потомок уйдет из родного гнезда.
Только память о вас унесет он в скитанья,
Чтоб отважным, как вы, оставаться всегда.

И хотя его взор затуманен слезами,
Эти слезы невольные вызвал не страх:
Он уедет, чтоб славой соперничать с вами,
И о вас не забудет в далеких краях.

Ваша слава незыблема. Спите спокойно:
Ваш потомок клянется ее не ронять.
Хочет жить он, как вы, и погибнуть достойно,
И свой прах с вашим доблестным прахом смешать.

1803

ПОДРАЖАНИЕ КАТУЛЛУ

(Елене)

О, только б огонь этих глаз целовать
Я тысячи раз не устал бы желать.
Всегда погружать мои губы в их свет —
В одном поцелуе прошло бы сто лет.

Но разве душа утомится, любя.
Все льнул бы к тебе, целовал бы тебя,
Ничто б не могло губ от губ оторвать:
Мы все б целовались опять и опять;

И пусть поцелуям не будет числа,
Как зернам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке не стоит труда:
Могу ль изменить? — Никогда, никогда.

1804

ОТРЫВОК, НАПИСАННЫЙ ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЗАМУЖЕСТВА МИСС ЧАВОРТ

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Анслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.

Нет прежних светлых мест, где сердце так любило
Часами отдыхать,
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблистать.

1805

ГЕОРГУ, ГРАФУ ДЕЛАВАРУ

О да, я признаюсь, мы с вами близки были:
Связь мимолетная для детских лет — вечна:
Нам чувства братские сердца соединили,
И нам была любовь взаимная дана.

Но краткий миг сметет, что создано годами,—
Там дружбы легкая непостоянна власть;
Как Страсть, она шумит воздушными крылами,
Но гаснет в миг один, когда не гаснет Страсть.

По Иде некогда бродили мы весною,
И, помню, юных дней блаженны были сны.
Как твердь была ясна над нашей головою!
Но бури хмурых зим теперь нам суждены.

И память милая, соединясь с печалью,
Нам детство воскрешать не будет с этих пор:
Пусть гордость закалит мне сердце твердой сталью,
Что было мило мне — отныне мой позор.

Но избранных моих я, друг, не унижаю —
И вас, по-прежнему, я должен уважать,—
Нас случай разделил, но тот же случай, знаю,
Заставит вас назад обет неверный взять.

Остывшую любовь во мне не сменит злоба.
И жалобную боль я в сердце не впущу:
Спокойно мыслю я, что мы неправы оба,
И вам легко простить — как я легко прощу.

Вы знали — жизнь моя всегда горячей кровью
На первый ваш призыв откликнуться ждала:
Вы знали, что душа, вспоенная любовью,
Пространства и года преодолеть могла.

Вы знали,— но к чему, напрасно вспоминая,
Разорванную цепь стараться удержать!
Вам поздно, над былым печально поникая,
О друге прежних лет томительно вздыхать.

Расстанемся,— я жду, мы вновь сойдемся вместе.
Пусть время и печаль соединят нас вновь:
Я требую от вас — одной защиты чести;
Пусть распрю разрешит прошедшая любовь.

1806

ЛОХНАГАР

Пусть в этом уютном саду по тропинке
Меж розами бродит избранник судьбы!
Верните мне горы, где дремлют снежинки
И мощно стихии встают на дыбы.
Священны вершин каледонских громады,
Любовь и свободу сулящие в дар;
Ручьи там не плещут, но бьют водопады,
Спадая в ущелье твое, Лохнагар.

Не там ли блуждал я в шотландском берете
И с клетчатым пледом на детских плечах;
Не там ли в сосновом бору на рассвете
Вверялся преданьям о давних вождях?
Я брел и не мыслил сворачивать к дому,
Пока не кончался заката пожар,
И путь открывался светилу ночному
Над сумрачной кручей твоей, Лохнагар.

«О тени усопших! Не вы ль надо мною
Скликались, затеяв с грозою игру?»
Конечно! То с пением мчатся герои,
Ликуя, гарцуют на горном ветру.
Все глубже зимы ледяное дыханье,
И праотцев хор — это грома удар,
И в тучах рисуются их очертанья,—
Им весело в бурях твоих, Лохнагар!

«Могли ли вы ждать, что порыв ваш бесплоден,
Что рок вашу храбрость на гибель обрек?»
Ах, все вы погибли в бою за Куллоден,
Победа не вам присудила венок.

Но слава достойных найдет и в могиле!
Ваш прах упокоил в пещерах Бремар,
Волынщик и дудочник вас не забыли,
Речей ваших отзвук хранит Лохнагар.

Увы! Я покинул обитель свободы;
Но голые скалы без трав и цветов
Досель мне милей укрощенной природы
И мирных красот альбионских садов.
Давно мы в разлуке, но сердце поныне
Во власти унылых таинственных чар.
О, вновь бы брести мне по дикой долине
К тебе, величавый седой Лохнагар!

1806

* * *

Когда б я мог в морях пустынных
Блуждать, опасностью шутя,
Жить на горах, в лесах, в долинах,
Как беззаботное дитя,
Душой, рожденной для свободы,
Сменить наперекор всему
На первобытный рай природы
Надменной Англии тюрьму!

Дай мне, Судьба, в густых дубравах
Забыть рабов, забыть вельмож,
Лакеев и льстецов лукавых,
Цивилизованную ложь,—
Дай мне над грозным океаном
Бродить среди угрюмых скал,
Где, не знаком еще с обманом,
Любил я, верил и мечтал.

Я мало жил, но сердцу ясно,
Что мир мне чужд, как миру я.
Ищу, гляжу во тьму — напрасно! —
Он скрыт, порог небытия.
Я спал и видел жизнь иную,
Мне снилось: вот он, счастья ключ!
Зачем открыл мне ложь земную
Твой, Правда, ненавистный луч!

Любил я — где мои богини?
Друзья — друзей пропал и след.
Тоскует сердце, как в пустыне,
Где путнику надежды нет.
Порою боль души глухую
Смирит вино на краткий срок,
И смех мой весел, я пирую,
Но сердцем — сердцем одинок.

Как скучно слушать за стаканом
Того, кто нам ни друг, ни враг,
Кто приведен богатством, саном
В толпу безумцев и гуляк.
О, где же, где надежный, верный
Кружок друзей найти б я мог?
На что мне праздник лицемерный,
Веселья ложного предлог!

А ты, о Женщина, не ты ли
Источник Жизни, Счастья, Сил!
Но я — все чувства так остыли! —
Твою улыбку разлюбил.
Без сожалений свет мишурный
Сменил бы я на мир другой,
Чтоб на груди стихии бурной
Желанный обрести покой.

Туда, к великому безлюдью!
Я к людям злобы не таю,
Но дух мой дышит полной грудью
Лишь в диком, сумрачном краю.
О, если б из юдоли тесной,
Как голубь в теплый мир гнезда,
Уйти, взлететь в простор небесный,
Забыв земное навсегда!

1807

СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ ПОД ВЯЗОМ НА КЛАДБИЩЕ В ГАРРОУ

Места родимые! Здесь ветви вздохов полны,
С безоблачных небес струятся ветра волны:
Я мыслю, одинок, о том, как здесь бродил
По дерну свежему я с тем, кого любил,

И с теми, кто сейчас, как я,— за синей далью,—
Быть может, вспоминал прошедшее с печалью:
О, только б видеть вас, извилины холмов!
Любить безмерно вас я все еще готов;
Плакучий вяз! Ложась под твой шатер укромный,
Я часто размышлял в час сумеречно-скромный:
По старой памяти склоняюсь под тобой,
Но, ах! уже мечты бывалой нет со мной;
И ветви, простонав под ветром — пред ненастьем,—
Зовут меня вздохнуть над отсиявшим счастьем,
И шепчут, мнится мне, дрожащие листы:
«Помедли, отдохни, прости, мой друг, и ты!»
Но охладит судьба души моей волненье,
Заботам и страстям пошлет успокоенье,
Так часто думал я,— пусть близкий смертный час
Судьба мне усладит, когда огонь погас;
И в келью тесную, иль в узкую могилу —
Хочу я сердце скрыть, что медлить здесь любило;
С мечтою страстной мне отрадно умирать,
В излюбленных местах мне сладко почивать;
Уснуть навеки там, где все мечты кипели,
На вечный отдых лечь у детской колыбели;
Навеки отдохнуть под пологом ветвей,
Под дерном, где, резвясь, вставало утро дней;
Окутаться землей на родине, мне милой,
Смешаться с нею там, где грусть моя бродила;
И пусть благословят — знакомые листы,
Пусть плачут надо мной — друзья моей мечты;
О, только те, кто был мне дорог в дни былые,—
И пусть меня вовек не вспомнят остальные.

2 сентября 1807

НУ, ЧТО ЖЕ ТЫ СЧАСТЛИВА!

Ну, что ж! Ты счастлива... Теперь
И мне счастливым стать пора;
Всем сердцем я хочу, поверь,
Тебе, как прежде, лишь добра.

Счастливчик муж — наносит он
Мне боль удачливой судьбой;
Но гнев — о, сердце! — исцелен
Лишь тем, что он пленен тобой.

Мне мог ребенок твой, шутя,
Улыбкой сердце разорвать...
Но я не мог винить дитя —
Целуя сына, видел мать.

Я видел мать, хотя отца
Он мне напоминал сильней,
Твои глаза с его лица
Дарили свет любви моей.

Прощай же, Мэри! Я уйду:
Ты счастлива — к чему роптать?
Но будем врозь, чтоб, на беду,
Не стал бы я твоим опять.

Я думал — время, гордость, стыд
Остудят пыл минувших лет,
Но если ты вблизи — горит
Он — прежний и надежды нет.

К спокойствию приговорен,
Я снова чувствам властелин.
Преступный трепет усмирен,
И нерв не дрогнет ни один!

Ты ищешь на лице моем
Смятенья и смущенья знак;
Сегодня лишь одно на нем —
Отчаянья спокойный мрак.

Прочь! Ухожу! Былой мечты
Не захвачу с собою в путь.
О вечность Леты! Где же ты?
Умри, душа, или забудь!

2 ноября 1808

* * *

Прости! Коль могут к небесам
Взлетать молитвы о других,
Моя молитва будет там,
И даже улетит за них!

Что пользы плакать и вздыхать?
Слеза кровавая порой
Не может более сказать,
Чем звук прощанья роковой!..

Нет слез в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд,—
Им не пройти, им не уснуть!
Не мне о счастье бредить вновь,—
Лишь знаю я (и мог снести),
Что тщетно в нас жила любовь,
Лишь чувствую — прости! прости!

1808

СТАНСЫ К НЕКОЙ ДАМЕ, НАПИСАННЫЕ ПРИ ОТЪЕЗДЕ ИЗ АНГЛИИ

Пора! Прибоя слышен гул,
Корабль ветрила развернул,
И свежий ветер мачту гнет,
И громко свищет, и поет;
Покину я мою страну:
Любить могу я лишь одну.

Но если б быть мне тем, чем был,
Но если б жить мне так, как жил,
Не рвался я бы в дальний путь!
Я не паду тебе на грудь
И сном блаженным не засну...
И все ж люблю я лишь одну.

Давно не видел я тот взгляд,
Причину горя и отрад;
Вотще я не жалел труда
Забыть о нем — и навсегда;
Да, хоть я Альбион кляну,
Любить могу я лишь одну.

Я одинок средь бурь и гроз,
Как без подруги альбатрос.
Смотрю окрест — надежды нет
Мне на улыбку, на привет;
В толпе я шумной потону —
И все один, люблю одну.

Прорезав пенных волн гряду,
Я на чужбине дом найду,
Но, помня милый, лживый лик,
Не успокоюсь ни на миг
И сам себя не обману,
Пока люблю я лишь одну.

Любой отверженный бедняк
Найдет приветливый очаг,
Где дружбы иль любви тепло
Его бы отогреть могло...
Кому я руку протяну,
Любя до смерти лишь одну?

Я странник,— но в какой стране
Слеза прольется обо мне?
В чьем сердце отыскать бы мог
Я самый скромный уголок?
И ты, пустив мечту ко дну,
Смолчишь, хоть я люблю одну.

Подробный счет былых потерь,—
Чем были мы, что́ мы теперь,—
Разбил бы слабые сердца,
Мое же стойко до конца,
Оно стучит, как в старину,
И вечно любит лишь одну.

И чернь тупая не должна
Вовек узнать, кто та «одна»;
Кем презрена любовь моя,
То знаешь ты — и стражду я...
Немногих, коль считать начну,
Найду, кто б так любил одну.

Пленяться думал я другой,
С такой же дивною красой,
Любить бы стало сердце вновь,
Но из него все льется кровь,
Ему опять не быть в плену:
Всегда люблю я лишь одну.

Когда б я мог последний раз
Увидеть свет любимых глаз...
Нет! Плакать я не дам о том,
Кто страждет на пути морском,
Утратив дом, мечту, весну,
И все же любит лишь одну.

1809

НАПОЛНЯЙТЕ СТАКАНЫ!

Песня

Наполняйте стаканы! Не правда ль, друзья,
Веселей никогда не кипела струя!
Пьем до дна — кто не пьет? Если сердце полно,
Без отравы веселье дарит лишь вино.

Все я в мире изведал, что радует нас,
Я купался в лучах темнопламенных глаз,
Я любил,— кто не любит? — но даже любя,
Не назвал я ни разу счастливым себя.

В годы юности, в бурном цветенье весны,
Верил я, что сердца неизменно верны,
Верил дружбе,— кого ж не пленяет она? —
Но бывает ли дружба вернее вина!

За любовью приходит разлуке черед,
Солнце дружбы зашло, но твое не зайдет,
Ты стареешь,— не всем ли стареть суждено? —
Но лишь ты чем старее, тем лучше, вино.

Если счастье любовь уготовила нам,
Мы другому жрецу не откроем свой храм,
Мы ревнуем,— не так ли? — и друг нам не друг,
Лишь застольный чем больше, тем радостней круг.

Ибо юность уходит, подобно весне,
И прибежище только в пурпурном вине,
Только в нем — и недаром! — увидел мудрец
Вечной истины кладезь для смертных сердец.

Упущеньем Пандоры на тысячи лет
Стал наш мир достояньем печалей и бед.
Нет надежды,— но что в ней? — целуйте стакан,
И нужна ли надежда! Тот счастлив, кто пьян!

Пьем за пламенный сок! Если лето прошло,
Нашу кровь молодит винограда тепло.
Мы умрем,— кто бессмертен? — но в мире ином
Да согреет нас Геба кипящим вином!

1809

СТРОКИ МИСТЕРУ ХОДЖСОНУ

Ходжсон, в путь, да поживее!
Снят запрет, отплыть пора.
Парус поднят, мерно веет
Благодатный бриз — ура!
Вымпелами грот увенчан,
Салютуют пушки нам;
Час разлуки! Вопли женщин,
Матросни божба и гам;
Гневны лица —
Негде скрыться
От таможенных шпиков;
Мышка еле
Влезет в щели
Меж тюков и сундуков.
Где приткнуться? — вот забота
Пред отплытьем пакетбота.

Лодочник, отдай швартовы!
Пассажиры собрались,
Вот багаж, и все готовы,
Эй, на весла навались!
«Осторожней, тут спиртное!»
«Ах, мне плохо!» — «Плохо вам?

Знайте, будет хуже вдвое,
Черт бы вас побрал, madame!»
Крики, слезы
И угрозы
Слуг, матросов, дам, господ,
Ахи, взвизги,
Страхи, брызги —
Все слилось в водоворот.
Да, нелегкая работа
Догрести до пакетбота.

Наконец-то мы у цели!
Правит судном бравый Кид;
Мы каюты осмотрели —
Кто плюется, кто рычит:
«Эта вот дыра — каюта?!»
«Эльфа негде уложить!»
«Есть тут три квадратных фута?»
«Кто здесь, к черту, сможет жить?!»
«Кто? Да каждый
Самый важный,
Самый знатный из вельмож!»
«Что? Вельможа?
Правый боже!
Он с селедкой станет схож!»
Нет, уюта не найдете —
Шум, жара не пакетботе.

Флетчер, Меррей, Боб упали
У фальшборта, как мешки;
Ну-ка, привяжи их, парень,
На собачьи поводки!
При последнем издыханье,
Проклиная все вокруг,
Завтрак вместе со стихами
Выблевал Хобхауз в люк,
Словно в Лету...
«Мочи нету!»
«Что, помочь сложить стишки?»
«Чашку чаю!»
«Погибаю!»
«Дьявол! Лезут вон кишки!»
Где тут выдержать! Умрете
На проклятом пакетботе.

Курс проложен до Стамбула;
Не собьемся ли с пути?
Встречным ветром вдруг задуло,
В щепки может разнести.
«Жизнь — сплошная клоунада»,—
Учит философский том;
Значит, нам смеяться надо,
И смеяться вновь — потом;
В поле, в море,
В счастье, в горе,
Над природой и людьми;
Пей стаканом —
Смейся пьяным,
Что уж лучше, черт возьми!
Доброе вино в почете —
Хватит всем на пакетботе.

Фалмут, 30 июня 1809

ДЕВУШКА ИЗ КАДИКСА

Не говорите больше мне
О северной красе британки;
Вы не изведали вполне
Все обаянье кадиксанки.
Лазури нет у ней в очах,
И волоса не золотятся;
Но очи искрятся в лучах
И с томным оком не сравнятся.

Испанка, словно Прометей,
Огонь похитила у неба,
И он летит из глаз у ней
Стрелами черными Эреба.
А кудри — ворона крыла:
Вы б поклялись, что их извивы,
Волною падая с чела,
Целуют шею, дышат, живы...

Британки зимне-холодны,
И если лица их прекрасны,
Зато уста их ледяны
И на привет уста безгласны;

Но Юга пламенная дочь,
Испанка, рождена для страсти —
И чар ее не превозмочь,
И не любить ее — нет власти.

В ней нет кокетства: ни себя,
Ни друга лаской не обманет;
И, ненавидя и любя,
Она притворствовать не станет.
Ей сердце гордое дано:
Купить нельзя его за злато,
Но неподкупное — оно
Полюбит надолго и свято.

Ей чужд насмешливый отказ;
Ее мечты, ее желанья —
Всю страсть, всю преданность на вас
Излить в годину испытанья.
Когда в Испании война,
Испанка трепета не знает,
А друг ее убит — она
Врагам за смерть копьем отмщает.

Когда же, вечером, порхнет
Она в кружок веселый танца,
Или с гитарой запоет
Про битву мавра и испанца,
Иль четки нежною рукой
Начнет считать с огнем во взорах,
Иль у вечерни голос свой
Сольет с подругами на хорах —

Во всяком сердце задрожит,
Кто на красавицу ни взглянет,
И всех она обворожит,
И сердце взорами приманит...
Осталось много мне пути,
И много ждет меня приманки,
Но лучше в мире не найти
Мне черноокой кадиксанки!

1809

В АЛЬБОМ

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

14 сентября 1809

НАПИСАНО ПОСЛЕ ТОГО, КАК Я ПРОПЛЫЛ ИЗ СЕСТОСА В АБИДОС

Зимою, в холод календарный
(Девицы любят этот миф),
Леандр довольно регулярно
Ночами плыл через пролив.

Вода бурлила и ревела,
Вдали терялся горизонт;
Но он в поток бросался смело:
Геро! Киприда! Гелеспонт!

А я, задумав стать героем
На современный образец,
Плыл в ясный день, под летним зноем,
И то — измучился вконец.

Зачем в такие авантюры
Леандр пускался? То да се,
Крутить амуры, строить куры...—
А я? Прославиться — и все!

Чьей позавидуете роли?
Взыскал с обоих злобный Рок:
Мы плыли, но не плыть нам боле —
Он утонул, я занемог.

9 мая 1810

ПЕСНЯ ГРЕЧЕСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

О Греция, восстань!
Сиянье древней славы
Борцов зовет на брань,
На подвиг величавый.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за нами следом
Течет тиранов кровь.

С презреньем сбросьте, греки,
Турецкое ярмо,
Кровью вражеской навеки
Смойте рабское клеймо!

Пусть доблестные тени
Героев и вождей
Увидят возрожденье
Эллады прежних дней.

Пусть встает на голос горна
Копьеносцев древних рать,
Чтоб за город семигорный
Вместе с нами воевать.

Спарта, Спарта, к жизни новой
Подымайся из руин
И зови к борьбе суровой
Вольных жителей Афин.

Пускай в сердцах воскреснет
И нас объединит
Герой бессмертной песни,
Спартанец Леонид.

Он принял бой неравный
В ущелье Фермопил
И с горсточкою славной
Отчизну заслонил.

И, преградив теснины,
Три сотни храбрецов
Омыли кровью львиной
Дорогу в край отцов.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за нами следом
Течет тиранов кровь.

1811

ПРОЩАНЬЕ С МАЛЬТОЙ

Прощай, смешная Ла-Валетта!
Прощай, жара в преддверье лета!
Прощай, дворец, пустой и скучный!
Прощай, провинциал радушный!
Прощай, торговец нерадивый!
Прощай, народ многоречивый!
Прощай,мой карантин, причина
Злой лихорадки, злого сплина!
Прощайте, улочек ступени
(По вам взбираться нет терпенья).
Прощайте, слухи (не дивись им:
Наш пакетбот опять без писем).
Прощай, мой Питер, ты не скоро
Научишь танцевать майора.
Прощай, театр, где отчего-то
Нас, господа, брала зевота.
Прощайте, местные кумиры!
Прощайте, красные мундиры
И лица красные военных,
Самодовольных и надменных!
Я еду, а когда — бог знает,—
Туда, где выси дым пятнает,
Где над домами вечный мрак,
Где скверно так же — и не так.

Нет, не прощайте, до свиданья,
Сыны лазурного сиянья!
На Понта берегах спокойных
Не помнят о вождях и войнах;

Зато балы, кружки, обеды
Для нас — бои, для дам — победы.
(О Муза, каюсь, виноват
И пошлой рифме сам не рад.)

Теперь помянем миссис Фрейзер.
Но не забьет признаний гейзер:
Когда бы я свой стих ценил
Дороже этих вот чернил,
Я строчки две без промедленья
Ей преподнес бы в умиленье.
Нет нужды! Жизнь ее светла,
Давно приелась ей хвала.
За щедрость сердца, живость чувства
И грациозность без искусства.
Не ей, счастливой, благодать
В досужих песенках искать.

Что ж, Мальта, раз ты приняла нас,
Не мне бранить тебя за странность,
На духоту твою сердиться,
О гарнизонная теплица!
Гляжу в окошко, озадачен,
На что сей остров предназначен;
Затем в моем уединенье
Беру перо, берусь за чтенье,
Глотаю горькое лекарство
В усугубление мытарства,
Ночной колпак тяну на лоб...
О, боже! Так и есть: озноб.

26 мая 1811

* * *

1

Еще усилье — и, постылый,
Развеян гнет бесплодных мук.
Последний вздох мой тени милой—
И снова в жизнь и в тот же круг.
И даже скуке, в нем цветущей,
Всему, что сам отверг, я рад.
Тому не страшен день грядущий,
Кто в прошлом столько знал утрат.

2

Мне нужен пир в застолье шумном,
Где человек не одинок.
Хочу быть легким и бездумным,
Чтоб улыбаться всем я мог,
Не плача ни о ком... Когда-то
Я был другим. Теперь не то.
Ты умерла, и нет возврата,
И мир ничто, где ты — ничто.

3

Но лире скорбь забыть едва ли.
Когда улыбка — маска слез,
Она насмешка для печали,
Как для могилы — свежесть роз.
Вино и песня на мгновенье
Сотрут пережитого след.
С безумством дружно наслажденье,
Но сердце — сердцу друга нет.

4

Нам звезды кроткими лучами
Отрадный мир вливают в грудь.
Я сам бессонными ночами
Любил глядеть на Млечный Путь.
На корабле в Эгейском море
Я думал: «Эта же луна
И Тирзу радует». Но вскоре
Светила ей на гроб она.

5

В ознобе, мучась лихорадкой,
Одной я мыслью был согрет:
Что Тирза спит, как прежде, сладко
И что моих не видит бед.
Как слишком позднюю свободу —
Раб стар, к чему менять судьбу! —
Я укорять готов Природу
За то, что жив, а ты — в гробу.

6

Той жизни, что казалась раем,
Ты, Тирза, мне дала залог.
С тех пор он стал неузнаваем,
Как от печали, он поблек.
И ты мне сердце подарила,
Увы, оно мертво, как ты!
Мое ж угасло и остыло,
Но сберегло твои черты.

7

Ты, грустно радующий взоры,
Залог прощальный лучших дней!
Храни Любовь — иль грудь, к которой
Ты прижимаешься, разбей!
Что боль, и смерть, и безнадежность
Для чувств, не сдавшихся годам!
За ту святую к мертвой нежность
Я ста живых любовь отдам.

1812

ОДА АВТОРАМ БИЛЛЯ ПРОТИВ РАЗРУШИТЕЛЕЙ СТАНКОВ

О Райдер и Элдон, достойную лепту
Внесли вы, чтоб Англии мощь укрепить!
Но хворь не излечат такие рецепты,
А смогут, пожалуй, лишь смерть облегчить.
Орава ткачей, это стадо смутьянов,
От голода воя, на помощь зовет —
Так вздернуть их оптом под дробь барабанов
И этим исправить невольный просчет!

Нас грабят они беспардонно и ловко,
И вечно несыты их жадные рты —
Так пустим немедленно в дело веревку
И вырвем казну из когтей нищеты.
Сборка машины труднее зачатия,
Прибыльней жизни паршивый чулок.
Делу торговому и демократии
Виселиц ряд расцвести бы помог.

Для усмиренья отродий плебейских
Ждут приказания двадцать полков,
Армия сыщиков, рой полицейских,
Свора собак и толпа мясников.
Иные вельможи в свои преступленья
Втянули бы судей, не зная стыда.
Но лорд Ливерпуль отказал в одобренье,
Иныне расправу вершат без суда.

Но в час, когда голод о помощи просит,
Не всем по нутру выносить произвол
И видеть, как ценность чулка превозносят
И кости ломают за сломанный болт.
А если расправа пойдет не на шутку,
Я мыслей своих не намерен скрывать,
Что первыми надо повесить ублюдков,
Которым по вкусу петлей врачевать.

Март 1812

ЭКСПРОМТ В ОТВЕТ ДРУГУ

Когда со дна души больной
Тоска восстанет тенью мглистой,
Задернув тусклой пеленой
Мой светлый взор и лоб мой чистый,—
Не омрачайся, друг! Давно
Привычна мыслям их темница,
И стае странниц суждено
В приют свой мрачный возвратиться.

Сентябрь 1813

НА ПОСЕЩЕНИЕ ПРИНЦЕМ-РЕГЕНТОМ КОРОЛЕВСКОГО СКЛЕПА

Клятвопреступники нашли здесь отдых вечный:
Безглавый Карл и Генрих бессердечный.
В их мрачном склепе меж надгробных плит
Король некоронованный стоит,
Кровавый деспот, правящий державой,
Властитель бессердечный и безглавый.

Подобно Карлу, верен он стране,
Подобно Генриху — своей жене.
Напрасна смерть! Бессилен суд небес!
Двойной тиран в Британии воскрес.
Два изверга извергнуты из гроба —
И в регенте соединились оба.

Март 1814

СТАНСЫ ДЛЯ МУЗЫКИ

Как имя твое написать, произнесть?
В нем весть о позоре — жестокая весть.
Молчу я, но скажет слеза на щеке
О горе, живущем в глухом тайнике.

Для страсти казались те дни коротки,
Но в них — семена безысходной тоски.
В неистовом гневе оковы мы рвем,
Но только расстанемся — снова вдвоем.

Да будет твоею вся радость; вина —
Моею!.. Прости же меня... Ты одна
Душою, младенчески чистой, владей;
Ее не сломить никому из людей.

Я был — и останусь надменным с толпой
Чванливых вельмож, но смиренным с тобой.
Когда я вдали от тебя, одинок,
На что мне и мир, распростертый у ног?

Один лишь твой вздох — я на казнь обречен.
Один только ласковый взгляд — я прощен.
Внимая моим порицателям злым,
Устами ответишь ты мне, а не им.

4 мая 1814

СТАНСЫ ДЛЯ МУЗЫКИ

1

Сияй в блаженной, светлой сени!..
Из душ, воскресших в оный мир,
Не целовал прелестней тени
Сестер благословенный клир.

Ты все была нам: стань святыней,
Бессмертья преступив порог!
Мы боль смирим пред благостыней:
Мы знаем, что с тобой — твой бог.

2

Персть над тобой легка да будет,
Как изумруд — светла трава,
Цветы цветут, и мысль забудет
О сени смертной: ты — жива!
Земля свод кущ всегда зеленых
Взрастит... Но пусть ни скорбный тис
Здесь не печалит дум смущенных,
Ни темнолистный кипарис.

1814

ИЗ «ЕВРЕЙСКИХ МЕЛОДИЙ» (1814—1815)

* * *

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.

Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста.

А этот взгляд, и цвет ланит,
И легкий смех, как всплеск морской,—
Все в ней о мире говорит.
Она в душе хранит покой,
И если счастье подарит,
То самой щедрою рукой!

ПСАЛТИРЬ ЦАРЯ-ПЕВЦА

1

Могла псалтирь царя-певца,
Возлюбленного небесами,
Рыдая, слить в себе сердца,
Преображенные слезами.
Нет больше струн с такими голосами.
Мужал невольно слабый дух
От этого святого звона.
И тот, кто был душою глух,
Царю внимал во время оно,
Когда псалтирь была превыше трона.

2

Псалтирью наш Господь воспет.
В ней торжество царя-пророка.
Склонялись кедры ей в ответ,
Потрясена гора глубоко,
И в небеса вознесся звук с востока.
Дочь Благочестия, Любовь,
Оставшись в мире без ответа,
Шлет в небо душу вновь и вновь,
Как будто звуки в небе где-то,
Во сне, который не боится света.

КОГДА В НЕБЕСНОЙ ВЫШИНЕ

1

Когда в небесной вышине
Любовь живет, покинув прах,
И засияют очи мне,
Всё те же, только не в слезах,
Зачем тогда предсмертный страх?
С небес доносится привет.
Крыла невидимого взмах,—
И в горних сферах вечный свет.

2

Зачем бояться за себя,
В последний отправляясь путь?
За жизнь цепляемся, скорбя,
И не решаемся шагнуть
Туда, где нам дано глотнуть
Святой воды бессмертных рек,
Когда не только с грудью грудь,
Душа с душою там навек.

ДИКАЯ ГАЗЕЛЬ

Газель, пуглива и дика,
Бежит в горах Сиона.
В пути ее поит река
Водой незамутненной.
Скачкам воздушным нет препон,
И взор гордыней напоен.

Такой же шаг, яснее взор
Ты видел, край наш отчий.
Иные жительницы гор
Тебе знакомы — кротче.
Ливанский лес шумит вдали,
Но нет прекрасных дев — ушли.

В своем изгнанье вековом
Погружены в печаль мы.
Вознесшиеся над песком
Благословенны пальмы:
Здесь родились, их корни тут,
В чужой земле они умрут.

Лишь нам, родной земли сынам,
Скитаться на чужбине.
Где прах отцов — нет места нам.
Поруганы святыни.
И злобным смехом сотрясен,
Обрушился салемский трон.

О, ПЛАЧЬ О ТЕХ...

I

О, плачь о тех, в чьем прахе Вавилон,
Чьи храмы пусты, чья отчизна — сон!
О смолкшей арфе Иудеи плачь:
Там, где жил бог, теперь живет палач.

II

Где смоет Израиль с израненных ног
Засохшую кровь бесконечных дорог?
И где же напев Иудеи найти,
Что вызовет трепет, забытый почти?

III

Ноги в дороге избиты, измучена грудь;
Где ты спасешься? Приют обретешь где-нибудь?
Норы — для лис, а для ласточек — тысячи гнезд,
Для человека — отчизна, а для Иудеи — погост.

ДОЧЬ ИЕВФАЯ

О отец! Нерушим твой обет!
Чтоб избавить отчизну от бед,
Порази, примиренный с судьбой,
Грудь, открытую перед тобой.

Жду удара — да будет он скор!
Тих, безмолвствует плакальщиц хор.
Боли нет — нет жестокой тоски,
Если смерть — от любимой руки.

Оскверню ли я ложью уста?
В каждой мысли, отец, я чиста,
Как и благословенья твои,
Как прощальное слово любви.

Жалость в сердце, отец, изничтожь.
Судия мой — вонзай же свой нож!
Мне великая честь воздана.
Вы свободны — отец и страна!

Хлынет кровь, обагряя тебя...
Вспоминай же, гордясь и любя;
Я с улыбкою, светел мой лик,
Принимаю последний свой миг.

* * *

Убита в блеске красоты!
Да спит легко под вечной сенью,
Да сблизят вешние цветы
Над ней прозрачные листы
И кипарис овеет тенью.

Печаль у синих этих вод
Помедлит с горькой, смутной думой,
Вздохнет — и тихо отойдет...
Безумец! Разве твой приход
Смутит могилы сон угрюмый!

Мы знаем: Смерть не слышит нас,
Не видит наших потрясений.
Но разве *это* в грустный час
Удержит нас от слез и пеней?
Ты говоришь: забудь! Но сам
Ты бледен, ты готов к слезам.

ДУША МОЯ МРАЧНА

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,—
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец.
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

* * *

Ты плачешь — светятся слезой
Ресницы синих глаз.
Фиалка, полная росой,
Роняет свой алмаз.
Ты улыбнулась — пред тобой
Сапфира блеск погас;
Его затмил огонь живой,
Сиянье синих глаз.

Вечерних облаков кайма
Хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма
И солнца в небе нет.
Так в глубину душевных туч
Твой проникает взгляд.
Пускай погас последний луч —
В душе горит закат.

ВРАГОМ СРАЖЕН

1

Врагом сражен, преображен
Ты в памяти страны,
Мечом своим вооружен,
Как лучшие сыны,
Свободой рукоположен
В суровый час войны.

2

Пока свободна та страна,
Которую ты спас,
Тобою смерть побеждена.
И завтра, как сейчас,
В нас будет кровь твоя красна.
Твой дух навеки в нас.

3

На поле битвы, в свой черед,
Тобою мы сильны.
Девичий хор тебя поет
На празднике весны.
Слезами слава не живет.
Мы плакать не должны.

САУЛ

1

Вещий голос твой будил
Тех, кто вечным сном заснул:
«Встань из гроба, Самуил!
Вот он, твой пророк, Саул!»
Земля разверзлась. Он во мгле возник.
В могиле остеклел недвижный лик.
От савана бежит в испуге свет.
Увяли руки. В жилах крови нет.
Поблескивают ноги белизной,
Иссохшей, неприкрытой, костяной.
В устах давно дыханье прервалось.
Пещерным ветром слово донеслось.
И, пошатнувшись, царь Саул упал,
Как дуб, грозой сраженный наповал.

2

«В этой мертвой тишине
Кто дерзнул воззвать ко мне?
Царь Саул? Ну, что ж, гляди:
Холодно в моей груди.

Не течет по жилам кровь.
Вот к чему себя готовь!
В ходе завтрашнего дня
Станешь ты таким, как я.
Нынче ходишь ты в царях.
Завтра наш смешают прах.
Это жалкий твой удел:
Много-много вражьих стрел.
Ты падешь в бою таком,
Сам себя пронзив клинком.
Ты падешь, твой сын падет,
Дом Саула, весь твой род».

ПЕСНЬ САУЛА ПЕРЕД ПОСЛЕДНЕЙ БИТВОЙ

1

Царский приказ мой вождям и бойцам:
Если паду я в сражении сам,
Перешагните вы через меня,
Сталью святою неверных казня.

2

Телохранитель! Не нужен мне щит,
Если бойцов моих гибель страшит.
Кровь ты пролей мою! Сам я приму
Жребий, что страшен полку моему.

3

Войско, прощай! Только сын мой родной
В этом бою неразлучен со мной.
Если теряешь корону и власть,
Лучше в сражении царственно пасть.

ВСЕ СУЕТА, СКАЗАЛ ЭККЛЕЗИАСТ

Любовь и слава, мудрость, юный пыл
И власть моя — не иссякали;
От многих вин мой кубок рдяным был,
Резец и кисть мне взор ласкали;
И, красотою сердце утоля,
Смягчался дух мой своенравный;
Все то, что смертным в силах дать земля,
Венчало мой престол державный.

Но не было ни часа и ни дня
В бессонных памятях былого,
Какими бы земля и жизнь меня
Прельстили пережить их снова.
Был каждый миг в блаженном бытии
Отравлен горечью печали,
И одеянья царские мои,
Блистая, плечи отягчали.

Змею полей людская мощь могла
Смирить искусной ворожбою,
Но та змея, что сердце обвила,
Нам навсегда дана судьбою.
Вовек ее ничто не заклянет,
Ни мудрость, ни лады псалтири,
И суждено до смерти этот гнет
Душе терпеть в подлунном мире.

КОГДА ИЗНЕМОГШИЕ СТЫНУТ СЕРДЦА...

I

Когда изнемогшие стынут сердца,
Где дух совершает бессмертный полет?
Он без лица, он без конца,
Но он свой сумрачный прах отряхнет.
Тогда, покинув телесный плен,
Пойдет ли он по следу планет?
Иль чьи-то глаза, сквозь забвенье и тлен,
В пространство пошлют ему царственный свет?

II

Мысль — вечна, безбрежна, сильна
Всё видно невидимой ей,
Всё, всё будет помнить она,—
И землю, и небо над ней.
Она в озаренье поймет
Поблекнувших лет череду,
И в памяти стершийся год
Воскреснет в грядущем году.

III

О дух! Увидит хаос он
До заселения земли.
Там, где рождался небосклон,
Его дороги пролегли.
Распад вселенной, смерть светил,
Творенье времени и прах...
Он в отрешенности забыл
Про боль в расширенных зрачках.

IV

Любовь, надежды и невзгоды
Дух видит без сердечной смуты.
Века проходят, словно годы,
А годы кратки, как минуты.
Летит, бескрыл и бессердечен,
Не существующий, а бывший.
Без имени, без чувств — он вечен,
И что такое смерть,— забывший.

ВИДЕНИЕ ВАЛТАСАРА

Царь на троне сидит;
Перед ним и за ним
С раболепством немым
Ряд сатрапов стоит.
Драгоценный чертог

И блестит и горит,
И земной полубог
Пир устроить велит.
Золотая волна
Дорогого вина
Нежит чувства и кровь;
Звуки лир, юных дев
Сладострастный напев
Возжигают любовь.
Упоен, восхищен,
Царь на троне сидит —
И торжественный трон
И блестит и горит...
Вдруг — неведомый страх
У царя на челе
И унынье в очах,
Обращенных к стене.
Умолкает звук лир
И веселых речей,
И расстроенный пир
Видит (ужас очей!):
Огневая рука
Исполинским перстом
На стене пред царем
Начертала слова...
И никто из мужей,
И царевых гостей,
И искусных волхвов
Силы огненных слов
Изъяснить не возмог.
И земной полубог
Омрачился тоской...
И еврей молодой
К Валтасару предстал
И слова прочитал:
Мани, фекел, фарес!
Вот слова на стене,
Волю бога с небес
Возвещают оне.
Мани значит: *монарх*,
Кончил царствовать ты!
Град у персов в руках —
Смысл середней черты;
Фарес — третье — гласит:

Ныне будешь убит!..
Рек — исчез... Изумлен,
Царь не верит мечте.
Но чертог окружен
И... он мертв на щите!..

* * *

Неспящих солнце! Грустная звезда!
Как слезно луч мерцает твой всегда!
Как темнота при нем еще темней!
Как он похож на радость прежних дней!

Так светит прошлое нам в жизненной ночи,
Но уж не греют нас бессильные лучи;
Звезда минувшего так в горе мне видна;
Видна, но далека — светла, но холодна!

ЕСЛИ Б В СЕРДЦЕ...

I

Если б в сердце таилась неверия тень,
Галилею покинул бы я в тот же день;
Я бы, веру отвергнув, проклятие снял,
Что над родом моим от начала начал.

II

Если зло отступилось от нашей судьбы,
Ты свободен и чист,— грешны только рабы.
Если изгнанных небо отвергнет людей,
Ты живи в своей вере, умру я в своей.

III

Больше дал я за веру, чем можешь ты дать;
Бог, даря тебе счастье, не может не знать.
Держит он мое сердце, надежду мою;
Ты — хранишь свою жизнь, я — ему отдаю.

ПЛАЧ ИРОДА О МАРИАМНЕ

О Мариамна! Хлещет кровь
Из сердца, что твою пролило;
Не вспыхнет жажда мести вновь
И гнев — раскаянье сменило.
Взываю горестно к тебе;
О, если б ты меня простила,
Хоть Небо к пламенной мольбе
Глухим и неприступным было.

Как этот сброд безумцу мог
В грехе покорствовать злосчастно?
Теперь же роковой клинок
Мне грудь терзает ежечасно.
Но ты, любовь моя, мертва...
Я мрачным сердцем жду напрасно
Разящей длани Божества,
Что жизнь мою продлило властно.

Моей царицы больше нет,
А с ней ушла души отрада.
Я Иудеи лучший цвет
Сорвал из собственного сада.
Моя вина — моя беда,
Мне по заслугам — муки ада.
Не истощить мне никогда
Неисчерпаемого яда!

НА РАЗОРЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА ТИТОМ

1

С холма, где путники прощаются с Сионом,
Я видел град родной в его последний час:
Пылал он, отданный свирепым легионам,
И зарево его охватывало нас.

2

И я искал наш храм, искал свой бедный дом,
Но видел лишь огня клокочущее море...
Я на руки свои, в отчаянье немом,
Взглянул: они в цепях — и мщенья нет! О, горе!

3

Ах! с этого холма, бывало, я глядел
На город в этот час: уж мрак над ним клубился,
И только храм еще в лучах зари горел,
И розовый туман на высях гор светился.

4

И вот я там же был и в тот последний час;
Но не манил меня заката блеск пурпурный.
Я ждал, чтоб Иегова, во гневе ополчась,
Ударил молнией и вихрь послал свой бурный...

5

Но нет... в твой храм святой, где ты, Господь, царил,
Не сядут, не войдут языческие боги!
Твой зримый храм упал, но в сердце сохранил
Навеки твой народ, Господь, тебе чертоги!

У ВОД ВАВИЛОНСКИХ, ПЕЧАЛЬЮ ТОМИМЫ

1

У вод вавилонских, печалью томимы,
В слезах мы сидели, тот день вспоминая,
Как враг разъяренный по стогнам Солима
Бежал, все огню и мечу предавая.
Как дочери наши рыдали! Оне
Рассеяны ныне в чужой стороне...

2

Свободные волны катились спокойно...
«Играйте и пойте!» — враги нам сказали.
Нет, нет! Вавилона сыны недостойны,
Чтоб наши им песни святые звучали;
Рука да отсохнет у тех, кто врагам
На радость ударит хоть раз по струнам!

3

Повесили арфы свои мы на ивы.
Свободное нам завещал песнопенье
Солим, как его совершилось паденье;
Так пусть же те арфы висят молчаливы;
Вовек не сольете со звуками их,
Гонители наши, вы песен своих!

ПОРАЖЕНИЕ СЕННАХЕРИБА

1

Ассиряне шли, как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копья сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звезд.

2

Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали рассеяны тьмы.

3

Ангел смерти лишь на ветер крылья простер
И дохнул им в лицо — и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

4

Вот расширивший ноздри повергнутый конь,
И не пышет из них гордой силы огонь,
И как хладная влага на береге морском,
Так предсмертная пена белеет на нем.

5

Вот и всадник лежит, распростертый во прах,
На броне его ржа и роса на власах;
Безответны шатры, у знамен ни раба,
И не свищет копье, и не трубит труба.

6

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сраженный мечом до конца,
Весь растаял, как снег, перед блеском творца!

И ДУХ ПРЕДО МНОЮ ПРОШЕЛ

ОТ ИОВА

I

И дух предо мною прошел. Я узрел
Бессмертного лика бесславный удел.
Все спят. Но в бессоннице передо мной
Явился бесплотный он, словно сквозной.
И дрогнула плоть вплоть до взмокших волос,
Когда мой пришелец ночной произнес:

II

«Прав человек иль бог? И разве чище
Вы, люди на духовном пепелище?
Живущие в пыли, созданья праха,
Вас червь переживет, не зная страха.
Игра мгновенья, отблеск увяданья,
Вас губит ночь, вас ослепляет знанье»

ПРОСТИ!

Они, казалось, так близки!
Но больно жалят языки.
А постоянство лишь в раю,
А мы доверчивы весьма.
Подозревать любовь свою
Не значит ли сходить с ума?
И не нашлась любовь другая.
Не залечить сердечной боли,
Когда единство раскололи,
И два утеса друг без друга,
И между ними океан,
И снег напрасно сыплет вьюга,
Напрасно хлещет ураган:
Видны рубцы глубоких ран.

Кольридж. Кристабель

Что ж, прости — пускай навеки!
Сколько хочешь ты мне мсти,
Все равно мне голос некий
Повторить велит: «Прости!»

Если б только можно было
Пред тобой открыть мне грудь,
На которой так любила
Сном беспечным ты заснуть,—

Сном, нарушенным отныне,—
Сердцем доказать бы мог
Я тебе в твоей гордыне:
Приговор твой слишком строг!

Свет злорадствует недаром,
Но хотя сегодня свет
Восхищен твоим ударом,
Верь мне, чести в этом нет.

У меня грехов немало.
Не казни меня, постой!
Обнимала ты, бывало,
Той же самою рукой.

Чувству свойственно меняться.
Это длительный недуг,
Но когда сердца сроднятся,
Их нельзя разрознить вдруг.

Сердце к сердцу льнет невольно.
Это наша льется кровь.
Ты пойми,— подумать больно! —
Нет, не встретимся мы вновь!

И над мертвыми доселе
Так не плакало родство.
Вместо нас теперь в постели
Пробуждается вдовство.

Истомимся в одиночку.
Как научишь, наконец,
Без меня ты нашу дочку
Выговаривать: «Отец»?

С нашей девочкой играя,
Вспомнишь ты мольбу мою.
Я тебе желаю рая,
Побывав с тобой в раю.

В нашу дочку ты вглядишься,
В ней найдешь мои черты,
Задрожишь и убедишься,
Что со мною сердцем ты.

Пусть виновный, пусть порочный,
Пусть безумный,— не секрет! —
Я попутчик твой заочный.
Без тебя надежды нет.

Потрясен, сражен, подкошен,
Самый гордый средь людей,
Я поник,— тобою брошен,
Брошен я душой моей.

Все мои слова напрасны.
Как-нибудь себя уйму.
Только мысли неподвластны
Повеленью моему.

Что ж, простимся! Век мой прожит,
Потому что все равно
Больше смерти быть не может,
Если сердце сожжено.

18 марта 1816

СТАНСЫ

Ни одна не станет в споре
Красота с тобой.
И, как музыка на море,
Сладок голос твой!
Море шумное смирилось,
Будто звукам покорилось,
Тихо лоно вод блестит,
Убаюкан, ветер спит.

На морском дрожит просторе
Луч луны, блестя.
Тихо грудь вздымает море,
Как во сне дитя.
Так душа полна вниманья,
Пред тобой в очарованье;
Тихо все, но полно в ней,
Будто летом зыбь морей.

28 марта 1816

СТАНСЫ К АВГУСТЕ

Когда сгустилась мгла кругом
И ночь мой разум охватила,
Когда неверным огоньком
Едва надежда мне светила,

В тот час, когда, окутан тьмой,
Трепещет дух осиротелый,
Когда, молвы страшась людской,
Сдается трус и медлит смелый,

Когда любовь бросает нас
И мы затравлены враждою,—
Лишь ты была в тот страшный час
Моей немеркнущей звездою.

Благословен твой чистый свет!
Подобно оку серафима,
В годину злую бурь и бед
Он мне сиял неугасимо.

При виде тучи грозовой
Еще светлее ты глядела,
И, встретив кроткий пламень твой,
Бежала ночь и тьма редела.

Пусть вечно реет надо мной
Твой дух в моем пути суровом.
Что мне весь мир с его враждой
Перед твоим единым словом!

Была той гибкой ивой ты,
Что, не сломившись, буре внемлет
И, словно друг, клоня листы,
Надгробный памятник объемлет.

Я видел небо все в огне,
Я слышал гром над головою,
Но ты и в бурный час ко мне
Склонялась плачущей листвою.

О, ни тебе, ни всем твоим
Да не узнать моих мучений!
Да будет солнцем золотым
Твой день согрет, мой добрый гений!

Когда я всеми брошен был,
Лишь ты мне верность сохранила,
Твой кроткий дух не отступил,
Твоя любовь не изменила.

На перепутьях бытия
Ты мне прибежище доныне,
И верь, с тобою даже я
Не одинок в людской пустыне.

12 апреля 1816

СТАНСЫ К АВГУСТЕ

Хоть судьба мне во всем изменила
И моя закатилась звезда,
Ты меня никогда не винила,
Не судила меня никогда.

Ты мой дух разгадала тревожный,
Разделила мой жребий одна.
Я мечтал о любви невозможной —
И в тебе мне явилась она.

Если я улыбнусь и нежданно
Отвечают улыбкой цветы,
Я могу не бояться обмана,
Ибо так улыбаешься ты.
Если ссорится ветер с волнами,
Как со мною друзья и родня,
Только тем, что оно — между нами,
Это море тревожит меня.

Пусть Надежда, корабль мой, разбита
И обломки уходят на дно,
Сердцу в бурях лишь гордость защита,
Но и в пытках не сдастся оно.
Ибо смерть предпочту я презренью,
Никакой не страшусь клеветы.
И меня не принудят к смиренью,
Если будешь союзницей ты.

Люди лгут — никогда не лгала ты,
Не по-женски верна мне была,
Ты любила, не требуя платы,
И любовь за любовь отдала.
Ты, не дрогнув, на ложь возражала,
Не для сплетен следила за мной,
Расставаясь со мной, не бежала
И не прятала нож за спиной.

Этот мир не кляну я враждебный,
Где преследуют все одного:
Я не пел ему песни хвалебной,
Но уйти не спешил от него.
И ошибку я страшной ценою
Оплатил в эти смутные дни,
Но зато ты навеки со мною,
И тебя не отнимут они.

Буря прошлое стерла, и что же,
Чем утешу себя самого?
То, что было всего мне дороже,
Оказалось достойней всего.

И в песках еще ключ серебрится,
И звезда еще в небе горит,
А в пустыне поет еще птица
И душе о тебе говорит.

24 июля 1816

ПОСЛАНИЕ АВГУСТЕ

1

Сестра! Мой друг сестра! Под небесами
Нежнее слова, лучше слова нет!
Пускай моря и горы между нами,
Ты для меня все та же в смене лет.
И я, носимый ветром и волнами,
Прошу не слез, а нежности в ответ.
Два мира мне оставлены судьбою:
Земля, где я скитаюсь, дом — с тобою.

2

Что первый мне! Второй люблю стократ,—
Он — гавань счастья, все в нем так надежно!
Но у тебя — свой долг и свой уклад,
От них уйти — я знаю — невозможно.
У нас один отец, но я — твой брат —
Жить обречен и трудно и тревожно.
Как на морях не знал покоя дед,
Так внуку на земле покоя нет.

3

Рожден для бурь, пускай в иной стихии,
Я все изведал: светской брани шквал,
Утесы вероломства роковые
И клевету, что всех коварней скал.
Вина — моя, признаюсь не впервые,—
Так без увертоk я вину признал,
Когда на берег выплыл, с бурей споря,
Злосчастный кормчий собственного горя.

4

Вина моя — и мне предъявлен счет.
Я брошен был в борьбу со дня рожденья,
И жизни дар меня всю жизнь гнетет —
Судьба ли то, страстей ли заблужденья?
Чтоб вырваться из гибельных тенёт,
Разбил бы цепи глиняные звенья,
Но вот живу — и рад остаток лет
Продлить, чтоб видеть век, идущий вслед.

5

Я мало жил, но видел я немало:
Режимов, царств, империй чехарду.
Как пену, жизнь История смывала,
Все унося: и радость и беду.
Не знаю что, но что-то воспитало
Во мне терпенье, я спокойно жду.
А значит, не напрасны испытанья,
Пусть мы страдаем только для страданья.

6

Но не протест ли говорит во мне —
Моих несчастий плод — или, быть может,
Отчаянье? Не знаю, но в стране,
Где воздух чист, ничто души не гложет,
И тела в благодатной тишине
Доспехов зимних тяжесть не тревожит,
Я так спокоен, так исполнен сил,
Как не бывал, когда спокойней жил.

7

Здесь веет миром детства золотого —
Ручьи, деревья, травы и цветы —
И, благодарный, весь я в прошлом снова —
Там, где ни книг, ни смут, ни суеты.

Где было все и празднично и ново
И в сердце зрели юные мечты,
И, кажется, другого не взыскуя,—
Не как тебя! — но все ж любить могу я.

8

Здесь Альпы предо мной — какой предмет
Для созерцанья! Чувство удивленья
Проходит — это мелкий пустоцвет.
Но здесь источник мысли, вдохновенья,
И даже в одиночестве здесь нет
Отчаянья. Здесь пир ума и зренья.
А озеро! Красивее того,
Где мы росли! Но то родней всего.

9

О, если бы ты здесь была со мною!
Я славить одиночество привык,
И пусть одной бессмысленной строкою
Любовь мою развенчиваю вмиг,
Зато других желаний не открою,
Был не для жалоб создан мой язык,
Но в мудрости отливы есть, как в море.
Боюсь, прилив зальет глаза мне вскоре.

10

Да, озеро,— ты помнишь?— замок мой —
Мой дом, теперь чужое мне наследство.
Красив Леман, но там наш край родной,
Там счастье, там резвилось наше детство.
Стереть их образ — иль его, иль твой —
О! даже Время не имеет средства,
Хотя давно все дорогое мне
Иль умерло, иль там, в другой стране.

11

Вот он — весь мир! Но одного, как ласки,
Прошу я у Природы: пусть она
Тепло мне даст, и солнечные краски,
И тишину, что сердцу так нужна.
Пусть явит мне лицо свое без маски,
Чтобы не впал я в безразличье сна,
И пусть — пока в разлуке мы с тобою —
Из друга детства станет мне сестрою.

12

Любое чувство гнал бы я, смеясь,
Но это — нет, его храню я строго.
Я здесь как дома — там, где началась
Не только жизнь, но вся моя дорога.
И если б раньше с чернью знатной связь
Я разорвал — я б лучше был намного,
Страстей не знал бы, меньше б видел зла,
Не знал бы мук, ты слез бы не лила.

13

Тщеславье меньше мною бы владело,
Да и Любовь,— не звал бы Славу в дом.
Они пришли и вторглись в душу, в тело,
А много ль дали? Имя — всё ли в нем?
Душа когда-то лучшего хотела,
И благородным я пылал огнем.
Он отгорел — так все желанья вянут.
Как миллионы, был и я обманут.

14

А будущее — что мне? Пусть оно
Моей о нем не требует заботы.
Я пережил себя уже давно,
Слепой судьбы изведал повороты,
Но жил — не спал,— мне с детства суждено
Быть начеку, сводя с фортуной счеты.
Лишь четверть века длил я жизни бег,
А пережил — как будто прожил век.

15

Так будь что будет — все приму без слова!
Я Прошлое почти благодарю:
В нем есть просветы, пусть оно сурово.
Когда ж о настоящем говорю,
Моя душа хвалить его готова
Уже за то, что вижу и смотрю,
Могу в Природе каждое мгновенье
Любить и созерцать в благоговенье.

16

Сестра! В тебе нашел я свой оплот,
Как ты во мне. Мы были, есть и будем
Во всем едины. То, что в нас живет,
Не умертвить ни Времени, ни людям.
И вместе, врозь — в чаду любых забот
Не предадим друг друга, не забудем.
Союз, который первым был для нас,
Последним разорвется в смертный час.

28 августа 1816

ТЬМА

Я видел сон... Не все в нем было сном.
Погасло солнце светлое, и звезды
Скиталися без цели, без лучей
В пространстве вечном; льдистая земля
Носилась слепо в воздухе безлунном.
Час утра наставал и проходил,
Но дня не приводил он за собою...
И люди — в ужасе беды великой
Забыли страсти прежние... Сердца
В одну себялюбивую молитву
О свете робко сжались — и застыли.
Перед огнями жил народ; престолы,
Дворцы царей венчанных, шалаши,
Жилища всех имеющих жилища —
В костры слагались... города горели...
И люди собиралися толпами
Вокруг домов пылающих — затем,

Чтобы хоть раз взглянуть в глаза друг другу.
Счастливы были жители тех стран,
Где факелы вулканов пламенели...
Весь мир одной надеждой робкой жил...
Зажгли леса; но с каждым часом гас
И падал обгорелый лес; деревья
Внезапно с грозным треском обрушались...
И лица — при неровном трепетанье
Последних замирающих огней
Казались неземными... Кто лежал,
Закрыв глаза, да плакал; кто сидел,
Руками подпираясь, улыбался;
Другие хлопотливо суетились
Вокруг костров — и в ужасе безумном
Глядели смутно на глухое небо,
Земли погибшей саван... а потом
С проклятьями бросались в прах и выли,
Зубами скрежетали. Птицы с криком
Носились низко над землей, махали
Ненужными крылами... Даже звери
Сбегались робкими стадами... Змеи
Ползли, вились среди толпы, шипели,
Безвредные... Их убивали люди
На пищу... Снова вспыхнула война,
Погасшая на время... Кровью куплен
Кусок был каждый; всякий в стороне
Сидел угрюмо, насыщаясь в мраке.
Любви не стало; вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти — смерти,
Бесславной, неизбежной... Страшный голод
Терзал людей... И быстро гибли люди...
Но не было могилы ни костям,
Ни телу... Пожирал скелет скелета...
И даже псы хозяев раздирали.
Один лишь пес остался трупу верен,
Зверей, людей голодных отгонял —
Пока другие трупы привлекали
Их зубы жадные... Но пищи сам
Не принимал; с унылым долгим стоном
И быстрым, грустным криком все лизал
Он руку, безответную на ласку,
И умер наконец... Так постепенно
Всех голод истребил; лишь двое граждан
Столицы пышной — некогда врагов —

В живых осталось... Встретились они
У гаснущих остатков алтаря,
Где много было собрано вещей
Святых. . . . . .
Холодными костлявыми руками,
Дрожа, вскопали золу... Огонек
Под слабым их дыханьем вспыхнул слабо,
Как бы в насмешку им; когда же стало
Светлее, оба подняли глаза,
Взглянули, вскрикнули и тут же вместе
От ужаса взаимного внезапно
Упали мертвыми . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .И мир был пуст;
Тот многолюдный мир, могучий мир
Был мертвой массой, без травы, деревьев,
Без жизни, времени, людей, движенья...
То хаос смерти был. Озера, реки
И море — все затихло. Ничего
Не шевелилось в бездне молчаливой.
Безлюдные лежали корабли
И гнили, на недвижной, сонной влаге...
Без шуму, по частям валились мачты
И, падая, волны не возмущали...
Моря давно не ведали приливов...
Погибла их владычица — луна;
Завяли ветры в воздухе немом...
Исчезли тучи... Тьме не нужно было
Их помощи... она была повсюду...

Диодати, июль 1816

ПРОМЕТЕЙ

1

Титан! С надмирной высоты
На тех, чья горестна дорога,—
На муки смертных тварей ты
Не мог смотреть с презреньем бога.
И в воздаянье добрых дел
Страдать безмолвно — твой удел.
В горах утес, орел, оковы!

Но тщетно боги так суровы —
Ты не слабел от страшных мук,
И стон, срывающийся вдруг,
Не дал им повода для смеха:
Ты, озирая небосвод,
Молчал. Ты мыслил: боль вздохнет,
Когда лишится голос эха.

2

Титан! Что знал ты? — День за днем
Борьбу страдания и воли,
Свирепость не смертельной боли,
Небес бездушных окоем,
Ко всем глухой Судьбы десницу
И Ненависть — земли царицу:
Все то, что правит средь живых
И с наслажденьем губит их,
Сперва замучив. Был ты Роком
Томим в бессмертии жестоком
И нес достойно свой удел.
Напрасно гневный Зевс хотел
Из глаз твоих исторгнуть слезы,
Ты в Небо слал ему угрозы,
А знал, что станет мягче он,
Открой ты, что не вечен трон
Царя богов. И приговор
Гремел среди пустынных гор
В твоем пророческом молчанье.
И понял — и познал он страх,
Но злую дрожь в его руках
Лишь молний выдало дрожанье.

3

Был твой божественный порыв
Преступно добрым — плод желанья
Людские уменьшить страданья,
Наш дух и волю укрепив.
И, свергнут с горней высоты,
Сумел так мужественно ты,
Так гордо пронести свой жребий,
Противоборствуя судьбе,—

Ни на Земле, ни даже в Небе
Никем не сломленный в борьбе,—
Что смертным ты пример явил
И символ их судеб и сил.
Как ты, в тоске, в мечтах упорных
И человек отчасти бог.
Он мутно мчащийся поток,
Рожденный чистым в недрах горных.
Он также свой предвидит путь,
Пускай не весь, пускай лишь суть:
Мрак отчужденья, непокорство,
Беде и злу противоборство,
Когда, силен одним собой,
Всем черным силам даст он бой.
Бесстрашье чувства, сила воли
И в бездне мук сильней всего.
Он счастлив этим в горькой доле.
Чем бунт его — не торжество?
Чем не Победа — смерть его?

Диодати, июль 1816

ВЕНЕЦИЯ

(Отрывок)

Уж полночь, но светло, как днем.
Веселье пенится кругом:
Светильники пылают ярко
На площади Святого Марка,
И гордо вздыбилась над ней
Четверка бронзовых коней —
Античных мастеров работа,—
Сверкает сбруи позолота.
Вот лев крылатый на столпе:
С презреньем к суетной толпе,
Не замечая люд прохожий,
Он обращен к Палаццо Дожей.
«Мост вздохов» — из дворца в тюрьму
Ведут несчастных по нему,
И там, закованные в цепи,
В отрезанном от мира склепе
Те смерть приемлют, те гниют;
Отправил многих тайный суд

Туда, но не было такого,
Кто вышел бы на волю снова.

Скульптурно-царственна Пьяццетта
В оправе царственных аркад.
Прославленное чудо света,
Дворец свой обратил фасад
Туда, где вечно плещут воды —
Ограда островной свободы.
Вот храм Святого Марка. Он
Украшен россыпью колонн
Из яшмы, мрамора, порфира —
Богатой данью полумира.
Причудлив и могуч собор:
Восточный каменный узор
И минарет, ввысь устремленный,
И купола... Скорей мечеть,
Чем церковь, где перед Мадонной
Нам надлежит благоговеть...

Венеция, 6 декабря 1816

ПЕСНЯ ДЛЯ ЛУДДИТОВ

Как когда-то за вольность в заморском краю
Кровью выкуп платил бедный люд,
Так и мы купим волю свою.
Жить свободными будем иль ляжем в бою!
Смерть владыкам! Да славится Лудд!

Мы на саван тирану соткем полотна,
За оружье возьмемся потом.
Угнетателям смерть суждена!
И красильный свой чан мы нальем дополна,
Но не краской, а кровью нальем.

Эта смрадная кровь, как живительный ил,
Нашу почву удобрит, и в славный тот день
Обновится, исполнится сил
Дуб Свободы, что некогда Лудд посадил,
И над миром прострет свою сень.

24 декабря 1816

* * *

Не бродить уж нам ночами,
Хоть и манит нас луна
Серебристыми лучами,
А душа любви полна!

Меч сотрет железо ножен,
И душа источит грудь,
Вечный пламень невозможен,
Сердцу нужно отдохнуть.

Пусть влюбленными лучами
Месяц тянется к земле,
Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле.

28 февраля 1817

СТАНСЫ К РЕКЕ ПО

Река! Твой путь — к далекой стороне,
Туда, где за старинными стенами
Любимая живет — и обо мне
Ей тихо шепчет память временами.

О, если бы широкий твой поток
Стал зеркалом души моей, в котором
Несметный сонм печалей и тревог
Любимая читала грустным взором!

Но нет, к чему напрасные мечты?
Река, своим теченнем бурливым
Не мой ли нрав отображаешь ты?
Ты родственна моим страстям, порывам.

Я знаю: время чуть смирило их,
Но не навек — и за коротким спадом
Последует разлив страстей моих
И твой разлив — их не сдержать преградам.

Тогда опять, на отмели пустой
Нагромоздив обломки, по равнине
Ты к морю устремишься, я же — к той,
Кого любить не смею я отныне.

В вечерний час, прохладой ветерка
Дыша, она гуляет по приречью;
Ты плещешься у ног ее, река,
Чаруя слух своей негромкой речью.

Глаза ее любуются тобой,
Как я любуюсь, горестно безмолвный...
И падает невольный вздох скупой —
И тут же вдаль его уносят волны.

Стремительный их бег неудержим,
И нескончаема их вереница.
Моей любимой взгляд скользнет по ним,
Но вспять им никогда не возвратиться.

Не возвратиться им, твоим волнам.
Вернется ль та, кого зову я с грустью?
Близ этих вод — блуждать обоим нам:
Здесь, у истоков,— мне; ей — возле устья.

Наш разобщитель — не простор земной,
Не твой поток, глубокий, многоводный:
Сам Рок ее разъединил со мной.
Мы, словно наши родины, несходны.

Дочь пламенного юга полюбил
Сын севера, рожденный за горами.
В его крови — горячий южный пыл,
Не выстуженный зимними ветрами.

Горячий южный пыл — в моей крови.
И вот, не исцелясь от прежней боли,
Я снова раб, послушный раб любви,
И снова стражду — *у тебя* в неволе.

Нет места мне на жизненных пирах,
Пускай, пока не стар, смежу я веки.
Из праха вышел — возвращусь во прах,
И сердце обретет покой навеки.

Июнь 1819

СТАНСЫ

1

Когда б нетленной
И неизменной,
Назло вселенной,
Любовь была,
Такого плена
Самозабвенно
И вдохновенно
Душа б ждала.
Но торопливы
Любви приливы.
Любовь на диво,
Как луч, быстра.
Блеснет зарница —
И мгла ложится,
Но как прекрасна лучей игра!

2

Простясь с любимой,
Мы нелюдимы,
Тоской томимы
И смерть зовем.
Но год излечит
Души увечья,
И мы при встрече
Едва кивнем.
В минуту счастья
Своею властью
Мы рвем на части
Любви плюмаж.
Плюмаж утрачен —
Мы горько плачем,
И сколь безрадостен жребий наш!

3

Как вождь в сраженье,
Любовь — в движенье
И подчиненья
Не признаёт.
Завидев путы,
Приппорит круто
И в гневе лютом
Стремглав уйдет.
К желанным благам
Под бранным стягом
Победным шагом
Идет она.
Победы ради
Назад — ни пяди!
На шаг отступит — и сражена!

4

Вперед, влюбленный,
Чтоб исступленно
Любви знамена
Сквозь мрак нести!
Любви утрата
Тоской чревата.
Но виноватых
Нельзя найти.
Коль стало ясно,
Что чувства гаснут,
То безучастно
Конца не жди.
Любовь споткнется —
И нить порвется,
И тихо скажем: «Любовь, прости!»

5

Воспоминанья
На расстоянье
Ведут дознанье
Былых утрат:

Все было гладко,
Но стало шатко,
Когда украдкой
    Вошел разлад.
Поклон прощальный —
И беспечально
Первоначальный
    Восторг избыт.
Спокойны взгляды,
И слов не надо,
    И только нежность в зрачках горит.

6

Честней расстаться
Без ламентаций,
Чем улыбаться
    И делать вид,
Что все — как было.
Союз постылый
Сердец бескрылых
    Не обновит.
Любовь пуглива
И прихотлива.
Она игрива,
    Как детвора.
В ней ужас пытки
И боль в избытке,
    Но вечно манит ее игра.

1 декабря 1819

СТАНСЫ

Кто драться не может за волю свою,
    Чужую отстаивать может.
За греков и римлян в далеком краю
    Он буйную голову сложит.

За общее благо борись до конца,
И будет тебе воздаянье.
Тому, кто избегнет петли и свинца,
Пожалуют рыцаря званье.

5 ноября 1820

НА СМЕРТЬ ПОЭТА ДЖОНА КИТСА

— Кто убил Джона Китса?
— Я,— ответил свирепый журнал,
Выходящий однажды в квартал.—
Я могу поручиться,
Что убили мы Китса!

— Кто стрелял в него первый?
— Я,— сказали в ответ
Бэрро, Саути и Милмэн, священник-поэт.—
Я из критиков первый
Растерзал ему нервы!

30 июля 1821

СТАНСЫ, НАПИСАННЫЕ В ДОРОГЕ МЕЖДУ ФЛОРЕНЦИЕЙ И ПИЗОЙ

1

Молчи, что в веках имена величавы;
Лишь дни нашей юности — дни нашей славы;
Ведь мирт или плющ для меня драгоценней
Всех лавров, венчающих гибель мгновений.

2

К чему нам увенчивать старость короной?
Цветок не воскреснет, росой окропленный!
Венки уберите оттуда, где иней!
В них слава — и только — с пустою гордыней.

3

О слава! Однажды тобой соблазненный,
Тогда я прельстился не фразой стозвонной,
А тем, что в глубинах любимого взгляда
Безмолвно сияла любовь, как награда!

4

Искал я в глазах у любимой признанье;
Мгновенным и вечным казалось сиянье;
Оно освещало судьбы моей главы —
Узнал я любовь — воплощение славы.

6 ноября 1821

НА САМОУБИЙСТВО БРИТАНСКОГО МИНИСТРА КЭСТЕЛРИ

1

О Кэстелри, ты — истый патриот.
Герой Катон погиб за свой народ,
А ты отчизну спас не подвигом, не битвой —
Ты злейшего ее врага зарезал бритвой!

2

Что? Перерезал глотку он намедни?
Жаль, что свою он полоснул последней!

3

Зарезался он бритвой, но заранее
Он перерезал глотку всей Британии.

Август 1822

ГРАФИНЕ БЛЕССИНГТОН

Вы стихов моих ждете, и я
Вам отказывать в них не привык.
Но страстей оскудела струя,
И заглох Ипокрены родник.

Будь я прежним, я пел бы в стихах
Ту, чей образ сам Лоуренс создал.
Но угас мой напев на устах,
Грудь мою словно панцирь сковал.

Стал я пеплом, а пламенем был;
Не очнуться певцу ото сна;
Лишь любуюсь я тем, что любил;
На висках и в душе — седина.

Измеряют мой век не года,
Но мгновенья, что режут, как плуг:
На челе и в душе борозда
После них появляется вдруг.

Пусть горячая юность смелей
Устремляется с песнями ввысь.
Я бессилен: на лире моей
Струны лучшие оборвались.

1823

ПЕСНЬ К СУЛИОТАМ

Дети Сули! Киньтесь в битву,
Долг творите, как молитву!
Через рвы, через ворота:
Бауа, бауа, сулиоты!
Есть красотки, есть добыча —
В бой! Творите свой обычай!

Знамя вылазки святое,
Разметавшей вражьи строи,
Ваших гор родимых знамя —
Знамя ваших жен над вами.
В бой, на приступ, стратиоты,
Бауа, бауа, сулиоты!

Плуг наш — меч: так дайте клятву
Здесь собрать златую жатву;
Там, где брешь в стене пробита,
Там врагов богатство скрыто.
Есть добыча, слава с нами —
Так вперед, на спор с громами!

1823

ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ

Встревожен мертвых сон,— могу ли спать?
Тираны давят мир,— я ль уступлю?
Созрела жатва,— мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

19 июня 1823

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо,
Готов его сразить иль пасть с тобой в крови,
И если б пробил час — делить с тобой, любимой,
Все, верность сохранив свободе и любви.

Я на тебя взирал в морях, когда о скалы
Ударился корабль в хаосе бурных волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне доверяла;
Гробница — грудь моя, рука — спасенья челн.

Я взор мой устремлял в больной и мутный взор твой,
И ложе уступил, и, бденьем истомлен,
Прильнул к ногам, готов земле отдаться мертвой,
Когда б ты перешла так рано в смертный сон.

Землетрясенье шло и стены сотрясало,
И все, как от вина, качалось предо мной.
Кого я так искал среди пустого зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе одной.

И судорожный вздох спирало мне страданье,
Уж погасала мысль, уже язык немел,
Тебе, тебе даря последнее дыханье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к тебе летел.

О, многое прошло; но ты не полюбила,
Ты не полюбишь, нет! Всегда вольна любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба судила —
Преступно, без надежд,— любить все вновь и вновь.

1824

В ДЕНЬ, КОГДА МНЕ ИСПОЛНИЛОСЬ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ ЛЕТ

Пора остыть душе гонимой,
Когда остыли к ней давно;
Но пусть любить и не любимой
Ей суждено!

Погибло в цвете наслажденье,
Поблекла жизнь, как дуб лесов;
И червь остался мне и тленье
От всех плодов.

Вулкану мрачному подобный,
Горит огонь груди моей;
Он не зажжет — костер надгробный —
Других огней.

Нет силы чувств в душе усталой,
Нет слез в сердечной глубине:
Любви былой, любви завялой
Лишь цепь на мне.

Но не теперь дано мне право
Грудь думой праздной волновать,
Не здесь, где осеняет слава
Святую рать.

Гремит война, кипит Эллада,
Настал свободы новый век;
На щит, как древней Спарты чадо,
Ложится грек.

Проснись! — не ты, уже так смело
Проснувшийся, бессмертный край! —
Проснись, мой дух! живое дело
И ты свершай!

Во прах бессмысленные страсти!
Созрелый муж! тот бред младой
Давно бы должен уж без власти
Быть над тобой.

Иль не жалей о прежнем боле,
Иль умирай! — здесь смерть славна;
Иди! да встретит же на поле
Тебя она!

Найти легко тебе средь боя
Солдата гроб: взгляни кругом,
И место выбери любое,
И ляг на нем.

22 января 1824

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

АДОНАИС

Элегия на смерть Джона Китса, автора «Эндимиона», «Гипериона» и проч.

'Αστὴρ πρὶν μὲν ἤλαμπες ἐνὶ ζώοισιν Ἑῶος
Νύν δὲ θανὼν λάμπεις ''Εσπερος ἐν φθιμένοις[1].

Plato [1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Φάρμακον ἦλθε, Βίων, ποτὶ σὸν στὸμα, Φάρμακον εἶθες
Πῶς τεν τοῖς χείλεσσι ποτ'ἔδραμε, κοὐκ ἐγλυκάνθη;
Τίς δὲ βροτος τοσσοῦτσν ἀνάμερος, ἢ κεράσαι τοι.
''Η δοῦναι λαλέοντι τὸ Φάρμακον; ἔκψυγεν ὦδαν[1],

M o s c h u s. Epitaph. Bion [2]

Я бы желал присовокупить к лондонскому изданию этой поэмы критические замечания по поводу места, которое достоин занять оплаканный герой среди писателей высочайшего гения, украсивших наш век. Моя заведомая неприязнь к стеснительным канонам вкуса, обусловившим некоторые ранние его сочинения, не оставляет, по крайней мере, сомнений в моем беспристрастии. На мой взгляд, фрагмент из «Гипериона» не имеет себе равных среди опытов, когда-либо произведенных писателем того же возраста.

Джон Китс умер в Риме от чахотки, не дожив и до двадцати пяти лет ... 1821 года и погребен на уединенном романтическом протестантском кладбище этого города под пирамидой, увенчивающей гробницу Цестия, среди массивных стен и башен, разрушающихся теперь в запустении, некогда опоясывавших округ древнего Рима. Это кладбище — открытое поле среди руин, усеянное зимою фиалками и маргаритками. Можно влюбиться в смерть при мысли, что будешь похоронен в таком сладостном уголке.

---

[1] Прежде звездою рассветной светил ты, Астер мой, живущим; Мертвым ты, мертвый теперь, светишь закатной звездой.

Платон (г р е ч.). — Перевод С. Соболевского.

[2] Яд, о Бион, прикоснулся к устам твоим; как же отрава Этих коснулася губ и тотчас же не сделалась сладкой? Кто был тот смертный жестокий, который осмелился яду Дать тебе, даже по просьбе твоей? Его имя сокрыто.

М о с х. Эпитафия Биону (г р е ч.).— Перевод М. Грабарь-Пассек.

Гений оплаканного, чьей памяти посвящены эти недостойные строки, был столь же хрупок и нежен, сколь прекрасен; мудрено ли, что там, где кишат зловредные черви, юный цветок был отравлен уже в своем бутоне? Варварские нападки на его «Эндимиона», появившиеся в «Квортерли ревю», подействовали самым убийственным образом на восприимчивый ум; волнение, произведенное ими, привело к тому, что в легких лопнул кровяной сосуд; последовала скоротечная чахотка; и когда в дальнейшем более справедливые критики признали подлинное величие его дарований, это уже не могло залечить рану, столь бессмысленно нанесенную.

Поистине, эти негодные людишки не ведают, что творят. Не скупятся на оскорбления и наветы, не смотрят, попадет ли отравленная стрела в сердце, уже затвердевшее от многих ударов, или в сердце, более уязвимое по своему составу, подобное сердцу Китса. Один из их сообщников, насколько я знаю,— самый низкий и беззастенчивый клеветник. Что же касается «Эндимиона», каковы бы ни были погрешности поэмы, подобает ли презрительно третировать ее тем, кто превозносил, постепенно переходя от снисходительности к панегирику, и «Париса», и «Женщину», и «Сирийскую повесть», и миссис Лефаню, и мистера Баррета, и мистера Говарда Пэйна, и весь этот нескончаемый список знаменитых ничтожеств! Не они ли в своем продажном благодушии отваживались проводить параллель между преподобным мистером Мильменом и лордом Байроном? Какого комара оцеживали они, проглотившие всех этих верблюдов? В какую прелюбодейку дерзнет главарь этих литературных проституток бросить свой позорный камень? Жалкий человек! Ты в своем убожестве бессмысленно исказил благороднейший образец искусства Божьего. И не оправдывайся тем, что ты, убийца, воспользовался лишь словесным, а не настоящим кинжалом.

Заключительная сцена из жизни бедного Китса стала мне известной лишь тогда, когда элегия была уже готова для печати. Как мне дали понять, рана, нанесенная чувствительной душе критикой «Эндимиона», усугубилась горечью от человеческой неблагодарности; несчастного, кажется, гнали с жизненных подмостков не только те, перед кем расточил он залоги своего гения, но и те, для кого не жалел он ни своих средств, ни забот.Его сопровождал в Рим и ухаживал за ним в его последней немощи мистер Северн, молодой художник, подающий величайшие надежды, который, как меня известили, «почти рисковал своей жизнью и жертвовал своим будущим, неустанно заботясь о своем умирающем друге». Если бы я знал все эти обстоятельства до завершения моей поэмы, я, вероятно, не устоял бы перед искушением присоединить слабую дань моего восхищения к более основательной награде, которую человек добродетельный обретает, вспоминая свои побуждения. Мистер Северн может обойтись без воздаяний со стороны тех, чей «состав подобен составу снов». Его добродетель — драгоценный залог будущего успеха, и да вдохновит неугасимый дух его прославленного друга творения его кисти, отстаивая от Забвения его имя.

1

Мертв Адонаис. Плачьте все со мной!
Он мертв. Заплачем, хоть нельзя слезами
Оттаять холод этот ледяной.
Ты, самый мрачный час между часами,
Приговоренный плакать вместе с нами,
Скажи своим: «Возлюбленного нет,
Но будущее всеми чудесами
Затмить не смеет этих юных лет,
Отзвучье вечное и вечно яркий свет».

2

Где ты была, Урания-царица,
Когда лежал твой сын, пронзен копьем
Во тьме ночной? Куда могла ты скрыться?
Смежила ты глаза в раю своем,
И задрожали отзвуки кругом,
Мелодии дыханьем воскрешая,
В которые перед своим врагом
Он облачился, нет, не устрашая,
Смерть близкую свою цветами украшая.

3

Мертв Адонаис. Плачьте все со мной!
Рыдай в своем пределе отдаленном,
Урания, но нет, во тьме ночной
Не лучше ли на ложе раскаленном

Застыть слезам,— скорбям неутоленным
Забыться с ним в его безмолвном сне?
И тем, кто мудр, всем душам просветленным,
Не пробудиться в жадной глубине:
Немую песнь пожрав, смеется Смерть на дне.

4

Певучая печаль! Заплачем снова!
Загублен снова властелин струны,
Наследник старца, нищего, слепого.
Пока величие своей страны
Рабы, жрецы, тираны, ведуны
Топтали, проливая кровь при этом,
Обрядом гнусным объединены,
Навеки в небо вопреки наветам
Вознесся третий дух, рожденный горним светом.

5

Певучая печаль! Заплачем вновь!
Не всем стремиться к пламенной вершине.
Счастливей тот, чье счастье и любовь
Как свечка в темноте времен поныне,
Когда светила меркнут, и в гордыне,
Столь ненавистный людям и богам,
Низвержен гений, гаснет он в пустыне,
А если жив, то, вопреки врагам,
Идет за славою в далекий вечный храм.

6

Цветок сегодня сокрушен грозою,
В котором вся любовь была жива,
Девическою вспоенный слезою,
Питомец хрупкий твоего вдовства.
Певучая печаль! К чему слова?
Конец любви! Конец надежде смелой!
Раскрылись лепестки едва-едва,
Завистливая буря налетела,
И вместо всех плодов — безжизненное тело.

7

В столице разрушительных эпох,
Где Смерть царит над красотою тленной,
Он приобрел за свой чистейший вздох
Себе могилу посреди вселенной,
Где вечность веет, где благословенный
Лазурный италийский небосвод —
Достойный склеп для скорби сокровенной.
Кто на покой последний посягнет?
В своем росистом сне усталый отдохнет.

8

Нет, никогда ему не пробудиться!
Тень белой смерти в сумерках быстрей
Ползет по склепу. Тление стыдится
И мешкает невольно у дверей,
Залюбовавшись жертвою своей.
Ждет вечный Голод, самый кровожадный
И самый хищный зверь из всех зверей,
Когда дерзнет накинуть сумрак хладный
На эту красоту покров свой безотрадный.

9

Оплачем Адонаиса! Мечтам,
Посланницам крылатым помышлений,
Его стадам питаться нечем там,
Где пел для них любвеобильный гений,
Мелодиями вместо наставлений
Воспитывая,— нет! пресекся путь,
И возжигать в умах нельзя стремлений;
Возникнуть, и поникнуть, и заснуть
В отчаянье, когда застыла эта грудь.

10

Над ним крылами лунными всплеснула,
Потрогав лоб ему, мечта одна:
«Не умер он! Сквозь шелк ресниц блеснула
Слезинка, вестница немого сна.

На дремлющем цветке роса видна!»
Дочь смертная загубленного рая,
Слезы своей не узнает она
И, чистая, бледнеет, исчезая,
Как тучка, стоит ей заплакать в царстве мая.

11

Одна мечта бальзамом звездных рос
Навеки тело легкое омыла;
Пожертвовав с кудрями россыпь слез,
Мечта другая все венцы затмила,
А третья бы сама переломила,
Не выдержав причудливой тоски,
Лук меткий свой, когда ничто не мило,
Когда погашен льдом его щеки
Зубчатый пламень стрел всем целям вопреки.

12

Недвижных уст коснулся луч проворный.
Целуя вдохновительный исток,
Наперекор премудрости дозорной
Он тронуть сердце, полное тревог,
Молниеносной музыкою мог;
Но поцелуй погашен смертью льдистой;
Как метеор, блуждая без дорог,
Пятнает нимб луны морозно-мглистой,
Он в бледности мелькнул зарницею струистой.

13

Крылатые мольбы среди других,
И судьбы, не подняв своей вуали,
И тени в сонме проблесков благих,
И вздохи, племя робкое печали,
Блаженство со слезами, как вначале,
Ведомое улыбкой вместо глаз,
Торжественно и скорбно выступали,
Как будто собрались в последний раз.
Так над водой туман клубится в ранний час.

14

Мертв Адонаис. Мысль преображала
Все, что любил он: облик, запах, цвет.
Заря на горизонте задрожала:
Сквозь волосы в слезах закапал свет,
Которым прежде был весь мир согрет:
Гром скорбно застонал среди тумана,
Рыдают ветры дикие в ответ,
Летая по вселенной неустанно,
И в беспокойном сне просторы океана.

15

Затеряно среди безгласных гор,
Его напев беззвучно вспоминая,
Тоскует эхо; звонкий птичий хор,
Песнь дровосеков, музыка лесная,—
Все без ответа; нимфа как больная
Без этих губ, которые милей
Тех, по которым плакала немая,
Став тенью звуков; и среди полей,
И в дебрях только всхлип в ответ природе всей.

16

Скорбит весна, и падают бутоны,
Подобно листьям осени сухим.
Почиет мрачный год под эти стоны,
Покинутый возлюбленным своим.
Был Фебом Гиацинт не так любим,
Не так Нарцисс любим самим собою,
Как он любим обоими. Над ним
Завяли обделенные судьбою.
Не запах, нет, печаль над пажитью любою.

17

Не так скорбит, рыданьем тронув лес,
Душа мелодий скорбных, Филомела;
Не так скорбит орлица, дочь небес,
Где некому летать легко и смело,

Когда гнездо навеки опустело,
Как, Адонаис, о тебе скорбит
Твой Альбион теперь, когда взлетела
Душа твоя испуганно в зенит,
И проклят каин тот, которым ты убит.

18

Ушла зима, но не уходит горе,
Хотя повсюду веянье тепла,
И ветры и потоки в дружном хоре;
Проснулся муравей, жужжит пчела,
И ласточка-певунья весела,
Щебечут птицы в каждом перелеске,
В дубраве мшистым гнездам нет числа,
И ящерка скользит в зеленом блеске,
И змеи по весне как золотые всплески.

19

Через холмы, дубравы и моря
Из недр земных, как воды ключевые,
С тех пор, как первая взошла заря
И, возвещая сдвиги вековые,
Над хаосом вознесся Бог впервые,
Жизнь хлещет, и, в нее погружены,
Приветливы светила кочевые,
И все стихии в чаянье весны
Облагорожены и преображены.

20

И под землей, почуяв дух отрадный,
Дразня червя, глотающего прах,
Цветами труп дохнул в могиле смрадной,
Как будто звездный свет живет в цветах,
И смерть благоухает на устах;
Нет смерти, только смертный ум встревожен
И за себя испытывает страх;
И должен меч распасться прежде ножен,
Слепою молнией внезапно уничтожен.

21

Так, значит, все, что мы любили в нем,
То, что любых сокровищ драгоценней,
Похищено одним жестоким днем,
Который смертен сам на этой сцене?
А кто же мы? В кровопролитной смене
Актеры или зрители? В долгу
У смерти жизнь: чем зеленей, тем тленней.
Всех встречных губит время на бегу,
Подобно самому свирепому врагу.

22

Нет, никогда ему не пробудиться!
«Откликнись, мать бездетная! Рыдай! —
Взывает скорбь.— Какая боль гнездится
В груди твоей! Слезам пролиться дай! —
Его страдание перестрадай!»
«Воспрянь!» — донесся хор немых отзвучий
С мольбой мечтаний в безутешный рай,
И, памятью терзаемая жгучей,
Она воспрянула в своей тоске могучей.

23

Воспрянула, как на востоке ночь,
Которая землею завладела,
Когда, гонимый, улетает прочь
Осенний день, как дух, покинув тело,
И, словно труп, земля похолодела.
Так скорбный страх Уранию настиг,
И мгла распространилась без предела,
И путь угрюмый безнадежно дик
Туда, где в темноте сияет мертвый лик.

24

Покинула Эдем свой потаенный
И, в мире не найдя другой тропы,
Вступила в этот город непреклонный,
Где сталь, где камень, где сердца толпы

Ей ранили незримые стопы;
За нежность языки и мысли мстили,
Исподтишка язвили, как шипы,
И капли крови, сёстры красных лилий,
Цветами вечными бесплодный путь мостили.

25

Как будто в склепе строгий судия,
При ней, всевластной, смерть сама смутилась
И покраснела до небытия;
И, кажется, дыханье возвратилось
К нему на губы, так что засветилась
Жизнь бледная... «Побудь! Повремени,
Чтобы во тьме звезда не закатилась!» —
Урания вскричала,— и они
Со смертью ласковой одни в ее тени.

26

«Ответь! Заговори со мною снова!
Хоть поцелуем только мне ответь!
Пусть будет поцелуй короче слова,
В пустой груди твоя частица впредь —
Для памяти достаточная снедь,
Мой Адонаис, если в этом склепе
С тобою не дано мне умереть,
Хотя не жаль мне всех великолепий
И время для меня подобно вечной цепи.

27

Зачем же ты покинул торный путь,
Мой нежный сын, в своей мятежной вере
Осмелившись до срока посягнуть
На змея ненасытного в пещере?
Возрос бы ты, как месяц в горней сфере,
Копье-насмешку и зеркальный щит,
Щит мудрости обрел бы, так что звери
Бежали бы, как в ужасе бежит
Олень от них самих, чудовищных на вид.

28

Голодный волк, отважный лишь в погоне,
Крикливый вран, который трупам рад,
Гриф, зоркий страж бесчисленных агоний,
Жестоких победителей собрат,
Который на крылах разносит смрад,
Спешили скрыться, стоило герою
Лук натянуть, смеясь, и супостат,
Напуганный недетскою игрою,
В смятении пяту лизал ему порою.

29

С восходом солнце ясное царит,
И в ласковых лучах плодятся гады.
Закат — кончина всех эфемерид,
И пламенеют в небе мириады
Бессмертных звезд, и люди свету рады,
Когда восходит гений ради них,
В пути своем не ведая преграды;
Попик — и больше нет роев земных;
Лишь родичи его среди пространств ночных».

30

Шли пастухи с гирляндами сухими,
Волшебные одежды разорвав;
Паломник Вечности пришел с другими,
Столь рано в жизни восторжествовав;
В своем небесном нимбе величав,
Облек он песню сумрачным покровом,
Как молнию среди глухих дубрав;
В Ирландии рожден, в краю суровом,
Нежнейший лирик шел с певучим скорбным зовом.

31

Как призрак бледный в сборище людском,
Как туча в миг прощанья с небосклоном,
Когда последний отдаленный гром
Тревожит землю похоронным звоном,

Был тот, кто зваться мог бы Актеоном,
Увидев обнаженные красы
Самой природы вопреки законам;
С тех пор несутся годы, как часы,
И мысли гонятся за ним, как злые псы.

32

Как барс в роскошном царственном движенье,
Дух некий дивный, словно красоту
Любовь снедает; мощь в изнеможенье,
И этот миг ему невмоготу;
Так меркнет свет, впадая в темноту;
Надломлена волна; и на востоке
Смеется солнце, жизнь губя в цвету;
Дождь высох в небесах, скудеют соки,
И тлеет в сердце смерть, но пламенеют щеки.

33

Увенчанный фиалками пришел,
Хотя венок его поблек в тумане.
Тирс, весь в плюще росистом, не тяжел,
Но трепетал он в этой слабой длани,
Как сердце вопреки смертельной ране.
Не глядя на попутчиков иных,
Пришел последний в этом скорбном клане;
Так, раненный, на пастбищах лесных
Олень сторонится оленей остальных.

34

Не требуя других примет и знаков,
Услышав этот неумолчный стон,
Все поняли: над мертвецом заплакав,
Свою судьбу оплакивает он.
Мучительный, непостижимый тон!
«Кто ты?» — вздохнула мать. В ответ ни слова,
И только лоб высокий обнажен,
Откуда вновь закапать кровь готова,
Как с Каинова лба и как со лба Христова.

35

Чей нежный вздох над мертвым приглушен?
Чей лоб замаскирован черной тканью?
Как будто самый грустный приглашен,
Чтоб монумент подвергся нареканью.
И если места больше нет стенанью
В груди Того, чья мудрая мечта
Учила кротко жертвенному знанью,
Да будут сомкнуты мои уста:
Он сердцем жертвовал, и жертва принята.

36

Дерзнувший опоить отраду нашу,
Убийца, разве только был он глух,
Когда подлил отравы в эту чашу,
Свой собственный обкрадывая слух,
Червь безымянный, ибо певчий дух
Заранее смиряет злобу мира,
И тех заворожив, кто сердцем сух;
И сдавлен вой в груди пустой и сирой,
Когда безвременно осиротела лира.

37

Ославленный в бесславии своем!
Живи, не бойся! Не раздавят гада.
Позором упивайся день за днем.
Страшнее казни для тебя пощада,
Когда самим собой остаться надо,
Разбрызгав ядовитую слюну,
И ты стыдишься собственного смрада,
Запятнанный, пятнаешь всю страну
И, как побитый пес, влачишь свою вину.

38

Нет, мы не будем плакать! Наш любимый
От коршунов прожорливых вдали.
Спит или бодрствует неистребимый,
Недосягаем дух для здешней тли.

Тебе не оторваться от земли;
Он, чистый, взмыл в свой пламень первородный,
Откуда светочи произошли;
Он там сияет, вечный и свободный,
Твой чадный стыд покрыт золой твоей холодной.

39

Не умер он; он только превозмог
Сон жизни, сон, в котором истязаем
Мы все самих себя среди тревог;
Сражаться с привиденьями дерзаем,
Ничто неуязвимое пронзаем
Ножом духовным; это мы гнием
Здесь, в нашем затхлом склепе; исчезаем,
Терзаемые страхом день за днем.
Надежды-черви нас готовы съесть живьем.

40

Он воспарил над нашим наважденьем,
В котором оставаться мы должны,
Горячку называя наслажденьем
В ночи, где ложь и злоба так сильны,
И жизнью безнадежно мы больны;
Он воспарил над миром, исцеленный,
И не узнает ранней седины;
Вовеки не узнает, окрыленный,
Как цепенеет прах, забвеньем оскорбленный.

41

Он жив, он пробудился. Смерть мертва.
Скорбеть не нужно. Ты, заря-юница,
Зажги росу лучами торжества;
С тобой любимый; ты — его светлица.
Возвеселитесь, ключ, цветок и птица!
Утешься, воздух! Землю не тумань!
Зачем сегодня миру плащаница?
Улыбка звезд видней в такую рань,
И тяжела земле заплаканная ткань.

42

Не умер он; теперь он весь в природе;
Он голосам небесным и земным
Сегодня вторит, гений всех мелодий,
Присущ траве, камням, ручьям лесным,
Тьме, свету и грозе, мирам иным,
Где в таинствах стихийных та же сила,
Которая, совпав отныне с ним,
И всех и вся любовью охватила
И, землю основав, зажгла вверху светила.

43

Прекрасное украсивший сперва,
В прекрасном весь, в духовном напряженье,
Которое сильнее вещества,
Так что громоздкий мир в изнеможенье,
И в косной толще, в мертвом протяженье,
Упорно затрудняющем полет,
Возможны образ и преображенье,
Когда, превозмогая плотский гнет,
В зверях и в людях дух лучей своих глотнет.

44

И в небесах времен видны затменья,
Как в мире, где небесные тела
Превыше смертного недоуменья,
И днем звезда в пространстве, где была;
Смерть — разве только низменная мгла,
В которую сияние одето.
Дарует мысль сердцам свои крыла,
И выше смерти — вечная примета! —
В эфире грозовом живые вихри света.

45

И в сокровенном свой храня закон,
Питомцы славы неосуществленной
Встают с высоких тронов: Чаттертон,
Агонией доселе истомленный,

Отважный Сидней, воин умиленный,—
Возвышенный в любви и на войне,
Лукан, своею смертью просветленный,
И с ними Адонаис наравне,
Так что забвение поникло в стороне.

46

Воспрянул сонм безвестных, безымянных,
Чей пламень в мире навсегда зажжен,
В пространствах, вечным светом осиянных,
Своими Адонаис окружен.
«Любимый! Вот он, твой крылатый трон! —
Воскликнули.— Теперь владыки в сборе.
Даруй безгласной сфере свой канон,
И в музыке восторжествуют зори.
Звезда вечерняя ты в нашем вечном хоре».

47

Кто там скорбит? Слепым не окажись!
Себя ты с ним сравни, безумец нежный!
Душой за землю зыбкую держись,
В пространства направляя центробежный
Духовный свет, чтобы достиг безбрежной
Окружности, но там, где ночь со днем,
Останься с легким сердцем ты, мятежный,
Иначе упадешь за окоем,
Надеждою прельщен, блуждающим огнем.

48

Направься в Рим! Рим — не его могила,
Могила нашей радости, но там,
Где пыльный скарб история свалила,
Эпохи, царства, мифы — древний хлам,
Наш Адонаис щедр сегодня сам,
Один из тех, кто, мыслью коронован,
С врагом не делит мира пополам,
И нашими недугами взволнован,
Хоть выше всех времен его престол основан.

49

Направься в Рим, туда, где с давних пор
Склеп, город, рай и царство запустенья
И где руины, как отроги гор,
Где на костях пахучие растенья
В причудах своего переплетенья,
И некий дух показывать готов
Зеленый холм, не знающий смятенья.
Как смех младенца, светлый смех цветов,
И свежая трава — целительный покров.

50

И время там над ветхими стенами,
Как пламя на пожарище седом.
Пирамидальный пламень перед нами.
Нет! Осенив его незримый дом,
Ввысь мрамор указует острием,—
Державный знак его последней воли.
Видны могилы свежие кругом,
Среди лучей возделанное поле,
Последний стан для тех, кто чтил его дотоле.

51

Никто из них пока не исцелен.
Как молоды могилы юной рати!
Ключ грустных этих дум запечатлен,
И ты, пришелец, не ломай печати!
Раскаешься, сломав ее некстати,
И только желчь да слезы в роднике
Обрящешь дома по своем возврате.
Весь век мы в мире, как на сквозняке.
Как Адонаису, нам лучше вдалеке.

52

Жить одному, скончаться тьмам несметным.
Свет вечен, смертны полчища теней.
Жизнь — лишь собор, чьим стеклам разноцветным
Дано пятнать во множестве огней

Блеск белизны, которая видней,
Когда раздроблен смертью свод поддельный,
И тот, кто хочет жить, стремится к ней.
Мелодия, руина, мир скудельный
Таят веками смысл неизъяснимо цельный.

53

Тогда зачем же сердцу трепетать,
Измучившись в напрасном ожиданье?
Год потускнел. Зачем судьбу пытать,
Когда в желанной близости страданье
И даже казнь; в разлуке увяданье,
Зато приветлив солнечный зенит,
И ветер, ласковый в своем блужданье:
Зов Адонаиса во всем звенит.
Разрозненное здесь он там соединит.

54

Свет вездесущий, разум, откровенье!
Слепой любовью ты обременен;
В зверях и в людях ты — благословенье,
Проклятием рожденья затемнен,
Однако не погашен; замутнен,
Но в зеркалах телесных вожделенный
По всей вселенной до конца времен,
Пролейся над моей душою пленной
Освободив меня от этой тучи тленной!

55

Дыханье Адонаиса во мне.
Отвергнутый другими голосами,
Отплыл я вдаль один в своем челне.
В толпе пугливой понимают сами:
Не плыть им под моими парусами.
Для них земля достаточно тверда,
Тогда как мой приют за небесами,
И, словно путеводная звезда,
Дух Адонаиса влечет меня туда.

1821

ПЕСНЯ ИРЛАНДЦА

И звезды не вечны, и света лучи
Исчезнут в хаосе, утонут в ночи,
Обрушатся замки, разверзнется твердь,
Но дух твой, о Эрин, сильнее, чем смерть.

Смотрите! Руины вокруг, пепелища,
В земле похоронены предков жилища,
Враги попирают отечества прах,
А наши герои недвижны в полях.

Погибла мелодия арфы певучей,
Мертвы переливы родимых созвучий;
Взамен им проснулись аккорды войны,
Мертвящие кличи да копья слышны.

О, где вы, герои? В предсмертном порыве
Припали ли вы к окровавленной ниве,
Иль в призрачной скачке вас гонят ветра
И стонут и молят: «К отмщенью! Пора!»

Октябрь 1809

К ИРЛАНДИИ

I

Свершится, Эрин! Остров уязвленный
Зазеленеет, солнцем озаренный,
И ветерок, над нивами паря,
Обдаст теплом окружные моря!

Теперь стоят убоги и безлисты
Твои деревья, некогда тенисты,
[...][1] и им уж не цвести,
Погибших листьев им не обрести,
Покуда, хладом корни поражая,
Сбирает враг остатки урожая.

II

Я долго мог стоять,
О Эрин, над твоими берегами
И наблюдать, как волны беспрерывно
Кидаются на отмель, и казалось,
Что это Время молотом гигантским
Раскалывает Вечности твердыни.
Верши, титан, от битвы и до битвы,
Свой одинокий путь! Народы никнут
Под поступью твоею; пирамиды,
Что были столько лет неуязвимы
Для молний и ветров, уйдут в ничто.
И тот монарх величественно-грозный,
Он для тебя гнилушка в зимний день:
Прошествуешь — он прахом обернется.
Ты победитель, Время; пред тобою
Бессильно все, но не святая воля,
Но не душа, что до тебя была
И твой исход когда-нибудь увидит.

1812

НА МОГИЛУ РОБЕРТА ЭММЕТА

VI

Ни скверна для чести твоей, ни молва
Уже не страшны в тишине замогильной;
А недруги тенью растают, едва
Коснувшись луча твоей славы всесильной.

---

[1] Пропуск в авторской рукописи.

VII

Когда грозовые минуют струи —
Негаснущий луч над землей воцарится;
Лишь Эрин забудет невзгоды свои —
Сквозь слезы улыбка ее возродится.

1812

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР НА КЛАДБИЩЕ

Могучий вечер погулял на славу,
И испареньям не дробить лучей,
И день одел в вечернюю оправу
Синеющих ресниц белки своих очей.
Два наважденья — тишина и мрак —
Закату подают зловещий знак.

Но как они в беспамятстве ни бьются,
Ни тщатся все вокруг заворожить,
Движенье, звук и свет не поддаются
И продолжают всласть своею жизнью жить.
Молчат травинки на церковной крыше,
Движенья ветра будто и не слыша.

И церкви многоверхое убранство,
Светящиеся грани распластав,
Не уступает мраку, и в пространство,
В расплывчатую даль свой шпиль несет стремглав,
Где в темной выси, недоступной зренью,
Слетелись тени на ночные бденья.

Спят мертвецы, спокойны и безгласны.
Ползет из тьмы необъяснимый звук —
Не чувство и не мысль, но столь же ясный,
Из логова червей освобожденный вдруг.
И, вливши в хор ночной, миротворящий,
Он делает прохладу леденящей.

Причастная покойной благодати,
Смерть притягательна, как эта ночь,

И впору мне, как малому дитяти,
Поверить, будто смерть поведать нам не прочь
Заманчивые тайны и сулит
Причуды снов под тяжкой ношей плит.

Сентябрь 1815

ВОРДСВОРТУ

Поэт Природы, горестны и сладки
Твои воспоминанья о былом:
О детстве, о любовной лихорадке,
О младости, что стала горьким сном!

Я грусть твою в своей душе найду,
Боль, ставшую томленьем беспробудным:
В тебе я видел яркую звезду
В полночный шторм над обреченным судном.

Ведь ты неколебимо, как утес,
Стоял, презрев слепой людской хаос,
Ты бедности был верен благородной,

Смог Истину и Вольность восхвалить...
Но что с тобой теперь, Поэт Природный?
Чем быть таким — честней совсем не быть!

1815

ЧУВСТВА РЕСПУБЛИКАНЦА ПРИ ПАДЕНИИ БОНАПАРТА

Поверженный тиран! Мне было больно
Прозреть в тебе жалчайшего раба,
Когда тебе позволила судьба
Плясать над гробом Вольности... Довольно!

Ты мог бескровно утвердить свой трон,
Но предпочел резню в пышнейшем стиле;
Ты памяти своей нанес урон,
К забвению тебя приговорили!

Насилье, Сладострастие и Страх —
Твоих кошмаров пагубный народец.
Ты шествуешь в забвенье, Полководец!

С тобой простерлась Франция во прах.
Но у Добра есть худший враг — химеры
Повиновенья, ослепленность веры!

1816

ЗАКАТ

Жил юноша, в чьем хрупком существе,
Как свет и ветер в облачке прозрачном,
Что тает в синеве палящей полдня,
Боролись смерть и гений. Не понять,
Каким восторгом легкое дыханье,
Как летний ветерок, вдруг прерывалось,
Когда с любимой, первый раз познавшей
Раскованность слияния двух жизней,
Он шел тропинкой узкой полевой,
С востока осененной древним бором,
А с запада открытой небесам.
Уж солнце закатилось, повисали
На пепле туч, на дремлющих цветах,
У одуванчиков на бороде
И на траве полоски золотые
И, с сумерками смешиваясь, пали
На чащу темную — а на востоке
Широкая, горящая луна
Всходила плавно меж стволов черневших,
И звезды, чуть мерцая, высыпали.
«Не странно ль, Изабелла,— он спросил,—
Что солнца я не видел никогда?
Мы завтра здесь его посмотрим вместе».

Слились той ночью юноша с подругой
В любви и сне — когда ж настало утро,
Она увидела: он мертв и хладен.
Не верьте, будто бог из милосердья
Нанес удар. Не умерла она,
Не обезумела, а год за годом
Жила — но, право, кротость, и терпенье,
И грустные улыбки, и уход

За престарелым, немощным отцом
Ей были разновидностью безумья,
Когда безумье — быть не тем, что все.
Ее увидеть значило прочесть
Рассказ, сплетенный хитроумным бардом,
Чтоб жесткие, застывшие сердца
Оттаяли в несущей мудрость скорби:
Потоком слез ресницы смыло ей,
Ее ланиты и уста белели,
Как мертвые, а руки в синих жилах,
Иссохшие, пронизывал легко
Свет алый дня. Сама себе могила,
Где обитает огорченный призрак —
Вот что осталось от тебя, дитя!

«Наследник большего, чем даст земля —
Безмолвья и бесстрастного покоя —
Ах, есть ли у могил не сон, хоть отдых,
И вправду ль мертвые не знают жалоб
Иль живы, погрузясь на дно Любви,
О, если б, как тебе, узнать мне — Мир!»
Таков был стон единственный ее.

1816

ГИМН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КРАСОТЕ

Незримого Начала тень, грозна,
Сквозь мир плывет, внушая трепет нам,
И нет препон изменчивым крылам —
Так ветра дрожь среди цветов видна;
Как свет, что льет на лес в отрогах гор луна,
Ее неверный взор проник
В любое сердце, в каждый лик,
Как сумрак и покой по вечерам,
Как тучки в звездной вышине,
Как память песни в тишине,
Как все, что в красоте своей
Таинственностью нам еще милей.

Куда ты скрылся, Гений Красоты,
Свой чистый свет способный принести
Телам и душам в их земном пути?
Зачем, исчезнув, оставляешь ты

Юдоль скорбей и слез добычей пустоты?
Зачем не может солнце век
Ткать радуги над гладью рек?
Зачем все сущее должно пройти,
А жизнь и смерть, мечта и страх
Мрак порождает в наших днях?
Зачем исполнен род людской
Любовью, гневом, грезами, тоской?

Вовек из горных сфер на то ответ
Провидец и поэт не получил,
Затем-то Демон, Дух и Хор Светил —
Слова, что обличают много лет
Бессилие умов, и чар всесильных нет,
Способных с глаз и духа снять
Сомненья вечную печать,
Твой свет лишь, как туман, что горы скрыл,
Иль звуки, что, звеня струной,
Рождает ветерок ночной,
Или ручей, луной зажжен,
Привносит правду в наш тяжелый сон.

Любви, Надежд, Величья ореол,
Подобно облаку, растает вмиг;
Да, человек бессмертья бы достиг
И высшее могущество обрел,
Когда б в его душе воздвигнул ты престол,
Предвестник чувств, что оживят
Изменчивый влюбленный взгляд,
О жизнетворный разума родник,
Меня целишь ты,— так в ночи
Виднее слабые лучи!
Останься, чтоб могильный прах
Не стал мне явью, словно жизнь и страх.

Блуждал я в детстве по ночным лесам,
В пещеры шел, среди руин бродил,
Мечтая вызвать мертвых из могил,
Вопрос о высшем обратить к теням.
Взывал я к пагубным для юных именам,
И все ж ответа не слыхал.
Но я однажды размышлял
О бытии, а ветер приносил

Предвестья радостные мне
О певчих птицах, о весне —
И мне предстала тень твоя,
И с воплем руки сжал в экстазе я!

Тебе я был пожертвовать готов
Все силы — и нарушен ли обет?
Дрожа, рыдая, через много лет
Зову я тени тысячи часов
Из сумрака могил,— любви и мысли кров
Их привечал, они со мной
Перемогали мрак ночной;
Чело мне озарял отрады свет
Лишь с думой, что от тяжких пут
Твои усилья мир спасут
И, грозный, то́ несешь ты нам,
Чего не выразить моим словам.

Свет пополудни безмятежно строг,
И осени гармония дана:
В те дни лучами твердь озарена,
Каких не знает летний солнцепек,
Каких представить он вовеки бы не мог!
О Дух, о юности оплот,
Да будет от твоих щедрот
Покоем жизнь моя теперь полна;
Внуши тому, кто чтит тебя
И все, вместившее тебя,
Дух светлый, чарою твоей
Себя бояться и любить людей.

1816

ЛОРДУ-КАНЦЛЕРУ

Ты проклят всей страной. Ты яд из жала
Гигантской многокольчатой змеи,
Которая из праха вновь восстала
И гложет все — от духа до семьи.

Ты проклят всеми. Воет правосудье,
Рыдает правда, стонет естество,
И золото — растления орудье, —
Изобличает злобы торжество.

Пока архангел в безразличье сонном
С судом верховным явно не спешит
И, безучастный к всенародным стонам,
Тебе в твоих злодействах ворожит,

Пусть вгонит в гроб тебя слеза отцова,
А стон дочерний в крышку гвоздь вобьет,
Пусть наше горе саваном свинцовым
Тебя к червям навеки упечет.

Кляну тебя родительской любовью,
Которую ты хочешь в прах втоптать,
Моей печалью, стойкою к злословью,
И нежностью, какой тебе не знать,

Приветливой улыбкою ребячьей,
Которая мой дом не будет греть,—
Потушен злобой жар ее горячий,
И стыть ему на пепелище впредь.—

Бессвязною младенческою речью,
В которую отец хотел вложить
Глубины знанья — тяжкое увечье
Грозит умам детей. Ну как мне жить? —

Биеньем жизни, резвостью и прытью,
С какой ребенок крепнет и растет
(Хотя сулят грядущие событья
Не только радость, но мильон забот),

Тенетами убийственной опеки,
Вогнавшей горечь в юные сердца —
Откуда столько злобы в человеке,
Чтоб в детском сердце умертвить отца? —

Двуличием, которое отравит
Само дыханье нежных детских губ
И, въевшись в разум, мозга не оставит,
Пока в могилу не опустят труп,

Твоею преисподней, где злодейства
Готовятся во тьме в урочный час
Под пеленою лжи и фарисейства,
В которых ты навек душой погряз,

Твоею злобой, похотью звериной,
Стяжательством и жаждой слез чужих,
Фальшивостью, пятнающей седины,—
Защитой верной грязных дел твоих,

Твоим глумленьем, мягкостью притворной,
И — так как ты слезлив, как крокодил,—
Твоей слезой — она тот самый жернов,
Который никого б не пощадил,—

Издевкой над моим отцовским чувством,
Мучительством злорадным и тупым —
С каким умением, с каким искусством
Ты мучаешь! — отчаяньем моим,

Отчаяньем! Оно мне скулы сводит:
«Я больше не отец моих детей.
Моя закваска в их сознанье бродит,
Но их растлит расчетливый злодей».

Кляну тебя, хоть силы нет для злобы.
Когда б ты стал честнее невзначай,
Благословением на крышку гроба
Легло б мое проклятие. Прощай.

1817

СМЕРТЬ

Навек ушли умершие, и Горе,
У гроба сидя, их зовет назад,—
Седой юнец с отчаяньем во взоре,—
Но не вернутся друг, невеста, брат
На еле слышный зов. Лишь именами
От нас ушедшие остались с нами,
Лишь мука для души больной —
Могилы предо мной.

О Горе, лучший друг, не плачь! Когда-то,
Я помню, вместе любовались вы
На этом месте заревом заката,
Все безмятежно было, но, увы,

Тому, что минуло, не возвратиться,
Ушли надежды, седина сребрится,
Лишь мука для души больной —
Могилы предо мной.

1817

ОЗИМАНДИЯ

Рассказывал мне странник, что в пустыне,
В песках, две каменных ноги стоят
Без туловища с давних пор поныне.
У ног — разбитый лик, чей властный взгляд
Исполнен столь насмешливой гордыни,
Что можно восхититься мастерством,
Которое в таки́х сердцах читало,
Запечатлев живое в неживом.
И письмена взывают с пьедестала:
«Я Озимандия. Я царь царей.
Моей державе в мире места мало.
Все рушится. Нет ничего быстрей
Песков, которым словно не пристало
Вокруг развалин медлить в беге дней».

1817

МИНУВШЕЕ

1

О тех мгновеньях позабудешь ты?
В тени Любви мы их похоронили,
Чтоб милых тел, не отданных могиле,
Касались только листья и цветы.
В цветах — отрада, что давно мертва,
В листве — надежда, что угаснет вскоре.

2

Забыть мгновенья, что погребены?
Но смутный ум раскаяньем томится,
Но память сердцу тягостней гробницы,
Но суд вершат непрошеные сны,
Шепча зловещие слова:
«Минувшая отрада — горе!»

1818

К МЭРИ

Зачем тебя со мною нет,
О, карих глаз приветный свет,
О, голос, нежный голос птицы,
Зовущей друга своего,
Что в одиночестве томится,—
Нежней не знаю ничего!
И лоб . . . . . .
Чем . . . . . .[1] сиянье
Над этой голубой Кампаньей.
Приди скорей, приди ко мне,
Мир без тебя мне стал немилым:
Как солнечный заход — луне,
Как сумрак — утренним светилам,
Любимая, ты мне нужна.
Приди, желанная моя!
И эхо отвечает: «Я!..»

1818

ГОРЕСТЬ

1

Слава богу! Прочь унынье!
В полуночной темной сини
Озаренная луной
Бесприютная княгиня
Горесть — снова ты со мной.

2

Слава богу! Прочь унынье!
Горесть, скорбная княгиня,—
Наши помыслы близки,
И печаль моя отныне —
Только тень твоей тоски.

Пропуск в авторский рукописи.

3

Горесть! Как сестру и брата
Нас ославили когда-то,
Бросили в пустынный дом.
Годы сгинут без возврата,
Мы останемся вдвоем.

4

Так на нас бросали жребий,
Так за нас решали в небе,
Но когда б Любовь взялась
Жить на Горя черством хлебе —
Так и звали б нашу связь!

5

Прочь унынье... Сядем рядом,
Обводя влюбленным взглядом
Речку, рощу, сонный луг.
Чу! кузнечик... птица...— Адом
Не зови земли, мой друг.

6

Как привольно-величавы
Эти рощи! Эти травы
Как раздольно зелены!
Только мы — о, боже правый —
Неизменно холодны.

7

Неизменно? — Нет, едва ли:
Наши взоры заблистали,
Шепчешь, вздрагиваешь, ждешь.
Горесть нежная! Печали
Нашей прежней — не вернешь.

8

Поцелуй...— О нет!— иного
Жду лобзанья! Снова! Снова!
Поцелуи мертвеца
Жарче этих. Сбрось оковы!
Стань живою до конца!

9

Горесть! Горесть! Друг мой милый!
На краю сырой могилы
Чувство нечего скрывать.
Спит уныло мир постылый...
Горесть, хватит горевать!

10

Пусть сердца — в одно срастутся,
Тени пусть — в одну сольются,
И, когда настанет миг,
Пусть над нами раздаются
Вешний шум и птичий крик!

11

И уснем... уснем, как будто
Мы не знали тайной смуты.
Мы уснем с тобой вдвоем.
Отряхнув земные путы,
Сном забвенья мы уснем.

12

Смейся ж, горести не зная!
Смейся, горесть неземная,
Над тенями, над людьми!
Тучей звезды застилая,
Крылья, горесть, распрями!

Люди, как марионетки,
Скачут в пошлой оперетке
Без надежды на успех.
Горесть! Бросим им объедки
Наших дум — пусть смолкнет смех!

1818

СТАНСЫ, НАПИСАННЫЕ В ЧАСЫ УНЫНИЯ БЛИЗ НЕАПОЛЯ

Теплы лучи, прозрачно небо,
Гарцует пена на волне,
И, будто зренью на потребу,
Укрыта даль в голубизне;
Растенья счастливы вдвойне:
Свежо дыханье почвы влажной;
Шумит Неаполь в стороне —
И гул стихий, и гомон бражный
Слились в единый звук, покойный и протяжный.

Сквозь толщу вод я различаю
Багрец и зелень донных трав;
Искрятся буруны, качая
Воды и света ясный сплав.
Приходит штиль. Его устав —
Повтор размеренных движений.
Душой к спокойствию припав,
Смотрю на вспышки отражений,
Но не с кем разделить мне этих ощущений.

Я слаб душевно и телесно,
С собой и с миром не в ладу,
Блаженство сердцу неизвестно —
У мудрецов оно в ходу —
И в будущем его не жду.
Пустое — власть, любовь и слава;
Иные их гребут как мзду
И в жизни видят лишь забаву,
А я все пью да пью отчаянья отраву.

Природы ласковой соседство
Меня покоем обдает —
Упасть бы навзничь, вспомнив детство,
И выплакать бы груз тягот,
Конец которым не придет,
Пока меня не тронет тленье —
Могильным холодом скует
Черты лица, и моря бденье
Напевом осенит последний всплеск мышленья.

Оплачет ли меня хоть кто-то,
Как я оплачу дня закат
Душой, которую заботы
До срока в гроб вогнать хотят?
Нет, надо мной не возопят,
Но разве только пожалеют.
А этот день, блажен стократ,
Хоть отгорит и оталеет,
Останется в душе и, как ничто, согреет.

Декабрь 1818

СОНЕТ

Узорный не откидывай покров,
Что жизнью мы зовем, пока живем,
Хотя, помимо призрачных даров,
Не обретаем ничего на нем;
Над бездною, где нет иных миров,
Лишь судьбы наши: страх с мечтой вдвоем.
Я знал того, кто превозмог запрет,
Любви взыскуя нежным сердцем так,
Что был он там, где никакой привет
Не обнадежит нас, где только мрак;
Неосторожный шел за шагом шаг,
Среди теней блуждающий просвет,
Дух в чаянье обетованных благ,
Взыскуя истины, которой нет.

1818

* * *

Молчанье! Вы со Сном и Смертью — братья,
Три мрачных темнокрылых стража бездны,
Где истина и жизнь погребены.
О, сжалься, Дух, молю, покуда звуки
Не обретут себя в моей душе,
Оставившей слабеющее тело,
Чтоб выплеснуть в надземное пространство
Мелодии чарующие звуки,
Уснувшие в заброшенных горах...

1819

МУЖАМ АНГЛИИ

Англичане, почему
Покорились вы ярму?
Отчего простой народ
Ткет и пашет на господ?

Для чего вам одевать
В шелк и бархат вашу знать,
Отдавать ей кровь и мозг,
Добывать ей мед и воск?

Пчелы Англии, зачем
Создавать оружье тем,
Кто оставил вам труды,
А себе берет плоды?

Где у вас покой, досуг,
Мир, любовь, семейный круг,
Хлеб насущный, теплый дом,
Заработанный трудом?

Кто не сеет — жатве рад,
Кто не ищет — делит клад,
И мечом грозит не тот,
Кто в огне его кует.

Жните хлеб себе на стол,
Тките ткань для тех, кто гол,
Куйте молотом металл,
Чтобы вас он защищал.

Вы, подвальные жильцы,
Лордам строите дворцы,
И ваши цепи сотней глаз
Глядят с насмешкою на вас.

Могилу роет землекоп,
Усердный плотник ладит гроб,
И белый саван шьет швея
Тебе, Британия моя!

1819

АНГЛИЯ В 1819 ГОДУ

Слепой старик и вечно в дураках —
Король. Ублюдки-принцы — даже этой
Семейки срам, чей Кембридж — в кабаках,—
Грязнее грязи, сволочь, сброд отпетый.
Пиявки щеголяют в париках,
Убийцы нацепляют эполеты,
Народ стращая — загнанный в правах,
Голодный, босоногий и раздетый.
Незыблемый Закон, нагнавший страх
На всех, кто не златит его кареты,
Продажная религия в церквах,
Продажных депутатов пируэты —
Вот Англия! Вот кладбище! — О, где ты,
Кровавый призрак с пламенем в очах?

1819

ОДА К ЗАЩИТНИКАМ СВОБОДЫ

Вперед, вперед, вперед!
Пусть каждый голодный, истерзанный сытым,
Из ран своих слезы прольет
По нашим убитым, убитым, убитым!
Кто скорбью ужаснее этой объят?
Здесь жены, и дети, и старцы лежат.
О, сколько безвинных! О, сколько утрат!

Проснитесь, проснитесь, проснитесь!
Хозяин и раб — два врага в кандалах,
Но рубит оковы отчаянный витязь,
Но витязь Восстанье швырнет их во прах!
К отмщенью взывают погибшие братья!
Над братской могилой витают проклятья!
Проснитесь и встаньте великою ратью!

Где знамя, где знамя, где знамя?
Пусть знамя Свободы на подвиг ведет!
Бесправные, станьте Свободы сынами!
Несчастные, горечь забудьте невзгод!
Вставайте на битву, пощады не зная,
Но пусть вами правит не ярость слепая,—
Вставайте, свободу свою защищая!

Ура! Ура! Ура!
Бессмертная слава отважным героям!
Минует кровавых сражений пора —
Мы песни вам сложим и храмы построим.
Вы славу стяжали с оружьем в руках,
И память о том не померкнет в веках,
Как вы победили свой собственный страх!

Венками, венками, венками,
Плющом и фиалкой украсьте чело!
Цветами врачуйте, живыми цветами,
Морщины и шрамы, пролегшие зло!
Будь в зелени — сила, бессмертие — в сини!
И лишь незабудки забудьте отныне!
Забудьте, забудьте о рабской судьбине!

Октябрь 1819

ОДА ЗАПАДНОМУ ВЕТРУ

О буйный ветер запада осенний!
Перед тобой толпой бегут листы,
Как перед чародеем привиденья,

То бурей желтизны и красноты,
То пестрым вихрем всех оттенков гнили;
Ты голых пашен черные пласты

Засыпал семенами в изобилье.
Весной трубы пронзительный раскат
Разбудит их, как мертвецов в могиле,

И теплый ветер, твой весенний брат,
Взовет их к жизни дудочкой пастушьей,
И новою листвой оденет сад.

О дух морей, носящийся над сушей!
Творец и разрушитель, слушай, слушай!

Ты гонишь тучи, как круговорот
Листвы, не тонущей на водной глади,
Которую ветвистый небосвод

С себя роняет, как при листопаде.
То духи молний, и дожди и гром.
Ты ставишь им, как пляшущей менаде,

Распущенные волосы торчком
И треплешь пряди бури. Непогода —
Как бы отходный гробовой псалом

Над прахом отбывающего года.
Ты высишь мрак, нависший невдали,
Как камень громоздящегося свода

Над черной усыпальницей земли.
Там дождь, и снег, и град. Внемли, внемли!

Ты в Средиземном море будишь хляби
Под Байями, где меж прибрежных скал
Спит глубина, укачанная рябью,

И отраженный остров задремал,
Топя столбы причалов, и ступени,
И темные сады на дне зеркал.

И, одуряя запахом цветений,
Пучина расступается до дна,
Когда ты в море входишь по колени.

Вся внутренность его тогда видна,
И водорослей и медуз тщедушье
От страха покрывает седина,

Когда над их сосудистою тушей
Твой голос раздается. Слушай, слушай!

Будь я листом, ты шелестел бы мной.
Будь тучей я, ты б нес меня с собою.
Будь я волной, я б рос пред крутизной

Стеною разъяренного прибоя.
О нет, когда б, по-прежнему дитя,
Я уносился в небо голубое

И с тучами гонялся не шутя,
Тогда б, участник твоего веселья,
Я сам, мольбой тебя не тяготя,

Отсюда улетел на самом деле.
Но я сражен. Как тучу и волну
Или листок, сними с песчаной мели

Того, кто тоже рвется в вышину
И горд, как ты, но пойман и в плену.

Дай стать мне лирой, как осенний лес,
И в честь твою ронять свой лист спросонья.
Устрой, чтоб постепенно я исчез

Обрывками разрозненных гармоний.
Суровый дух, позволь мне стать тобой!
Стань мною иль еще неугомонней!

Развей кругом притворный мой покой
И временную мыслей мертвечину.
Вздуй, как заклятьем, этою строкой

Золу из непогасшего камина.
Дай до людей мне слово донести,
Как ты заносишь семена в долину.

И сам раскатом трубным возвести:
Пришла Зима, зато Весна в пути!

1819

ИНДИЙСКАЯ СЕРЕНАДА

В сновиденьях о тебе
Прерываю сладость сна,
Мерно дышащая ночь
Звездами озарена.
В грезах о тебе встаю
И, всецело в их плену,
Как во сне, переношусь
Чудом к твоему окну.

Отзвук голосов плывет
По забывшейся реке.
Запах трав, как мысли вслух,
Носится невдалеке.
Безутешный соловей
Заливается в бреду.
Смертной мукою и я
Постепенно изойду.

Подыми меня с травы.
Я в огне, я тень, я труп.
К ледяным губам прижми
Животворный трепет губ.
Я, как труп, похолодел.
Телом всем прижмись ко мне,
Положи скорей предел
Сердца частой стукотне.

1819

МЕДУЗА ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ ВО ФЛОРЕНТИЙСКОЙ ГАЛЕРЕЕ

В зенит полночный взоры погружая,
На крутизне покоится она,
Благоговенье местности внушая,
Как божество, прекрасна и страшна;
Грозою огнедышащей сражая,
Таит очей бездонных глубина
Трагическую тайну мироздапья
В агонии предсмертного страданья.

Не страхом — красотой непреходящей
Пытливый разум в камень обращен;
Тогда чертам недвижимо лежащей
Ее характер будет возвращен,
Но мысли не вернуться уходящей;
Певучей красоты прольется звон
Сквозь тьму и вспышки боли, чья извечность
В мелодию вдохнула человечность.

Из головы ее, от стройной шеи,
Как водоросли средь морских камней,
Не волосы растут — живые змеи
Клубятся и сплетаются над ней,
Как в бесконечном вихре суховеи.
В мельканье беспорядочных теней
Насмешливое к гибели презренье
И духа неземное воспаренье.
Из-за скалы тритон ленивым взглядом
Сверлит ее недвижные зрачки,
Нетопыри порхают с нею рядом,
Бессмысленные делая скачки.
Встревоженные огненным разрядом,
Из тьмы они летят, как мотыльки,
На пламя, ослепляющее очи
Безжалостнее мрака бурной ночи.

Ужасного хмельное наслажденье!
В змеящейся поверхности резной
Горит греха слепое наваждение,
Окутанное дымкою сквозной,
Где, появляясь, тает отраженье
Всей прелести и мерзости земной.
Змееволосой улетают взоры
От влажных скал в небесные просторы.

1819

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Ручьи вливаются в реки,
Реки бегут к низовью.
Ветры сплелись навеки
В ласках, полных любовью.

Все замкнуто тесным кругом.
Волею неземною
Сливаются все друг с другом.—
Почему же не ты со мною?

Небо целуют горы.
Волн распахнулись объятья.
Отвергнутые — шлют укоры
Розам кичливым их братья.
Потоки лунного света
Ластятся к синей глади.
Но на что мне, скажите, все это,
Если ты со мною в разладе?

1819

НАСЛАЖДЕНИЕ

В день земного нарожденья
Родилося Наслажденье;
Из небесной легкой плоти,
Нежной музыкой в полете,
В кольцах белого тумана,
Из певучего дурмана,
Среди сосен, что шумели
У озерной колыбели,
Невесомо воспарило
Животворное ветрило.
Гармонической, сквозной,
Невесомой пеленой,
Лучезарна и чиста,
Обвилась вокруг мечта.

1819

РОДСТВО ДУШ

Мне был открыт души его тайник.
Бесплотный гость, я в суть его проник.
Я чувствовал и мыслил, как и он,
И был мой слух к его речам склонен.
Не голосом со мной он говорил —
Беззвучным клокотанием всех жил.
Не так ли, тайной дрожью обуян,
Колышется порою океан?

К заветнейшим его напевам ключ
Я подбирал, и — дерзостней орла —
Я реял в темном небе, среди туч,
И молнии мне были — как крыла!

1819

* * *

Не буди змею, позволь
Ей забыть свою дорогу,
В луговой траве ползти,
Как во сне, к лесному логу,
Не тревожа по пути
Мотыльков, спокойно спящих
В колокольчиках дрожащих;
И звезду не задевая,
Что в траве лежит живая...

1819

ВИНО ФЕЙ

Опился я влаги медвяно-хмельной
Роз, распустившихся под луной.
С чашами, полными дивным нектаром,
Феи летают над замком старым.
В глубоких щелях, в бойницах, под крышей
Прячутся сони, летучие мыши,
Кроты затаились в своем подземелье.
Едва над землей расплеснется вино,—
Их смутные сны наполняет веселье.
Феи так редко нисходят. Давно
Сердце томилось по ним не одно.

1819

РОСТОК МИМОЗЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Росток Мимозы в саду возрастал,
Ветер юный росою его питал,
Листьев раскидистых веера
Он складывал ночью, раскрыв их с утра.

И в сад прекрасный пришла Весна,
Как дух Любви, что всем дана,
И, с темного лона земного встав,
Сны зимы забыл рой цветов и трав.

Но никто от блаженства не млел сильней
В чаще, в саду, в просторе полей,
Оленем, что в жажде любви изнемог,
Как одинокий Мимозы Росток.

Подснежник сначала, фиалка потом
С земли поднялись под теплым дождем,
С их дыханьем слился запах земной,
Как голоса звук со звонкой струной;

Возносился тюльпан, пестрел анемон,
Рос нарцисс, красотою своей опьянен:
Собой он любуется в зеркале вод,
Пока, истомленный вконец, не умрет;

Цвел там ландыш, подобный наяде лесной,—
Страсть его одарила такой белизной,
Что сиянье его серебристой главы
Проникало сквозь нежную зелень листвы;

Гиацинты, лиловы, лазурны, белы,
Что взошли средь зеленой густой полумглы,
Издавали чуть слышный сладостный звон —
Как неясный намек, ощущался он;

Роза тайну, сокрытую в лоне своем,
Открывала, как нимфа, глядясь в водоем,
Воздух, нежен и тих, вкруг нее изпывал
И ее красоту и любовь узнавал;

И лилия там, стройна и бела,
Как менада, лунный фиал вознесла,
И ока ее огневая звезда
Сквозь росу в небеса взирала, горда;

И хрупкий жасмин там застенчиво рос,
И тончайший парил аромат — тубероз...
Цветы со всех концов земли
В том саду роскошно цвели.

Резво струился журчащий ручей,
Лоно зыбкое скрыв меж цветущих ветвей,—
Слит с мерцаньем зеленым был свет золотой,
И смыкались они в пестрый свод сплошной;

Трепетала, из влаги прозрачной восстав,
Белизна лилей, желтизна купав,
И струи вкруг них заводили пляс,
Переливно плеща, переливно искрясь.

Аллеи, обсажены дерном и мхом,
Вились повсюду в саду густом,
Лучам и ветрам открыты одни,
Другие же крылись в древесной сени,

И везде расстилался цветочный ковер,
Как в Элизии, ярок его узор,
И любой из росших в саду цветов —
Поникал на закате, вплетаясь в покров,
Что от рос ночных спасал светлячков.

Улыбались цветы в том безгрешном раю
(Так дитя, просыпаясь, улыбку свою
Шлет в ответ на песню, которою мать
Баюкать способна и пробуждать),

И, словно алмаз, в подземной сени
Рудокопом открытый, сверкали они,
Небеса восхваляя, сияли ясней,
Восторгались потоком небесных лучей;

И каждый из них овеян был
Ароматом, что брат его рядом струил,—
Так влюбленные в пору своей весны
Дыханьем друг друга упоены.

Но любовь, что ведал Мимозы Росток,
Лишь в ничтожной мере он выразить мог:
Копил он любовь, богатство свое,
Но не был способен излить ее.

Ибо скромен Мимозы Росток: не душист,
Не красив его цвет, не свеж его лист,
Но жажда того, чего нет у него —
Прекрасного,— полнит его существо!

Ветерок, что с легкими взмахами крыл
Переливчатой музыкой землю кропил,
Лучи, что цветка любая звезда
Посылает, свой цвет им даря всегда,

Насекомые, что пролетают, вольны,
Как на солнечном море златые челны,
И сеют ликующий отблеск живой
Над волнистой, полной сиянья травой,

Как огонь потаенный, в ночные часы
Лепестками сокрытые тучи росы,
Что под солнцем, как духи, в небо летят,
И дурманит их собственный аромат,

Марево полдня, чей трепетный дым
Над землей расстилался разливом морским,
Каждый луч, каждый блик, каждый запах, сквозь тишь
Проходивший, дрожа, как на влаге камыш,—

Словно ангел-хранитель, из них любой
Ростку Мимозы был дан судьбой,
Когда часы замедляла лень,
Как легкие тучки в безветренный день.

А когда опускался вечер немой
И любовью был воздух, земля — тишиной,
И восторг не ярче, но глубже пленял,
И мир лишался дневных покрывал,

Заливало зверей, насекомых и птиц
Море тихое сна — без брегов, без границ;
Бесплотна волна его, хоть глубоки
Следы, что метят сознанья пески;

(Только пел соловей нежней и нежней
С угасаньем поспешным дневных огней;
Были райские песни его вплетены
В виденья Ростка, в его сладкие сны.)

И первым в саду Мимозы Росток
На лоне покоя забыться мог —
Младенец, сморен восторгом немым,
Слабейший, но более всех любим,
Надежно укрыт объятьем ночным.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

А в этом Эдеме Ева жила,
Некая Сила, властна и мила,—
Цветам ее облик чудесный был,
Что бог для семейства небесных светил,—

Дева, всем девам иным не чета;
Постепенно души ее красота
Нежный облик ее создавала и стать —
Так в море кораллу дано вырастать,

От утренней до вечерней зари
Сад она берегла; как в ночи фонари,
Улыбались цветы, метеоры земли,
Куда бы Деву шаги ни вели.

Из смертных никто не сопутствовал ей,
Но ее дыханье и взор очей
Рекли, чуть светлел небосвода край,
Что грезы ее — не дрема, но Рай.

Казалось, некий сияющий Дух
К ней спустился, пока свет звезд не потух,
И плавно ее овевал, храня,
Хоть был сокрыт покрывалом дня.

Было жаль ей, бродя, и травинку пригнуть;
По тому, как вздымалась прекрасная грудь,
Было ясно: дыханье для лучшей из дев
Несло отраду, страсти презрев.

И там, где стопы ее легкие шли,
Кудри ее, опустясь до земли,
Следы заметали — так ветер благой
Тучи уносит над бездной морской.

Конечно, для всех садовых цветов
Отраден был шелест ее шагов,
Конечно, перстов ее тонких тепло
Каждый листок насквозь прошло.

Давал ей прозрачную влагу ручей
Для цветов, утомленных от знойных лучей,
Чаши тех, что клонились долу главой,
Избавляла она от воды дождевой,

Цветок, что под собственной тяжестью сник,
Укрепить умела в единый миг —
Заботой она окружала их,
Как нежная мать — детей родных.

Злых насекомых и жадных червей,
Пагубных для стеблей и ветвей,
В корзину индийскую клала она,
Даже к ним состраданья полна,

И в корзине, полной цветов и трав,
Их несла на опушки дальних дубрав,
К тем изгнанникам доброй она была,
Что вред приносили в неведенье зла.

Жребий лучше у пчел, у эфемерид,
Мотыльков, чье лобзанье цветы не язвит:
Как служители-ангелы, в летние дни
Были приняты в свиту Девы они.

И много предродовых могил,
Где мотылек, жизнь предчувствуя, стыл,
Она оставляла висеть до поры
Меж трещин душистой кедровой коры.

На сад были ласково устремлены
Заботы прекрасной с начала весны,
Она все лето его блюла
И до первых желтых листов... умерла!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Три дня цветы были неги полны,
Как звезды в час пробужденья луны
Или волны Байи, когда средь вод
Она сквозь Везувия дым плывет.

На четвертый — Мимозы Росток, обомлев,
Почуял глухой похоронный напев,
И звуки шагов тех, кто гроб понес,
И вопли скорбящих, полные слез,

И унылый звук, и тяжелый вздох,
И смерть, колыхавшую травы и мох,
И запах, что, мерзок, знобящ, уныл,
Доски гроба насквозь проходил.

Сверкали в слезах цветы и трава
От горя по той, что навек мертва,
И ветер, горем их заражен,
Отвечал им в соснах стоном на стон.

Как труп, стал ужасен тот сад большой —
Труп той, что саду была душой:
Сначала мила, как будто спала,
А после вздулась и прогнила,
Так, что самых стойких в дрожь вогнала.

Стать Осенью быстрое Лето спешит,
И мороз в предутренней дымке сокрыт,
Хоть в полдень сияют солнца лучи,
Скрывая разор, что таится в ночи.

Багровый буран всю землю занес —
То лепестки опавшие роз,
И лилии каждый цветок поник,
Бел, как пред смертью страдальца лик.

Цветы с Востока, чей запах и цвет
Таков, что равных им в мире нет,
День за днем и лист за листом
Мешались с глиной, с грязью, с гнильем.

Желтела, бурела, алела листва,
Белела, седела, гнила и мертва,
Гонимая ветром, как призраков рать,
Свистела и птиц не могла не пугать.

И ветер понес мириады семян
Оттуда, где рос безобразный бурьян;
Осели они на цветочных стеблях
И гнули, тянули их в землю, в прах.

А цветы водяных лилей и купав
Ручей усыпáли, в воду упав,
И струи, вращаясь, их понесли,
Как ветер — цветы, что на суше росли.

Тут ливень хлынул и в землю аллей
Ударами вбил обломки стеблей,
И цветы с паразитами массой сплошной
Смешались тогда и пошли в перегной.

Меж порой ветров и порой снегов
Начала подниматься орда сорняков;
На их листьях шершавых — пятно на пятне,
Как на брюхе змеином, на жабьей спине.

Чертополох, белена, чистотел,
Щавель, крапива с тысячью стрел
Повсюду тянулись, их строй густел,
И мертвый ветер мерзко смердел.

И растенья, что гадко в стихах назвать,
Поднимались густо опять и опять,
Ноздреваты, колючи, все в язвах гнилых,
И кропила роса ядовитая их.

И гнилые грибы в изобилье взошли,
Как туман, вставая с влажной земли,—
Плоть их мясиста, бледна, тяжела,
Как будто падаль вдруг ожила!

Сорняки, что покрыли грязь и парша,
Ручей заболотили, гнусно шурша,
И его поток сплетенья корней
Заградили, свиваясь клубками змей.

А в часы безветренной, мертвой поры
Ядовитые расстилались пары,
Утром видны, в полдень душны,
По ночам непрозрачны для звезд и луны.

И ползла, все растенья сада скверня,
Зараза, незрима средь бела дня,
И каждый сучок, где ей сесть удалось,
Был проеден отравленной язвой насквозь.

Всеми покинут, Мимозы Росток
Плакал, и слез его горький ток
Лился, густея, все тяжелей
И листья слеплял, как застывший клей.

Листья опали, и ветра топор
Стебли срубил, беспощаден и скор,
И в корни стек, леденея, сок,
Как в мертвое сердце — крови поток.

Был путь Зиме биченосной отверст,
Прижимавшей к губам заскорузлый перст,
И каждый поток, что мороз оковал,
Стан обвивал ей с лязгом кандал.

А дыханье Зимы — беззвучная цепь,
Для земли, для воды и для воздуха крепь;
Как царица была в колеснице она
Вихрем арктическим вознесена.

И плевелы, образы смерти живой,
Скрылись от заморозков под землей —
Едва наступили холодные дни,
Растаяли, как привиденья, они!

У Мимозы под корнем, среди темноты,
Отощав, умирали сурки и кроты:
Птицы падали с неба, где холод злей,
Застревая меж голых, промерзлых ветвей.

Недолгую оттепель дождь принес,
Но снова капли сковал мороз,
И роса выпадала, знобя и дымясь,
И крупными каплями разлилась.

Как волк, что умершее чует дитя,
Северный ветер зарыскал, свистя,
Закоченелые ветви тряс,
С треском ломал их по сотне враз.

Когда ж возвратилась Весна в свой срок,
Был сломан, безлиствен Мимозы Росток,
А крапива, щавель, мухоморы, волчцы
Поднялись, как из темных могил мертвецы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вправду ль Росток Мимозы иль то,
Что было в его существе разлито,
Ощутили конец своего бытия,
Поведать вам не в силах я.

И вправду ль, только, не дыша,
Простерлась Дева, то душа,
Что всем любовь, как свет, лила,
Вслед радостям печаль нашла,—

Гадать не смею; но когда
Кругом незнанье, мрак, вражда,
Когда все суще лишь извне
И мы — лишь тени в зыбком сне,

Вот мысль моя; хотя скромна,
По размышлении она
Приятна будет для ума:
Что кажимость — и смерть сама.

И Дева, и цветущий сад
С цветами, что его живят,
Свои не завершили дни:
Мы изменились, не они.

Прекрасному не страшен тлен,
Любовь не знает перемен,
Но нам вовек незрим их свет:
Ведь силы в ощущеньях нет.

Март 1820

О Б Л А К О

Я влагой свежей морских прибрежий
Кроплю цветы весной,
Даю прохладу полям и стаду
В полдневный зной.
Крыла раскрою, прольюсь росою,
И вот ростки взошли,
Поникшие сонно на влажное лоно
Кружащейся в пляске Земли.

Я градом хлестну, как цепом по гумну,
И лист побелеет и колос.
Я теплым дождем рассыплюсь кругом,
И смех мой — грома голос.
Одену в снега на горах луга,
Застонут кедры во мгле,
И в объятьях метели, как на белой постели,
Я сплю на дикой скале.
А на башнях моих, на зубцах крепостных
Мой кормчий, молния ждет.
В подвале сыром воет скованный гром
И рвется в синий свод.
Над сушей, над морем по звездам и зорям
Мой кормчий правит наш бег,
Внемля в высях бездонных зовам дивов влюбленных,
Насельников моря и рек.
Под водой, в небесах, на полях, в лесах
Ночью звездной и солнечным днем,
В недрах гор, в глуби вод, мой видя полет,
Дух, любимый им, грезит о нем
И следит, как бегу я, грозя и ликуя,
Расточаясь шумным дождем.

Из-за дальних гор, кинув огненный взор,
В красных перьях кровавый восход
Прыгнул, вытеснив тьму, на мою корму,
Солнце поднял из дальних вод.
Так могучий орел кинет хмурый дол
И взлетит, золотясь, как в огне,
На утес белоглавый, сотрясаемый лавой,
Кипящей в земной глубине.
Если ж воды спят, если тихий закат
Льет на мир любовь и покой,
Если, рдян и блестящ, алый вечера плащ
Упал на берег морской,
Я в воздушном гнезде дремлю в высоте,
Как голубь, укрытый листвой.

Дева с огненным ликом, в молчанье великом
Надо мной восходит луна,
Льет лучей волшебство на шелк моего
Разметенного ветром руна.
Пусть незрим ее шаг, синий гонит он мрак,
Разрывает мой тонкий шатер,

И тотчас же в разрыв звезды, дух затаив,
Любопытный кидают взор.
И гляжу я, смеясь, как теснятся, роясь,
Миллионы огненных пчелок,
Раздвигаю мой кров, что сплетен из паров,
Мой ветрами развеянный полог,
И тогда мне видна рек, озер глубина,
Вся в звездах, как неба осколок.
Лик луны я фатой обовью золотой,
Алой ризой — солнечный трон.
Звезды меркнут, отпрянув, гаснут жерла вулканов,
Если бурей стяг мой взметен.
Солнце скрою, над бездной морскою
Перекину гигантский пролет
И концами на горы, не ища в них опоры,
Лягу, чудом воздвигнутый свод.
Под сияюще-яркой триумфальною аркой
Пролечу, словно шквал грозовой,
Приковав неземные силы зыбкой стихии
К колеснице своей боевой.
Арка блещет, горит и трепещет,
И ликует мир подо мной.

Я вздымаюсь из пор океана и гор,
Жизнь дают мне земля и вода.
Постоянства не знаю, вечно облик меняю,
Зато не умру никогда.
Ибо в час после бури, если солнце — в лазури,
Если чист ее синий простор,
Если в небе согретом, создан ветром и светом,
Возникает воздушный собор,
Я смеюсь, уходя из царства дождя,
Я, как тень из могилы, встаю,
Как младенец из чрева, в мир являюсь без гнева
И сметаю гробницу мою.

ЖАВОРОНОК

Здравствуй, дух веселый!
Взвившись в высоту,
На поля, на долы,
Где земля в цвету,
Изливай бездумно сердца полноту!

К солнцу с трелью звучной,
Искрой огневой!
С небом неразлучный,
Пьяный синевой,
С песней устремляйся и в полете пой!

Золотятся нивы,
В пламени восток.
Ты взлетел, счастливый,
От забот далек,
Радости надмирной маленький пророк.

Сквозь туман пурпурный
К небесам родным!
В вышине лазурной,
Как звезда, незрим,
Ты поешь, восторгом полный неземным.

Ты не луч ли диска,
Что для смертных глаз
Ал, когда он низко,
Бел в полдневный час,
Еле видим в блеске и лишь греет нас.

Звон твой полнит воздух,
Высь и глубь до дна
И в ночи при звездах,
В час, когда, ясна,
Мир потопом света залила луна.

Кто ты? С кем в природе
Родственен твой род?
Дождь твоих мелодий
Посрамил бы счет
Струй дождя, бегущих с облачных высот.

Ты как бард, который,
Светом мысли скрыт,
Гимны шлет в просторы,
Будит тех, кто спит,
Ждет ли их надежда, страх ли им грозит;

Как в высокой башне
Юная княжна,
Что леса и чащи
Видит из окна
И поет, любовью и тоской полна;

Как светляк зеленый,
Вспыхнувший в тени
Рощи полусонной,
Там, где мох да пни,
Разбросавший в травах бледные огни;

Как цветы, в которых
Любит ветр играть,—
Роз охватит ворох,
Станет обрывать,
Пьяный их дурманом легкокрылый тать.

Шорох трав и лепет
Светлого ручья,
Все, в чем свет и трепет,
Радость бытия,
Все вместить сумела песенка твоя.

Дух ты или птица?
Чей восторг людской
Может так излиться,
С нежностью такой
Славить хмель иль гимны петь любви самой?

Свадебное пенье
Иль победный хор —
Всё с тобой в сравненье
Неумелый вздор. .
Твой соперник выйдет только на позор.

В чем исток счастливый
Песенки твоей?
В том, что видишь нивы,
Ширь долин, морей?
Что без боли любишь, без людских страстей?

Словно утро, ясный,
Светлый, как рассвет,
Скуке непричастный
Радости поэт,
Чуждый пресыщенья, чуждый бурь и бед,

В вечной круговерти
Даже в смертный час
Думаешь о смерти
Ты мудрее нас,
Оттого так светел твой призывный глас.

Будет или было —
Ни о чем наш стон!
Смех звучит уныло,
Болью отягчен.
Вестник мрачных мыслей наш сладчайший сон.

Гордостью томимы,
Смутным страхом гроз,
Если рождены мы
Не для войн и слез,
Как познать нам радость,— ту, что ты принес?
Больше книг, цветущих
Мудростью сердец,
Больше строф поющих
Дар твой чтит певец,
Ты, презревший землю, бардов образец.

Дай мне эту радость
Хоть на малый срок,
Дай мне блеск и сладость
Сумасшедших строк,
Чтоб, как ты поэта, мир пленить я мог.

1820

АРЕТУЗА

Аретуза, вольна,
Восстала от сна
Средь акрокеравнских круч —
От гор и снегов,
Чей тяжек покров,
Помчался искристый ключ.

По скалам вниз
Ее кудри вились
Пестрой радугой в струях воды,
Аретуза летела,
И Земля зеленела,
Где она оставляла следы.
Молодая, живая,
Текла, напевая
Нежней, чем услышишь во сне,—
Ее Небо любило,
Земля хранила,
И стремилась она к глубине.

И Алфей лихой
С высоты ледяной
Трезубец в горы вонзил;
Разверзся провал,
Эвриманф задрожал,
Трепеща от избытка сил,
И черный Нот
Замедлил ход,
Где снегов саркофаги спят,
И дрожала земля,
И вода, бурля,
Мстнулась, не зная преград.
Заспешил тогда
Бог речной — борода
Видна сквозь потока бег;
Он за нимфой вослед,
Где горит ее свет,
На дорийский врывается брег.

«О, спаси! Уведи!
Укрой на груди —
Он за кудри меня ухватил!»
Океан громогласный
От погони опасной
Тогда Аретузу укрыл,
Чтобы ей, молодой,
Скользнуть под водой,
Словно ясный солнечный луч;
Чи́сты, воды текли —
С нежной дщерью Земли
Не сливался дорийский ключ;

Но снова за ней
Спешил Алфей
На сапфирной глади пятном —
Так, жаден и зол,
За голубкой орел
Несется, вихрем влеком.

В сени зыбей,
Где Морских Царей
Жемчужные троны стоят,
Коралловой чащей,
Под волною кипящей,
Над хаосом каменных гряд,
Там, где света рука,
Тускла, неярка,
Разноцветную сеть сплела,
Там, где волна,
Как листва, зелена,
Там, где нет пещерам числа,—
Акул проворней,
Где рифов корни
Окутал покров водяной,
В пенной сени
Промчались они
В дом дорийский родной.

Поток их пенный,
Уйдя от Энны,
В долине обрел водоем;
Как друзья, что в разлуке
Изведали муки,
Теперь они вечно вдвоем.
Пробудясь на рассвете,
Как в зыбке дети,
Под горою в пещерной тени,
В полуденный зной —
В прохладе лесной
И в лугах асфоделей они.
Ночью кончится бег:
Ортигийский брег
Им дремоту навеет вновь —
У четы этой жребий,
Как у духов на небе,
Что вкушают не жизнь, а любовь.

1820

ПЕСНЬ ПРОЗЕРПИНЫ

Ты, Земля, Богиня-мать,
Ты, родящая во мраке,
Чтоб могли существовать
Боги, люди, звери, злаки,
Сил целебных не жалей
Ты для дочери своей!

Ты, вскормившая росой
Всех детей земного года,
Чтобы вешнею красой
Расцвела в цветах природа,
Сил целебных не жалей
Ты для дочери своей!

1820

ГИМН АПОЛЛОНА

Пока я, звездным пологом сокрыт,
Простерся спящий, сонм бессонных Ор
За мною с неба лунного следит,
Но ото сна освободит мой взор,
Чуть повелит Заря, седая мать,
Что время и Луне и снам бежать.

Взбираюсь я на купол голубой;
Я шествую по волнам и горам,
Отбросив плащ на пенистый прибой;
Я тучи зажигаю; даже там,
Где тьма пещер, зрим свет моих лучей,
И снова Гея ласки ждет моей.

Я стрелами-лучами поражу
Обман, что, Ночь любя, страшится Дня;
Я злым делам и помыслам грожу;
В сиянье, исходящем от меня,
Любовь и честь по-новому жива,
Пока не вступит Ночь в свои права.

Несу для туч, для радуг, для цветов
Я краски нежные; мой ярый жар,
Как ризой, мощью облачить готов
И звезды чистые, и лунный шар;
И все лампады Неба и Земли,
Подвластны мне, огни свои зажгли.

В полдневный час достигну я высот,
И к горизонту нехотя сойду,
И, покидая темный небосвод,
Повергну в плач вечерних туч гряду —
Но что со взором ласковым моим
Сравнится, если улыбаюсь им?

Я — Мирозданья око; им оно
Узрит свою бессмертную красу;
Искусство с жизнью мною рождено,
Целенье и прозренье я несу;
Вам песнь моя гармонию лила,
За это ей — победа и хвала.

1820

ГИМН ПАНА

1

С холмов, из темных лесов
За мной, за мной!
С перевитых потоками островов,
Где смолкает шумящий прибой,
Внимая пенью моей свирели.
Умолкли птицы в листве,
И ветер притих в тростниках,
И ящерицы в траве,
И пчелы на тминных лугах,
И смолк веселых кузнечиков голос,
И все безмолвно, как древний Тмолос,
При сладостном пенье моей свирели.

2

Струится Пеней полусонно,
На дол Темпейский ложится тень
От темного Пелиона,
Спеша прогнать слабеющий день,
Чтоб слушать пенье моей свирели.
И нимфы ручьев и лесов,
Силен и фавны, сильваны
Выходят на берег, услышав мой зов,
На влажные от росы поляны.
И все умолкает, как ты, Аполлон,
Когда ты внемлешь, заворожен
Напевом сладостным нежной свирели.

3

О пляшущих звездах пою,
Пою столетья, землю и твердь,
Титанов, свой род истребивших в бою,
Любовь, Рожденье и Смерть —
И вдруг меняю напев свирели.
Пою, как догнал я в долине Менала
Сирингу, что стала простым тростником,
Но так и с людьми и с богами бывало:
Полюбит сердце — и плачет потом.
И если не властвует ревность над вами
Иль пламень в крови не потушен годами,
Рыдайте над скорбью моей свирели.
1820

ВОПРОС

Мне снился снег, засыпавший округу,
Кружащийся; как мысли, надо мной —
Кружащим в мыслях тягостных. Но, вьюгу
Развеяв, с юга брызнуло весной,
Луга и лес взглянули друг на друга,
Омытые недавней белизной
Снегов, и ветвь склонилась над рекою,
Как я, не разбудив, над спящею тобою.

Мгновенно всю природу охватив,
Щедр на узоры, краски, ароматы,
Неистовствовал свежести порыв.

Весенний запах вереска и мяты
Был горьковат, и ландыша — игрив,
Ковер травы пушился непримятый,
И тысячью бездонно-синих глаз
Фиалка феерически зажглась.
От вишен исходил такой дурман,
Как будто — выжимай вино в бутыли
Хоть нынче же — и сразу будешь пьян;
Волнующе прекрасны розы были,
Приветлив плющ, не пасмурен бурьян,
Мох мягок; ветки влажные скользили
Мне по лицу — и прелесть этой влаги
Перу не поддается и бумаге.

По дивно изменившейся тропинке
Спустясь к ручью, я астры увидал
На берегу, вдоль берега — кувшинки
(Их цвет был бело-розов, желт и ал),
На листьях плыли лилий сердцевинки,
И, утомленный блеском, отдыхал
Подолгу взгляд мой в камышах прибрежных —
Неярких, и доверчивых, и нежных.

И вот я опустился на колени
Над россыпью таинственных цветов
И начал рвать их — в буйности весенней,
В хаосе жизни, в прелести лугов
Под солнцем сна расцветшие растенья —
Пусть на мгновенья... Вот букет готов,
Но весь трепещет, рвется прочь из рук:
Он другу собран в дар.— А кто мне друг?

1820

ДВА ДУХА

Аллегория

Первый дух

О ты, желанием томим
Взмыть над землею, берегись!
Нависла Тень над путем твоим —
Ночь идет!
Ясна безоблачная высь...

О, как же радостно блуждать,
Где вихри и лучи сплелись,—
Ночь идет!

Второй дух

Горит бессмертный рой светил;
Да, ночь решил я перейти
И в сердце лампаду любви засветил —
И это день!
Луна, излей мне в моем пути
Улыбку сиянья на золото крыл,
Метеоров трепетный свет, преврати
Тьму ночи в день!

Первый дух

Но если будет мглой пробужден
Град, и ливень, и грома раскат?
Смотри, как воздух сострясен,—
Ночь идет!
К тучам, что красит багровый закат,
Заходящее солнце попало в полон,
И хлещет, гремя, по равнине град —
Ночь идет!

Второй дух

Мне виден свет и внятен звук.
Меня умчит грозовой поток,
Мир души и лучи сотворят вокруг
Из ночи день;
Ты, сын земли, где мрак жесток,
Следя за мной, избегнешь мук,
Лишь в бескрайность луной озаренных дорог
Очи воздень.

*

Идет молва: на высях глухих
Сосновый ствол оледенен
Средь Альп, в заносах снеговых
Суровых гор;
За сникшей бурей устремлен,
Летает дух вкруг ветвей седых,
И вечно оживляет он
Ее напор.

И есть молва: коль ночь ясна,
То странник, путь продлить стремясь,
Услышит песнь: творит она
Из ночи день,
И виденье предстанет пред ним, серебрясь:
То любовь его ранняя воплощена!
И узрит он, в душистой траве пробудясь,
Не ночь, а день.

1820

ОСЕНЬ

Погребальная песнь

I

Солнце ленивей, ветер бранчливей,
Рощи тоскливей, птицы пугливей,
Год,
В саван желто-зеленый облачась, обреченно
Ползет.
Ах, сгиньте, осенние
Месяцы тления!
Без промедления
Сгиньте в дороге,
Стылые дроги
Го́да, который бесследно пройдет!

II

Листья пожухли, черви распухли,
Реки разбухли, зори потухли,
Год,
На холодной постели шевелясь, еле-еле
Ползет.
Ах, это осеннее
Скорбное пение!
Месяцы бдения
В долгой дороге!
Стылые дроги...
Плачьте над годом, кончается год!

1820

СВОБОДА

Громами в горах отвечают обвалы
Вулканам, швыряющим пламя в зенит,
В морях откликаются лютые шквалы,
Вкруг трона Зимы сотрясаются скалы,
Лишь только Тифон затрубит.

Блеснула зарница мгновенным виденьем,
Но цепь островов озарилась кругом.
Разрушен лишь город землетрясеньем,
Но дальние страны наполнил смятеньем
В глубинах промчавшийся гром.

Твой взор ослепительней молнии рдяной,
И гнев твой землетрясенья страшней.
Смиряются пред тобой океаны
И солнце меркнет и светят вулканы
Не ярче болотных огней.

Но горы, и море, и сушу, и воду
Согреет солнце, и в тучах горя.
Из края в край, от народа к народу,
К сердцам от сердец разольется заря.
И в блеске лазурном, как ночь, как туман,
Исчезнут и раб и тиран.

1820

ЛЕТО И ЗИМА

I

Был ослепительный июньский день.
Тревожить воду ветру было лень.
На горизонте громоздились кучи
Плавучих гор — серебряные тучи.
И небосклон сиял над головой
Бездонною, как вечность, синевой.

Все радовалось: лес, река и нивы.
Поблескивали в роще листья ивы.
И шелестела в тишине едва
Дубов столетних плотная листва...

II

Была зима — такая, что с ветвей
Комочком белым падал воробей.
Закованные в ледяные глыбы,
В речных глубинах задыхались рыбы.
И до сих пор не замерзавший ил
В озерах теплых, сморщившись, застыл.

В такую ночь в печах пылало пламя,
Хозяин с домочадцами, с друзьями
Сидел и слушал, как трещит мороз...
Но горе было тем, кто гол и бос!

1820

БАШНЯ ГОЛОДА

Среди развалин крепости старинной,
Где жил — теперь исчезнувший — народ,
Где Жалостью оплаканы руины,—

Обломком, уцелевшим в бездне вод,
Взметнулась Башня Голода, темница;
Всех узников здесь ждал один исход:

Им рок судил отчаяньем томиться,
Пока фитиль не выгорит дотла
И масла весь запас не истощится.

Кругом вздымались гордо купола,
Соперничая блеском с медью вратной;
Поодаль сила денег возвела

Тенистые, с прохладой благодатной
Беседки, павильоны, но в тени
Громады этой, величаво-статной,

Терялись, незаметные, они.
О, если б некий грозный дух возмездья
Слетел сюда, где, словно искони,

Плывут красавиц яркие созвездья;
И если б отразил, верней стекла,
Всю прелесть их — и глубину бесчестья.

Да обратятся в мрамор их тела!

1820

АЛЛЕГОРИЯ

Из адаманта смутного портал
Зияет на дороге бытия,
Которой рок идти предначертал;
Вокруг, вражды извечной не тая,
Ярятся тени, словно между скал
Клубятся тучи, буйны и густы,
И воспаряют к вихрям высоты.

Проходят многие своей стезей,
Не зная, что теней[ ][1]
Идет за каждым — даже там, где рой
Умерших нового пришельца ждет;
Иные остановятся порой
И пристально глядят на мрачный вход,
Да и они узнают лишь одно:
Что от теней спастись им не дано.

1820

СТРАННИКИ МИРА

Светлокрылая звезда!
Неужели никогда
Не находишь ты гнезда
И летишь поныне?

Молви, месяц-нелюдим!
Бесприютный пилигрим,
Странствуя путем своим,
Ты грустишь поныне?

---

1 Пропуск в авторской рукописи.

Ищешь, ветер, ты во мгле,
Нет ли места на земле,
Хоть на ветке, хоть в дупле,
Хоть в морской пучине...

1820

СМЕРТЬ

Смерть ошую, одесную.
Смерть косит напропалую.
Стонут воздух, хлябь и твердь:
Всюду смерть. Мы сами смерть.

В робе смерти, как в броне,
Все, что в нас, и все, что — вне.
Наши чувства, наши знанья,
[Наши страхи и страданья][1].

Первой радость в нас умрет,
И мечте придет черед.
Оплатив долги живьем —
К праху прах — и мы умрем.

Все, что свято нам и любо,
Смерть в могилу тащит грубо.
А предмет любви спасешь,
Так любовь пойдет под нож.

1820

ДОБРОЙ НОЧИ

I

«Доброй ночи»? В самом деле?
Нет! Останься до утра!
Ангел милый, неужели
Расставаться нам пора?

---

[1] Пропуск в авторской рукописи.

II

«Доброй ночи»? Слово чести,
До разлук я не охоч;
Доброй — разве что из лести
Назову такую ночь!

III

Ведь сердцам, что пламенели
С ночи до зари сам-друг,
«Доброй ночи!» в самом деле,
И сказать-то недосуг!

1820

ОРФЕЙ

А.

...Отсюда близко. Там, с холма крутого,
Венчанного дубами, видеть можно
Пустырь бесплодный; по нему течет
Ручей — глубокий, узкий, черный, вязкий;
На нем нет ряби, светлая луна
Вотще сияет, в нем не отражаясь.
Пройдя по голым берегам, дойдете
До темного пруда, ручью истока,
Окутанного непроглядной ночью,
Ютящейся в сени скалы, нависшей
Над тем прудом,— там бесконечна тьма,
А рядом с ней трепещет нежный свет,
Стремящийся с возлюбленною слиться,—
От Пана так Сиринга убегала,
А ночь от дня бежит и хмуро, гневно
Небесные объятья отвергает.
В холме зияет черная пещера,
И вьется, выскользая из нее,
Туман белесый, тоньше паутины,
Его дыханье смерть несет всему:
Он камень оплетет, затем, разметан
Порывом ветра, вдоль ручья летит
Или, в расселинах застряв, убьет
Червей сонливых, если попадутся.

А на краю скалистого обрыва
Застыли кипарисы — не такие,
Что, красоты и трепета полны,
Пронзают ваш лазурный небосвод,
В чьих ветках ласково играет ветер,
Боясь нарушить строгую красу;
Нет, ветви их поникли утомленно,
Цепляясь друг за друга, и вздыхают
Они, сгибаясь под ударом вихря,
И всё дрожат — обветренное племя!

Хор

Но что за чудный звук — чуть слышный, скорбный,
Но сладкозвучнее, чем лепет ветра,
Скользящего меж храмовых колонн?

А.

То голос лиры-странницы Орфея.
Его несут ветра, вздыхая горько
О том, что их отторг жестокий царь
От воздух насыщающих звучаний;
Но, уносясь, они с собой влекут
Звук гаснущий, кропя им, как росой,
Сознание.

Хор

А он еще поет?
Я думал, арфу в ярости он бросил,
Когда лишился Эвридики.

А.

Нет!
Сначала он безмолвствовал. Олень
Затравленный помедлит у обрыва
Над быстрою рекой — собаки близко
И лают громко, стрелы настигают,—
И прыгнет он; так и Орфей, терзаем
Клыками жадной, ненасытной скорби,
Стал, как менада, лирой помавать
И вопиял: «Там, где она,— темно!»
Затем исторг из струн гремящих звуки,
Ужасные, глубокие! Увы!
Давным-давно, когда, ему внимая,
Прекрасная, с лучистыми глазами,

Сидела Эвридика рядом с ним,
Он о небесном и высоком пел.
Как ручеек в чеканке мелких волн
Под ветерком весенним блещет ярко
И многогранно отражает солнце,
Струясь напевно в берегах зеленых,
Не умолкая, вечно чистый, свежий,
Так песнь его текла — сверкали в ней
Восторг глубокий, нежная любовь,
В ней, отпрыске амброзии небесном.
Но то прошло. Вернувшись из Аида,
Он сел на одинокий, грубый камень,
Покрытый мхом, среди долины голой,
И полноводный и глубокий ключ
Его неиссякаемого горя
Звук песни гневной к небесам вознес.
Как водопад могучий разделяет
Потоком быстрым две сестры-скалы
И устремляется с ужасным ревом
По крутизне — его исток не сякнет,
Он прядает, и в воздухе стоит
Рев громкий, яростный, но гармоничный,
И поднимается завеса брызг,
Облачена в цвета Ириды солнцем,—
Так бурный ток его великой скорби
Одет в сладчайшие слова и звуки
Поэзии. Не как творенья смертных,
Не высыхает он, и вечно в нем
Могущество, и красота, и мудрость
Божественной поэзии звучат,
Сливаясь гармонично. Видел я,
Как южный ураган прорежет небо,
Гоня гряду крылатых облаков,
Которым никогда не отдохнуть,
Гонимым ярым пастухом, а звезды
Мигают робко, тускло из просветов.
Но небосвод очистится, и купол
Благого Неба в огненных цветах
Объемлет землю; тихая луна
Прошествует стремительно, но плавно,
Вставая за восточными холмами.
О небе, о светилах говорю я,
А не о песне; но, чтоб вторить ей,
Пусть одолжит природа мне слова,

Неведомые ранее, иль нужно
Взять от ее творений совершенных,
Чтоб выразить Орфея совершенство.
Он более на каменном престоле
Не восседает средь пустыни голой:
И падубы узлистые, и сосны,
И кипарисы, в ком движенье редко,
И цветом с морем схожие оливы,
И вязы, что опутаны лозой
Ползучею, роняющею гроздья,
И заросли терновника в багряных
Цветах, и милые влюбленным буки,
И плачущие ивы — все, насколько
Позволят их величина и тяжесть,
Престол обстали, и сама Земля
Из лона материнского ему
Цветы звездоподобные прислала
И травы благовонные — ковром
Устлать тот храм священный, что воздвигла
Его поэзия; у ног его —
Львы хмурые, и резвые козлята,
Бесстрашны от любви, к нему идут,
И червь слепой как будто слышит песню.
Безмолвно птицы головы склоняют
На нижних ветках; даже соловей
Ни звука не проронит в состязанье,
Но внемлет, песнопеньем зачарован.

1820

МИНУВШИЕ ДНИ

Как тень дорогая умершего друга,
    Минувшие дни
Приходят к нам с лаской в минуты досуга;
Надежд невозвратных в них блещут огни,
Любви обманувшей, мечты невозможной;
Как смутные призраки, с лаской тревожной
    Приходят к нам прошлого дни.

Как сны золотые пленительной ночи,
    Минувшие дни
На миг лишь один устремляют к нам очи,
И так же, как сны, нам отрадны они.

В них самая мука нежнее, чем счастье;
Как солнечный свет после мрака ненастья,
Нам дороги прошлые дни.

Приходите вы из пучины забвенья,
Минувшие дни.
Взирая на вас, мы полны сожаленья:
Вы снова умчитесь,— мы снова одни.
И, как мы над трупом ребенка рыдаем,
Мы смех наш минутный слезой провожаем,
Погибшие прошлые дни!

1820

ДУХ МИЛЬТОНА

...Дух Мильтона явился мне сейчас,—
И лютню снял с густого древа жизни,
И громом сладкозвучия потряс
Людишек, презирающих людей,
И кровью обагренные престолы,
И алтари, и крепости, и тюрьмы...

1820

ПЛАЧ ОБ УМЕРШЕМ ГОДЕ

Год скончался. Над отцом
Плачьте, бедные минуты!
Но они над мертвецом
Усмехаются, как будто
Он уснул и в крепком сне
Улыбается родне.

Как трясет землетрясенье
Погребенные тела,
Так Зима в холопьем рвенье
Год до смерти затрясла.
Хор минут! С тоской и страхом
Возопи над отчим прахом!

Как нещадный вихрь в саду
Люльку детскую вращает,
Так на лютом холоду
Снег и ветер год качают.

Но не плачь, семья минут:
Он избавится от пут.

Вот и месяцев черед:
    Злой Январь могилу роет,
Гроб Февраль седой несет,
    Март в тоске вопит и воет,
Весь в слезах Апрель. Но пусть
Грянет Май — и минет грусть!

1 января 1821

ВРЕМЯ

Безбрежный океан земной печали,
О Время, Время, кто тебя постиг?
Чьих огорчений волны не качали,
Померкшие от вечных слез людских?
Потом, наскучив жалкою добычей,
Ужасен в шторм и вероломен в штиль,
Объемля человеческую быль,
Вдруг исторгает то бугшприт, то киль
Пучины сокрушительный обычай!
О Времени безжалостный прибой,
Еще кто будет поглощен тобой?

1821

ПЕСНЯ

Как приходишь редко ты,
    Радость Неземная!
Без тебя и дни пусты,
    И пора ночная.
Вечность протекла со дня,
Как ушла ты от меня.

Смог ли кто когда-нибудь
    День пробыть с тобой?
Чуть заслышишь вздохи — в путь,
    Мил тебе покой.
Лживый дух! Мирволишь тем,
Кто тебя не знал совсем!

Как упавший лист спугнет
Ящерку с камней,
Так тебя пугает гнет
Жалоб и скорбей.
Ты в смятенье мчишься прочь,
Не желая мне помочь.

Подожди! Тебе открою
Тайники души!
Будет весело со мною.
Только не спеши!
Боль крылами отжени,
И останемся одни.

Любим мы одно и то ж,
Радость Неземная!
Воробьиных стай галдеж,
Рек разлив без края,
Журавлей летящих клин,
В дымке утренней овин.

Все мне мило на земле!
Я люблю до слез
Тот узор, что на стекле
Выводил мороз.
Ветер, снег и край простой,
Что не тронут нищетой.

Нас с тобою друг от друга
Отличить нельзя:
По сердцу нам тишь, лачуга,
Мудрые друзья.
Дух! Но где их отыскать?
Ты же их не хочешь знать!

Ветрена любовь! Так что же?
Славно жить, любя!

Дух! Но ты всего дороже,
Я зову тебя:
О, приди, души целитель!
Сотвори во мне обитель!

1821

К...

В сердце живо, как преданье,
Смолкших песен трепетанье.
Отцветая, средь поляны
Льют фиалки запах пряный.

Лепестками роз в изножье
Устлано любимой ложе.
Если и смежит ресницы,
В сладком сне она приснится.

1821

ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Цветок, что ныне цвел,
К утру поник.
Так все, что ты обрел,
Исчезнет вмиг.
Что есть восторг земной?
Зарница в час ночной,
Смех озорной!

Как редок верный друг!
Как зло гнетет!
Пуста любовь без мук,
А жизнь идет
Без света, без мечты,
Средь вечной суеты,
Средь пустоты.

Как неба бирюза,
Цветы ярки.
Блеснут во тьме глаза,
Коснись руки —

Пока минуты спят,
Пускай мечты парят
Всю ночь подряд!

1821

АЗИОЛА

I

«Ты слышал голос Азиолы? Это
Она кричит, должно быть, рядом где-то»,—
Сказала Мэри. Мы в беззвездный мрак
Глядели долго, свеч не зажигая.
Тут мне подумалось: «Соседка? Кто ж такая?»
И я спросил: «Ну, что еще за Азиола?»
И неожиданно обрел покой:
Здесь не было подвоха иль укола,
Здесь не было насмешки никакой;
Ведь Мэри молвила с улыбкой (о, плутовка!)
«Кричит сова! Пушистенькая совка!»

II

Печальная колдунья Азиола,
В вечерней музыке твоей тоски
Тревога рощ, ручьистый голос дола:
Ни лютни звон, ни птичьи голоски
Моей души вот так не задевали,
Нет, сладостней не ведал я печали!
И с этих пор, во сне и наяву,
Люблю я возглас грусти изначальной
И Азиолу — милую сову —
Пушистую. И крик души печальной!

1821

ВОСПОМИНАНЬЕ

I

Быстролетней летних дней,
Милой юности нежней,
Ты пришла — и всех резвей
Ты умчалась прочь.
Листья пали на траву,
Одинок я наяву,
Тщетно сон к себе зову
Напролет всю ночь!

II

Лето ласточек придет,
Филин тьмы крылом взмахнет,
Лебедь ринется в полет—
Весь порыв и мощь!
Сердце рвется — к лживой — вдаль,
В нем унынье и печаль,—
Ледяной сковал хрусталь
Ветви зимних рощ!

III

Лилии и розы вам,
Милым умницам, отдам,
А фиалки вечным снам
Опочившей вдруг:
Ты ушла, покинув свет,
Нету слез, и счастья нет,
Помрачнел от горя свет,
Все мертво вокруг!

1821

К...

Опошлено слово одно
И стало рутиной.
Над искренностью давно
Смеются в гостиной.
Надежда и самообман —
Два сходных недуга.
Единственный мир без румян —
Участие друга.

Любви я в ответ не прошу,
Но тем беззаветней
По-прежнему произношу
Обет долголетний.

Так бабочку тянет в костер
И полночь к рассвету,
И так заставляет простор
Кружиться планету.

1820

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЬ

Когда пред Грацией и Силой
Раскрыл врата златые Сон,
Тогда в душе их образ милый,
Как звезды в море, отражен.
О Ночь, обрызгай их росою
И всеми звездами взгляни,—
И под неверною луною
Да будут верными они!
Укрой их радости от глаз,
И пусть вернутся к нам не раз
Блаженства дни!

О сонмы ангелов и фей,
Не дайте злу коснуться сонных!
И ты, рассвет, зарей своей
Под утро разбуди влюбленных!
Оставьте страхи! Все свершится,
Пока не вспыхнула денница!
Уйдем скорей!

1820

ВЕЧЕР

Угасло солнце. Птичий гомон стих.
Летучей мыши промелькнула тень.
И жабы вышли из углов своих
И провожают уходящий день.
От легкого сухого ветерка
Не шелохнется сонная река.

Нет сырости под высохшей листвой,
Нет ни росинки на стеблях сухих.
По раскаленной за день мостовой
Кружится мусор улиц городских.

Соломинки и пыль неровный бриз
По мостовым гоняет вверх и вниз.

Речная рябь колеблет отраженье
Притихнувшего города. Оно
И неподвижно, и полно движенья,
И перемен бесчисленных полно.
Вот погляди — оно меняет вид:
Дробится, расплывается, дрожит.

В пучине, скрывшей солнце, облака
Образовали пепельный заслон.
Как горная вершина, высока
Громада облаков. И небосклон
Над величавой пепельной грядой
Насквозь пронзен вечернею звездой.

1821

СТРОКИ

Разобьется лампада,
Не затеплится луч.
Гаснут радуг аркады
В ясных проблесках туч.
Поломавшейся лютни
Кратковременен шум.
Верность слову минутней
Наших клятв наобум.

Как непрочны созвучья
И пыланье лампад,
Так в сердцах неживучи
Единенье и лад.
Рознь любивших бездонна,
Как у стен маяка
Звон валов похоронный
Над душой моряка.

Минут первые ласки,
И любовь — из гнезда.
Горе жертвам развязки,
Слабый терпит всегда.

Что ж ты плачешь и ноешь,
Что ты, сердце, в тоске?
Не само ли ты строишь
Свой покой на песке?

Ты — добыча блужданий,
Как над глушью болот
Долгой ночью, в тумане,
Птичьей стаи полет.
Будет время, запомни,
На осенней заре
Ты проснешься бездомней
Голых нив в ноябре.

1822

К ДЖЕЙН. ВОСПОМИНАНИЕ

1

Последний день из многих дней,
Прекрасных и живых, как ты,
День дивный, не вернется вспять;
О Память! Гимн ему излей!
За дело! Время нам пришло
Былое, плача, воспевать:
Нахмурено небес чело,
Искажены земли черты.

2

Мы забрели в сосновый лес
На берегу морском;
Легчайший ветерок небес
Дремал в гнезде своем.
Уплыли облака играть,
Тишь волны обняла,
Улыбка на морскую гладь
Небесная легла;
И нам казалось: этот час,
Что свыше послан был,
Из сфер надсолнечных для нас
Сиянье Рая лил.

3

Сосна вставала за сосной,
Гигантов сон глубок,
Как змей, их натиск вихревой
Скрутил в большой клубок,
Лазурный вздох, певуч и тих,
Им слала высота,
Как у небес, нежны у них
Оттенки и цвета;
Зеленый гребень их дремал,
Подзластен тишине —
Так недвижим густой коралл
На безглагольном дне.

4

Как тихо все! Малейший звук
Сковало забытье,
И даже дятла частый стук
Лишь углублял ее —
Непрекращаемую тишь!
Дыханье, даже ты,
Спокойное, не возмутишь
Блаженной немоты.
И мнилось: все окрест, что взор
В те миги охватил,—
От трав у ног до дальних гор,—
Круг дивный очертил,
Так дуновенье от него
Магически текло,
Что даже смертных естество
Мир краткий обрело,
А круга центр была она,
Кем дар любви святой
Был принесен тогда сполна
В безжизненный застой.

5

Мы подошли к прудам с тобой
Под сень сосновых крон —
Как небо малое, любой
Вселенной окаймлен;

Свет пурпурный искрился в них,
Прибрежье оттенив,
Бескрайней пропастей ночных,
Как день, и чист и жив;
Как в воздухе, в прудах росли
Сосновые леса —
Милей, чем у дерев земли,
Их стройная краса;
Там дол, и синева небес,
И солнца белизна —
Пройдя сквозь облачко и лес,
Сияла нам она;
Воды любовь творила там
Из зелени лесной
Благие зрелища, что нам
Не явит мир земной,
И элизейский теплый свет
Все пронизал кругом —
Малейшего движенья нет
В эфире неземном!
Но вдруг завистливо в тиши
К нам ветерок проник —
Так дума злая из души
Прогонит милый лик...
Пусть ты добра и хороша,
Пусть зелен леса свод,
Но Шелли смертная душа
Мятежней тихих вод.

1822

К ДЖЕЙН
С ГИТАРОЙ

Ярко блещут Стожары,
Несказанная в небе сияет
Луна.
Звонко пенье гитары,
Но лишь с голосом Джейн оживает
Струна.

Неба мрак серебристый
Лунно-звездные нежно согрели
Лучи;
Дарит голос твой чистый
Душу струнам, чьи мертвенны трели
В ночи.

Звездный свет, замирая,
Хочет видеть луны золотую
Красу;
Лист не дрогнет, вбирая
Гармонических струн неземную
Росу.

Звук летит окрыленный,
Раскрывая в ночное молчанье
Окно,
В этот мир отдаленный,
Где любовь, лунный свет и звучанье —
Одно.

1822

ОСТРОВОК

Островок лесистых склонов,
Белоснежных анемонов,
Где, фиалковую тень
Влажной свежестью колыша,
Дремлет лиственная крыша;
Где ни дождь, ни ветер синий
Не тревожат стройных пиний;
Где царит лазурный день;
Где, поверх блаженных гор,
Что до плеч в жемчужной пряже,
Смотрят облачные кряжи
В синеву живых озер.

1822

ЭПИТАФИЯ

Здесь двое спят, чья жизнь была одно,
Ведь в памяти им вместе быть дано.
При жизни розно кровь текла в телах —
Да будет неделим их общий прах.

1822

ДЖОН КИТС

ИЗАБЕЛЛА,
ИЛИ ГОРШОК С БАЗИЛИКОМ

История из Боккаччо

1

Прекрасная, младая Изабелла!
Лоренцо, восхищенный пилигрим!
Она душою нежною робела,
За общей трапезой встречаясь с ним,
И юноша тянулся к ней несмело,
Ее блаженной близостью томим,—
И по ночам вздыхал и плакал каждый,
Обуреваемый любовной жаждой.

2

Так под единой крышей много дней
Любовь была и горем, и отрадой;
Он ежечасно думал лишь о ней,
В дому, в лесу или под сенью сада,—
Ей голос юноши звучал нежней,
Чем шум листвы, чем рокот водопада,—
И, образом его увлечена,
Не раз губила вышивку она.

3

Томясь в своем покое одиноком,
Он знал: она недалеко сейчас;
И проникал он соколиным оком
В ее окно, и видел каждый раз:
По вечерам, в смирении глубоком,
Молясь, она не опускает глаз,
А ночью слышать жаждал с нетерпеньем,
Как утром дева сходит по ступеням.

4

Печально миновал прекрасный май;
Царила грусть июньскою порою.
«О, завтра для меня наступит рай —
Я сердце госпоже моей открою».
«Коль он меня не любит, то пускай
Навек расстанусь с прелестью земною...»
Так грезили в полночный час они,
Но тщетно длились горестные дни.

5

Младая дева мучилась дотоле,
Пока не истощился цвет ланит,—
Так мать, когда дитя кричит от боли,
У колыбели тает и скорбит.
Лоренцо думал: «Я не в силах боле
Смотреть на муки. Сердце мне велит:
Я ей мою любовь открыть посмею,
Хоть для того, чтоб плакать вместе с нею».

6

Так он однажды утром возгласил.
Но сердце было выпрыгнуть готово
От робости; недоставало сил;
Сердечный жар не дал сказать ни слова
И всю его решимость погасил,—
А мысль к невесте устремлялась снова.
Кто любит, тот в один и тот же миг
Бывает столь же кроток, сколь и дик.

7

Еще одна бы ночь над ним висела,
Тоскою и любовью тяжела,—
Когда бы не младая Изабелла,
Взор не сводившая с его чела,—
Что в это утро смертно побледнело.
Она решилась и произнесла:
«Лоренцо!..» — и умолкла столь же скоро,
Все досказав одним сияньем взора.

8

«О Изабелла, я могу едва
Решиться молвить о моей кручине;
Люблю тебя, поверь в мои слова,
Как веришь избранной тобой святыне;
От мук душа моя почти мертва,—
Я не посмел бы говорить и ныне,
Но дольше не могу прожить и дня,
В груди любовь безмолвно хороня.

9

Любовь моя! Зима уйдет, бушуя,
С тобой весна, лучиста и чиста.
Коснуться ныне алых роз хочу я,
Бутонов, где таится теплота».
И вот — сомкнулись рифмой поцелуя
С устами девушки его уста;
И, как росток под нежной лаской лета,
Блаженство их вступило в час расцвета.

10

Они расстались, будто два цветка,
Несомые волнами аромата,—
Но встреча вновь была уже близка,
Девица пела, радостью объята,
Хваля стрелу умелого стрелка,
А юноша стоял в лучах заката,
Следил, как солнце падало во тьму,
И радовался чувству своему.

11

И вновь сошлись они при первых звездах,
Взошедших на хрустальный свод небес,
И много раз встречались так при звездах,
Взошедших на хрустальный свод небес,
В беседке, где дышал цветами воздух,
Укрытые от суетных словес,—
Как жаль, что все изменится, что вскоре
Пойдет молва об их великом горе.

12

Нет, им печали не было дано.
Как много слез излито за влюбленных,
Как много скорби с ними заодно,
Как много воздыханий похоронных,—
Как много повестей сочинено,
Во злато и сафьян переплетенных;
Лишь ту восторгом встретить не могу,
Где Ариадна ждет на берегу.

13

Хотя в любви — от горечи великой
Лекарство в малой сладости найдешь,—
Дидона тенью странствует безликой,
И нашей деве счастья не вернешь;
Ее жених индийскою гвоздикой
По смерти не был умащен,— так что ж,—
Известно даже пчелам, что недаром
Отравленный цветок манит нектаром.

14

В дому у братьев девушка жила.
Неисчислимы были их доходы
От шахт и фабрик, где царила мгла,—
Где освещались факелами своды,
Где под кнутами корчились тела
Невольников, не ведавших свободы,—
И люди, коченея, день-деньской
Песок перемывали золотой.

15

Для них ловец жемчужин на Цейлоне
Нырял, чтобы не вынырнуть потом;
Для них, припав ко льду в предсмертном стоне,
Лежал тюлень, пронзенный гарпуном;
Для них вершились травли и погони;
И меж людей, задавленных трудом,
Два брата — бережливы, терпеливы —
Вращали ловко жернова наживы.

16

А чем гордиться? Тем ли, что фонтан
Не столь плаксив, как нищего гримаса?
А чем гордиться? Тем ли, что тимьян
Благоуханней, чем гнилое мясо?
А чем гордиться? Тем ли, что карман
Набит не хуже, чем казна Мидаса?
А чем гордиться? Пусть ответ дадут:
Во имя правды, чем гордиться тут?

17

Так жили оба, жизнь свою запрятав
Подалее от взоров бедняка,
В наживе достигая результатов,
Как два еврея, два ростовщика,
Два мытаря, два мула для дукатов,
Два ястреба, два жадных паука,
Искусно изучившие наречья
Иберии, Тосканы, Междуречья.

18

Но как смогли исчадия контор
Проведать, что в душе таит девица?
Как уследить сумел их жадный взор,
К какой наживе юноша стремится?
О, лучше б их сразил библейский мор!
Но братьям не случилось ошибиться:
Пусть каждый, кто огнем любви объят,
Как заяц на бегу, глядит назад.

19

Боккаччо, сочинитель превосходный,
Прошу прощенья за свою вину,
У рощ твоих, у нивы многоплодной,
У роз твоих, что влюблены в луну,
У мирта, у лилеи благородной,
Что никнет у мелодии в плену,—
Простите, что в печальный тон рассказа
Закралась дерзкая, чужая фраза.

20

Прости меня, Боккаччо, и тогда
Рассказ пойдет спокойно, как пристало;
Прости, на строки этого труда
Взирая благосклонно с пьедестала;
Ты в рифмы облачен — и не беда,
Что проза старая поэмой стала,
Что ты стихом английским зазвучал,
Что ветер севера тебя помчал.

21

Проведали злокозненные братья,
Что их сестра и юноша младой
Друг другу дарят вздохи и объятья,—
Хозяева, забывшие покой,
Лоренцо слали тайные проклятья,—
Слуге остаться надлежит слугой! —
Для братьев было выгодней и проще
Отдать сестру за фабрики и рощи.

22

Не раз кусали губы два дельца
И меж собою совещались много,
Каким путем остановить юнца,—
И вот, обдумав все и взвесив строго,
Искоренили жалость до конца,
Под планом подведя черту итога,—
Решенье братьев было таково:
Убить Лоренцо и зарыть его.

23

Однажды юноша пред балюстрадой
Стоял, встречая солнечный восход,
Не зная, что по свежим росам сада
К нему спешат хозяева,— и вот
Услышал он: «Хотя нежна прохлада,
Лоренцо, но, однако, труд не ждет:
Садись в седло, послушайся совета,
Сколь ни приятен тихий час рассвета.

24

Сегодня мы намерены с утра
Скакать по направленью к Апеннинам,
Покуда солнцу не придет пора
В ветвях шиповника пылать рубином».
Не зная, что за страшная игра
Ведется ими с юношей невинным,
Склонил Лоренцо свой покорный взгляд
И поспешил к себе сменить наряд.

25

Войдя во двор, приблизясь к окнам дома,
Он часто замирал, едва дыша:
Быть может, ранней свежестью влекома,
Она окно откроет не спеша,—
И трелью смеха, музыкой знакомой
Он был вознагражден: его душа
Возликовала: за резной решеткой
Сверкнула дева красотою кроткой.

26

«Любимая! Сколь щедры небеса,
Что вижу я тебя,— сказал он нежно,—
Бессильны все земные словеса
Поведать, как печаль моя безбрежна:
Простись со мной на целых три часа —
Но встреча наша будет безмятежна!» —
«До встречи, милый!» — прозвучал ответ,
И песнь летела юноше вослед.

27

Все трое ехали туда, где Арно
Средь камышей танцующих течет,
Где солнца луч трепещет светозарно
И плещется форель на глади вод,—
Следя за жертвой зорко и коварно,
Злодеи-братья отыскали брод
И с юношей — ошую, одесную —
Вступили братья в гущину лесную.

28

Там был убит Лоренцо и зарыт.
Любовь его нашла конец в могиле —
Душа свободна, но она болит.
Преступники мечи в реке омыли;
Приявши сытый и довольный вид,
Как гончие, что зверя затравили,
И бодро, в первый раз за много дней,
Они домой направили коней.

29

Они сестре истолковали вскоре
Столь непонятный юноши отъезд:
По их делам уехал он за море,
И не пришлет вестей из дальних мест.
Узнай, о дева, что такое горе
И мужественна будь, неся свой крест;
Отныне вдовий час все безнадежней,
И каждый день — печальнее, чем прежний.

30

Так первый день проплакала она,
Вкушая горечь и тоску разлуки,
Поняв, что ночь любви не суждена;
Молчание удваивало муки,
И, вглядываясь в темноту, одна,
Прекрасные заламывая руки,
Стонала дева о своей беде
И тихо призывала: «Где ты, где?»

31

Но час печали о себе не долог,
Над ней иные думы взяли власть,
Пропал последний горести осколок,
В терпенье настало время впасть,
Над ней простерло ожиданье полог,
В ее душе не угасала страсть,
И мучили великие тревоги
О юноше, томившемся в дороге.

32

В дни осени, когда багряный цвет
Сменяют дерева на темно-серый
И ветры свой смертельный менуэт
Играют нежно на ветвях шпалеры,
Чтоб каждый ствол был донага раздет,
Пока зима не вышла из пещеры,—
Теряла Изабелла красоту,
И было ждать уже невмоготу.

33

Лоренцо не вернулся к ней. С истомой
Она к убийцам обращала взор —
Зачем так долго друг вдали от дома?
Ей сообщали братья разный вздор,
Но преступленье, словно дым Еннома,
Терзало их, и по ночам с тех пор
Они стонали, видя сон фатальный:
Свою сестру в одежде погребальной.

34

И так бы завершились дни ее,
Но нечто, черным ужасом чревато,
Разрушило внезапно забытье,—
Так смерть от яда — быстрая отплата
Испившему; так острое копье
Того, кто принял дозу опиата,
Внезапно отвращает от мечты
К мирским страданьям, в гущу суеты.

35

То призрак был. В ногах ее постели
Возник Лоренцо в тишине ночной:
Он горько плакал; кудри потускнели,
Иссушены гробницею лесной,
И голос, что звучал нежней свирели,
Проникнулся тоскою ледяной,—
Могила угасила взор невинный
И уши грязной залепила глиной.

36

Он говорил, и речь его текла
Печально, странно, будто панихида,—
Была мучительна и тяжела
Его мольба из глубины Аида,—
Она, казалось, рождена была
Надтреснутою арфою друида:
Звучал во мраке призрачный напев,
Как ветер меж кладбищенских дерев.

37

Он усмирил во взоре блеск озноба,
Несвойственного жителям земли,
Он прошлое приоткрывал ей: злоба
Преступных братьев, козни, что плели
Они кругом,— сосновая чащоба,
Куда его убийцы привели,
И топкая дерновая лощина,
Где суждена была ему кончина.

38

«О Изабелла,— прошептала тень,—
Я сплю в земле; лесная даль туманна,
Лежит в изножье у меня кремень,
Шуршат колючие плоды каштана,
Могилу осыпая; каждый день
За речкой овцы блеют утром рано —
Приди, слезу на вереск урони,
Утешь мои мучительные дни!

39

Я — призрак! Я навеки обездолен,
Я мессу в одиночестве пою,
И звуки жизни слышать приневолен
У бытия земного на краю:
Гуденье пчел и звоны колоколен
Безмерной болью ранят грудь мою,—
Я сплю, печаль великую скрывая,
И ты чужда мне тем, что ты — живая.

40

Когда бы призрак мог сойти с ума,
Я обезумел бы неотвратимо:
Мне в памяти не отказала тьма,
Но вижу — ты печалями томима,
И оттого теплей моя тюрьма,
Как если б я любовью серафима
Владел; я счастлив красотой твоей,
Я мертв, но я люблю еще сильней».

41

Дух прорыдал: «Прощай!» — и сгинул в бездне,
Оставя темноту искриться. Так,
В полночный час раздумья и болезни,
Нас угнетает каждый прошлый шаг
И больше прочих — труд, что бесполезней
Всех дел земных, и мы глядим во мрак
И видим искры тлеющие эти.—
Очнулась дева только на рассвете.

42

«Увы! — она сказала.— Эта ложь
Была прикрытьем нашему несчастью —
Я думала, от рока не уйдешь,
Сама судьба нас наделила страстью,—
Но вижу я кровавый братнин нож!
О Призрак милый! Ты нездешней властью
Отверз мне очи: я приду к тебе,
И да внимает Бог моей мольбе!»

43

Уж рассвело, и дева осторожно
Придумала, как братьев обмануть,
Добраться до чащобы и, возможно,
Найти к могиле драгоценный путь,—
И если впрямь видение неложно,
Излить всю скорбь любимому на грудь.
И в лес, когда решение созрело,
Пошла со старой нянькой Изабелла.

44

Они спустились медленно к реке,
И дева здесь кормилице украдкой,
Завидевши опушку вдалеке,
Шепнула что-то. «Что за лихорадка
Томит тебя, дитя, зачем в руке
Ты держишь нож?» — и страшная разгадка
Нашлась, когда к концу склонился день:
Могила под каштаном и кремень.

45

Кому не доводилось на кладбище,
Бродя в тиши, которой равных нет,
Сквозь почву видеть гробовое днище,
Истлевший саван, череп и скелет,
Вселяя душу мысленно в жилище,
Пустующее столько долгих лет?
Ах! В этих чувствах скорби слишком мало
В сравненье с тем, что дева испытала.

46

Взор Изабеллы проникал до дна
Сквозь комья почвы, вплоть до сердцевины,
Ей раскрывала тайну глубина
Яснее, чем хрусталь речной стремнины.
Так над могилой высилась она
Подобно лилии лесной долины —
Но стала вдруг со страстию былой
Копать ножом земли присохший слой.

47

Над вышитой перчаткою Лоренцо
Пришлось ей вскоре тягостно вздохнуть;
Несчастная, бледнее полотенца,
Перчатку эту спрятала на грудь,
Что предназначена кормить младенца,—
Но тут же, не замешкавшись ничуть,
Продолжила работу Изабелла —
Лишь локон поправляла то и дело.

48

Кормилица, печальна и седа,
Дивилась отыскавшейся могиле
И помогала девушке. Тогда,
Усталые от тягостных усилий,
По завершенье трех часов труда
Они в земле холодный труп отрыли,—
А в небесах уже сгустилась мгла,—
Но стойко дева все перенесла.

49

Ах, для чего описывать пространно
Ту плоть, что тлела в глубине сырой?
О, ради чести старого романа
И наслажденья чистою игрой!..
Что ж, если для тебя, читатель, странно
Внимать поэме — ты ее закрой,
Поскольку ожидать смешно и дико,
Что в ней сокрыта сладкая музы́ка.

50

Не так, как некогда Персеев меч
От тела отчленил главу Горгоны,
О нет,— они отважились отсечь
Главу Лоренцо. Древние законы
Гласят: любовь ни потопить, ни сжечь;
В печали дева сдерживала стоны,
К любви своей с лобзанием припав —
Звала любовь, любовью смерть поправ.

51

Вернувшись, утая приметы клади,
Омыла девушка ручьями слез
Главу Лоренцо; расчесала пряди
В земле давно слежавшихся волос,
Освободила, с нежностью во взгляде,
От глины липкой уши, рот и нос,
Разгладила прекрасные ресницы
И горестно рыдала до денницы.

52

А ранним утром голову в платке,
Что был напитан смолами Востока,
Возогнанными на змеевике
И в темноте хранимыми до срока,—
Она в цветочном глиняном горшке
Ту голову запрятала глубóко
И, слез не укрощая ни на миг,
В ту землю посадила базилик.

53

И позабыла голоса природы,
И позабыла чисел имена,
И позабыла пажити и воды —
И позабыла, как шумит весна,—
Не зная, дни проходят или годы,
Она всегда сидела у окна
И плакала над милым базиликом,
Навеки в горе затворясь великом.

54

Вспоен слезами, рос чудесный куст,
Служа бальзамом наболевшей ране,—
Он становился и высок и густ,
Как ни один подобный куст в Тоскане,
Корнями восходя из мертвых уст,
Ланит, очей,— и то, что было ране
Истлевшей отсеченною главой,
Взрастало благовонною листвой.

55

О Грусть, помедли, я молю — ни шага!
О Музыка, печалью прозвучи!
О Эхо, долети с архипелага
В летейских водах,— о, не умолчи!
О Скорби дух, над камнем саркофага
С усмешкой лей сребристые лучи,
Рассеивая сумрак живописный
Над мраморами в роще кипарисной.

56

Стенайте, ямбы горя и тоски,
Служители печальной Мельпомены!
Коснитесь струн в мистерии строки
В трагическом распеве кантилены,
Пусть звуки будут скорбны, глубоки —
Увы, несет нам ветер перемены:
Исчахнуть дева вскорости должна,
Как пальма, что ножом надсечена.

57

Оставьте пальму, чтоб она увяла
Сама собой, не приближайте час!..
Нет, так нельзя: служители Ваала
Приметили — в потоке слез погас
Взор девы; это многих удивляло
Средь родичей ее уже не раз:
Ведь, пожелай, она была бы скоро
Невестою богатого сеньора.

58

Дивило братьев более всего,
Зачем она проводит дни, лаская
Цветок,—и с ним творится волшебство:
Он оживает, листья распуская;
И были в толк не в силах взять того,
Как отвлекла безделица такая
Сестру от всяких помыслов о том,
Что юноша не воротился в дом.

59

Как вышло это, как могло случиться?
И братья долго были начеку:
Порой сестра ходила причаститься,
Но тотчас же, к любимому цветку,
Назад спешила в свой покой девица,
Как мать спешит к недужному сынку,
Садилась, как наседка, терпеливо,
И снова плакала без перерыва.

60

И все же был украден базилик,
Им удалась преступная затея —
Сколь ни был мерзок им представший лик,
Но юношу узнали два злодея,—
Открыв секрет, они в единый миг,
От ужаса назад взглянуть не смея,
Бежали, не оставив ни следа,
Из города неведомо куда.

61

О Грусть, молю, не говори ни слова,
О Музыка, надеждой не звучи,
О Эхо, Эхо, долети к нам снова
Из Леты черной,— о, не умолчи!
О Скорби дух, не береди былого —
Ведь Изабелла брошена в ночи:
Она угаснет в непомерной муке,
С возлюбленным цветком навек в разлуке.

62

Отныне деве не было утех,
Все поиски остались бесполезны.
Стал взор ее безумен, жалок смех,
Вопросы тщетны и моленья слезны;
Она старалась разузнать у всех,
Где спрятан базилик ее любезный,
И все звучал ее печальный клик:
«Верните мне мой нежный базилик!»

Она скончалась в одинокой спальне,
Похищенный цветок вернуть моля.
Со смертью девы сделалась печальней
Прекрасная тосканская земля;
Судьбу ее и ближний знал и дальний,
И до сих пор напев поют поля:
«О, сколь жесток в безумии великом
Похитивший горшок мой с базиликом!»

1818

КАНУН СВЯТОЙ АГНЕССЫ

1

Канун Святой Агнессы. Холода.
Сове — и то в лесу не сладко было.
Траву в полях одела корка льда.
В овчарне стадо смолкшее застыло.
Монах поклоны отбивал уныло,
Он мерз. И словно хладный фимиам,
Всплывающий от ветхого кадила,
Неслось его дыханье к небесам,
И достигало их, и оставалось там.

2

Он дочитал молитву терпеливо.
И, босоног, и немощен, и свят,—
Берет светильник и неторопливо
Вдоль нефа темного бредет назад,
Минуя изваяний длинный ряд,
Которые, во мраке замерзая,
Коленопреклоненные, стоят,—
И думает старик, изнемогая,
О том, как их томит одежда ледяная.

3

Свернул на север, в боковую дверь.
Шагни вперед — и лаской музыкальной
Он был бы сладко опьянен теперь.
Но колокол зовет его прощальный,
Над ним обряд свершая погребальный.
Бредет монах, соблазны гонит прочь,
Он выбрал путь недальний и печальный:
Лег наземь, чтобы слабость превозмочь.
За грешников молясь, монах не спал всю ночь,

4

Он все же слышал нежный звон прелюдий
Сквозь множество распахнутых дверей,—
Там, в переходах, суетились люди.
Вот музыка становится слышней,
И зала, принимавшая гостей,
Могла б явить монаху блеск соблазна.
Лепные ангелы висят над ней,
Держа карниз; глаза таращат праздно,
На животе крыла сложив крестообразно.

5

Смех серебром звенит, и счету нет
Цветам, нарядам, перьям и алмазам.
Здесь рыцарских романов сладкий бред,
Который в юности дурманит разум.
Но отойдем, и обратимся разом
К мечтательнице-деве у окна,
Поверившей доподлинным рассказам,
Что слышала от старых дам она,—
И нынче ждет весь день, надеждой пленена.

6

В канун Святой Агнессы дева может
Во сне вкусить пленительных услад
С любимым,— сна ничто не потревожит —
Так опытные дамы говорят;
Лишь соверши магический обряд:

Не прикасайся к лакомствам и хлебу,
Ложись в постель, не оглянись назад,
Не шевелись, глаза подьемли к небу —
И у небес всего, чего ты ждешь, потребуй.

7

И Маделина юная сейчас,
Погружена в мечты, в тени стояла,—
Потуплен взор ее девичьих глаз,
Наскучил блеск торжественного бала,
И музыка ее не волновала —
Вот кавалер влюбленный подойдет,
За ним другой,— не внемля им нимало,
Она сладчайших сновидений ждет,—
Святой Агнессы ночь — одна за целый год.

8

Священный час так близок. Каждый танец
Томителен был деве, полной грез:
Глаза в тумане, на щеках румянец.
Средь разговоров в шутку и всерьез,
Любовных объяснений и угроз —
Одну мечту скрывала дева свято,
Ждала, чтоб сон блаженство ей принес,
Заранее восторгами объята:
Святой Агнессы ночь и белые ягнята.

9

Но медлила она, полна мечтой...
Меж тем через холодную равнину
Сюда пришел Порфиро молодой,
Тая в душе любовную кручину,—
И у портала стал, наполовину
Укрывшись от луны в прозрачный мрак.
Он молится: увидеть Маделину
Хотя б на миг, приблизиться на шаг
И на колени пасть. Да, это было так.

10

Но если здесь, при всей его отваге,
Он будет узнан — то тогда беда,
Порфиро знает: засверкают шпаги.
Два благородных дома навсегда
Разъединяет кровная вражда.
Кругом готова к драке и разбою
Холопов кровожадная орда:
Он будет оскорблен любым слугою.
Одна старушка здесь к нему добра порою.

11

Счастливый случай! Вот она с клюкой
Приковыляла темным коридором
Туда, где он стоял, окутан мглой,
Не обольщен ни музыкой, ни хором.
Ее объял испуг, но тусклым взором
Она его окинула тотчас
И прошептала юноше с укором:
«Спеши домой, Порфиро, скройся с глаз —
Весь кровожадный род пирует здесь как раз!

12

Здесь карлик Гильдебранд,— в припадках бреда
Он часто проклинает в эти дни
Тебя, и твоего отца, и деда,
И даже землю всей твоей родни;
Лорд Морис тут, старик,— и все они
Тебе враги! Беги, мой мальчик милый!»
«Нет, тетушка, присядь и объясни
Сначала все».— «О пресвятые силы!
Коль не пойдешь за мной — ты на краю могилы».

13

Он двинулся за нею, низкий свод
Плюмажем задевая то и дело.
Старушка молвила: «Пришли, ну, вот»,—
И в комнатку войти ему велела
Под лестницей. В окно луна смотрела.

«Где Маделина? — сдерживая страсть,
Спросил Порфиро.— О, скажи, Анджела,
Во имя дев, которым Божья власть
Дозволила кудель Святой Агнессы прясть?»

14

«Святая ночь! Невинная Агнесса!
Но эта ночь опасностей полна.
Нет, не иначе, молодой повеса,
Ты носишь воду в сите колдуна
И с феями знаком. Изумлена
Твоей отваге я. Помилуй, Боже!
Где Маделина? Тешится она
Игрою в заклинательницу. Что же,
Ей весело — позволь и мне смеяться тоже».

15

Искрится смех в чертах ее лица.
Растет вниманье в юном господине —
Так завлекает бабка сорванца,
Мешая угли в гаснущем камине
И сказку оборвав на середине.
В глазах Порфиро светится вопрос:
Что хочется увидеть Маделине —
И, расспросив, сдержать не в силах слез:
Как сладко спит она в плену бесплотных грез.

16

Вдруг, сердце озарив желанным светом,
На ум уловка дерзкая пришла,—
Но, услыхав от юноши об этом,
Старушка в изумленье обмерла:
«Мне предлагать подобные дела
Как ты посмел, исчадье преисподней?
Я госпожу оберегу от зла —
Прочь, нечестивец, я не стану сводней;
Я думала, что ты гораздо благородней».

17

«О нет,— воскликнул юноша,— О нет!
Клянусь душой — греха не приумножу;
Пусть больше не взгляну на Божий свет,
Коль дивный сон на миг один встревожу
И хоть на шаг к ее приближусь ложу.
Анджела, сжалься, или я теперь
Последний путь к спасенью уничтожу
И криком разбужу весь дом, поверь —
Пусть каждый из врагов страшней, чем дикий зверь».

18

«О, горе мне, несчастной! Неужели
Приблизить хочешь ты последний час
Старухи немощной? Не о тебе ли
Я истово молилась каждый раз —
Чтобы тебя Господь хранил и спас?»
Но в голосе Порфиро зазвучала
Такая страсть, что выполнить наказ
Старушка наконец пообещала:
Все сделает она во что бы то ни стало.

19

В опочивальню к девушке тайком
Он проскользнет, не проронив ни слова;
Там спрячется за полог и потом
Красавицу увидит без покрова;
И, может быть, блаженства неземного
В ночь волшебства добьется господин.
Подобного свидания ночного
Влюбленный не изведал ни один
С тех пор, как заплатил свой страшный долг Мерлин.

20

«Ну, будь что будет! Ночь Святой Агнессы! —
Старушка молвила.— На пир ночной
Все лакомства и все деликатесы
Я принесу. За створкою дверной
Увидишь лютню ты. Господь с тобой!

Я так слаба и для устройства пира
Не больно-то гожусь. Обет святой
Ты дашь, что женишься на ней, Порфиро,—
Иль нет покоя мне до преставленья мира!»

21

Она ушла. Взволнованный юнец
Прождал минут неизмеримо много,
Пока она вернулась наконец
И позвала. Вдоль галерей дорога
Во тьме вилась. Кругом жила тревога.
Но вот они ступили на порог
Одетого шпалерами чертога,
Где молодой Порфиро скрыться мог,
Старушку отпустив, не чуявшую ног.

22

Анджела шла по лестнице старинной,
Держась рукой дрожащею своей,
Когда из тьмы кромешной Маделина,
Как ангелок, предстала перед ней
С узорною свечой. Вдоль галерей
Старушку тихо отвела девица
В ее покой. Теперь держись смелей,
Порфиро,— дева скоро возвратится:
Она уже идет, она летит, как птица!

23

Свеча клонила пламень голубой.
В лучах луны скользил дымок лениво.
Девица дверь закрыла за собой,
Молчанье соблюдая терпеливо;
Но сердце... сердце стало говорливо,
Стучит в груди лилейной все сильней,—
Так бьется, умирая от надрыва,
В орешнике зеленом соловей,
Внезапно онемев пред гибелью своей.

24

В алькове девичьем высокой аркой
Венчалось многоцветное окно,
Диковинной, необычайно яркой,
Тончайшею резьбой обрамлено:
В ней прихотливо было сплетено
Бесчисленное множество прекрасных
Цветов — а в центре, алый, как вино,
Был щит с эмблемой королей всевластных
Средь тысячи гербов и надписей неясных.

25

В окне сияла полная луна,—
И сверху падал отблеск багрянистый,—
Когда молиться начала она.
Он длани превращал в рубин лучистый,
Вправлял в нагрудный крестик аметисты,
И вкруг чела, как некоей святой,
Соткал ей нимб. Казалось, ангел чистый
Стоит — бескрыл, но окрылен мечтой.
Порфиро обомлел пред этой красотой.

26

Но вскоре ожил. Дева молодая
Прочла молитву до конца — и вот,
Шелка и драгоценности бросая,
Она почти нагою предстает,
Как нереида, вставшая из вод.
Воображенье деве рисовало
Агнессу — и теперь пришел черед
По ритуалу лечь под покрывало.
Но коль скосишь глаза — все волшебство пропало.

27

Она, дрожа, на ложе возлегла —
И тело девичье тотчас сомлело
От нежного, снотворного тепла;
И, словно мысль, ее душа от тела
До утренней денницы отлетела,—

Так девушку сковал блаженный сон,
Так древний свиток спит осиротело,
Песком и солнцем надписей лишен,
Так роза под дождем спит, превратясь в бутон

28

Порфиро, в этот рай проникший тайно,
В мечтах смотрел на брошенный наряд
И слушал каждый вздох, когда случайно
Вздыхала девушка,—и был он рад
В молитвах возводить влюбленный взгляд
При каждом вздохе. Но, страшась открыться,
Ступил вперед, волнением объят, —
Взглянул — и сердце стало чаще биться:
Как безмятежно спит прекрасная девица.

29

И расстелил Порфиро в полумгле,
У края ложа, скрытого от света,
Парчовый плат на маленьком столе —
Сей плат, имевший свойства амулета
Был ярко-красного, как пламя, цвета.
Издалека донесся звук рожка,
Литавры, приглушенный тон кларнета
Коснулись слуха юноши слегка,—
Но миг прошел, и вновь тревога далека.

30

А дева все спокойнее, все тише,
Спала в сорочке, тонкой, как туман,—
Пока Порфиро доставал из ниши
Пунцовые, как солнечный шафран,
Сладчайшие плоды из дальних стран;
Душистый мед, искрящийся и жидкий.
И Самарканд, и Смирна, и Ливан
Благоухали здесь, прислав в избытке
Дары своих садов и пряные напитки.

31

Из темной ниши на парчовый плат
Явилась драгоценная посуда.
И разливался пряный аромат
В ночной, прохладной тишине, покуда
Порфиро яства разложил на блюда.
«Теперь проснись, мой чистый серафим,
Открой глаза, пускай свершится чудо,—
О, пробудись! Твой друг тоской томим —
Иль он заснет сейчас последним сном своим».

32

Так прошептав, рукою осторожной
Коснулся он ее закрытых век,—
Но нет — разрушить чары невозможно,
Их растопить трудней, чем горный снег,
Чем лед, сковавший гладь широких рек;
А лунный свет бледнел. Сказать короче,
Казалось, не откроются вовек
Девичьи зачарованные очи —
Во власти колдовства необычайной ночи.

33

Порфиро лютню в руки взял тогда,
Коснулся струн. Аккорд раздался длинный,
Молчанье разрушая без следа:
La belle dame sans merci[1] — напев старинный
Встревожил слух прекрасной Маделины.
Она во сне вздохнула — и напев
Умолкнул. Оборвался сон невинный,—
Сверкнули очи, в миг один прозрев,—
А юноша застыл, как мрамор, побледнев.

34

Того, кто ей приснился, несомненно,
Перед собой увидела она:
Мучительно свершалась перемена,
Почти прогнав очарованья сна —

---

[1] Безжалостная красота *(франц.)*.

Красавица была изумлена
И поскорей заснуть желала снова,
Но медлила, волнения полна,
Столь робким видя юношу младого,
Что перед ней стоял, не говоря ни слова.

35

Она сказала: «Милый, что с тобой?
В моих ушах еще не отзвучали
Те клятвы, что шептал мне голос твой.
И не было в твоих глазах печали —
Они огонь прекрасный излучали...
О, возврати, верни свой голос мне,
Таким же стань, каким ты был вначале —
Еще побудь со мной, в прекрасном сне,
Не покидай меня в холодной тишине».

36

Такою речью сладостной Порфиро
Был зачарован и воспламенен.
Как яркая звезда среди эфира
Сверкнет, спеша взойти на небосклон,
Как в аромат, что розой порожден,
Вплетет фиалку нежную природа,—
Так он вошел в ее прекрасный сон.
А за окном — бушует непогода,
И медленно луна спустилась с небосвода.

37

Темно. Зернистый снег стучит в стекло.
«Нет, я не сон, мой ангел светлоокий!»
Темно. Метелью все заволокло.
«Да, ты не сон! Зачем же в путь далекий
Пустился ты? Кто так погряз в пороке,
Что нас оставил в комнате вдвоем?
Но знай, что покидаешь ты, жестокий,
Лишь горлинку с надломленным крылом,—
Тебя не прокляну... Но ты оставь мой дом!»

38

«О Маделина! Милая невеста!
Моих очей светлейшая звезда!
Я лишь затем проникнул в это место,
Чтоб стать твоим вассалом навсегда,—
Я пилигрим, и на пути сюда
Мне встретились тревоги и ненастья,
Но ничего из твоего гнезда,
Кроме тебя самой, не стану красть я,—
Молю, доверься мне — пред нами годы счастья!

39

Чу! Слышишь голос вьюги колдовской,—
Он нас зовет. Вставай, моя родная!
Заря близка, и день не за горой,—
Спеши за мной, сомнения не зная,—
Скорей, в дорогу! Братия хмельная
Не в силах ни подняться, ни взглянуть,
Над кружками рейнвейна засыпая.
Сквозь снег и вереск предстоит нам путь
На юг, где замок мой, где сможем отдохнуть».

40

И подчинилась Маделина. Скоро,
Превозмогая робость и испуг,
Она шагнула в темень коридора,
Хотя чудовищ видела вокруг.
За ней ступил ее влюбленный друг,
И в сумраке рассвета мутно-сером
Не доносился ни единый звук —
Лишь сквозняки скользили по шпалерам,
По вытканным на них галантным кавалерам.

41

Как призраки, в широкий темный зал
Они прошли к железным балюстрадам
У входа, где привратник мирно спал
С огромною пустой бутылкой рядом;
Он приподнялся и окинул взглядом

Свою хозяйку, снял с дверей замок,
Откинул цепь — и вот конец преградам:
Свирепый страж у двери снова лег,
И юная чета ступила за порог.

42

О, сотни лет, должно быть, пролетели,—
Следы влюбленных стерты, сметены...
В ту ночь барон метался по постели,
И всех его гостей душили сны:
Вампиры, черти, ведьмы, колдуны.
Анджела утром умерла от страха,
Над ней молитвы были прочтены...
Сто тысяч «Ave» не спасли монаха,
И он заснул навек средь ледяного праха.

1819

ИЗ ПОЭМЫ «ЭНДИМИОН»

* * *

Прекрасное пленяет навсегда.
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество. Все снова
Нас будет влечь к испытанному крову
С готовым ложем и здоровым сном.
И мы затем цветы в гирлянды вьем,
Чтоб привязаться больше к черноземy
Наперекор томленью и надлому
Высоких душ; унынью вопреки
И дикости, загнавшей в тупики
Исканья наши. Да, назло пороку
Луч красоты в одно мгновенье ока
Сгоняет с сердца тучи. Таковы
Луна и солнце, шелесты листвы,
Гурты овечьи, таковы нарциссы
В густой траве, так под прикрытьем мыса
Ручьи защиты ищут от жары.
И точно так рассыпаны дары
Лесной гвоздики на лесной поляне.
И таковы великие преданья
О славных мертвых первых дней земли,
Что мы детьми слыхали иль прочли.

1817

ГИМН ПАНУ

...и пел огромный хор:
«О ты, кто свой раскидистый шатер
Восставил на шершавые стволы
Над морем тишины и полумглы,
Цветов незримых и лесной прохлады;
Ты наблюдаешь, как гамадриады
Расчесывают влажные власы,
И бессловесно долгие часы
Внимаешь песне тростника в воде
В местах пустынных и злотворных, где
Плодится трубчатый болиголов,
И вспоминаешь, грустен и суров,
Как за Сирингой долго гнался ты
Сквозь травы и кусты,
Внемли тебе слагаемый пеан,
Великий Пан!

О ты, кому тревожно и влюбленно
Воркуют горлицы в листве зеленой,
Когда ступаешь ты через луга,
Что солнцем обрамляют берега
Твоих замшелых царств; кому несет
Смоковница с почтеньем каждый плод;
Кому любой обязан жизнью злак —
Цветущие бобы, пшеница, мак;
Кому в полях широких спозаранок
Возносятся напевы коноплянок
И для кого зеленый свой покров
Сплетают травы; крылья мотыльков
Тебя встречают праздничным нарядом,—
Так очутись же с нами рядом,
Как ветер, что над соснами возник,—
Божественный лесник!

О ты, кому, вольны и своенравны,
Спешат служить сатиры или фавны,
Чтоб зайца на опушке подстеречь,
От коршуна ягненка уберечь —
Поживу для прожорливой утробы;
Иль пастухов из сумрачной чащобы
Вернуть на им желанную тропу;
Иль, к берегу направивши стопу,

Ракушки собирать с прибрежных гряд,
Чтоб их кидать исподтишка в наяд
И за деревья прятаться в усмешке,
Когда они чернильные орешки
И шишки юных пихтовых дерев
    Друг в друга целить станут, осмелев,—
Во имя эха над долиной дикой —
    Явись, лесной владыка!

О ты, кто взмахи ножниц без конца
Считает, чтобы за овцой овца
Ушла остриженной,— ты, в рог трубящий,
Когда кабан, придя из темной чащи,
Пшеницу топчет,— ты, поля свои
Спасающий от бурь и спорыньи,—
Творитель звуков, что из-под земли
Доносятся на пустошах, вдали
Средь вересков лиловых угасая,—
Ты отворяешь двери, ужасая
Безмерным знаньем неземных пучин,
    Дриопы славный сын,
Узри к тебе идущих без числа
    С венками вкруг чела!

Останься необорною твердыней
Высоким душам, жаждущим пустыни,
Что в небо рвутся, в бесконечный путь,
Питая разум свой,— закваской будь,
Которая тупой земли скудель
Легко преобразует в колыбель,—
Будь символом величия природы,
Небесной твердью осенившей воды,
Стихией будь, летучею, воздушной,—
Не будь ничем иным! — И мы, послушно
Собравшись посреди лесных полян,
    Тебе возносим радостный пеан,—
Внимай же хору голосов, звучащих
    В твоих ликейских чащах!»

1817

СОНЕТ К БАЙРОНУ

О Байрон! Песней сладостной печали
Ты к нежности склоняешь все вокруг,
Как будто с арфы, потрясенной вдруг
Сочувствием, рыданья в прах упали,

И чтоб они не смолкли, не пропали,
Ты осторожно поднял каждый звук,
Дал волшебство словам душевных мук,
Явил нам скорбь в сияющем хорале.

Так темной туче отсвет золотой
Дарит луна, идя тропой дозорной,
Так жемчугом блестит убор простой,

Так жилками мерцает мрамор черный.
Пой, лебедь гордый, песнь разлуки пой,
Дай нам упиться грустью благотворной.

Декабрь 1814

СОНЕТ К ЧАТТЕРТОНУ

О Чаттертон! О жертва злых гонений!
Дитя нужды и тягостных тревог!
Как рано взор сияющий поблек,
Где мысль играла, где светился гений!

Как рано голос гордых вдохновений
В гармониях предсмертных изнемог!
Твой был восход от смерти недалек,
Цветок, убитый стужей предосенней.

Но все прошло: среди других орбит
Ты сам звездой сияешь лучезарной,
Ты можешь петь, ты выше всех обид

Людской молвы, толпы неблагодарной.
И, слез не скрыв, потомок оградит
Тебя, поэт, от клеветы коварной.

1814

СОНЕТ. К МИРУ

Мир! Отгони раздор от наших нив,
Не дай войне опять в наш дом вселиться!
Тройное королевство осенив,
Верни улыбку на живые лица.

Я рад тебе! Я рад соединиться
С товарищами — с теми, кто вдали.
Не порть нам радость! Дай надежде сбыться
И нимфе гор сочувственно внемли.

Как нам — покой, Европе ниспошли
Свободу! Пусть увидят короли,
Что стали прошлым цепи тирании,

Что Вольностью ты стал для всей земли,
И есть Закон — и он согнет их выи.
Так, ужас прекратив, ты счастье дашь впервые.

⟨1814⟩

ОДИНОЧЕСТВО

Пусть, Одиночество, с тобой сам-друг
Мне жить, но не в ущельях улиц тесных.
В обсерваторию стремнин отвесных
Поднимемся и поглядим вокруг.
Там зыбь кристальная, цветущий луг,—

С ладонь,— видны меж склонов многолесных.
Мне быть бы стражем средь шатров древесных!
Как резвые прыжки оленьи вдруг
Спугнули с наперстянки рой пчелиный —
Следил бы я с тобой в лесной глуши.
Но столько прихотливых дум в картины
Словесные вмещает ум невинный,
Что сладостней всего, когда в тиши
Беседуют две родственных души.

Ноябрь 1815

* * *

Тому, кто в городе был заточен,
Такая радость — видеть над собою
Открытый лик небес и на покое
Дышать молитвой, тихой, точно сон.

И счастлив тот, кто, сладко утомлен,
Найдет в траве убежище от зноя
И перечтет прекрасное, простое
Преданье о любви былых времен.

И, возвращаясь к своему крыльцу.
Услышав соловья в уснувшей чаще,
Следя за тучкой, по небу скользящей,

Он погрустит, что к скорому концу
Подходит день, чтобы слезой блестящей
У ангела скатиться по лицу.

Июнь 1816

ПОЭТ

В ночную стынь, в полдневную жару
Он смело ввысь летит. Без промедленья
Луга и скалы, воды и растенья
Идут к нему на тайную игру.
С предметов он срывает кожуру,
Добро и красоту являя зренью,
И там, где Знанье слепо, вдохновенье
Сквозь скорлупу ведет его к ядру.

Над оболочкой грубою и явной
На мощных крыльях дух его стремглав
Взмывает ввысь, и, таинства познав,
С пространством он беседует как равный.
И виден круг бессмертья огневой
Над обреченной смерти головой.

1815—1817

ПО СЛУЧАЮ ЧТЕНИЯ ГОМЕРА В ПЕРЕВОДЕ ЧАПМЕНА

Я видел земли в золотом убранстве,
Я обошел по тысячам дорог
Владенья бардов, стиховой оброк
Платящих Фебу в истом постоянстве.
И я слыхал во время этих странствий
О землях, где Гомер — и царь и бог.
Но только ясный Чапмен мне помог
Испить глоток в гомеровом пространстве.
Я чувствовал себя как астроном,
Звезду открывший в месиве вселенной,
Как Ко́ртес, различивший сквозь проем
В крутых вершинах океан степенный,
Орлиный взор лагуну жег огнем,
Не снисходя к толпе недоуменной.

Октябрь 1816

СТУДЕНЫЙ ВИХРЬ ПРОНОСИТСЯ ПО ЛОГУ

Студеный вихрь проносится по логу,
Рвет на откосе черные кусты;
Морозные созвездья с высоты
Глядят на дальнюю мою дорогу.

Пусть этот ветер крепнет понемногу,
И шелестят опавшие листы,
И леденеет серебро звезды,
И долог путь к домашнему порогу,

Я полон тем, что слышал час назад,—
Что дружбе нашей вечер этот хмурый:
Передо мною Мильтон белокурый,
Его Ликид, оплаканный, как брат,
Петрарка верный с милою Лаурой —
Зеленый, девичий ее наряд.

1816

К КОСТЮШКО

Костюшко! Меж прославленных имен,
Как дум высоких нива золотая,
Блестит твое, гармониями рая,
Хоралом сфер земной тревожа сон.

И там, из туч прорвавшись в небосклон,
Где имена бессмертные, блистая,
Чаруют слух, как музыка святая,
Где каждому воздвигнут звездный трон,

Оно пророчит, что настанет час
И добрый дух провеет над землей,—
Тогда с мужами древности, с Альфредом

Туда, туда, где правит бог живой,
Всемирным гимном призовешь ты нас —
К Великому, чей лик еще неведом.

Декабрь 1816

СОНЕТ
НАПИСАНО ИЗ ОТВРАЩЕНИЯ К ВУЛЬГАРНОМУ СУЕВЕРИЮ

Печальный звон колоколов церковных
К мольбам иным, к иным скорбям зовет,
Суля наплыв неслыханных забот
И проповедей мерзость празднословных.
Наш дух во власти колдовских тенёт.
Он от бесед высоких, от любовных
Утех, лидийских песен, безгреховных
Отрад у камелька — нас оторвет.

Пробрал бы душу этот звон постылый
Ознобом, как могилы смрадный хлад,
Но, как хиреющей светильни чад,
Как вздох последний, сгинет звук унылый,
А имена Бессмертных с новой силой
В садах благоуханных зазвучат.

22 декабря 1816

КУЗНЕЧИК И СВЕРЧОК

Вовеки не замрет, не прекратится
Поэзия земли. Когда в листве,
От зноя ослабев, умолкнут птицы,
Мы слышим голос в скошенной траве
Кузнечика. Спешит он насладиться
Своим участьем в летнем торжестве,
То зазвенит, то снова притаится
И помолчит минуту или две.

Поэзия земли не знает смерти.
Пришла зима. В полях метет метель,
Но вы покою мертвому не верьте.
Трещит сверчок, забившись где-то в щель,

И в ласковом тепле нагретых печек
Нам кажется: в траве звенит кузнечик.

30 декабря 1816

ПЕРЕД КОЛЛЕКЦИЕЙ ЛОРДА ЭЛГИНА

Мой дух, ты слаб. Занесена, как плеть,
Неотвратимость смерти над тобою.
В богоподобной схватке с немотою
Я слышу гул: ты должен умереть.
Орлу не вечно в синеву смотреть.
Но как отрадно мне всплакнуть порою,
Что я восходу веки не открою
И не сплету лучи в густую сеть.
Но этот ход мышления обычный
Не примиряет дух с самим собой,

И я смотрю, к отчаянью привычный,
Как Время с беспощадностью тупой
Смешало строй гармонии античной —
Размытый след галактики иной.

Март 1817

К ХЕЙДОНУ

Прости мне, что невнятно бормочу
И мямлю, рассуждая о высоком,
Что я не наделен орлиным оком:
Не знаю, где искать, чего хочу.
Была бы эта ноша по плечу! —
Лавину слов бушующим потоком
Со страстью, подобающей пророкам,
Я мчал бы к геликонскому ключу.
С Высоким ты один запанибрата.
Нам, слабым, целовать тебе ступню.
Знак божества взвился в лучах заката —
Толпа не прекратила болтовню,
Но ты увидел свет его крылатый
И к явленной звезде велел лететь коню.

Март 1817

К МОРЮ

Шепча про вечность, спит оно у шхер,
И, вдруг расколыхавшись, входит в гроты,
И топит их без жалости и счета,
И что-то шепчет, выйдя из пещер.
А то, бывает, тише не в пример,
Оберегает ракушки дремоту
На берегу, куда ее с излету
Последний шквал занес во весь карьер.

Сюда, трудом ослабившие зренье!
Обширность моря даст глазам покой.
И вы, о жертвы жизни городской,
Оглохшие от мелкой дребедени,
Задумайтесь под мерный шум морской,
Пока сирен не различите пенья!

16 апреля 1817

СТАНСЫ ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

О деревцо нагое,
Ты в ледяном плену
И радостном покое
Не вспомянешь весну;
Тебя ни хлад, ни слякоть
Не приневолят плакать,
И тонких веток мякоть
Они не повредят.

Родник, журчащий сонно,
Ты в декабре седом
О взоре Аполлона
Не вспомнишь подо льдом,—
Забывши дни отваги,
В хрустальном саркофаге
Почиют капли влаги,
Не злясь на зимний хлад.

Как было бы приятно
Порвать с минувшим связь,
Но можно ль жить, превратной
Судьбой не тяготясь?
Как, встретивши невзгоду,
Не злиться на природу,
Не рваться на свободу —
Стихи не говорят.

Декабрь 1817

ПЕРЕД ТЕМ, КАК ПЕРЕЧИТАТЬ «КОРОЛЯ ЛИРА»

О сладостный роман! О звон цевницы,
Из чистых звуков сотканный узор!
В сей зимний день не дли свой разговор,
Сомкни свои старинные страницы.

Прощай! Передо мною повторится
Страданья и проклятия раздор —
В Шекспиров сад хочу я кинуть взор,
И горькими плодами насладиться.

О Бард! О Альбиона облака,
Зиждители извечного сюжета!
Сквозь дикий лес дорога нелегка,—

Да не лишусь я в нем благого света,
А если я в пути сгорю дотла —
Пусть обрету я феникса крыла!

22 января 1818

КОГДА МНЕ СТРАШНО

Когда мне страшно, что в едином миге
Сгорит вся жизнь — и прахом отойду,
И книги не наполнятся, как риги
Богатой жатвой, собранной в страду;

Когда я в звездных дебрях мирозданья
Пытаю письмена пространств иных
И чувствую, что отлетит дыханье,
А я не удержу и тени их;

Когда я вижу, баловень минутный,
Что, может быть, до смерти не смогу
Насытиться любовью безрассудной,—

Тогда — один — стою на берегу
Большого мира, от всего отринут,
Пока и слава и любовь не сгинут.

Январь 1818

ПЕСНЬ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Здравствуй, радость, здравствуй, горе,
Леты ил, Гермеса перья;
Все, что есть и будет вскоре,—
Все люблю равно теперь я!
Мне милы и смех в час хмурый предвечерья,
И в вёдро — облик, скорбью искаженный;
Зло с добром люблю теперь я,
Огнь, под лугом затаенный,
Маргаритку с белладонной;

Мудреца на фарсе; звон
Заунывный похорон;
В розах скрытую змею;
Штиль, разбитую ладью;
Клеопатру, что на троне
Прячет аспида на лоне;
Мертвый череп — им дитя
Забавляется шутя;
В звуках грусть и радость разом,
Сумасшествие и разум;
Бледных муз и светлых муз;
Мома с Кроносом союз;
Смех, и вздох, и смех опять —
О, как сладостно страдать!
Музы света и печали,
Лик довольно вы скрывали,
Покажитесь! Дайте мне
Петь о ночи и о дне —
Да познаю в награжденье
Нежной боли утоленье!
Над главой моей сплетись,
С миртом — мрачный кипарис,
С хвоей — липы цвет обильный...
Будь скамьей мне, дерн могильный.

Декабрь 1818

РОБИН ГУД

Другу

Нет! Навек прошли те дни:
Стары, в седине они.
Много дней, часов, минут
Обрело себе приют
Под опавшею листвой.
Часто, часто ветра вой
Слал метелям зимним зов
На пиры во тьме лесов.
...Раньше не было невзгод,
И аренд не знал народ.

Нет, не слышен больше рог,
Луком не звенит стрелок,

Не трубит рожок впотьмах
Ни в степи, ни на холмах,
И в лесу не слышно смеха;
Не повергнет больше эхо
Нынче путника в испуг
Шуткой, в чаще слышной вдруг.

В дни июня даль ясна.
В путь: хоть солнце иль луна
Или светлых семь Плеяд
Свет в пути тебе струят,
Робин Гуда, мне поверь,
Не увидишь ты теперь,
По пустой баклаге счет
Уж никто не отобьет,
Напевая песнь ловцов,
Этим скоротать готов
Путь к веселости своей
Возле Трента, средь полей...
Навсегда ушли отсель
Песня, шутка, пряный эль.

Нет веселых плясок ныне,
Смолкла песнь о Гамелине.
Где разбойник удалой,
Скрытый в зелени густой?
Век былой прошел, пропал...
Если б нынче Робин встал
Из могилы средь полян,
Если б дева Мариан
Снова в этот лес пришла,
Явь бы их с ума свела:
Повалил дубы с тех пор
Корабельщика топор,
И в волнах гниют они.
Пчелы смолкли в наши дни,
Нынче — странно! — даже мед
Всяк за деньги лишь возьмет!

Будем петь мы все равно:
Славься, Линкольна сукно!
Слава старой тетиве!
Слава плещущей листве!
Славься, старый громкий рог!
Славься, сметливый стрелок!

Славься, наш Малютка Джон,
Конь твой также восхвален!
Славься, храбрый Робин Гуд,
Что в лесу обрел приют!
Славься, дева Мариан!
Славься, весь разбойный клан!
Пусть прошли те дни — вдвоем
Песню мы с тобой споем.

3 февраля 1818

СТРОКИ О ТАВЕРНЕ «МОРСКАЯ ДЕВА»

Души бардов прошлых дней!
Вам найдется ль Элизей —
Луг зеленый, кров пещерный —
Краше сени той таверны?
Где напиток хоть один
Похмельней канарских вин?
Есть ли в кущах райских плод,
Что с дичиной превзойдет
Пироги? Прекрасней блюд
Не едал и Робин Гуд,
В час, как с милою своей
Пировал в сени ветвей.

Слышал я, что как-то раз
С «Девой» вывеска от вас
Улетела в небосвод,
Но однажды звездочет
Смог в пергамент свой вписать:
Стала видима опять
Ваша славная семья —
Нектар сладостный лия,
Пили весело гуляки
Здравье Девы в Зодиаке.

Души бардов прошлых дней!
Вам найдется ль Элизей —
Луг зеленый, кров пещерный —
Краше сени той таверны?

Февраль 1818

К ДАМЕ, КОТОРУЮ АВТОР ВИДЕЛ ОДНАЖДЫ В ВОКСХОЛЛЕ

Пять лет о берег бил прибой времен
И под приливом двигались пески
С тех пор, как я тобою был пленен,
Когда перчатку ты сняла с руки.
Увижу я полночный небосвод —
И взора твоего звезда горит,
Увижу я, как роза расцветет —
И вспоминаю цвет твоих ланит,
Увижу я бутон — и слух готов
К устам твоим лететь на зов мечты
И ожидать любовных нежных слов
И жить обманом... Затмеваешь ты
Воспоминанием восторг любой
И отравляешь радости тоской.

4 февраля 1818

К НИЛУ

Сын старых африканских лунных гор,
Дом крокодилов, область пирамид!
Мы говорим: ты благ и плодовит,
Но лишь одну пустыню видит взор.
Народов смуглых нянька с давних пор,
Ты благостен? Иль твой обманчив вид
Для тех, кого работа тяготит,
Кто до Каира строй могил простер?
Нет, мрачная догадка не права!
Незнанью чудится пустыни тишь
Во всем чужом. Твоя вода жива,
Как наши реки, поишь ты камыш,
И так же омываешь острова,
И к морю так же весело спешишь.

4 февраля 1818

К СПЕНСЕРУ

О Спенсер! Обожатель твой лесник,
Пройдя твой лес, вчера с улыбкой милой
Просил, чтоб я, твоей подвигнут силой,
Впредь очищал английский мой язык.

Сказитель эльфов! Кто ж из нас достиг —
Из нас, живущих средь зимы постылой,
Таких высот, как Феб золотокрылый,
Чтоб разливать веселье утра вмиг?
Кто может без упорного труда
Живить, как ты, свои произведенья?
Цветок из почвы долго пьет всегда,
Пока придет пора его цветенья.

Явись весной: из кожи буду лезть,
Ему на радость, а тебе на честь.

5 февраля 1818

ОТВЕТ НА СОНЕТ РЕЙНОЛЬДСА,

заканчивающийся словами:

«Мне чернота в глазах куда милее,
Чем подражанье сини гиацинта».

Синь! Естество небес — чертог Селены,
В покоях солнца сотканный альков,
Шатер Атланта, полог неизменный
Лиловых, серых, сизых облаков.
Синь! Естество воды — у океана,
У рек, бегущих бездну наполнять,
Ни пене, ни камням, ни урагану
Врожденной этой сини не отнять.
Синь! Ты в родстве с покровом рощ зеленых
И, с изумрудом трав обручена,
Ты ворожишь фиалками на склонах.
Как ты искусно чертишь письмена
Резных теней! Но взгляды синих глаз
Сильней всего приковывают нас!

8 февраля 1818

О ЧЕМ ГОВОРИЛ ДРОЗД

Строчки из письма к Джону Гамильтону Рейнольдсу

Ты — тот, кто ветру подставлял лицо,
Кто видел в дымке тучи обложные
И вязы среди звезд заиндевевших;
Пожнешь ты жатву — лишь весна придет.

Ты — тот, кому казался книгой свет
Кромешной мглы, которая питает
Тебя всю ночь, до появленья Феба;
Тебе весна сторицею воздаст.
О знаньях не пекись — и будь как я:
Ведь песенке моей неведом холод.
О знаньях не пекись — и будь как я:
Мне внемлет Вечер. Тот, кто загрустил
При слове праздность,— праздным быть не может.
Лишь наяву ты думаешь, что спишь.

19 февраля 1818

ГОМЕРУ

Быть в стороне, как я,— удел невежд.
Но слышу про тебя и про Киклады,
Как домосед, исполненный надежд
Узреть в морях коралловые клады.
Да, ты был слеп, но пелену Зевес
Сорвал, открыв тебе простор небесный.
Пан пеньем пчел звучать заставил лес.
Из пены Посейдон шатер чудесный
Тебе соткал. На берег темноты
Свет хлынул, пропасти — травою сочной
Оделись, и трояким зреньем ты
Раскрытье утра видел в час полночный.
Не так ли Артемиды властный взгляд
Пронзал три царства: небо, землю, ад?

1818

* * *

Четыре разных времени в году,
Четыре их и у тебя, душа.
Весной мы пьем беспечно, на ходу
Прекрасное из полного ковша.

Смакуя летом этот вешний мед,
Душа летает, крылья распустив.
А осенью от бурь и непогод
Она в укромный прячется залив.

Теперь она довольствуется тем,
Что сквозь туман глядит на ход вещей.
Пусть жизнь идет неслышная совсем,
Как у порога льющийся ручей.

Потом — зима. Безлика и мертва.
Что делать! Жизнь людская такова.

Март 1818

НА ПОСЕЩЕНИЕ МОГИЛЫ БЕРНСА

Прекрасны луч заката и ракиты,
Округлые холмы и городок,
Но только сердце мучит холодок,
Как будто повторился сон забытый.
В бою с Зимой болезненной добыта
Бескровность Лета на ничтожный срок.
Здесь даже звезды небесам не впрок —
Все так бездушно! И душа убита:
Кто, как Мидас, способен полюбить
Реальность Красоты, не облаченной
Убогим вымыслом в наряд мертвящий?
О Бернс! Тебя я славил, восхищенный,
Но в этот час исчезни, дух парящий —
Твой край родной я вынужден чернить.

1 июля 1818

МЭГ МЭРРИЛИЗ

I

Старуха Мэг цыганкой
Была, и с малых лет
Постелью вереск ей служил,
А домом — целый свет.

II

Вином — роса на лепестках,
Свечой ей месяц был,
А книгами — надгробья
Заброшенных могил.

III

Ей были братьями холмы
И ель была сестрой,
И вольно ей жилось с такой
Веселою семьей.

IV

Пускай не жирен был обед,
И, отходя ко сну,
Ей вместо ужина глазеть
Случалось на луну.

V

Но по утрам зато всегда
Вила венки она
И песни пела по ночам,
Гуляя допоздна.

VI

И, в темных, старческих руках
Стеблями трав шурша,
Она циновки для крестьян
Плела из камыша.

VII

Как амазонка, Мэг была
Высокой и прямой,
Носила рваный красный плащ
И летом и зимой.
О боже, бедный прах ее
Да обретет покой!

2 июля 1818

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В ШОТЛАНДИИ, В ДОМИКЕ РОБЕРТА БЕРНСА

Прожившему так мало бренных лет,
Мне довелось на час занять собою
Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.

Ячменный сок волнует кровь мою.
Кружится голова моя от хмеля.
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлен, своей достигнув цели.

И все же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.

Ах, улыбнись! Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!

11 июля 1818

СТРОКИ, НАПИСАННЫЕ В СЕВЕРНОЙ ШОТЛАНДИИ, ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ ДЕРЕВНИ БЕРНСА

Как сладко полем проходить, где веет тишиной,
Где слава одержала верх в бою за край родной,
Иль — вересковой пустошью, где был друидов стан,
А нынче мох седой шуршит и царствует бурьян.
Все знаменитые места бессчетно тешат нас,
О них сказанья повторять мы можем сотни раз,
Но сладостней отрады нет, неведомой дотоль,
Чем иссушающая рот, божественная боль,
Когда по торфу и песку волочится ходок
И по кремням прибрежных скал бредет, не чуя ног,
Бредет к лачуге иль дворцу, дабы воздать поклон
Тому, кто вживе был велик и славой умерщвлен.
Багульник трепеща вознес лучистые цветы,
И солнце песенке юлы внимает с высоты,
Ручьи лобзают стрелолист у плоских берегов,
Но медленных, тоскливых вод невнятен слабый зов.

Закат за черным гребнем гор потоки крови льет,
Ключи сочатся из пещер, из темных недр болот,
Как бы дремля, парят орлы средь синевы пустой,
Лесные голуби кружат над гробовой плитой,
Но вечным сном заснул поэт, и вещий взор ослеп,—
Так пилигрим усталый спал, найдя в пустыне склеп.
Порой,— душа еще дитя, что мудрости полно,
Но сердце барда мир забыл, вотще стучит оно.
О, если б снова мог прожить безумец полдень свой
И до заката опочить, но все пропеть с лихвой!
Он в трепет бы привел того, чей дух всегда в пути,
Кто колыбель певца сумел на севере найти.
Но краток срок, недолог взлет за грань тщеты земной,
Из жизни горькой и благой, в надзвездный мир иной;
Недолог взлет и краток срок,— там дольше быть нельзя,
Не то забудется твоя скудельная стезя.
Как страшно образ потерять, запомненный в былом,
Утратить брата ясный взгляд, бровей сестры излом!
Вперед, сквозь ветер! И вбирай палящий колорит;
Он жарче и мощней того, что на холстах горит!
Виденья прошлого живят былую смоль кудрей,
Седины скудные ярят и гонят кровь быстрей.
Нет, нет! Не властен этот страх! И, натянув канат,
Ты счастлив, чуя, как рывком тебя влечет назад.
Блажной, на водопад воззрев, ты в следующий миг
Заметы памяти твоей уже почти постиг;
Ты их читаешь в царстве гор, пристроясь на углу
Замшелой мраморной плиты, венчающей скалу.
Хоть прочен якорь, но всегда паломник в путь готов,
Он мудрость в силах сохранить, бредя в стране хребтов,
И зыбку гения сыскать, средь голых, черных гор,
И не сомкнуть глаза души, не замутить свой взор.

18 июля 1818

ОДА К ФАННИ

1

Природа-врач! Пусти мне кровь души!
Лишь брось на свой треножник, и послушно
Пусть хлынут из груди стихи. Мне душно...
От стихотворства сердце разреши!

Дай только тему, тему! Дай мне роздых.
Мечта моя, ты видишься сквозь мрак.
Но где призывный знак,
Чтоб выбежал я на морозный воздух?

2

Любовь моя! Ты — нежная обитель
Надежд, печалей, страхов и отрад.
Сейчас, во мгле ночной, как небожитель,
Ты светишь — отгадал я без ошибки! —
Волшебной красотой своей улыбки,
Чей блеск мой бедный, жадный, рабский взгляд
Впивает в изумленье
И в сладостном томленье.

3

Мой пир! Тебя глазами ест обжора.
Луны моей серебряной смущенье
Кто смеет вызывать бесстыдством взора?
Пусть говорит в нем страсть,
Руки своей не позволяй украсть!
И пульса учащенного биенье
Оставь мне, сжалься! Даже невзначай
Ты сердца от меня не отвращай.

4

Хоть музыка звучит, и сладострастных
Видений сонм колышет воздух жаркий,
Ты бойся танца завитков опасных,
Вдыхая этот хмель,
Воздержанная лилия, апрель
Улыбчивый, холодный, яркий.
Дай господи, чтоб не осталось втуне
Мое мечтанье о тепле июня!

5

— Неправда! — скажешь, Фанни? К белоснежной
Груди ты руку мягкую прижми,
И, сердца звук услышав безмятежный,
Признайся: верность женская мужчине —
Перо, что плавает в морской пучине!
Давным-давно известно меж людьми:
Изменчива подруга,
Как одуванчик луга.

6

Сознанье это — горше всяких бед
Тому, кто одержим любовью, Фанни,
Как я, чье сердце за тобою вслед
Стремится, здравый смысл отринув
И свой постылый дом покинув.
С нас требует любовь жестокой дани.
Мой ангел! Снизойдя к такой плачевности,
Спаси, убереги меня от ревности!

7

О, если ценишь пыл души смиренной,—
Не блеск минутный оболочки внешней,—
Пускай любви моей престол священный
Никто не осквернит, и хлеб святой
Да не прело́мит грубою рукой,
И не сомнет цветок мой вешний.
А если нет — я навсегда закрою
Глаза, предавшись вечному покою.

Январь 1819

* * *

Чему смеялся я сейчас во сне?
Ни знаменьем небес, ни адской речью
Никто в тиши не отозвался мне...
Тогда спросил я сердце человечье:

Ты, бьющееся, мой вопрос услышь,—
Чему смеялся я? В ответ — ни звука.
Тьма, тьма кругом. И бесконечна мука.
Молчат и бог и ад. И ты молчишь.

Чему смеялся я? Познал ли ночью
Своей короткой жизни благодать?
Но я давно готов ее отдать.
Пусть яркий флаг изорван будет в клочья.

Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильней.

Март 1819

К ЗВЕЗДЕ

О, если б вечным быть, как ты, Звезда!
Но не сиять в величье одиноком,
Над бездной ночи бодрствуя всегда,
На Землю глядя равнодушным оком —

Вершат ли воды свой святой обряд,
Брегам людским даруя очищенье,
Иль надевают зимний свой наряд
Гора и дол в земном круговращенье,—

Я неизменным, вечным быть хочу,
Чтобы ловить любимых губ дыханье,
Щекой прижаться к милому плечу,
Прекрасной груди видеть колыханье

И в тишине, забыв покой для нег,
Жить без конца — или уснуть навек.

Апрель 1819

К СНОВИДЕНИЮ

Как взмыл Гермес, почуяв легкость в теле,
Лишь только Аргус, сломлен, опочил,
Так мой бродяжий дух игрой свирели
Околдовал, измучил, приручил

Вселенную — стоокого дракона —
И бросился, пока громада спит,
Не к чистой Иде в белизне бездонной,
Не к роще, где в тоске бродил Кронид,—
К второму кругу горестного ада,
Где скорченных любовников несет
Крутящий смерч, сечет лавина града
И хлещет дождь. Как горек этот рот,
Ко мне прильнувший, как прекрасно тело,
С которым плоть моя сквозь мрак летела.

Апрель 1819

К СНУ

Бальзам душистый льешь порой полночной,
Подносишь осторожные персты
К моим глазам, просящим темноты.
Целитель Сон! От света в час урочный
Божественным забвеньем их укрой,
Прервав иль дав мне кончить славословье,
Пока твой мак рассыплет в изголовье
Моей постели сновидений рой.
Спаси! Мне на подушку день тоскливый
Бросает отсвет горя и забот.
От совести воинственно-пытливой,
Что роется во мраке, словно крот,
Спаси меня! Твой ключ мироточивый
Пускай ларец души моей замкнет.

22 апреля 1819

ДВА СОНЕТА О СЛАВЕ

I

Дикарка-слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у нее успех
Или повеса, к славе равнодушный.

Гордячка к тем влюбленным холодней,
Кто без нее счастливым быть не хочет.
Ей кажется: кто говорит о ней
Иль ждет ее,— тот честь ее порочит!

Она — цыганка. Нильская волна
Ее лица видала отраженье.
Поэт влюбленный! Заплати сполна
Презреньем за ее пренебреженье.

Ты с ней простись учтиво — и рабой
Она пойдет, быть может, за тобой!

II

Нельзя пирог и съесть
и думать, что он есть.

(Пословица)

Как жалок ты, живущий в укоризне,
В тревожном недоверье к смертным дням!
Тебя пугают все страницы жизни,
И славы ты себя лишаешь сам;

Как если б роза розы растеряла
И слива стерла матовый налет
Или Наяда карлицею стала
И низким мраком затемнила грот;

Но розы на кусте благоухают,
Для благодарных пчел даря нектар,
И слива свой налет не отряхает,
И своды грота множат свое эхо,—
Зачем же, клянча по миру успеха,
В неверии ты сам крадешь свой дар?

Апрель 1819

LA BELLE DAME SANS MERCI

«Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
Печален, бледен, одинок?
Поник тростник, не слышно птиц,
И поздний лист поблек.

Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
Какая боль в душе твоей?
Полны у белок закрома,
Весь хлеб свезен с полей.

Смотри: как лилия в росе,
Твой влажен лоб, ты занемог.
В твоих глазах застывший страх,
Увяли розы щек».

Я встретил деву на лугу,
Она мне шла навстречу с гор.
Летящий шаг, цветы в кудрях,
Блестящий дикий взор.

Я сплел из трав душистых ей
Венок, и пояс, и браслет
И вдруг увидел нежный взгляд,
Услышал вздох в ответ.

Я взял ее в седло свое,
Весь долгий день был только с ней.
Она глядела молча вдаль
Иль пела песню фей.

Нашла мне сладкий корешок,
Дала мне манну, дикий мед.
И странно прошептала вдруг:
«Любовь не ждет!»

Ввела меня в волшебный грот
И стала плакать и стенать.
И было дикие глаза
Так странно целовать.

И убаюкала меня,
И на холодной крутизне
Я все забыл в глубоком сне,
В последнем сне.

Мне снились рыцари любви,
Их боль, их бледность, вопль и хрип:
La belle dame sans merci
Ты видел, ты погиб!

Из жадных, из разверстых губ
Живая боль кричала мне.
И я проснулся — я лежал
На льдистой крутизне.

И с той поры мне места нет,
Брожу печален, одинок,
Хотя не слышно больше птиц
И поздний лист поблек.

Май 1819

СОНЕТ О СОНЕТЕ

Уж если суждено словам брести
В оковах тесных — в рифмах наших дней,
И должен век свой коротать в плену
Сонет певучий,— как бы нам сплести
Сандалии потоньше, понежней
Поэзии — для ног ее босых?
Проверим лиру, каждую струну,
Подумаем, что можем мы спасти
Прилежным слухом, зоркостью очей.
Как царь Мидас ревниво в старину
Хранил свой клад, беречь мы будем стих.
Прочь мертвый лист из лавровых венков!
Пока в неволе музы, мы для них
Гирлянды роз сплетем взамен оков.

Апрель 1819

ОДА ПСИХЕЕ

К незвучным этим низойдя стихам,
    Прости, богиня, коль почтешь секретным
То, что молве невольно я предам,
    Воспоминаньем увлечен заветным.
Ужель я грезил? Или наяву
    Я подсмотрел Психеи взор скользящий?
    Без цели я блуждал весенней чащей,
Как вдруг, застыв, увидел сквозь листву
    Два существа прекрасных; за дрожащей
Завесой рослых трав и лепестков
    Они лежали вместе, и звенящий
        Родник на сто ладов
Баюкал их певучими струями.

Душистыми, притихшими глазами
Цветы глядели, нежно их обняв;
Они покоились в объятьях трав,
Переплетясь руками и крылами.
Спокойное дыханье губ одних
Касалось губ соседних, словно их
Рукою мягкой развела дремота,
И снова поцелуями без счета
Они, с румяным расставаясь сном,
Готовы будут одарять друг друга.
Крылатый этот мальчик мне знаком.
Но кто его счастливая подруга?

В семье бессмертных младшая она,—
Но чудотворней, чем сама Природа;
Прекраснее, чем Солнце и Луна,
И Веспер, червь блестящий небосвода.
Прекрасней всех! — хоть храма нет у ней,
Ни алтаря с цветами;
Ни хора дев, под кронами аллей
Поющих вечерами;
Ни флейты, ни кифары, ни дымков
От смол благоуханных;
Ни рощи, ни святыни, ни жрецов,
От заклинаний пьяных.

О Светлая! Давно умчались годы
Античных клятв и богомольных лир,
Когда святым казался целый мир:
И воздух, и огонь его, и воды.
Но и теперь, хоть это все ушло,
Вдали восторгов, ныне заповедных,
Я вижу, как меж олимпийцев бледных
Искрится это легкое крыло.
Так разреши мне быть твоим жрецом,
От заклинаний пьяным;
Кифарой, флейтой, вьющимся дымком,
Дымком благоуханным;
Святилищем, и рощей, и певцом —
И вещим истуканом!

Да, я пророком сделаюсь твоим —
И возведу уединенный храм
В лесу своей души, чтоб мысли сосны,

Со сладкой болью прорастая там,
Тянулись ввысь, густы и мироносны.
С уступа на уступ, за стволом ствол,
Скалистые они покроют гряды;
И там под говор птиц, ручьев и пчел
Уснут в траве пугливые дриады.
И в этом средоточье, в тишине,
Невиданными, дивными цветами,
Гирляндами и светлыми звездами —
Всем, что едва ли виделось во сне
Фантазии, шальному садоводу,
Я храм украшу,— и тебе в угоду
Всех радостей оставлю там ключи,
Чтоб никогда ты не глядела хмуро,—
И яркий факел, и окно в ночи,
Раскрытое для мальчика Амура!

Апрель 1819

ОДА ПРАЗДНОСТИ

I

Трех человек увидел я однажды
В рассветной грезе,— все они прошли
Передо мной, и облачен был каждый
В сандальи и хитоны до земли,—
Фигуры, что на мраморную вазу
Нанесены,— они прошли кругом
И вновь пришли в порядке регулярном,
Дотоле мной не виданы ни разу
И странны мне,— так часто незнаком
Бывает скульптор с ремеслом гончарным.

II

Но отчего, таинственные тени,
Не опознала вас моя душа?
Затем ли, чтоб чредою наваждений
Скользили мимо вы, не разреша
Меня от сна? — Стоял дремотный час,
И Праздность без услады и без боли
Вливалась в ощущения мои;

Я цепенел, и пульс мой тихо гас,—
Зачем пришли вы и не дали воли
Остаться мне в моем небытии?

III

Да, в третий раз приблизились они —
О, для чего? Мне виделось в дурмане
Сонливом, что душа моя сродни
Цветами изукрашенной поляне,
Висел туман, по сладостным слезам
Упасть на землю не было дано;
Сминало рамой листья винограда
Открытое в весенний сад окно,—
О тени! Слез моих не видеть вам!
Ступайте прочь, свиданья длить не надо!

IV

На миг оборотясь, опять ушла
Фигур неторопливых вереница,—
И мне хотелось обрести крыла,
Лететь за ними — я узнал их лица:
Любовь ступала первою из них,
Затем Тщеславье мерной шло походкой,
Отмеченное бледностью чела,—
И третья шла, чей шаг был мягок, тих —
Я знался с нею, с девою некроткой —
И то сама Поэзия была.

V

Они ушли — мне крыльев не хватало...
Ушла Любовь,— на что тебе она?
Тщеславие? — Оно берет начало
В безумии, и суть его бедна.
Поэзия? — Отрады нет в тебе,
Какую в полднях склонен усмотреть я
И в вечерах, в которых брезжит сон,—
Я покорился бы такой судьбе,
Но как суметь вернуться в те столетья,
Когда Мамоной не был мир пленен?

VI

Прощайте! Вам не пробудить меня,
Почиющего на цветочном ложе,—
Мне похвалами не прожить и дня,
Что получает баловень пригожий,—
Пройди, видений строй благообразный,
Останься лишь увиденным во сне
Орнаментом античного сосуда;
Оставьте гений мой в дремоте праздной,
Исчезните, фантомы, прочь отсюда
И больше не тревожьтесь обо мне!

Май 1819

ОДА СОЛОВЬЮ

I

От боли сердце замереть готово,
И разум — на пороге забытья,
Как будто пью настой болиголова,
Как будто в Лету погружаюсь я;
Нет, я не завистью к тебе томим,
Но переполнен счастьем твой напев,—
И внемлю, легкокрылая Дриада,
Мелодиям твоим,
Теспящимся средь буковых дерев,
Среди теней полуночного сада.

II

О, если бы хотя глоток вина
Из глубины заветного подвала,
Где сладость южных стран сохранена —
Веселье, танец, песня, звон кимвала;
О, если б кубок чистой Иппокрены,
Искрящийся, наполненный до края,
О, если б эти чистые уста
В оправе алой пены
Испить, уйти, от счастья замирая,
Туда, к тебе, где тишь и темнота.

III

Уйти во тьму, угаснуть без остатка,
Не знать о том, чего не знаешь ты,
О мире, где волненье, лихорадка,
Стенанья, жалобы земной тщеты;
Где седина касается волос,
Где юность иссыхает от невзгод,
Где каждый помысел — родник печали,
Что полон тяжких слез;
Где красота не доле дня живет
И где любовь навеки развенчали.

IV

Но прочь! Меня умчали в твой приют
Не леопарды Вакховой квадриги,—
Меня крыла Поэзии несут,
Сорвав земного разума вериги,—
Я здесь, я здесь! Кругом царит прохлада,
Луна торжественно взирает с трона
В сопровожденье свиты звездных фей;
Но темен сумрак сада;
Лишь ветерок, чуть вея с небосклона,
Доносит отсветы во мрак ветвей.

V

Цветы у ног ночною тьмой объяты,
И полночь благовонная нежна,
Но внятны все живые ароматы,
Которые в урочный час луна
Дарит деревьям, травам и цветам,
Шиповнику, что полон сладких грез,
И скрывшимся среди листвы и терний,
Уснувшим здесь и там,
Соцветьям мускусных, весенних роз,
Влекущих мошкару порой вечерней.

VI

Я в Смерть бывал мучительно влюблен,
Когда во мраке слушал это пенье,
Я даровал ей тысячи имен,
Стихи о ней слагая в упоенье;
Быть может, для нее настали сроки,
И мне пора с земли уйти покорно,
В то время, как возносишь ты во тьму
Свой реквием высокий,—
Ты будешь петь, а я под слоем дерна
Внимать уже не буду ничему.

VII

Но ты, о Птица, смерти непричастна,—
Любой народ с тобою милосерд.
В ночи все той же песне сладкогласной
Внимал и гордый царь, и жалкий смерд;
В печальном сердце Руфи, в тяжкий час,
Когда в чужих полях брела она,
Все та же песнь лилась проникновенно,—
Та песня, что не раз
Влетала в створки тайного окна
Над морем сумрачным в стране забвенной.

VIII

Забвенный! Это слово ранит слух,
Как колокола глас тяжелозвонный;
Прощай! Перед тобой смолкает дух —
Воображенья гений окрыленный.
Прощай! Прощай! Напев твой так печален,
Он вдаль скользит — в молчание, в забвенье,
И за рекою падает в траву
Среди лесных прогалин,—
Что было это — сон иль наважденье?
Проснулся я — иль грежу наяву?

Май 1819

ОДА ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗЕ

1

Покоя девственной невестой став,
Замедленного времени безвестный
Приемыш, дай услышать твой прелестный,
Душистый слог историка дубрав.
Какое, в лиственном венке, преданье
Твой стан объемлет? Это — люди? Боги?
Аркадию иль Темпе видит глаз?
И что это за девы-недотроги?
Что за погони, бегства, умыканья,
Тимпаны, флейты, бешеный экстаз?

2

Напев звучащий услаждает ухо,
Но сладостней неслышимая трель.
Играй, но не для чувственного слуха,—
Душе играй, беззвучная свирель.
Любовник дерзкий, ради поцелуя,
Ты, юноша, в тени густого древа,
Не сможешь песни оборвать своей.
Но, о блаженстве близком не тоскуя,
Живи: не знает увяданья дева,
Не осыпается листва с ветвей!

3

Как счастливы деревья (в их природе —
Не разлучаться никогда с весной!)
И счастлив молодой творец мелодий,
Что обладают вечной новизной.
Блаженный мир любви непреходящей,—
Любви счастливой, с трепетным объятьем
И вечно молодым своим теплом!
Не страсти человеческой, дарящей
Лишь скорбью расставанья, сердца сжатьем,
Челом горячим, пересохшим ртом.

4

Что за народ спешит увидеть требу?
Разубранную телку тянет жрец.
Она мычит, как бы взывая к небу.
В цветах — ее бока, ее кострец.
Тот городок, что у реки ютится
Или на взгорье, с мирной цитаделью,
Благочестивым утром опустел.
И ни одна душа не возвратится
Сказать — куда ушли, с какою целью?
Безмолвным вечно быть — его удел.

5

Аттическая форма! Безупречность
Мужей из мрамора, и дев, и трав,
Чуть-чуть примятых, и листвы дубрав.
Ты молча дразнишь мысль мою, как вечность!
О пастораль холодная! Со света
Нас поколенья сгонят, суета
Придет иная с ними; ты ж, нисколько
Не потускнев, скажи им: «Красота —
Есть правда, правда — красота. Вы это
Знать на земле обязаны,— и только!»

Май 1819

ОДА МЕЛАНХОЛИИ

I

Не выжимай из волчьих ягод яда,
Не испивай из Леты ни глотка,
И Прозерпине для тебя не надо
Сплетать из трав дурманящих венка;
Для четок не бери у тиса ягод,
Не позволяй предстать своей Психее
Ночною бабочкой, пускай сова
Тебя не кличет, и пускай не лягут
Над тенью тени: став еще темнее,
Печаль твоя останется мертва.

II

Но если Меланхолия туманом
Внезапно с неба низойдет к земле,
Даруя влагу травам безуханным,
Срывая каждый холм в апрельской мгле,—
Тогда грусти: над розою пунцовой,
Над блеском радуги в волне прибрежной,
Над несравненной белизной лилей,—
А если госпожа с тобой сурова,
То завладей ее рукою нежной,
И чистый взор ее до дна испей.

III

Она дружна с Красою преходящей,
С Весельем, чьи уста всегда твердят
Свое «прощай», и с Радостью скорбящей,
Чей нектар должен обратиться в яд,—
Да, Меланхолии горят лампады
Пред алтарем во храме Наслаждений,—
Увидеть их способен только тот,
Чей несравненно утонченный гений
Могучей Радости вкусит услады:
И во владенья скорби перейдет.

Май 1819

ОДА К ОСЕНИ

Пора плодоношенья и дождей!
Ты вместе с солнцем огибаешь мызу,
Советуясь, во сколько штук гроздей
Одеть лозу, обвившую карнизы;
Как яблоками отягченный ствол
У входа к дому опереть на колья,
И вспучить тыкву, и напыжить шейки
Лесных орехов, и как можно доле
Растить последние цветы для пчел,
Чтоб думали, что час их не прошел
И ломится в их клейкие ячейки.

Кто не видал тебя в воротах риг?
Забравшись на задворки экономий,
На сквозняке, раскинув воротник,
Ты, сидя, отдыхаешь на соломе;
Или, лицом упавши наперед
И бросив серп средь маков недожатых,
На полосе храпишь, подобно жнице;
Иль со снопом одоньев от богатых,
Подняв охапку, переходишь брод;
Или тисков подвертываешь гнет
И смотришь, как из яблок сидр сочится.

Где песни дней весенних, где они?
Не вспоминай, твои ничуть не хуже,
Когда зарею облака в тени
И пламенеет жнивий полукружье,
Звеня, роятся мошки у прудов,
Вытягиваясь в воздухе бессонном
То веретенами, то вереницей;
Как вдруг заблеют овцы по загонам;
Засвиристит кузнечик; из садов
Ударит крупной трелью реполов
И ласточка с чириканьем промчится.

19 сентября 1819

УШЕДШИЙ ДЕНЬ

Ушедший день — ушедшие услады!
Твой голос, нежная рука и грудь,
Твой томный стан, твое дыханье, взгляды,
И шепот уст, раскрывшихся чуть-чуть!
Увял цветок. И красоты виденье
Ушло из глаз, божественная стать —
Из рук моих. Исчезли благодать,
Рай, голос, белизна — как наважденье!
Лишь праздник сумерек,— святая ночь
Любви в душистых покрывалах,— темный
Из мрака ткет шатер,— приют укромный,—
Желая нежным таинствам помочь.
Я требник твой, любовь, прочел насквозь.
О, сделай так, чтоб нынче мне спалось!

10 декабря 1819

РУКА ЖИВАЯ

Рука живая, теплая, что пылко
Способна сжать,— застынь она в безмолвье
Могилы ледяной — тебе бы днем
Являлась, ночью мучила б ознобом,
И сердца кровь ты б отдала, чтоб жилы
Мои наполнить алой жизнью вновь
И совесть успокоить,— вот, гляди,—
Я протянул ее тебе.

Ноябрь 1819

ПРИМЕЧАНИЯ

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК

В. Блейк родился в 1757 году в Лондоне в семье торговца. Учился в Королевской академии, но не окончил ее. Был профессиональным художником и гравером. Свои книги Блейк гравировал целиком — текст вместе с собственными иллюстрациями, затем гравюры переплетались; прижизненных сборников Блейка сохранились считанные экземпляры. К концу жизни Блейк писал все меньше и меньше. Он умер в 1827 году в Лондоне. Блейк был знаком с многими выдающимися поэтами, художниками и общественными деятелями своего времени (Байрон, Шелли, Годвин, Флаксман и другие), выставлял картины в Академии художеств, однако большинство современников видели в нем не столько поэта и художника, сколько «безумца». Известность его в Англии и за ее рубежами начала расти с середины XIX века, а основные научные издания его произведений вышли после 1957 года, когда по решению Всемирного Совета Мира отмечалось двухсотлетие со дня рождения поэта.

ПОЭМЫ

Книга Тэль (стр. 27).— Отпечатана самим Блейком в 1789 году, известны более поздние оттиски. Всего сохранилось восемнадцать экземпляров книги. «Книга Тэль» — первая из «Пророческих поэм», изданная Блейком. «Книга Тэль» иногда толкуется как элегия, написанная Блейком в память о его мертворожденной дочери: Тэль символизирует нерожденную душу, посетившую бренный мир и тотчас же вернувшуюся назад, в царство душ (см. последнюю строку поэмы). По другому толкованию, героиня поэмы— девушка, которая вот-вот перейдет из возраста Невинности в возраст Опыта; в таком случае «Книга Тэль» представляет собой вариацию на тему «Комуса» Джона Мильтона. Соответственно, основные образы поэмы символизируют следующее: *Фиалка* — фантазию или, и по другому толкованию, невинность героини; *Облако* — юность или плодотворящее начало; *Глина* и *Червь* — материнство и отрочество (мать и ее дитя).

Мнета Серафим — по другим экземплярам: «Мне Серафим» (Мнета — анаграмма имени «Афина»); в «Пророческих поэмах» — охранительница искусства; более вероятно, что в данном случае перед нами искаженное «Бне Серафим», имя, встречающееся в «Оккультной философии» Агриппы (II, XXII) и обозначающее ангелов Венеры, то есть духов, приводящих в движение названную планету.

Адона — река, своим названием напоминающая реку Адонис, на которой сириянки ежегодно оплакивают Таммуза в «Потерянном Рае» Мильтона (I, 450).

Стр. 28. *Хар* — придуманный самим Блейком сложный символический образ: в поэме «Тириэль» обрисован как гора, ныне, живущая в долине; Поэзия и Христианство, пришедшие в упадок: родитель человечества (аналог Адама). *Просторы Хара* — здесь: страна первоначальной невинности, наподобие земного рая.

Лувах — имя, произведенное, вероятно, от английского «Lover» (любящий) — князь любви и страсти, включая и ненависть; обращение Лувaха в ненависть служит в одной из поэм Блейка аллегорией воплощения Христа; упомянут в настоящей поэме впервые, в дальнейшем его животными являются не кони, а быки.

Стр. 30. *Полночные ворота* — ворота воображения.

Бракосочетание Рая и Ада (стр. 31).— Написано в 1790 году (собственноручная дата Блейка на одном из печатных экземпляров), издана в 1793 году без указания места, года издания и имени автора. Сохранилось девять экземпляров и три фрагмента. Это произведение являет собой религиозно-этическое и философское кредо Блейка.

Смысл.— В старину большим произведениям было принято предпосылать краткий пересказ содержания (иногда иносказательный).

Ринтра — аллегория гнева у Блейка, предвестие общественных потрясений; по другому толкованию — энергия природы, ждущая освобождения и находящая его в таких событиях, как американская и французская революции конца XVIII в.

Стр. 32. *Тридцать три года назад...*— В 1757 году (год рождения Блейка), согласно Сведенборгу (см. ниже), должен был пройти по земле Страшный суд, в результате которого наступило бы равновесие между раем и адом.

Сведенборг Эммануил (1688—1772) — шведский мистик и теософ. Сохранились интересные замечания Блейка на полях его сочинений.

Едом (прозвище Исава) — старший сын Исаака, лишившийся прав первородства благодаря хитрости младшего, Иакова (библ.)

Стр. 33. *...Мильтон в темнице писал о Боге и Ангелах, а на свободе — о Дьяволе и Геенне...* — Биографические подробности из жизни Мильтона.

Стр. 39. *«Аналитика» Аристотеля* (384—322 гг. до н. э.) — у великого древнегреческого философа два сочинения под таким названием, вместе они составляют основной труд Аристотеля по логике.

Парацельс (наст. имя — Филипп Андреас Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм; 1493—1541) — выдающийся ученый эпохи Возрождения, врач и алхимик, швейцарец по происхождению, скитался по многим странам Европы. Некоторые из произведений, вышедших под его именем, подложны.

Яков Бёме (1575—1624) — немецкий философ-пантеист, по профессии сапожник; в конце XVIII — начале XIX в. оказал большое влияние на создателей классической немецкой философии.

Видения Дщерей Альбиона (стр. 42).— Поэма издана Блейком в 1793 или в 1794 году, три оттиска относятся к 1815 году; всего сохранилось семнадцать экземпляров. Поэма в известном смысле является продолжением «Книги Тэль» и содержит в первую очередь протест против семейных отношений в современном поэту обществе, сопоставляемых им в символическом плане с рабовладением. Она представляет собой вариацию на тему поэмы Макферсона-Оссиана «Ойтона», героиня которой любит Гола, но обесчещена Данромматом и умирает от стыда во время их поединка. *Дщери Альбиона* — англичанки, порабощенные обычаями своего времени.

Теотормон — символ желания, которое, будучи подавленным, превращается в ревность. Имя его произведено от слов «теон» (бог) и «тора» (закон). Его противоположностью является *Бромион* — символизирующий в поэме закон, господствующий в человеческом обществе; то есть противопоставляются «божеский» и «человеческий» законы.

Левта — символизирует дозволенную обществом плотскую любовь, которая в поэме оборачивается насилием; является эманацией Бромиона.

Утуна — символ разбитой любви, идеал физической свободы; в этом смысле названа «Душой Америки» — намек на Войну за независимость; Утуна — эманация Теотормона.

То вижу я цветок, //То нимфу.— Характерное для Блейка «обнажение» двоякого смысла поэмы: указание на то, что «сюжетное произведение» одновременно является и аллегорией.

Стр. 43. *Бромион.*— В других поэмах Блейка символизирует Разум, здесь — людской закон, понимаемый как нечто бесчеловечное; тот же дух, который порабощает женщину (Утуну), порабощает негра (Теотормон, придя к его пещере, слышит голоса рабов). Таким образом, Бромион — дух рабовладения.

Стр. 45. *Уризен, творец людей* — один из самых многозначных символических образов в поэмах Блейка, имя его, по-видимому, следует понимать как «Your Reason», то есть «ваш разум». По другому толкованию, оно произведено от греческого «Уридзейн» (ограничивать) (ср. слово «горизонт»). Возможны также производные от имен Уриен (ср. «Сын Уриена-короля»: «Ивэйн» Кретьена де Труа, т. 22 БВЛ или же «Замок семи щитов» Вальтера Скотта, см. наст. том, с. 145) и Уриэль (имя одного из архангелов).

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

Первая книга Блейка, содержавшая также драматические и прозаические опыты, была напечатана на средства друзей поэта, в том числе знаменитого скульптора и рисовальщика Джона Флексмана (1755—1826) в 1783 году в количестве около сорока экземпляров; сохранилось всего двадцать два. Впервые переиздана в 1868 году. Согласно предисловию, написана в возрасте между двенадцатью и двадцатью годами, то есть в 1769—1777 годах, однако несколько стихотворений сборника (в том числе публикуемые в нашем издании) явно написаны позже.

Стр. 49. *Феб* (блистающий) (г р е ч.) — один из эпитетов Аполлона, древнегреческого бога искусств.

Ида — гора на Крите, считавшаяся местом рождения Зевса, или горная цепь близ Трои, на которой происходил суд Париса. Блейк не делал различия между ними.

В чертогах, что Восток воздвиг...— Цитата из Библии (Псалтырь, псалом 18, стихи 5—6), неоднократно повторяющаяся у Спенсера («Эпиталамион», 149), Мильтона («Комус», 37—38 и 101) и других английских поэтов. Стихотворение «К музам» написано под сильнейшим влиянием Мильтона.

К о р о л ь Г в и н (стр. 50). В оригинале название: «Гвин, король Норвежский». Сюжет баллады заимствован из произведения Томаса Чаттертона (о нем см. прим. к стр. 178).

Гордред — один из легендарных британских великанов; по преданию, англичане являются потомками уцелевших троянцев, которые, в свою очередь, переселившись в Британию, перебили или загнали в пещеры живших здесь гигантов. Действие баллады относится к временам скандинавского владычества в Британии (X в.).

СТИХИ ИЗ «ОСТРОВА НА ЛУНЕ»

Приблизительно в 1784—1785 годах (судя по упоминаемым в тексте особенностям женской моды) Блейк писал бурлескный роман, содержавший сатиру на светские беседы в английских гостиных и начинавшийся такими словами: «Есть некий остров на Луне, недалеко от большого континента — маленький остров, немного напоминающий Англию; но что еще необычней — люди на нем так похожи, а язык так одинаков с нашим, что можно подумать, будто находишься среди своих друзей». Это неоконченное сочинение впервые опубликовано в 1907 году с многочисленными неточностями в тексте.

Песенку «Предоставь меня печали» поет в «Острове на Луне» мисс Гиттипин; песенку «Быть иль не быть» — математик с многозначительным именем мистер Тупой Угол. Правда, и для самого Блейка Ньютон иногда служил символом сомнения и вообще всего сомнительного.

ПЕСНИ НЕВИННОСТИ И ОПЫТА, ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ДВА ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Песни невинности (стр. 56).— Изданы Блейком с многочисленными иллюстрациями, раскрашенными от руки, в 1789 году, явились его первой законченной книгой. Сохранился двадцать один экземпляр книги. Один из общепризнанных шедевров Блейка. В настоящем томе публикуется полный перевод сборника. Сохранились рукописи только четырех стихотворений: «Смеющаяся песня» была написана Блейком на одном из экземпляров «Поэтических набросков»; «Потерявшийся мальчик», «Песня няни» и «Святой четверг» — входили в роман «Остров на Луне».

Стр. 61. *Агнец* — библейский образ Иисуса Христа.

Стр. 68. *Святой Четверг* — в англиканской церкви — День Вознесения (а не Четверг на Святой неделе). В этот день для специальной службы в соборе Святого Павла собирали сирот со всего Лондона.

Храм *Святого Павла* — крупнейший собор в Лондоне; построен в 1675—1710 гг. Кристофером Реном (1632—1723).

Песни опыта (стр. 73).— Написаны в основном в 1793 году, черновики многих стихотворений цикла сохранились в тетради этого года. Опубликованы в 1794 году вместе с уже издававшимися ранее «Песнями невинности», в связи с чем Блейк перенес два стихотворения, входившие в первую часть, в «Песни опыта». В дальнейшем поэт неоднократно менял расположение стихотворений, что было тем легче сделать, что его книги представляют собой сброшюрованные гравюры (то есть не напечатаны типографским способом, но полностью, включая шрифт, гравированы на металле и оттиснуты на отдельных листах). Сохранилось двадцать четыре экземпляра книги; в настоящем томе принят порядок, соответствующий расположению стихотворений в семи экземплярах книги, отпечатанных в 1815 году. Перевод полный.

Тигр (стр. 81).— Приводим также ранее не публиковавшийся перевод того же стихотворения, выполненный В. Топоровым.

ТИГР

Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Ослепительная стать.
Кто дерзнул тебя создать?

В преисподней иль в эдеме
Некто в царской диадеме
Огнь в очах твоих зажег?
Как он вытерпел ожог?

Кто качнул рукою властной
Сердца маятник ужасный
И, услышав грозный стук,
Не убрал сметенных рук?

Кто хребет крепил и прочил?
В кузне кто тебя ворочал?
С чьих клещей твой мозг стекал?
Чьею злобой закипал?

А когда ты в ночь умчался,
Неужели улыбался
Твой создатель, возлюбя
И ягненка и тебя?

Тигр, о тигр! кровавый сполох,
Быстрый блеск в полночных долах,
Ослепительная стать,
Кто велел тебе восстать?

Сад любви (стр. 79).— «*Ты не должен!*» — Имеются в виду начальные слова десяти библейских заповедей.

К Тирзе (стр. 84).— Стихотворение написано около 1795 или даже 1803 года, во всяком случае, включено в сборник позднее остальных.

Тирза — здесь не античное имя, как может показаться; оно заимствовано из «Песни песней» (6, 4): «Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Тирза, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами». В поэмах Блейка Тирза символизирует плотскую любовь; он называет ее «Мать моей смертной части» (стих 9). Смысл стихотворения — отвержение любви как первопричины, обрекающей человека на существование в мире; не случайно в оригинале лирический его герой дважды повторяет слова Христа, обращенные к Марии (Евангелие от Иоанна, II, 4): «Что Мне в Тебе, Жено?»

По образу и подобию (стр. 84).— Стихотворение гравировано Блейком в 1794 году, но ни разу не было включено им в сборник. Сохранилось три оттиска.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1793)

Тетрадь состоит из пятидесяти восьми листов, и записи, а также рисунки, вносились в нее в разных направлениях, и, по-видимому, вплоть до 1811 года. Так, например, в 1800—1803 годах Блейк вторично использовал страницы 2—14, среди черновых записей 1793 года — первые варианты многих стихотворений из цикла «Песни опыта». В 1847 году известный английский художник — «прерафаэлит», поэт и переводчик Данте Габриэль Россетти (1828—1882) купил эту тетрадь у брата Сэмюеля Пальмера (Пальмер, известный английский художник,— см. иллюстрации к наст. тому,— был другом Блейка). Вслед за Россетти увлеклись Блейком его друзья, один из которых, Александр Гилкрист, издал в 1863 году биографию Блейка, положившую

начало его всеанглийской, а затем и всемирной известности. В книге Гилкриста впервые опубликовано большое число стихотворений из «тетради 1793».

Песня дикого цветка (стр. 87).— Стихотворение первоначально состояло из двух последних строф и относилось, вероятно, к ребенку.

Пророчество Мерлина (стр. 88). — *Мерлин* — могучий волшебник кельтских легенд и сказок.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1800—1803)

Призрак и Эманация (стр. 91).— *Призрак* — одно из сложнейших понятий у Блейка; всякое явление, в котором рассудок и сердце разделены, порождает Призрака; судя по многочисленным замечаниям, особенно частым в поэме «Иерусалим», призрак — это рассудок, постоянно заводящий человека в тупики абстракции и одиночества (поэтому он называется еще редким словом «Самость»): «Я вижу четверного человека — Человечность в смертельном сне и ее павшую Эманацию, Призрак и его жестокую Тень» («Иерусалим», с. 15, стих 7). Стихотворение «Призрак и Эманация» анализирует, в свете подобного толкования, несчастный брак. Сохранилось неоконченное стихотворение Блейка, которое может послужить комментарием в отношении строф 11 и 13 «Призрака и Эманации» и помещенное в тетради на одной из ближайших страниц:

Тиранит каждого из нас
Свой Призрак; а настанет час —
Проснувшаяся Человечность
Его низвергнет в топь, но в Вечность
Воспрянет Самость с ней
Из Озера Огней,
Покуда агнец божий...

(Перевод А. Баранова)

Эманация — это своего рода половинка цельного человека, какой существует лишь в нездешнем мире, «В Вечности» — женственное, сердечное начало; однако, будучи отделенным от человека, это начало превращается в иное существо (женщину) или в несколько существ (например, у Мильтона в одноименной поэме Блейка их шесть: три жены и три дочери), которые не только умиротворяют Призрака, но и, наоборот, могут обретать собственную волю, как правило, направленную во вред обоим: она завидует и препятствует любой деятельности человека, убивая в нем остатки женственности.

Крадется Призрак мой к тебе.— Обращено к Эманации, точнее, к ее нынешнему реальному воплощению; в строфах 5—7 перечисляются ее «семь раз» четыре проявления, не поддающиеся убедительной расшифровке. В строфе 13 говорится о необходимости перевоплотить Эманацию в другой облик.

Стр. 93. *Се хлеб,— сказал он,— се вино.*— См. Евангелие от Матфея, 26, 26—28; от Марка, 14, 22; от Луки, 22,19.

О девственности Девы Марии и Джаонны Саускотт (стр. 93).— *Джоанна Саускотт* (1750—1814) — религиозная фанатичка, возглавлявшая 144-тысячную секту, в которую стремился завербовать Блейка один из ее руководителей, гравер Вильям Шарп; на шестьдесят четвертом году жизни Джоанна Саускотт провозгласила себя беременной вторым мессией по имени Шилох, доведя дело до врачебной экспертизы и до появления газетных статей; в менее определенной форме делала подобное заявление и в 1802 г.

«Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!..» (стр. 94).— *Ньютон разъял на части свет...*— Как известно, Ньютон открыл составную природу солнечного света, разлагаемого на семь основных цветов спектра (1666 г.).

Утро (стр. 94).— *...на Закат... Гневных врат...*— У Блейка обычно восток символизирует жалость (милосердие), а запад — гнев.

ИЗ ПИСЬМА К БАТТСУ

Грозный Лос (стр. 95).— Сочинено в ноябре 1801 года, когда Блейк шел из Фелфама в Лавант встречать сестру.

Фелфам и *Лавант* — соседние деревни.

Со строками Хейли...— Вероятно, имеется в виду сделанный белым стихом перевод Хейли из поэмы Торквато Тассо (подробнее о Хейли см. прим. к стр. 115).

Лос — символ поэзии, солнца и глубинной человеческой сущности у Блейка, его имя — анаграмма латинского слова Сол (солнце). Послано в письме к Томасу Баттсу в ноябре 1802 г.

Томас Баттс (ум. в 1845 г.) — постоянный покупатель произведений Блейка, в Лондоне жил по соседству с ним.

Отец мой парил...— Отец Блейка умер в 1784 г., младший брат, Роберт, бывший помощником Блейка по граверной мастерской, умер в 1787 г., двадцати четырех лет от роду.

Стр. 96. *Энитхармон* — символ духовной красоты у Блейка, близнец и супруга Лоса, его эманация. Ее земной прообраз — жена поэта Кэтрин Блейк, дочь бакалейщика, замужем за Блейком с 1782 г.; Блейк научил ее читать и писать, а также раскрашивать его гравюры.

Теотормон.— См. прим. к стр. 42.

Фюзели (Фюсли) Иоганн Генрих (1741—1825) — поэт, художник и искусствовед, швейцарец по происхождению, друг Блейка, с 1790 г. член Лондонской академии искусств.

...я Хейли воздал уваженье...— То есть живу у Хейли.

Стр. 97. *Беула* (древнеевр. «замужняя»).— В Книге Пророка Исайи — имя, которое получит Палестина после объединения с богом (62); у Блейка так называется страна или время, когда восстанавливается из раздробленных частей единый человек (таким образом, «ночь Беулы» — ночь любви).

...от сна Ньютонова тоже!— Глубоко уважая Ньютона как величайшего ученого, Блейк, однако, выводил его наряду с Френсисом Бэконом и Локком в качестве адской троицы, считая их порождением однобокого рассудка (Призрака),— ему претила механистичность их философии.

ИЗ «МАНУСКРИПТА ПИКЕРИНГА»

Это беловая рукопись, в которой содержится десять стихотворений на одиннадцати листах (ок. 1800—1803 гг.), черновики некоторых из них находятся в манускрипте Россетти. Рукопись называется так по имени человека, владевшего ею в 1866 году, после того, как она уже была опубликована Гилкристом.

Златая сеть (стр. 98).— Черновик — в «Манускрипте Россетти». *Сеть* — в поэмах Блейка — покров богини природы (Валы) обычно связывается с образом любви и брака (ср. «Песню» из «Поэтических набросков»).

Три девы — те же, что и в стихотворении «Заветный чертог»; соответствуют «тройному видению» «ночи Беулы» (романтическому состоянию), в отличие от «двойного» (поэтической метафоры) и «четверного» (пророческое видение),— см. концовку «Грозного Лоса».

Странствие (стр. 99) — одно из самых загадочных стихотворений Блейка. Например, строфы 3—8 иногда толкуют как взаимоотношения человека и природы. Более вероятно, однако, что стихотворение в фантастической форме вскрывает извращенность отношений в современном Блейку обществе: противоречие между братством и любовью (дважды повторяющийся в строфах 11—12 мотив неравного брака), антагонизм отцов и детей (отношения старухи-няньки с ребенком и т. д.), в последующих строфах — ужас родителей перед ребенком, вполне понятный при сравнении с 6—11 строфами.

Из «Прорицаний невинности» (стр. 108).

Приводим отрывки из ранее не публиковавшегося перевода В. Микушевича.

Вселенная в песчинке видней,
Небо в цветке лесном.
Бесконечность на ладони твоей,
Вечность в миге одном.

. . . . . .

Зайчишка раненый кричит,
И мозг людской кровоточит.

. . . . . .

Не ропщет агнец под ножом.
Чревата бойня мятежом.

. . . . . .

У зависти на пятках потных
Яд копится для змей болотных.

. . . . . .

Отчаиваться не спеши.
Радость рядышком в тиши.

Природой пахарь умудрен:
Сделан плуг, и сделан трон.

Не сделан человек — рожден.
Дитя ценней своих пелен.

Слеза на землю пролилась.
Душа людская родилась.
. . . . . .
Держит ложь тебя в тюрьме,
Пока не видит глаз во тьме;

Глаз, рожденный в ночи, обреченный в ночи.
Только спящую душу объемлют лучи.

В темноте, где света нет,
Бог — неугасимый свет.

Там, где самый светлый брег,
Виден Богочеловек.

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1808—1811)

Вильяму Хейли о дружбе (стр. 115).— *Хейли Вильям* (1745—1820) — меценат, биограф и посредственный поэт, автор стихотворных «Опытов» и «Посланий об искусстве»; в 1800 г. пригласил Блейка в Фелфам — деревню в Западном Сассексе, снабжал его заказами, но как художника и поэта не ценил, и в 1803 г. едва не порвал одно из его произведений, что и повлекло за собой ссору. В свою очередь, Блейк никогда не ценил стихов Хейли, он писал, что от них у него «пульс бьется в горле», насмехался, что Хейли якобы ценит Попа более Гомера.

«Ни одного врага...» (стр. 115).— *Джон Трот* — прозвище английского мужлана, деревенщины.

«Чувства и мысли в картине нашедший...» (стр. 116).— *За контурный метод вы рады художника съесть...*— Здесь Блейк полемизирует с «Речами о живописи» Джошуа Рейнольдса (1763—1792), выдающегося английского художника, которые Блейк штудировал, помогая Хейли собирать материалы к его биографии.

«Что оратору нужно?..» (стр. 117).— Стихотворение переведено С. Маршаком без последней строфы.

Блейк в защиту своего каталога (стр. 117).— Стихотворение сохранилось в тетради в трех вариантах, в том числе один — в обращении к публике по поводу картин. Последний раз Блейк выставлялся в Академии в 1808 году. В 1809 году Блейк устроил в доме своего брата Джеймса выставку — шестнадцать картин по мотивам Чосера (из них сохранилось одиннадцать) — и предпослал им каталог-описание.

Бартолоцци Франческо (1727—1815) — итальянский гравер, создававший слащавые гравюры в так называемой карандашной манере.

Драйден Джон (1631—1700) — английский поэт периода реставрации, современник и политический антипод Мильтона, виднейший представитель классицизма.

Хогарт Уильям (1697—1764) — выдающийся английский живописец, график и теоретик искусства.

Кук Томас (1744?—1828) — гравер, скопировавший в 1795—1803 гг. все гравюры Хогарта (изд. 1806 г.).

Поп Александр (1688—1744) — главный представитель просветительского классицизма в английской поэзии, переводчик «Илиады» (1715—1720) и «Одиссеи» (1725—1726).

Стр. 118. *Стотхард* Томас (1755—1834) — живописец и книжный иллюстратор, друг Блейка, с 1794 г.— академик, в 1806 г. получил от Кромека (см. ниже) заказ на картину «Кентерберийские пилигримы» (по Джеффри Чосеру), ранее уже заказанную Блейку.

Кромек Роберт Хартли (1770—1812) — гравер, издатель, собиратель сведений о жизни и творчестве Роберта Бернса.

Скьявонетти Луиджи (1765—1810) — гравер, сотрудник Блейка по заказным работам,— умер во время работы над гравюрой с упомянутой картины Стотхарда.

Из книги «Вечносущее Евангелие» (стр. 119).— Стихотворение записано в тетради Россетти, датируется приблизительно 1810 годом. Название взято из Апокалипсиса, XIV.

Стр. 120. *...милетов идеал...*— Милет — один из обвинителей Сократа, по приговору которого Сократ принял яд.

ВОРОТА РАЯ

В 1793 году Блейк издал серию гравюр с подзаголовком «Для детей» — и переиздал ее около 1818 года с пояснительными стихами. Гравюры показывают жизнь человека от зародыша до могилы. На фронтисписе — эмбрион — кокон на дубовом листе, гусеница пасется на другом. Остальные гравюры изображают следующее:

1. Рождение: мать вынимает дитя, как мандрагору, из земли под плакучей ивой.

2—5. Трудности детства — обозначены как прохождение через четыре стихии (воду, землю, воздух, огонь), напоминая имитацию в «Метаморфозах» Апулея.

6. Ребенок утверждает себя, вылупляясь из яйца.

7. Мальчик бессердечно преследует девочек.

8. Мальчик восстает на отца.

9. Пытается влезть на луну.

10. Падает в море времени и пространства.

11. Отстригает крылья своих же радостей.

12. Умирает от голода в башне религии, как Уголино (у Данте.— *Е. В.*).

13. Возлежа на смертном ложе, видит дух отца, указующий в небо.

14. Как путешественник, он спешит к концу пути.

15. Старик, овеваемый ветром, входит в дверь смерти.

16. Тирза, символизирующая тайну плоти, сидит с жезлом и червем под корнями дерева — то есть все начинается сначала.

17. Рисунок к эпилогу: Спящий странник на холме, над ним его сновидение — Сатана.

Основная мысль произведения, воспитание в морализирующем духе, освященное церковью, приводит к противоположным результатам: таким образом, моральные вопросы — домысел Сатаны (Иегова равен Сатане).

Стр. 124. *Сын утра* — Люцифер (одновременно планета Венера и Сатана).

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Вальтер Скотт родился в 1771 году в Эдинбурге, в семье юриста. В 1792 году сдал в Эдинбургском университете экзамен на звание адвоката; был шерифом, впоследствии секретарем суда. Литературную деятельность начал в 1796 году, опубликовав перевод поэмы немецкого поэта Г.-А. Бюргера «Ленора». Основные поэтические произведения Скотта: девять больших поэм («Песнь последнего менестреля», «Дева озера», «Мармион», «Рокби», «Гарольд Неустрашимый», «Властитель островов», «Видение дона Родерика», «Свадьба в Триермене», «Поле Ватерлоо»). В 1802—1803 годах Скотт опубликовал два тома собранных им шотландских народных песен и баллад под названием «Песни шотландской границы». В 1804 году вышел третий том под тем же заголовком, в который вошли оригинальные стихи Скотта, стилизованные под народные баллады. С 1814 года начинают издаваться исторические романы Скотта, принесшие ему мировую известность. Скотт часто вставлял в романы стихи и продолжал писать стихи до последних дней своей жизни. Он умер в 1832 году в Эбботсфорде.

Замок Смальгольм, или Иванов вечер (стр. 129).—Впервые опубликовано в третьей части сборника «Песни шотландской границы» (1803).

Баклю — шотландский род, члены которого много раз принимали участие в пограничных битвах.

Анкрамморские битвы барон не видал...— Битва при Анкрам-Муре произошла в 1545 г.; английские войска возглавлял лорд Эверс, шотландские — Баклю и Дуглас.

Серый монах (стр. 135).— Баллада не была окончена Скоттом, но тем не менее опубликована — в упомянутом выше сборнике.

Умирающий бард (стр. 138).— Дата первой публикации не установлена с достаточной точностью.

Стр. 139. *Льюарк, Мерлин, Мейлор* — имена бардов и кудесников, упоминаемые в древнекельтских легендах.

Охотничья песнь (стр. 139).— Опубликована в 1808 году.

[Песня] «Красив Брингала брег крутой...» (стр. 140).— Датируется 1813 годом. Представляет собой отрывок из поэмы «Рокби» (III, 16).

Резня в Гленко (стр. 142). — Опубликовано в 1814 году. Описанное в балладе событие (резня в шотландском городе Гленко) произошло в 1692 году.

Военная песнь клана Мак-Грегор (стр. 143).— Опубликовано в 1816 году. Песня написана на мелодию старинной шотландской песни.

Джок из Хэзелдина (стр. 144).— Опубликовано в 1816 году в «Антологии мистера Кэмпбелла». Первая строфа стихотворения, по свидетельству Скотта, взята из народной баллады.

Замок семи щитов (стр. 145).— Вставная баллада из поэмы «Гарольд Неустрашимый» (песнь 4).

Похоронная песнь Мак-Кримона (стр. 147).— Дата первой публикации с достаточной точностью не установлена.

Битва при Земпахе (стр. 147).— Впервые опубликовано в одном из поздних переизданий «Песен шотландской границы».

Битва при Земпахе — произошла 9 июля 1386 г. между войсками австрийского эрцгерцога Леопольда и народным ополчением нескольких швейцарских кантонов. Войска эрцгерцога были наголову разбиты.

Стр. 148. *Хазенштайн* — буквально: «заячий камень» (н е м.); отсюда — игра слов через две строфы.

И с вами — господу хвала! // — Не страшно воевать...— Соотношение сил было таким: австрийцев — шесть тысяч всадников и пехоты, а швейцарцев — тысяча четыреста человек пешего ополчения.

Стр. 149. *Носы дворянских башмаков// Насыпаны горой.* — Перед битвой рыцари иногда отрубали носы башмаков, чудовищно загнутые по тогдашней моде и мешавшие двигаться.

Лев.— Намек на «Лео» (имя эрцгерцога Леопольда).

Стр. 150. *Горный Бык* — прозвище и герб швейцарского кантона Ури.

Стр. 151. *Ван Рот.*— Оскорбительное прозвище голландцев, буквально: «Фон Дерьмо».

Стр. 152. *Альберт Башмачник* — знаменитый швейцарский мейстерзингер Альберт Чуди.

СЭМЮЕЛЬ ТЭЙЛОР КОЛЬРИДЖ

С.-Т. Кольридж родился в 1772 году в семье сельского священника. Учился в Кембридже. Расцвет дарования Кольриджа приходится на конец 1790-х годов, приблизительно на семилетие, прошедшее со дня опублико-

вания (в 1798 году) совместно с Вордсвортом «Лирических баллад». В эти годы он создает поэму «Сказание о Старом Мореходе», замечательные баллады, оды, лирические стихотворения. Тогда же создавались поэмы «три могилы» и романтический шедевр — «Кристабель». Затем Кольридж прожил долгую жизнь, но ничего значительного, по сути дела, более не написал. Отчасти виною тому был мучительный недуг, сковывавший его творческие силы. Однако над некоторыми произведениями Кольридж работал до конца жизни (знаменитая монодия «На смерть Чаттертона»). Он умер в 1834 году в Бристоле.

СКАЗАНИЕ О СТАРОМ МОРЕХОДЕ

Начато в ноябре 1797 — окончено в марте 1798 года. Впервые поэма опубликована в 1798 году в книге «Лирические баллады». Отдельные изменения вносились поэтом в текст поэмы вплоть до самой смерти.

Об истории возникновения замысла «Старого Морехода» наиболее интересные сведения сообщает Вордсворт: «...Во время этой прогулки мы и составили план «Старого Морехода», основанный, по словам Кольриджа, на сне, который увидел его друг мистер Круикшенк [1]. Почти все в этой истории придумал мистер Кольридж, но некоторые детали были предложены мною: например, что должно было совершиться какое-нибудь преступление, чтобы подвергнуть и Старого Морехода... преследованию потусторонних сил: они карают его за это преступление и обрекают на скитания. За день до того я прочел в книге Шелвока, что, огибая мыс Горн, они часто видели в тех широтах альбатросов, огромных морских птиц, размах крыла которых иногда достигает двенадцати или тринадцати футов. «Может быть,— сказал я,— вы опишете, как моряк убил одну из этих птиц, приплыв в Южное море, и как духи — хранители этих мест взяли на себя бремя отомстить за преступление». Мы сочли этот эпизод вполне подходящим и включили его в план. Я также придумал сцену, где кораблем управляют мертвые матросы, но я не припомню каких-либо других добавлений к сюжету поэмы...» (Перевод А. Н. Горбунова, цит. по кн.: К о л ь р и д ж. Стихи, «Наука», 1974, с. 247—248).

Стр. 156. *Горящим взором держит он...*— Аллюзия на «готический» роман М. Льюиса «Монах» (1796), где один из героев владеет даром гипноза.

Стр. 157. *И солнце слева поднялось...*— Ср. во второй части: *И справа яркий солнца диск...*— Кольридж в точности описывает движение корабля, который сперва плывет на юг в Атлантическом океане, затем огибает мыс Горн.

Стр. 160. *Михаил Пселл* (1018— ок. 1097) — выдающийся византийский писатель, историк и философ.

Стр. 163. *Твой мрачен взор...*— Эти и несколько следующих строк поэмы сочинены Вордсвортом (как и еще несколько в поэме).

---

[1] Круикшенк сообщил Кольриджу, что ему приснился корабль-призрак, на борту которого двигались чьи-то фигуры.

Стр. 164. *А там, за тенью корабля...*— Реминисценция из Библии: «...За ним светится его след, словно поседела глубь морей!» (Книга Иова, 41; см. том БВЛ «Поэзия и проза Древнего Востока», М. 1973, с. 624).

Стр. 172. *В пучине грянул гром...*— По всей видимости, реминисценция из «Божественной комедии» Данте («Ад», 137—142).

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ю л и я (стр. 176).— Впервые опубликовано в 1834 году в трехтомном «Собрании стихотворений» Кольриджа.

П а д е н и е Б а с т и л и и (стр. 177).— Датируется предположительно 1789 годом. Впервые опубликовано в 1834 году. В нем Кольридж еще всецело стоит на революционных позициях, но уже очень скоро он расстанется с ними.

М о н о д и я н а с м е р т ь Ч а т т е р т о н а (стр. 178).— Сохранилось высказывание Кольриджа (1814 г.) о том, что первые четыре строки этого стихотворения были сочинены им, когда он был «сущим мальчишкой», на тринадцатом году, в качестве школьного упражнения. В 1794 году в «Стихотворениях Томаса Роули» (то есть Чаттертона; см. ниже) был опубликован вариант монодии, насчитывавший 107 строк (на треть короче позднейшего). В дальнейшем Кольридж неоднократно переделывал стихотворение, последний вариант которого (по которому выполнен перевод) относится к 1834 году, то есть к году смерти Кольриджа.

Чаттертон Томас (1752—1770) — английский поэт, один из важнейших предшественников романтизма. Писал на стилизованном староанглийском языке, смешанном с разговорным диалектом Бристоля (родного города Чаттертона). Произведения свои Чаттертон приписывал перу монаха XV в. Томаса Роули. Приехав в Лондон и попав в крайнюю нужду, Чаттертон покончил с собой, когда ему было неполных восемнадцать лет. Произведения и судьба Чаттертона были чрезвычайно популярны у английских романтиков (см. сонет Китса памяти Чаттертона, балладу Блейка «Король Гвин», сюжет которой заимствован у Чаттертона, и т. д.). Судьба Чаттертона привлекала внимание и других поэтов: достаточно вспомнить пьесу французского писателя Альфреда де Виньи «Чаттертон», замечательную «Оду памяти Чаттертона» современного немецкого поэта Иоганнеса Бобровского и многие другие произведения.

Стр. 179. *Над ядом застываю в отвращенье...*— Чаттертон покончил жизнь, приняв яд.

Отвей Томас (1652—1685) — английский драматург.

Эйвон — река, на которой стоит Бристоль.

Элла — название драмы Чаттертона и имя главного ее героя.

Стр. 182. *Саскуэхана* — река в Северной Америке.

Кенотаф — погребальный памятник, воздвигаемый вне места захоронения.

Э о л о в а а р ф а (стр. 182).— Стихотворение опубликовано в 1796 году. Написано за два месяца до женитьбы поэта на Саре Фрикер.

О г о н ь, Г о л о д и Р е з н я. Военная эклога (стр. 184).— Написано, по всей вероятности, в 1796 году. Опубликовано 8 января в газете «Морнинг пост».

Стр. 185. *Четверкой букв он заклеймен...*— Уильям Питт-младший (1759—1806), английский премьер-министр, один из самых непримиримых врагов французской революции; «слова из четырех букв» — распространенный английский эвфемизм для обозначения нецензурной брани.

О д а у х о д я щ е м у г о д у (стр. 187).— Впервые опубликовано 31 декабря 1796 года в «Кембридж интеллидженсер», тогда же издано отдельной брошюрой.

Стр. 189. *Еще гремит то Имя...*— имя Свободы, провозглашенное революцией.

Стр. 190. *Но семь Лампад, плывущих мимо трона...*— Согласно «Откровению Иоанна Богослова», небесный трон Иисуса Христа окружен семью золотыми светильниками.

Глухой Синод, берущий кровью дань! — В издании 1797 и 1805 гг.— «Глухой Сенат». Кольридж, видимо, имел в виду английское правительство.

К у б л а Х а н, и л и В и д е н и е в о с н е. Ф р а г м е н т (стр. 193).— Написано в октябре 1797 года или в мае 1798 года (несмотря на авторскую дату в предисловии). Впервые напечатано в 1816 году вместе с поэмой «Кристабель» и балладой «Мучительные сны». Строки, приведенные в предисловии, взяты из стихотворения Кольриджа «Пейзаж, или Решение влюбленного» (1802). По всей вероятности, вся или почти вся история, рассказанная Кольриджем в предисловии,— мистификация. Среди записей Кольриджа, относящихся к времени создания поэмы, есть пометка, что «Кубла Хан» написан «как бы в полузабытьи» после приема двух или трех капель опиата.

Кубла Хан (Хубилай) (1216—1294) — основатель монгольской династии в Китае, потомок Чингис-хана.

«*Путешествие Пэрчаса*» (1617) — книга английского мореплавателя XVII в. Сэмюеля Пэрчаса.

Стр. 194. *...я добавил фрагмент...*— Имеется в виду баллада «Мучительные сны».

Где Альф, река богов, текла...— Кольридж сливает воедино образы Нила (одной из рек, берущих, по преданию, начало в Эдеме) и Алфея, реки, берущей начало в Аркадии и текущей в Элладу (см. стихотворение Шелли «Аретуза», с. 495).

Стр. 195. *О баснословной Аборе...*— В черновике: «Амара»; гора Амара упомянута в «Потерянном Рае» Мильтона как одно из возможных мест расположения райского сада (IV, 268—284).

Л ь ю т и, и л и Ч е р к е с с к а я л ю б о в н а я п е с н я (стр. 196).— Написано, вероятно, в начале 1798 года. Впервые опубликовано

13 апреля 1798 года в «Морнинг пост» за подписью «Никий Эритрейский». В одном из вариантов вместо Льюти стояло имя Мэри. Вероятно, Кольридж имел в виду Мэри Эванс, в которую был влюблен до женитьбы.

Ф р а н ц и я : О д а (стр. 198).— Опубликована впервые 16 апреля 1798 года в «Морнинг пост».

Стр. 200. *Твой стон я слышу, твой укор // С холодных срывов Гельветийских гор...* — 22 января 1798 г. французские войска вторглись в Швейцарию.

П о л у н о ч н ы й м о р о з (стр. 201).— Стихотворение опубликовано в феврале 1798 года.

...Мое дитя спит мирно в колыбели. — Имеется в виду Беркли, сын Кольриджа (род. в 1797 г.).

С о л о в е й. П о э м а - б е с е д а, а п р е л ь 1 7 9 8 г. (стр. 203).— Стихотворение опубликовано в 1798 году в «Лирических балладах».

«Звучнейшая, печальнейшая» птица! — В оригинале цитата из поэмы Джона Мильтона «Il Penseroso». Ср. строки:

...Лишь где-то меж ветвей запела
Пленительная Филомела,
И замедляет бег луна
Над дубом, где поет она
Всех птиц нежней и музыкальней,
Всех сладостнее, всех печальней!

(Перевод Е. Витковского)

Стр. 204. *Филомела* — афинская царевна, превращенная Зевсом в соловья.

Мой друг и ты, Сестра! — Вильям и Дороти Вордсворт.

Стр. 205. *Мой малютка* — Хартли, сын Кольриджа.

Г е н д е к а с и л л а б ы в д у х е К а т у л л а (стр. 206).— Стихотворение опубликовано в 1834 году.

Гендекасиллаба — строка из 11-ти слогов.

Милетская сказка — жанр древнегреческой литературы; небольшой рассказ, чаще всего эротического содержания.

Киферея — одно из имен Афродиты.

Б а л л а д а о Ч е р н о й Л е д и. О т р ы в о к (стр. 206).— Написано, вероятно, весной или в начале 1798 года. Впервые опубликовано в 1834 году. Две трети стихотворения утрачены. По свидетельству самого Кольриджа, оно насчитывало 190 строк.

М ы с л и д ь я в о л а (стр. 208).— Опубликовано 6 сентября 1799 года в «Морнинг пост».

Стр. 209. *В Откровениях Иоанна.*— «И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть» (Библия, Откровение Иоанна, VI, 8).

«...Возле Древа Познания».— Намек на строки из «Потерянного Рая»

Мильтона (гл. IV, 194—196), где поэт сравнивал дьявола с бакланом, сидящим у древа познания.

Стр. 211. *Некий генерал.* — В оригинале на месте имени генерала — прочерк; в разных рукописях этого стихотворения разные имена генералов.

Гимн Земле. Гекзаметры. (стр. 211).— Впервые опубликовано в 1834 году.

Штольберг Фридрих Леопольд (1750—1812) — второстепенный немецкий поэт-романтик.

Надпись для степного родника (стр. 212).— Опубликовано 23 сентября 1802 года в «Морнинг пост».

Ода дождю (стр. 213).— Впервые опубликовано в «Морнинг пост» 7 октября 1802 года.

Мучительные сны (стр. 215).— Датируется 1803 годом (первый вариант этого стихотворения был послан в письме к Саути, датированном 11 сентября 1803 года). Впервые опубликовано в 1816 году вместе с поэмой «Кристабель» и «Кубла Ханом».

ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

В. Вордсворт родился в 1770 году в Кокермауте (Кэмберленд) в семье юриста. Учился в Кембридже. В начале 1790-х годов побывал в Италии, Швейцарии и Франции. Литературную деятельность начал в 1798 году, издав вместе с Кольриджем книгу «Лирические баллады». Среди наиболее значительных произведений Вордсворта — поэмы «Терн», «Вина и Скорбь» (1793—1794, опубл. в 1842 г.), «Прелюд» (1850), многочисленные лирические стихи. Вордсворт — один из лучших мастеров английского сонета. Он умер в 1850 году в Лондоне.

Ночь (стр. 219).— Стихотворение опубликовано в 1815 году. По словам Вордсворта, сочинено во время прогулки.

Терн (стр. 220).— Стихотворение написано в Элфоксдене, опубликовано тогда же. Сюжет восходит к шотландской народной балладе. Стихотворение представляет собой эксперимент по использованию для поэтических целей просторечия. В позднейшем предисловии Вордсворт особо отмечал, что рассказчика из этого стихотворения не следует путать с ним, автором. Терновник, по объяснению поэта,— символ страдания. Рефрены в стихотворении заимствованы из Библии.

Последний из стада (стр. 227).— Стихотворение написано в Элфоксдене, опубликовано в 1798 году в книге «Лирические баллады». Написано против нападок Уильяма Годвина (1756—1836) на собственность в его «Политическом праве». По мнению Вордсворта, инстинкт собственности «тесно переплетается с благороднейшими чувствами».

Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай (стр. 230).—

Стихотворение опубликовано в 1798 году. Строго говоря, написано, как отмечал сам Вордсворт, по отъезде из аббатства и закончено на четвертый или пятый день в Бристоле.

Тинтернское аббатство — живописные руины в Монмауте на реке *Уай*, в четырех милях к северу от Чепстоу; аббатство было основано в 1131 г.

Пять лет прошло...— В 1798 г. минуло пять лет со времени первого посещения Вордсвортом Тинтернского аббатства, когда была написана его поэма «Вина и Скорбь».

Стр. 232. *...Ушей и глаз — все, что они приметят...*— По замечанию автора, это место навеяно строкой из поэмы Юнга «Ночные мысли» (VI, 424).

Стр. 233. *Сестра любимая!* — обращено к Дороти Вордсворт.

О, если одиночество и скорбь // Познаешь ты...— Строки оказались пророческими: рассудок Дороти в конце ее жизни помутился.

Л ю с и (стр. 234).— Цикл стихов, объединенных в некое подобие поэмы, написан в 1799 году в Германии (за исключением стихотворения «К чужим, в далекие края», которое написано в 1801 году) и опубликован в 1800 году («К чужим, в далекие края» опубликовано в 1807 году). *Люси*— вымышленный персонаж, но в этих стихах отразились чувства поэта к Пегги Хатчинсон, умершей в молодости в 1796 году, и его одиночество возле своей сестры. Кольридж считал, что тема заключительного стихотворения — предположение, что было бы, если бы умерла сестра. В переводе С. Маршака опущено стихотворение, помеченное в оригинале номером три, весьма важное для понимания цикла.

Но вдруг луны погас огонь,//За крышею пропал...— Луна в эти годы служила для Вордсворта, как и для Кольриджа в «Сказании о Старом Мореходе», символом радости и созидательной жизни.

С и м п л о н с к и й п е р е в а л (стр. 236).— Отрывок взят из поэмы Вордсворта «Прелюд», над которой он работал полвека (полностью опубликована в 1850 году). Данный отрывок был написан в 1799 или 1804 году; впервые опубликован в 1845 году.

А г а с ф е р (стр. 236).— Стихотворение опубликовано в 1800 году. *Агасфер* (иначе: Вечный Жид) — персонаж средневековых легенд; осужден богом на вечные скитания за то, что не дал Христу отдохнуть на пути к месту распятия.

С к а л а Д ж о а н н ы (стр. 237).— Стихотворение опубликовано в августе 1800 года. Входило в цикл, в предисловии к которому Вордсворт писал: «Можно найти много мест без названий или с неизвестными названиями, где непременно происходят маленькие происшествия или просто раскрываются человеческие чувства, и это придает таким местам особенный и личный интерес». И сам эпизод, описанный в стихотворении, и все детали — вымысел. Как признавался Вордсворт, он начал писать это стихотворение, чтобы разыграть викария. *Джоанна* Хатчинсон (1780—1843).— В 1802 г. Вордсворт женился на ее старшей сестре Мэри.

К у к у ш к а (стр. 240).— Стихотворение опубликовано в 1807 году.

«Моя любовь любила птиц, зверей...» (стр. 240).— Стихотворение опубликовано в 1807 году.

«Созданьем зыбкой красоты...» (стр. 241).— Стихотворение опубликовано в 1807 году. Как признавался сам Вордсворт, написано оно «о моей дорогой женушке».

Нарциссы (стр. 242).— Стихотворение опубликовано в 1807 году.

Элегические строфы, внушенные картиной сэра Джорджа Бомонта, изображающие Пилский замок во время шторма (стр. 243).— Опубликовано в 1807 году.

Сэр Джордж Бомонт (1753—1827) — посредственный художник, пейзажист. Его произведения, созданные в основном в подражание Клоду Лоррену, не лишены поэтичности. Бомонт был меценатом и собирателем произведений искусства. В сотрудничестве с архитектором Дансом перестроил в 1800 г. для Вордсворта дом — Колеортон-холл.

Пилский замок — находится на мысе напротив городка Рэмпсайда в Северном Ланкашире; Вордсворт жил в нем летом 1794 г. вместе со своим двоюродным братом.

Сожаление (стр. 244).— Стихотворение опубликовано в 1807 году. Стихотворение навеяно охлаждением дружеских чувств Кольриджа к Вордсворту.

Цыганы (стр. 245).— Стихотворение опубликовано в 1807 году; перевод выполнен по варианту 1820 года.

Кольридж критиковал это стихотворение за то, что Вордсворт якобы обрушивается на цыган, как на некую «китайскую империю, остановившуюся в своем развитии на тридцать веков»; в конце концов Вордсворт приписал в 1820 году четверостишие о том, что он вовсе не порочит цыган.

«Кто вышел солнцем без пятна...» (стр. 246).— Стихотворение опубликовано в 1852 году.

СОНЕТЫ

20 апреля 1822 года Вордсворт писал поэту У.-С. Лэндору (1775—1864): «Я привык считать сонетную форму вопиющей бессмыслицей, хотя величайшие поэты писали в ней; однажды моей сестре случилось прочитать мне сонеты Мильтона, которые я и без того знал наизусть, но от чего-то эти стихи необычайно поразили меня гармонией, степенностью и республиканской суровостью своего стиля. В тот же вечер я написал три сонета». Как явствует из дневника поэта, описанное событие произошло 21 мая 1802 года. Начиная с этого дня Вордсворт создаст огромный цикл сонетов, отрывки из которого мы публикуем в порядке, принятом для английских изданий.

«Монашке мил свой нищий уголок...» (стр. 246).— Дата написания неизвестна, опубликован в 1807 году. Приводим также известный перевод того же сонета, принадлежащий перу Дмитрия Мина (перевод датируется 1875 годом).

Отшельницам не тесно жить по кельям;
В пещерах жизнь пустынпику легка;
Весь день поэт не сходит с чердака;
Работница поет за рукодельем;

Ткач любит стан свой; в Форнер-Фелльс к ущельям
Пчела летит с полей издалека,
Чтоб утонуть там в чашечке цветка;
И узники живут в тюрьме с весельем.

Вот почему так любо мне замкнуть,
В час отдыха, мысль вольную поэта
В размере трудном тесного сонета.

Я рад, когда он в сердце чье-нибудь,
Узнавшее излишней воли бремя,
Прольет отраду, как и мне, на время.

Фернс — гористый полуостров в Северном Ланкашире между устьем реки Даддон и заливом Моркам (то есть в озерном крае).

«Земля в цвету и чистый небосвод...» (стр. 247). Дата написания неизвестна. Опубликован в 1807 году.

Сон (стр. 247).— Дата написания неизвестна, опубликован в 1807 году. Один из трех сонетов Вордсворта под таким названием.

Отплытие (стр. 248).— Написан не ранее марта 1804 года, опубликован в 1807 году.

«Господень мир, его мы всюду зрим...» (стр. 248).— Дата написания неизвестна, опубликован в 1807 году.

Протей и *Тритон* — сыновья Посейдона.

«Не хмурься, критик, не отринь сонета...» (стр. 249).— Дата написания неизвестна, опубликован в 1827 году. Этим сонетом навеян сонет А. С. Пушкина «Суровый Дант...».

Сонет, написанный на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года (стр. 249).— Опубликован в 1807 году.

Прощальный сонет реке Даддон (стр. 250).— Сонет является тридцать четвертым из цикла сонетов «Река Даддон». Цикл написан в 1806—1820 годах, опубликован в 1820 году.

На ликвидацию Венецианской республики. 1802 г. (стр. 250).— Сонет написан, вероятно, в августе 1802 года, опубликован в 1807 году. Венецианская республика прекратила существование в 1797 году. Она была вместе со своими владениями передана Австрии в ходе наполеоновских войн.

Туссену Лувертюру (стр. 251).— Написан, вероятно, в августе 1802 года, впервые опубликован в «Морнинг пост» 2 февраля 1803 года, затем в сборнике 1807 года.

Туссен Лувертюр (Франсуа-Доминик, или Пьер-Доминик; 1743—1803)— герой национально-освободительной борьбы гаитянского народа, предводи-

тель восстания негров-рабов. В 1801 г. стал пожизненным правителем Гаити. В 1802 г. войска Наполеона вторглись на Гаити; Туссен Лувертюр попал в плен, был увезен во Францию и там умер.

Англия, 1802 г. (стр. 251). — Написан в Лондоне в сентябре 1802 года, опубликован в 1807 году.

Лондон, 1802. Мильтон (стр. 252).— Написан в сентябре 1802 года, опубликован в 1807 году.

«Я отложил перо; мне шквальный ветер пел...» (стр. 252).— Сонет опубликован в 1815 году.

«Бессилен человек и близорук...» (стр. 253). — Написан, вероятно, в 1815 году, опубликован тогда же.

«Ты все молчишь! Как быстро отцвела...» (стр. 253).— Сонет опубликован в 1852 году.

РОБЕРТ САУТИ

Р. Саути родился в 1774 году в Бристоле в семье торговца. Учился в Оксфорде. Литературную деятельность начал в 1795 году, опубликовав сборник «Стихотворения». Основные произведения Саути: поэмы «Жанна д'Арк» (1796), «Талабо-разрушитель» (1801), «Медок» (1805), «Проклятие Кехамы» (1810), «Родерик, последний из готов» (1814), а также многочисленные баллады, которые, в отличие от «серьезных» и «страшных» баллад Вальтера Скотта, проникнуты подчас едкой иронией и пародируют романтическую поэзию. Значительно меньшую художественную ценность представляют официальные оды Саути, принесшие ему в 1813 году лауреатство. Как и другие представители «озерной школы» (Кольридж, Вордсворт), в юности увлекался идеями французской революции 1789 года, но впоследствии решительно изменил свои взгляды. Позднее творчество Р. Саути малоинтересно. Он умер в 1849 году в Грэтс-холле близ Кесуика.

Медок (Медок в Уаллах) (стр. 257). — В 1821 году Александр Сергеевич Пушкин перевел строка в строку двадцать пять начальных стихов первой части огромной поэмы Саути «Ме́док». Поэма начата автором осенью 1794 года, окончательно отредактирована осенью 1804 года и впервые вышла отдельным изданием в 1805 году.

...О славном подвиге... — об открытии Америки. Как объяснял Саути, сюжет поэмы основан на сообщении хроник о том, что около 1170 г. Медок, один из принцев Северного Уэльса (Уаллов, как прочел Пушкин), отказавшись от борьбы за престол, которую затеяли его братья, отплыл на запад в поисках новой страны для поселения. Он нашел ее и, оставив часть людей на материке, вернулся в Уэльс за новыми поселенцами (как раз с этого момента начинается поэма); после его отплытия о нем «ничего не было слышно».

Доника (стр. 258).— Стихотворение написано в Бристоле, опубликовано в 1797 году в сборнике «Стихотворений». Как объяснял Саути, сюжет

баллады взят из примечаний к поэме Томаса Хейвуда (1574? — 1641) «Иерархия блаженных ангелов» (издание 1635 года); случай этот якобы произошел в Финляндии. В переводе В. А. Жуковского опущены строфы 8 и 25 оригинала, в обоих случаях их содержание изложено переводчиком в последнем стихе предыдущей строфы.

Адельстан (стр. 261).— Эта баллада В. А. Жуковского представляет собой довольно точный перевод баллады Саути «Рудигер». Жуковский изменил только имена и некоторые детали в описаниях (Рудигер стал Адельстаном, Маргарет — Флорой, замок Валдхэрст — замком Аллен и т. д.). «Рудигер» написан в Бристоле и опубликован в 1797 году. Сюжет заимствован там же, где и сюжет «Доники». По объяснению Саути, жестокость воина Рудигера вызвана необходимостью исполнить опрометчивый обет: за спасение принести в жертву своего первенца.

Мэри, служанка постоялого двора (стр. 266).— Стихотворение написано в Бристоле, впервые опубликовано в «Оракуле», затем в 1797 году в сборнике «Стихотворения». Как объяснял Саути, в школьные годы ему рассказывали эту историю как действительно происшедшую в Северной Англии; позднее он нашел в «Истории Стаффордшира» доктора Плота рассказ о человеке, который в бурную ночь на пари пошел из трактира к озеру, услышал крик женщины, которую кто-то пытался столкнуть в воду и утопить; он бросился на помощь и наконец привел спасенную в качестве доказательства, что был у озера.

Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди (стр. 270).— Написана в Хэрфорде, опубликована в 1799 году. Сюжет баллады встречается, по крайней мере, в трех латинских хрониках IX века как описание реального происшествия.

Стр. 274. *Оркан* (устаревш.) — ураган, буря.

Предостережение хирурга (стр. 275). — Стихотворение написано в Уэстбери, опубликовано в 1837 году. По словам Саути, сюжет и некоторые строфы подсказаны ему другом, а «почитание патентов» пародирует католическое почитание святых.

Бленхаймский бой (стр. 280).— Стихотворение написано в Уэстбери, впервые опубликовано в «Морнинг пост» 9 августа 1798 года.

Бленхайм (Блиндхайм) — деревня в Баварии, недалеко от Гохштедта. Бленхаймский бой — иначе называемый битвой при Гохштедте, состоялся 13 августа 1704 г.; это был один из эпизодов так называемой «Войны за испанское наследство». В этом бою пятидесятидвухтысячные англо-австрийские войска под командованием герцога Мальборо (Мальбрука) и принца Франца-Евгения Савойского разбили французов и баварцев, взяв одиннадцать тысяч пленных.

Суд божий над епископом (стр. 282).— Стихотворение написано в Уэстбери, опубликовано в «Морнинг пост» 27 ноября 1799 года.

Гаттон (850?— 913) — архиепископ Майнца с 891 г.; регент-прави-

тель Германии в 899—911 годах; существуют легенды о его невероятной жестокости и подлости.

Король крокодилов (стр. 284).— Баллада написана, по всей видимости, в 1799 году, опубликована в 1837 году.

Стр. 285. *Крокодилополь* — греческое название двух древнеегипетских городов (в Фаюме и в Верхнем Египте), бывших центром почитания бога-крокодила Собека; в конце XVIII в. путешественники отмечали почитание крокодилов у мусульман Верхнего Египта.

Ингкапский риф (стр. 288).— Баллада написана в Бристоле, впервые опубликована в «Морнинг пост» 19 октября 1803 года. Сюжет взят из «Заметок о Шотландии» Стоддарда. Ингкапский риф расположен у островка Мэй в Северном море близ шотландских берегов; в средние века остров был одним из оплотов христианства; по легенде, на нем в IX веке был убит датчанами святой Адриан.

Королева Ураки пять мучеников (стр. 290).— Баллада написана в Бристоле, опубликована в «Морнинг пост» 1 сентября 1803 года. Положенная в основу стихотворения легенда заимствована из хроники правления португальского короля Альфонса Второго (1185—1223; в переводе Жуковского — Альфонзо) и «Серафической истории» Мануэля да Эсперанца. Обращение к португальской истории для Саути далеко не случайно: он бывал в Португалии в 1795—1796 и 1800—1801 годах, опубликовал «Письма из Испании и Португалии», «Историю Бразилии» и др.

Коимбра — первая столица Португальского королевства.

Стр. 294. *Отец Франциск* — святой Франциск Ассизский (1182—1226)— основатель нищенствующего монашеского ордена францисканцев (миноритов); согласно оригиналу, пять мучеников принадлежали этому ордену.

ТОМАС МУР

Т. Мур родился в 1779 году в Дублине, в семье бакалейщика. По происхождению ирландец. Учился в Дублинском университете. В 1803 году был чиновником на Бермудских островах, побывал в Америке. Литературную деятельность начал в 1800 году изданием книги переводов из Анакреона. Основные произведения Мура: сборник «Ирландские мелодии» (1808—1835), поэма «Лалла-Рук» (1817), поэма «Любовь ангелов» (1823), роман «Эпикуреец» (1827). Томас Мур опубликовал в 1830 году «Письма и дневники лорда Байрона с замечаниями о его жизни», произвольно «отредактировав» их. Томас Мур умер в 1852 году в Лондоне.

ИЗ «ЮНОШЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ» (1801)

Цикл «Юношеские стихотворения» в основном опубликован в 1801 году в сборнике «Стихотворения покойного Томаса Литтла».

К . . . (стр. 297).— Стихотворение существует во множестве вариантов.

ПОСЛАНИЯ, ОДЫ И ДРУГИЕ СТИХИ

Сборник опубликован в 1806 году.

Баллада. Озеро Унылой Топи (стр. 299).— Опубликована в цикле «Стихи, относящиеся к Америке». В 1803—1804 годах Томас Мур побывал в США. Большая Унылая Топь расположена в десяти—двенадцати милях от Норфолка, в штате Виргиния.

«Будь ты землей среди зыбей...» (стр. 300).— Опубликовано в цикле «Оды к Нее». Имя Нея заимствовано из «Медеи» Эврипида (стих 967). В подзаголовке Мур сообщает, что цикл написан на Бермудских островах.

Дух снега (стр. 301).— Опубликовано в цикле «Стихи, относящиеся к Америке».

...так силач Геркулес // Обнимает красавицу Гебу.— По позднегреческому мифу, Зевс сделал Геракла бессмертным и взял его на Олимп, где ему в жены была дана Геба, богиня юности.

ИЗ «ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ»

Цикл написан в основном в 1806—1828 годах, но добавления в цикл продолжались вплоть до 1835 года, причем, как объяснял сам Томас Мур, запоздание публикаций вызвано было его нежеланием «разлучать слова с напевами», то есть издавать их без нот.

Военная песнь. Отважного Брайана славу воспой! (стр. 304).— *Брайан* Боронхе — ирландский монарх, убитый в битве при Клонтарфе в начале XI в. после того, как разбил датчан в двадцати пяти сражениях.

Монония — Мюнстер (прим. Томаса Мура).

Кинкора — дворец Брайана.

Соратников раненых память жива...— Когда возвращавшиеся с битвы при Клонтарфе отряды Брайана были застигнуты врагом, раненые, которых, по преданию, было около восьмисот, стали сражаться вместе со здоровыми.

Эрин! В слезах улыбаешься ты (стр. 305).— *Эрин* — Ирландия.

Тебя возлюбивший покинул тебя (стр. 305).— Написано, по-видимому, в память о Роберте Эммете (см. прим. к стр. 458).

Если б Эрин к былому душою приник (стр. 306).

До предательства...— то есть прежде, чем Ирландию предали.

Молаки — как объясняет Мур, ирландский монарх X в.; после одной из схваток с датчанами взял в качестве трофея золотой воротник противника.

Стр. 307. *В бой под стягом зеленым вели короли//Алых рыцарей в блеске багрянца.* — Имеется в виду один из рыцарских орденов — орден Рыцарей красной ветви.

Закатная Земля — Ирландия, поскольку она лежит на западе.

ЛохНиг.— Мур поясняет, что, по народному преданию, Лох Ниг —

это источник, который внезапно разлился однажды и затопил располагавшийся поблизости город.

Молчит просторный тронный зал (стр. 307).— *Тара* — грандиозные руины на холме в шести милях к востоку от города Трима (область Мит в Ирландии); примерно до 560 г. здесь была резиденция ирландских королей, в дальнейшем Тара служила иногда местом пиров и собраний. В 980 г. возле Тары произошла битва, приведшая к освобождению области Мит от датчан; в 1798 г. Тара стала местом разгрома ирландских повстанцев английскими войсками.

Хоть в слезах я взирала на Эрин вдали (стр. 308).— В 1537 году Генрих VIII издал указ, согласно которому ирландцам запрещалось носить национальные прически — особым образом пробривать голову над ушами или же носить длинные локоны (так называемый Коулинс). Запрещалось также ношение усов (так называемый Кроммил). По этому поводу была сложена песня, в которой ирландская дева отдает предпочтение своему милому Кулину (то есть юноше с длинными локонами) перед всеми чужеземцами, под которыми подразумевались англичане, или перед ирландцами, носящими английские наряды. От этой песни до современников Мура дошла только мелодия, слова к которой написал вновь Томас Мур.

Свободного барда презреньем не мучай (стр. 308).— К первой строфе Мур дал примечание, что слово «Ирландия» происходит от «ир» (ирланд. «лук»).

Стр. 309. *Аристогитон* и *Гармодий*.— По преданию, перед убийством Писистрата, греческого тирана, его убийцы, Аристогитон и Гармодий, спрятали меч под миртовыми ветвями (Мур ссылается здесь на древнегреческого поэта Алкея).

Светляк мигнул ночной порой (стр. 313).— *Морна* — как поясняет Мур, героиня ирландского стихотворения, переведенного когда-то на английский язык другом его ученических лет.

ПЕСНИ РАЗНЫХ НАРОДОВ

Цикл впервые опубликован в 1815 году, впоследствии неоднократно издавался с дополнениями вплоть до 1828 года.

Вечерний звон (стр. 320).— По имеющимся сведениям, это стихотворение является переложением армянской народной песни.

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

Байрон родился в 1788 году в Лондоне. Он был наследником старинного, но обедневшего аристократического рода. Детские годы провел в Шотландии, в Абердине, где учился в классической школе. Продолжил образование в колледже в Харроу, а затем в Кембридже. Литературную деятельность начал в 1806 году. В 1809—1811 годах совершил путешествие на вос-

ток; он посетил Португалию, Албанию, Грецию и Турцию. В 1813—1816 годах были опубликованы его так называемые восточные поэмы («Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар»). В 1816 году, после обрушившейся на него травли светского общества, Байрон навсегда покинул Англию. В Швейцарии он познакомился с Шелли. Вскоре он создал драматическую поэму «Манфред», поэму «Шильонский узник» и многие наиболее известные свои лирические шедевры. В 1817 году он переехал в Италию, где в течение пяти лет были написаны семнадцать песен главного произведения Байрона «Дон-Жуан». В 1823 году Байрон отправился в Грецию, где принял деятельнейшее участие в борьбе греческих повстанцев против турецких оккупантов. Он умер в 1824 году в Миссолунгах.

ПОЭМЫ

Ш и л ь о н с к и й у з н и к (стр. 327).— Поэма написана 27—29 июня 1816 года в Уши, недалеко от Лозанны, вскоре после поездки с Шелли вокруг Женевского озера (см. прим. к стр. 462). Опубликована 5 декабря 1816 года. В основу поэмы легла история Франсуа Боннивара. К первому изданию поэмы было предпослано предисловие и краткая биография Боннивара.

Шильонский замок расположен на берегу Женевского озера, в кантоне Вад. Построен в XII в. одним из савойских герцогов на скале, уходящей в озеро; долгое время служил государственной тюрьмой.

Боннивар Франсуа (1493—1570) — швейцарский писатель и философ-республиканец. За выступления против режима герцога Карла III Савойского был заточен в Шильонский замок с 1530 по 1536 год. Четыре года провел в камере, расположенной ниже уровня озера. Был освобожден из тюрьмы воинским отрядом города Берна, захватившим замок.

VI. *Леман* — Женевское озеро.

XIII. *И бездна озера у ног, //И Роны блещущий поток...*— Река Рона протекает через всю длину Лемана, ясно сохраняя присущий ее водам синий цвет, резко отличающийся от зеленоватой воды озера.

И я приметил островок...— Байрон отмечает, что на всем Женевском озере есть только один островок возле Шильонского замка, настолько маленький, что на нем росло не больше двух или трех деревьев.

Б е п п о (стр. 343).— Поэма опубликована 28 февраля 1818 года.

5. *Монмут-стрит* — улица в Лондоне, где в XVIII в. находились лавки старьевщиков.

Ковент-Гарден — площадь в Лондоне, именовавшаяся в XVII—XVIII вв. итальянским словом «пьяцца» из-за выстроенной там аркады архитектора Иниго Джонса.

6. *...карнавал. // «Прощай, мясное»!* — Карнавал по-итальянски и означает — «прощай, мясное» (carne vale).

12. *Дворец Манфрини* — замок в Италии, знаменитый своим собранием картин.

14. *Как меж Плеяд погасшая звезда.*— Плеяды — семь сестер, дочери Атланта и океаниды Плейоны. По одному из древнегреческих мифов, Плеяды, преследуемые Орионом, обратились к богам с мольбой о спасении и были превращены в голубей, а затем — в звезды. Этот миф основан на созвучии греческого слова «голубь» с названием созвездий и на том, что созвездие Орион движется по небу следом за созвездием Плеяды. Миф о седьмой плеяде, Меропе, призван объяснить, почему седьмая звезда почти не видна: в отличие от сестер, Меропа вышла замуж за смертного и сама стала смертной. С тех пор, стыдясь своей участи, она постоянно прячется.

20. *Риальто* — мост в Венеции.

25. *Алеппо* — город в Сирии.

28. *...Дидону покидающий Эней.*— В оригинале упомянута Ариадна (см. о ней прим. к поэме Китса «Изабелла»).

48. *Регент* — принц-регент Георг (1762—1830), правивший во время болезни короля Георга III. В 1820 г. взошел на престол, приняв имя Георга IV.

58. *Воксхолл* — лондонский парк, бывший излюбленным местом гуляний; существовал с середины XVII в. до 1859 г.

61. *Полночный Тор* — Россия (Тор — бог грома в древнескандинавской мифологии).

66. *Духи Банко.*— Имеется в виду сцена третья из первого действия «Макбета», в которой ведьмы предсказывают Банко, что его сыновья будут королями.

68. *Вилберфорс* Уильям (1759—1833) — английский религиозный и политический деятель.

72. *Бозерби.*— Под этим вымышленным именем Байрон высмеял третьестепенного английского поэта Уильяма Сотби (1757—1833).

76. *Роджерс* Сэмюель (1763—1855) — выдающийся английский поэт-романтик.

78. *Тут, слава богу, нет ученых жен.*— Леди Байрон увлекалась математикой.

86. «*Бобби*» — полицейские.

95. *Корфу* — остров в Ионическом море.

Полакка — двух- или трехмачтовое судно в Средиземном море.

96. *Мыс Бон* — находится на северной оконечности Туниса.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Прощание с Ньюстедским аббатством (стр. 371).— Написано в 1803 или 1805 году, опубликовано в конце 1806 года в первом сборнике поэта «Беглые наброски». Ньюстедское аббатство, родовое поместье Байронов.

Аскалон — крепость в Палестине времен крестовых походов.

Креси. — Битва при Креси состоялась в 1346 г. В ней английские войска нанесли поражение французам.

Эдвард — английский король Эдуард III (1327—1377).

Руперт — принц Руперт, граф Палатин (1619—1682). Английский военачальник, племянник низложенного короля Карла I.

Марстон.— Битва при Марстон-Муре состоялась в 1644 году. В ней армия Кромвеля нанесла поражение войскам Карла I.

Подражание Катуллу (стр. 372).— Написано, по всей вероятности, осенью 1806 года, опубликовано в том же сборнике, что и предыдущее стихотворение.

Отрывок, написанный вскоре после замужества мисс Чаворт (стр. 372).— Опубликован в 1830 году.

Чаворт Мэри Энн (1786—1832), в которую Байрон был влюблен в юности, вышла замуж в августе 1805 года.

Анслейские холмы. — Анселей — поместье Чавортов.

Георгу, графу Делавару (стр. 373).— Написано в 1806 году, опубликовано в сборнике «Часы досуга», вышедшем летом 1807 года.

Делавар (прав.: Делавер) Георг Джон (1791—1869) — товарищ Байрона.

Лохнагар (стр. 374).— Написано, по всей вероятности, в 1806 году, опубликовано также в сборнике «Часы досуга».

Лохнагар (Лэчин-и-Гэр — в английском чтении, Лох-на-гар — в кельтском чтении) — горная вершина в северной Шотландии.

Вершин каледонских громады.— Каледония — древнее название Шотландии.

Куллоден.— В апреле 1746 года в битве при Куллодене шотландские войска, возглавляемые принцем Чарльзом-Эдуардом, потерпели поражение от английских войск. После поражения принц Чарльз некоторое время скрывался в замке Бремар, в северной Шотландии.

«Когда б я мог в морях пустынных...» (стр. 375).— Написано в 1807 году, впервые опубликовано в 1807 году в сборнике «Оригинальные и переводные стихотворения».

Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу (стр. 376).— Опубликовано в 1808 году. *Гарроу* (прав.: Харроу) — аристократическая школа, где обучался Байрон (1801—1805 гг.). В 1807 году он снова побывал там. Стихотворение навеяно этим посещением.

Ну что ж! Ты счастлива! (стр. 377).— Написано в 1808 году, впервые опубликовано в 1809 году в сборнике «Подражания и переводы».

«Прости! Коль могут к небесам...» (стр. 378).— Написано в 1808 году, впервые опубликовано в 1814 году вместе со вторым изданием поэмы «Корсар».

Стансы к некой даме, которая спросила, почему я весной уезжаю из Англии (стр. 379).— Опубликовано там же, где и предыдущее стихотворение. Посвящено Мэри Мастерс, урожденной Чаворт (о ней см. выше).

Наполняйте стаканы! (стр. 381).— Точное время написания неизвестно. Впервые опубликовано в том же сборнике, что и предыдущие стихи.

Стр. 382. *Пандора* — первая женщина, по воле Зевса сотворенная Гефестом в наказание людям за поступок Прометея, похитившего с неба огонь для человека. Зевс отдал ее замуж за брата Прометея, Эпиметея, Зевс подарил Эпиметею сосуд, в котором были заключены все людские пороки, несчастья и болезни. Терзаемая любопытством, Пандора, несмотря на запрет, открыла сосуд.

Геба — богиня юности у греков, на Олимпе подносила богам нектар и амврозию.

Строки мистеру Ходжсону (стр. 382).— Стихотворение впервые опубликовано в 1830 году.

Ходжсон Френсис (1781—1852) — друг Байрона, поэт и переводчик.

Стр. 383. *Флетчер*, *Мирей*, *Боб* — слуги Байрона.

Девушка из Кадикса (стр. 384).— Впервые опубликовано в 1832 году. Первоначально стихотворение входило в поэму «Паломничество Чайльд-Гарольда».

Кадикс — город в Испании.

В альбом (стр. 386).— Опубликовано впервые в 1812 году, вместе с «Паломничеством Чайльд-Гарольда». Помимо известного перевода М. Ю. Лермонтова, приводим перевод Ф. И. Тютчева:

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!..

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его уж нету в вашем круге;
Но сердце здесь погребено!..»

Написано после того, как я проплыл из Сестоса в Абидос (стр. 386).— Опубликовано в 1812 году. Герой древнегреческого мифа *Леандр* каждую ночь переплывал *Геллеспонт* (Дарданеллы) из Сестоса к своей возлюбленной Геро в Абидос. Он плыл в темноте на свет факела. Однажды во время бури факел погас и Леандр утонул.

Песня греческих повстанцев (стр. 387).— Опубликовано в 1812 году. Переложение с новогреческого песни, написанной Константином Фереосом Ригасом (1760—1798), революционером и поэтом. Песня была широко известна в то время.

Прощанье с Мальтой (стр. 388).— Опубликовано впервые в 1816 году. Остров Мальта был оккупирован Англией в 1802 году и стал одной из главных баз ее военного флота.

Ла-Валетта — главный город Мальты.

Прощайте, улочек ступени...— Улицы Ла-Валетты представляют собой ряд ступеней, высеченных в скале.

Стр. 389. *Миссис Фрейзер* — поэтесса, жена морского офицера, с которой Байрон познакомился на Мальте.

«Еще усилье — и постылый...» (стр. 389).— Впервые опубликовано в 1812 году.

Стр. 390. *Тирза.*— Кого именно Байрон называл античным именем Тирза, биографам Байрона установить не удалось (ср. с употреблением этого имени у Блейка).

Ода авторам билля против разрушителей станков (стр. 391).— Написано в конце февраля или начале марта 1812 года, впервые опубликовано без подписи 2 марта 1812 года в газете «Морнинг кроникл». Впервые переиздано в 1880 году.

Райдер Ричард (1756—1832) — министр внутренних дел в 1809—1813 гг.

Элдон.— См. прим. к с. 464.

Стр. 392. *Ливерпуль* Роберт Бенкс Дженкинсон (1770—1828)— премьер-министр в 1812—1827 гг.

Экспромт в ответ другу (стр. 392). — Опубликовано в 1814 году с посвящением Томасу Муру.

На посещение принцем-регентом королевского склепа (стр. 392). — Опубликовано в 1819 году в Париже. В 1814 году в склепе английского короля Генриха VIII был обнаружен гроб с прахом короля Карла I, казненного в 1649 году во время английской революции. *Принц-регент* — это будущий король Георг IV (о нем см. выше).

Стансы для музыки («Как имя твое написать, произнесть...») (стр. 393).— Опубликовано 1816 году. Положено на музыку композитором Исааком Натаном.

Стансы для музыки («Сияй в блаженной, светлой сини!..») (стр. 393).— Написано, по всей вероятности, в мае 1814 года, впервые опубликовано в газете «Экзаминер» 4 июня 1815 года. Положено на музыку композитором Исааком Натаном.

ИЗ «ЕВРЕЙСКИХ МЕЛОДИЙ»

Цикл стихотворений, объединенных под общим названием «Еврейские мелодии», был написан в конце 1814 — начале 1815 года по просьбе Д.-Дж. Киннерда, друга Байрона, на музыку композиторов Исаака Натана и Джона Брехема. Впервые этот цикл был опубликован в 1815 году. Байрон критически относился к этому произведению и впоследствии сожалел, что согласился на уговоры Киннерда. Вне всякого сомнения, Байрон был слишком суров к своему произведению.

«Она идет во всей красе...» (стр 395).— Написано 12 июня 1814 года после возвращения с бала, где Байрон встретил миссис Уилмот Хотон, жену своего дальнего родственника, которая была в трауре.

Псалтирь царя-певца (стр. 396).— Точная дата написания неизвестна.

Когда в небесной вышине (стр. 396).— Дата написания неизвестна. Композитор Исаак Натан в своих воспоминаниях писал, что слово «когда» (точее «если») в первой строке стихотворения послужило поводом для упреков Байрону в атеизме.

Дикая газель (стр. 397).— Дата написания неизвестна.

О, плачь о тех... (стр. 398).— Дата написания неизвестна.

Дочь Иевфая (стр. 398).— Дата написания неизвестна. Согласно Книге Судей Израилевых, верховный судья Иевфай принес в жертву Иегове свою единственную дочь в благодарность за дарованную ему победу в битве с аммонитянами.

«Убита в блеске красоты!..» (стр. 399).— Дата написания неизвестна. Впервые опубликовано 23 апреля 1815 года в газете «Экзаминер». Приводим также перевод К. К. Случевского:

Ты расстанешься с жизнью трудною,
Чаши полной коснувшись едва,
И над прахом парчой изумрудною
По весне разрастется трава;
Роза, первенец года, распустится,
Зацветет над могилой твоей,
Низко, низко ветвями опустится
Кипарис-меланхолик над ней.

Часто грусть над струею ласкающей
Наклониться над прахом придет,
И ее рой видений летающий
Чутким сном усыпит, обовьет.
То ей дороги будут мечтания,
Она будет тихонько ходить,
С осторожностью, полной внимания.
Будто может твой сон пробудить.

Но оставим все это; напрасные
Слезы будем ли мы проливать,
И пред смертью немой и бесстрастною
Снисхожденья себе ожидать?
Да и эта уверенность в мнении
Помешает ли падать слезам,
Посмотри, проповедник забвения,
Ты, ты бледен, ты плачешь и сам.

Душа моя мрачна (стр. 399).— Дата написания неизвестна.

«Ты плачешь — светятся слезой...» (стр. 400).— Дата написания неизвестна. Приводим также неоконченный (без последнего четверостишия) перевод И. А. Бунина.

Я видал твои слезы. Осталась
На очах твоих светлых одна;
Как роса на фиалке, качалась
И дрожала тихонько она.

Я видал и улыбку. Не смели
И сапфиры равняться бы с ней
И с лучами, что ярко блестели
На лазури прекрасных очей.

Как на туче блестя омраченной,
Солнце розовый цвет ей дает,
Так улыбка душе огорченной
И отраду и счастье прольет.

(1886)

В р а г о м с р а ж е н (стр. 400).— Дата написания неизвестна. Приводим перевод А. Плещеева:

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава,
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый,
Жить будет мужество твое,
Освободившее ее.

Пока свободен твой народ,
Он позабыть тебя не в силах.
Ты пал! Но кровь твоя течет
Не по земле, а в наших жилах;
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть,
Коль назовем тебя средь боя;
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя;
Но слез не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

С а у л (стр. 401).— Стихотворение написано в феврале 1815 года.

Саул — первый царь иудеев. Многократно вступал в ссору с пророком Самуилом, которым был помазан на царство. После смерти пророка Саул вызвал тень Самуила, который предсказал ему смерть и гибель его рода.

Стр. 402. ...*твой сын падет*... — Ионафан, старший сын Саула.

П е с н ь С а у л а п е р е д п о с л е д н е й б и т в о й (стр. 402).— Дата написания неизвестна.

В с е с у е т а, с к а з а л Э к к л е з и а с т (стр. 403).— Написано в 1815 году. Стихотворение представляет собой поэтический парафраз к «Книге Экклезиаста».

К о г д а и з н е м о г ш и е с т ы н у т с е р д ц а (стр. 403).— Написано в 1815 году.

В и д е н и е В а л т а с а р а (стр. 404).— Дата написания неизвестна.

Валтасар — последний вавилонский царь. В Книге Пророка Даниила рассказано, что во время многолюдного пира Валтасар увидел, как «вышли персты руки человеческой и писали против лампады на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала» (V, 5) (исчислено, взвешено и разделено). Даниил истолковал таинственные слова «мене текел фарес» (в Библии: мене, текел, упарсин), пророчествующие гибель Валтасара и его царства. В ту же ночь пророчество сбылось: в осажденный Вавилон проникли войска персидского царя Кира. Публикуемый перевод Полежаева был высоко оценен Белинским.

«Неспящих солнце! Грустная звезда!» (стр. 406).— Дата написания неизвестна.

Если б в сердце... (стр. 406).— Написано в 1815 году.

Плач Ирода по Мариамне (стр. 407).— Написано 15 января 1815 года.

Ирод — иудейский царь, славившийся своей жестокостью.

Мариамна — его жена, отличавшаяся редкой красотой, была заподозрена им в неверности и убита по его приказу. Впоследствии видение убитой жены, которую он страстно любил, преследовало иудейского царя, вызвав у него помрачение рассудка.

На разорение Иерусалима Титом (стр. 407).— Написано в 1815 году. В 64 году нашей эры Иерусалим восстал против римского владычества, и в 70 году был разрушен императором Титом.

У вод вавилонских, печалью томимы (стр. 408).— Написано 15 января 1815 года и представляет собой вольное переложение 136-го псалма Псалтири.

Поражение Сеннахериба (стр. 409).— Написано 17 февраля 1815 года.

Сеннахериб.— Ассирийский царь Сеннахериб (705—681 гг. до н. э.) осадил Иерусалим, столицу восставшей Иудеи, и требовал сдачи города. В это время в войске Сеннахериба вспыхнула чума, и Сеннахериб бежал от стен Иерусалима.

И дух предо мною прошел (стр. 410).— Дата написания неизвестна. Тема заимствована из Книги Иова.

Прости! (стр. 411).— Стихотворение впервые опубликовано отдельным изданием для узкого круга лиц 4 апреля 1816 года. Обращено к жене поэта, в девичестве Анне Изабелле Милбенк, в браке с которой поэт состоял немногим более года.

Стансы («Ни одна не станет в споре...») (стр. 413).— Опубликованы в 1816 году.

Стансы к Августе («Когда сгустилась мгла кругом...» (стр. 413).— Опубликованы в 1816 году. Биографы Байрона полагают, что оно было последним, написанным Байроном на родине. 25 апреля 1816 года Байрон навсегда покинул Англию.

Стансы к Августе («Хоть судьба мне во всем изменила...») (стр. 414).— Опубликованы вместе с «Шильонским узником» в 1816 году (так же, как и стихотворение «Тьма» и «Прометей»). Посвящено сводной сестре поэта, Августе Ли (1783—1851). Приводим также перевод Б. Л. Пастернака:

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.
Не пугают тебя передряги,
И любовью, которой черты
Столько раз доверял я бумаге,
Остаешься мне в жизни лишь ты.

Оттого-то, когда мне в дорогу
Шлет природа улыбку свою,
Я в привете не чаю подлога
И в улыбке тебя узнаю.
Когда ж вихри с пучиной воюют,
Точно души в изгнанье скорбя,
Тем-то волны меня и волнуют,
Что несут меня прочь от тебя.

И хоть рухнула счастья твердыня
И обломки надежды на дне,
Все равно, и в тоске и унынье,
Не бывать их невольником мне.
Сколько б бед не нашло отовсюду,
Растеряюсь — найдусь через миг,
Истомлюсь — но себя не забуду,
Потому что я твой, а не их.

Ты из смертных, и ты не лукава,
Ты из женщин, но им не чета,
Ты любви не считаешь забавой,
И тебя не страшит клевета.
Ты от слова не ступишь ни шагу,
Ты в отъезде — разлуки как нет,
Ты на страже, но дружбе во благо,
Ты беспечна, но свету во вред.

Я ничуть его низко не ставлю,
Но в борьбе одного против всех
Навлекать на себя его травлю
Так же глупо, как верить в успех.
Слишком поздно узнав ему цену,
Излечился я от слепоты:
Мало даже утраты вселенной,
Если в горе наградою — ты.

Гибель прошлого, все уничтожа,
Кое в чем принесла торжество:

То, что было всего мне дороже,
По заслугам дороже всего.
Есть в пустыне родник, чтоб напиться,
Деревцо есть на лысом горбе,
В одиночестве певчая птица
Целый день мне поет о тебе.

(1938)

Послание Августе (стр. 416).— Опубликовано в 1830 году.

Как на морях не знал покоя дед...— Джон Байрон (1723—1786), дед поэта, адмирал, на склоне лет совершил кругосветное путешествие.

Тьма (стр. 420).— Стихотворение написано на вилле Диодати, в Италии. В переводе И. С. Тургенева, по всей видимости, цензурой изъято две строки.

Прометей (стр. 422).— Образ Прометея возникает в поэзии Байрона неоднократно.

Венеция (отрывок) (стр. 424).— Написано в Венеции, впервые опубликовано только в 1901 году.

Песня для луддитов (стр. 425).— Опубликована в 1830 году.

Как когда-то за вольность в заморском краю...— Байрон имеет в виду войну Северо-Американских Штатов за независимость.

«Не бродить уж нам ночами...» (стр. 426).— Опубликовано в 1830 году.

Стансы к реке По (стр. 426).— Посвящены Терезе Гвиччиоли (1799—1873). Опубликованы в 1824 году.

Река По — протекает в Ломбардии (Северная Италия).

Стансы («Когда б нетленной...») (стр. 428).— Опубликованы в журнале «Нью мансли мэгэзин» в 1832 году.

Стансы («Кто драться не может за волю свою...») (стр. 430).— Опубликованы в 1830 году.

На смерть поэта Джона Китса (стр. 431).— Опубликовано в 1830 году. Перечисленных в стихотворении литераторов Байрон считал косвенными виновниками смерти Китса.

Стансы, написанные в дороге между Флоренцией и Пизой (стр. 431).— Опубликованы в 1830 году. Обращены к Терезе Гвиччиоли.

На самоубийство британского министра Кэстелри (стр. 432).— Опубликовано 18 октября 1822 года в первом номере журнала «Либерал», издававшегося Байроном и Ли Хантом.

Кэстелри (точнее: Каслри) Роберт Стюарт (1769—1822) — английский политический деятель. Покончил жизнь самоубийством, перерезав себе горло.

Катон Марк Порций Младший (95—46 гг. до н. э.) — древнеримский республиканец, покончил с собой после прихода к власти Кая Юлия Цезаря.

Графине Блессингтон (стр. 432).— Опубликовано в 1830 году.

Блессингтон Маргерит (1789—1849) — английская писательница, с которой Байрон встречался в апреле — июне 1823 года в Генуе.

Песнь к сулиотам (стр. 433).— Впервые опубликована только в 1904 году.

Сули — город в Албании.

Баца — военный клич сулиотов.

Стратиоты — воины.

Из дневника в Кефалонии (стр. 434).— Написано на острове Кефалония, в Ионическом море, впервые опубликовано в 1901 году.

Любовь и смерть (стр. 434).— Стихотворение опубликовано в феврале 1888 года в журнале «Мирейс мэгэзин».

В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет (стр. 435).— Написано в Миссолунгах, впервые опубликовано 29 октября 1824 года в газете «Морнинг кроникл». Это стихотворение — последнее из написанных Байроном.

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

П.-Б. Шелли родился в 1792 году в Филд-плейсе, в дворянской семье. Окончив колледж в Итоне, поступил в Оксфордский университет, откуда был исключен за проповедь атеизма. В 1812 и 1813 годах подолгу бывал в Ирландии, активно поддерживал национально-освободительную борьбу ирландского народа. В 1813 году выходит в свет поэма Шелли «Королева Маб», проникнутая бунтарским духом — так же как и другая его знаменитая поэма «Восстание Ислама» (1818). В 1818 году Шелли, преследуемый отечественной реакцией, навсегда покидает Англию и поселяется в Италии. К этому периоду его жизни относятся наиболее зрелые его творения — шедевры лирики, сатирическая поэма «Маскарад Анархии» (1819), «Адонаис» (1821), трагедии «Освобожденный Прометей» (опубл. 1820), «Ченчи» (опубл. 1820). Шелли трагически погиб в 1822 году, едва достигнув тридцати лет: яхта, на которой он плыл вблизи Ливорно, перевернулась во время шквала, и Шелли утонул.

Е. Витковский

ОБРАЗ И ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

(К ПЕРЕВОДУ «АДОНАИСА»)

Поэма Шелли «Адонаис» написана в традиционной, более того — в древнейшей форме плача. Так в древности оплакивали погибших героев. Отсюда ритуальная формула: «Плачьте все со мной!» Имя героя не может не

напомнить поэму Шекспира «Венера и Адонис». На подобное напоминание, очевидно, рассчитана поэма Шелли, хотя его герой разительно отличается от шекспировского Адониса, юного возлюбленного богини Венеры. Само имя Адонаис уводит нас на Восток, в Малую Азию, в колыбель архаических, почти первобытных мифов, предвосхитивших и предопределивших греческую мифологию. Адон-Адонаи семитических племен, Таммуз-Думузи шумеров — обожествленный герой древнейших обрядовых мистерий, юный пастух, сраженный темными силами преисподней, злобным демоном, драконом или вепрем. Адон гибнет, его оплакивают, он воскресает. Такова ритуальная схема мистерии. На заре нашей эры умирающий и воскресающий Адонаи отождествлялся некоторыми сектами с Христом. Это отождествление явственно в поэме Шелли. Мать Адонаиса — «Урания», то есть «небесная». Таким эпитетом наделяли древние греки богиню Афродиту. Так же называли они музу астрономии. Именем «Урания» подчеркнута небесная природа Адонаиса. В поэме Урания замещает богиню Иштар-Астарту, мать и супругу сраженного Адонаи. Разумеется, Шелли меньше всего стремился реставрировать филологически точно древнюю мистерию. Образ Адонаиса переосмыслен у Шелли в духе гностической философии. Подобно гностикам, Шелли в примечаниях к своей поэме «Королева Маб» преодолевает идею демиурга, индивидуального творящего божества, идеей универсального всепроницающего духа, извечно присущего вселенной. Поэт упрекает официальное христианство в догматическом окостенении, в глухонемой бездуховности. Адонаис для Шелли — ипостась всемирного творческого духа, как в Библии, возносящегося над хаосом. Адонаис — истинный поэт, и всякий истинный поэт — Адонаис, трагически обреченный на гибель своим призванием и по призванию же бессмертный: «Не умер Адонаис. Смерть мертва». Собственно, Джоном Китсом Адонаис назван лишь в предисловии к поэме. По сокровенному смыслу поэмы образ Адонаиса отнюдь не исчерпывается конкретной личностью Китса. Адонаис в поэме Шелли — одновременно образ и преображенье. Под именем Адонаиса оплаканы и другие великие поэты, не названные по имени, предположительно — Гомер, Данте, Мильтон. Адонаис — как бы единый творческий дух, проявляющийся в разные эпохи, в разных поэтах, обрекающий на мученичество и на бессмертие. В последних строфах поэмы к духу Адонаиса приобщается и сам Шелли.

В горних сферах Адонаиса встречают другие «питомцы славы неосуществленной»: Лукан (39—65 гг.) — юный римский поэт, племянник Сенеки покончивший самоубийством при императоре Нероне, в разгар террора; Филипп Сидней (1554—1586) — английский поэт-гуманист, благородный рыцарь, павший на поле брани; юный английский поэт Томас Чаттертон (1752—1770), чья горькая судьба, действительно, напоминает судьбу Китса: доведенный до отчаянья нищетой, Чаттертон принял яд. Адонаиса на земле оплакивает Гиацинт, возлюбленный друг Феба, случайно убитый могущественным богом при метании диска и превращенный в цветок; Нарцисс в поэме Шелли отнюдь не символ самовлюбленности, а все тот же единый дух, расцветаю-

щий в творческом самосозерцании. Оплакивает Адонаиса и «тот, кто зваться мог бы Актеоном», истерзанный собственными мыслями после того, как он заглянул в святая святых природы, подобно мифическому Актеону, который превратился в оленя и был затравлен своей собственной охотничьей сворой за то, что посмел созерцать наготу девственной богини Артемиды. Соблазнительно было бы отождествить этого нового Актеона с тем или иным современником Китса и Шелли, возможно, строфы 31—34 относятся к самому Шелли, но в скорбном клане плакальщиков каждый преображен своей ритуальной ролью, не более и не менее реальный в своей поэтичности, чем Нарцисс или Гиацинт. Разве только в «нежнейшем лирике» угадывается ирландский поэт Томас Мур.

Однако неверно было бы заключить на этом основании, будто Шелли бежит в горние сферы мифа, разоблачая литературно-политическую злобу дня лишь в предисловии к поэме. И в самой поэме царит пафос воинствующей актуальности. Поэтому, например, в поэме выступают как бы два разных Каина: каин семнадцатой строфы — нарицательное имя убийцы и Каин строфы тридцать четвертой — байроновский Каин, «мученик мятежный», уподобляемый Христу и, следовательно, самому Адонаису. И здесь образ динамически преображается. Литературная злоба дня — лишь перипетия мировой драмы, в которой пресмыкающемуся вероломству «бессмертной пошлости» противостоит героическая духовность Адонаиса.

В. Микушевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песня ирландца (стр. 457).— Опубликовано в 1810 году в совместном сборнике стихотворений Шелли и его сестры Элизабет. Шелли неоднократно выступал со стихами и статьями в поддержку борьбы ирландского народа за свою борьбу, собирался написать новейшую историю Ирландии.

Эрин — Ирландия.

К Ирландии (стр. 457).— Стихотворение полностью опубликовано впервые в 1907 году.

На могилу Роберта Эммета (стр. 458).— Отрывок из несохранившегося произведения; впервые опубликовано в 1887 году.

Эммет Роберт (1778—1803) — один из руководителей борьбы ирландского народа. Казнен после подавления Дублинского восстания (1803 г.), направленного против англо-ирландской унии 1801 г.

Летний вечер на кладбище (стр. 459).— Стихотворение опубликовано в 1816 году вместе с поэмой «Аластор».

Как поясняла Мэри Шелли, во второй половине июля 1815 года Шелли по совету врача отправился в путешествие, он проплыл вверх по Темзе, вплоть до ее истоков.

В о р д с в о р т у (стр. 460).— Опубликовано в 1816 году там же. Вызвано чтением поэмы Вордсворта «Прогулка» (1814).

Ч у в с т в а р е с п у б л и к а н ц а п р и п а д е н и и Б о н а п а р т а (стр. 460).— Написано в 1816 году, опубликовано вместе с поэмой «Аластор».

З а к а т (стр. 461).— Стихотворение полностью опубликовано в 1824 г.

Г и м н и н т е л л е к т у а л ь н о й к р а с о т е (стр. 462).— Написано, по всей вероятности, в Швейцарии летом 1816 года во время поездки вокруг Женевского озера; Шелли совершал ее вместе с Байроном, с которым тогда только что познакомился. Впервые опубликовано 19 января 1817 года в газете «Экзаминер». Как поясняет Мэри Шелли, стихотворение написано под впечатлением образа Сен-Пре из читавшейся поэтом в то время «Новой Элоизы» Руссо.

Л о р д у - к а н ц л е р у (стр. 464).— В октябре 1816 года покончила с собой первая жена Шелли — Харриет. В январе 1817 года он писал Байрону: [...] Моя бывшая жена умерла. Это произошло при обстоятельствах столь ужасных, что я едва решаюсь о них думать. Сестра ее, о которой Вы от меня слышали, несомненно (если не в глазах закона, то на деле) убила ее ради отцовских денег [...] Сейчас ее сестра подала на меня в Канцлерский суд с целью отнять у меня моих несчастных детей, ставших мне теперь дороже, чем когда-либо; лишить меня наследства, бросить в тюрьму и выставить у позорного столба за то, что я РЕВОЛЮЦИОНЕР и *атеист*. Как видно, живя у меня, она похитила некоторые бумаги, подтверждающие эти обвинения. По мнению адвоката, она несомненно выиграет дело [...] Итак, меня повлекут перед судилище деспотизма и изуверства и отнимут у меня детей, имущество, свободу, доброе имя за то, что я обличил их обман и бросил вызов их наглому могуществу [...]» (Перевод. З. Александровой. См.; Ш е л л и. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972, с. 116) В марте того же года Шелли был лишен отцовских прав на детей от Харриет; ему стали также известны слова лорда-канцлера Элдона о том, что не худо было бы отнять у него и сына от его второй жены Мэри Шелли. Стихотворение было опубликовано в 1839 году Мэри Шелли.

Которая из праха вновь восстала...— Имеется в виду «звездная палата», высшее судебно-медицинское учреждение Англии, уничтоженное в ходе буржуазной революции в 1641 году.

Стр. 466. *Твоей слезой — она тот самый жернов...*— Парафраз образа, встречающегося у Шекспира. Например, в «Ричарде III» Глостер говорит, обращаясь к убийцам: «Ваши глаза роняют жернова, когда глаза глупцов источают слезы!» (Перевод подстрочный).

С м е р т ь («Навек ушли умершие, и Горе...») (стр. 466) — Стихотворение опубликовано в 1824 году.

О з и м а н д и я (стр. 467).— Стихотворение опубликовано в январе 1818 года в газете «Экзаминер». Обломок статуи с именем царя Озимандия был найден незадолго до того в Египте.

Минувшее (стр. 467).— Опубликовано посмертно, в 1824 году.

К Мэри (стр. 468).— Опубликовано в 1824 году. Шелли приехал в Италию впервые в 1818 году.

Горесть (стр. 468).— Опубликовано 8 сентября 1832 года в «Атенеуме».

Стансы, написанные в часы уныния близ Неаполя (стр. 471).— Опубликованы в 1824 году. Мэри Шелли писала, что, находясь в Неаполе, поэт «во всем доверился своему врачу, тот наобещал всяческих чудес и заставил его переносить ужасные страдания, но и тени улучшения не было видно...» Измученный поэт пребывал в мрачном расположении духа, искал одиночества и тщательно скрывал от Мэри стихи, написанные в такие часы.

Сонет («Узорный не откидывай покров...») (стр. 472).— Опубликован в 1824 году.

«Молчанье! Вы со Сном и Смертью братья...» (стр. 473).— Отрывок написан в 1819 году, опубликован в 1862 году.

Мужам Англии (стр. 473).— Опубликовано в 1839 году. Стихотворение это сделалось гимном чартистов.

Англия в 1819 году (стр. 474).— Впервые опубликовано в 1839 году.

Ода к защитникам свободы (стр. 474).— Опубликована в 1820 году вместе с «Освобожденным Прометеем».

Ода западному ветру (стр. 475).— Написана в окрестностях Флоренции, опубликована вместе с «Освобожденным Прометеем».

Стр. 477. *Байи*— город близ Неаполя, знаменитый курорт еще с древнеримских времен.

Индийская серенада (стр. 478).— Опубликована во втором номере «Либерала» в 1822 году.

Медуза Леонардо да Винчи во Флорентийской галерее (стр. 478).— Опубликовано в 1824 году. Рассказ о том, что юный Леонардо написал изображение Медузы Горгоны, содержится в «Жизнеописаниях знаменитых художников» Джорджо Вазари. Картина, которой посвящено стихотворение Шелли, в настоящее время произведением Леонардо не считается.

Философия любви (стр. 479).— Стихотворение опубликовано Ли Хантом 22 декабря 1819 года; в одной из рукописных копий имеет подзаголовок «анакреонтическое» и дату «Январь 1820».

Наслаждение (стр. 480).— Фрагмент впервые опубликован в 1862 году. В оригинале называется «Рождение наслаждения».

Родство душ (стр. 480).— Впервые опубликовано в 1862 году.

«Не буди змею, позволь...» (стр. 481).— Отрывок опубликован в 1839 году Мэри Шелли.

Вино фей (стр. 481).— Отрывок опубликован Мэри Шелли в 1839 году.

Р о с т о к М и м о з ы (стр. 481).— Стихотворение написано в Пизе (в рукописи датировано мартом 1820 года), впервые опубликовано тогда же, вместе с «Освобожденным Прометеем».

О б л а к о (стр. 490).— Точная дата написания неизвестна, впервые опубликовано в 1820 году, вместе с «Освобожденным Прометеем». Стихотворение стало хрестоматийным и породило ряд подражаний в мировой литературе.

Ж а в о р о н о к (стр. 492).— Стихотворение написано в Ливорно, опубликовано вместе с «Освобожденным Прометеем».

А р е т у з а (стр. 495).— Стихотворение написано в Пизе, опубликовано посмертно, в 1824 году.

Аретуза — одна из нереид, нимфа одноименных источников в Элиде и Сицилии. По поздним греческим мифам, речной бог *Алфей* влюбился в Аретузу и преследовал ее. Спасаясь, Аретуза превратилась в источник, но Алфей стал рекой, и его воды соединились с водами Аретузы. По другому варианту мифа, Аретуза, преследуемая речным богом Алфеем, переплыла из Элиды по дну моря в Сицилию, и на острове Ортигии богиня Артемида обратила ее в источник.

Акрокеранские кручи — горная цепь в Эпире.

Стр. 496. *Эвриманф* — горный кряж на юге Греции.

Нот — бог южного ветра, приносившего грекам туманы и дожди.

На дорийский врывается брег...— Имеется в виду горная река в Италии — Дора Бальтеа, несущая свои воды к морю через многочисленные пороги.

Стр. 497.*Энна* — горная цепь в Сицилии.

П е с н ь П р о з е р п и н ы (стр. 498).— Написано в 1820 году, впервые опубликовано Мэри Шелли в 1839 году.

Прозерпина (Персефона) — дочь богини земного плодородия Деметры, владычица преисподней, богиня произрастания злаков. По послегомеровскому мифу, зимой Прозерпину похищает бог подземного царства Плутон, весной он разрешает ей вернуться на землю к матери, и тогда счастливая Церера обильно украшает землю пышной растительностью.

Г и м н А п о л л о н а (стр. 498).— Впервые опубликовано Мэри Шелли в 1839 году.

Гея — древнегреческое олицетворение земли.

Г и м н П а н а (стр. 499). — Впервые опубликовано в 1824 году.

Пан — аркадский бог лесов и рощ.

Тмолос и *Пелион* (см. след. стр.) — горы в Греции.

Стр. 500. *Пеней* — река в Темпейской долине, в Греции.

Сиринга — нимфа, в которую был влюблен Пан.

В о п р о с (стр. 500).— Опубликовано Ли Хантом в 1822 году.

Д в а д у х а (стр. 501).— Опубликовано Мэри Шелли в 1824 году.

О с е н ь. П о г р е б а л ь н а я п е с н ь (стр. 503).— Опубликовано Мэри Шелли в 1824 году.

Свобода (стр. 504).— Опубликовано Мэри Шелли в 1824 году.

Тифон — младший сын Геи и Тартара, чудовище с сотней змеиных голов, изрыгавших пламя; олицетворение вулкана.

Лето и зима (стр. 504).— Опубликовано Мэри Шелли в 1829 году.

Башня голода (стр. 505).— Опубликовано Мэри Шелли в 1829 году.

Аллегория (стр. 506).— Опубликовано Мэри Шелли в 1824 году.

Странники мира (стр. 506).— Опубликовано Мэри Шелли в 1824 году.

Смерть («Смерть ошую одесную...») (стр. 507).— Опубликовано Мэри Шелли в 1824 году. На месте восьмой строки в оригинале пропуск.

Доброй ночи (стр. 507).— Стихотворение опубликовано Ли Хантом в 1822 году. Было переведено самим поэтом на итальянский язык.

Орфей (стр. 508).— Стихотворение опубликовано в 1862 году.

Орфей — сын речного бога Эагра и нимфы Каллиопы. По наиболее распространенному мифу, Орфей изобрел музыку и стихосложение. Музыка Орфея заставляла растения склонять ветви, камни — двигаться, укрощала диких зверей. *Эвридика* — жена Орфея, умершая от укуса змеи. Орфей отправился в подземное царство, и Иления своей чудесной игрой растрогал Аида и Персефону; они разрешают ему увести с собой Эвридику обратно на землю, но при этом он не должен оглядываться на идущую за ним Эвридику. Орфей не смог противиться мольбам жены, он оглянулся и безвозвратно потерял Эвридику.

Стр. 510. *Ирида* — богиня радуги.

Минувшие дни (стр. 511).— Стихотворение опубликовано в 1870 году.

Дух Мильтона (стр. 512).— Стихотворение опубликовано в 1870 году.

Плач об умершем годе (стр. 512).— Стихотворение опубликовано в 1824 году. Остальные стихотворения, кроме специально оговоренных, также были опубликованы Мэри Шелли посмертно, в 1824 году.

К. («Опошлено слово одно...») (стр. 517).— Приводим также не публиковавшийся перевод В. Микушевича:

Нет, словом подобным играть
Я больше не стану.
А чувство грешно презирать,
Поверив обману.
Настолько с надеждой такой
Отчаянье схоже,
Что взгляд сострадательный твой
Мне жизни дороже.

Когда под названьем любви
Известно другое,
Как хочешь сама назови
Обожанье такое.
Пожелал бы звезду мотылек,
Но в конце, как в начале,
Этот рай несказанно далек
За пределом печали.

В е ч е р (стр. 518).— Опубликовано в 1824 году. Пятая строка третьей строфы в оригинале недописана.

К Д ж е й н. В о с п о м и н а н и е (стр. 520).— Опубликовано Мэри Шелли в 1839 году.

Джейн Уильямс — жена друга Шелли, капитана Уильямса, погибшего вместе с поэтом 22 июня 1822 года.

К Д ж е й н с г и т а р о й (стр. 522).— Опубликовано в «Атенеуме» 20 октября 1832 года.

ДЖОН КИТС

Дж. Китс родился в 1795 году в Лондоне в семье конюха. Опекун устроил его учиться медицине, но Китс оставил учение. При жизни поэта были изданы три его книги: «Стихотворения» (1817), «Эндимион» (1818), «Ламия, Изабелла, Канун Святой Агнессы и другие стихотворения» (1820). Перу Китса принадлежат поэмы, замечательные сонеты, многочисленные стихотворения, написанные в разнообразных поэтических формах, но вершины его дарование достигает в шести одах 1819 года. Затравленный критикой, больной туберкулезом, Китс уехал в 1820 году в Италию. В последний год жизни он не написал ни строки. Китс умер в 1821 году в Риме.

ПОЭМЫ

И з а б е л л а, и л и Г о р ш о к с б а з и л и к о м (стр. 527).— Поэма написана в феврале — апреле 1818 года, впервые опубликована в книге «Ламия, Изабелла, Канун Святой Агнессы и другие стихотворения» Джона Китса, автора «Эндимиона» (1820) (далее — «сборник 1820 года»). Сюжет заимствован из «Декамерона» Дж. Боккаччо (V новелла IV дня). Поэма перестала удовлетворять Китса уже через год после написания, и опубликовал он ее только под давлением друзей.

Базилик — душистый василек, растение, которому средневековая наука приписывала немало магических свойств; в частности, он применялся при составлении различных приворотных и отворотных зелий.

1. *Лоренцо, восхищенный пилигрим...*— Сравнение влюбленного с пилигримом многократно встречается в поэзии английского Ренессанса; таким образом, с первых строк Китс как бы указывает читателю на время действия поэмы и на источник сюжета («Декамерон»).

12. *Где Ариадна ждет на берегу.* — Имеется в виду древнегреческий миф о Тезее, который, с помощью Ариадны убив Минотавра, увез Ариадну с Крита, но покинул ее спящей на берегу острова Наксос.

13. *Дидона тенью странствует безликой...*— Имеется в виду эпизод из «Энеиды» Вергилия, когда покинутая Энеем царица Карфагена Дидона бросилась в горящий костер.

33. *Но преступленье, словно дым Еннома...*— В расположенной недалеко от Иерусалима Енномской долине древние иудеи приносили в жертву своих детей Молоху, сожигая их (см. Библия, Вторая Книга Паралипоменон, гл. 28, 3).

46. *Подобно лилии лесной долины...*— Реминисценция из «Песни песней» (гл. 2, 1).

К а н у н С в я т о й А г н е с с ы (стр. 544).— Поэма написана в январе — феврале 1819 года. Сюжет поэмы, вероятно, подсказан следующим местом из «Анатомии меланхолии» (1621) Роберта Бартона: «Единственное их желание — любыми магическими средствами увидеть в зеркале образы будущих своих мужей; они готовы отдать все, только бы узнать, когда именно они выйдут замуж, сколько у них будет мужей; путем ли кромниомантии — особого рода ворожбы с помощью луковиц, возложенных на алтарь вечером в Сочельник,— или постясь в ночь накануне Святой Агнессы, дабы узнать, кто будет их первым супругом». Первоначально между строфами 6 и 7 поэмы находилась еще одна, в которой подробности ворожбы были разработаны еще более детально.

Действие поэмы происходит в позднее средневековье, место условно определяется как Италия.

Святая Агнесса — раннехристианская мученица времен римского императора Диоклетиана, святая покровительница девственниц. По преданию, в 303 г., когда ей было тринадцать лет, Агнесса, отличавшаяся необыкновенной красотой, была ввергнута римскими властями в «блудилище» за отказ поклоняться языческим богам, но чудесным образом уберегла свою девственность; после этого мужественно встретила казнь. Через несколько дней после ее гибели ее родителям было видение, в котором Агнесса предстала им с белым агнцем, окруженная сонмом ангелов (отсюда агнец — атрибут святой Агнессы; в старину католические монахини приводили в церковь на богослужение двух белых овец, которых стригли у алтаря, а шерсть впоследствии пряли). День святой Агнессы отмечался 21 января.

2. *Вдоль нефа темного...*— Западноевропейские церкви обычно разделяются продольными рядами столбов или колонн на три или пять частей, называемых нефами, из которых центральный неф — самый высокий; существуют также однонефные церкви.

19. *С тех пор, как заплатил свой страшный долг Мерлин.* — «Долг» Мерлина — его жизнь. Мерлин — могучий волшебник, герой многочисленных средневековых сказаний (в частности, цикла сказаний о рыцарях Круглого стола), по некоторым вариантам легенд, обязан был жизнью («долгом») некоему демону, то есть «заплатил долг» — умер.

33. «*La belle dame sans merci...*» («Безжалостная красота»).— См. прим. к стихотворению Китса того же названия.

42. *Ave* — католические молитвы «Аве, Мария» («Богородице, дево, радуйся»).

Из поэмы «Эндимион» (стр. 557).— Первый отрывок представляет собой первые двадцать два стиха большой поэмы, написанной Китсом в 1817 году.

Античный миф о любви юноши Эндимиона и богини луны, известный Китсу главным образом в переработках английских поэтов XVI — XVII веков (Дрейтона, Лили, Джонсона), послужил основой для аллегорического произведения, в первой части которого воспевается красота природы, во второй — чувственная любовь, в третьей — сострадание, а в четвертой и последней — с ними чудесным образом объединяется и оказывается тождественной им чувственная любовь. Главная мысль поэмы,—идея торжества земной жизни с идеальной, намеренно усиленная переводчиком,— в отрывке еще только намечается.

Нас будет влечь к испытанному крову...— Неточность перевода: у Пастернака «дом» возводится в идеал прекрасного, в оригинале прекрасное доставляет людям «свой кров».

...о славных мертвых...— В оригинале цитата из «Времен года» английского поэта середины XVIII в. Томсона.

Последние три строки отрывка переведены Б. Л. Пастернаком весьма вольно, к тому же он опустил дальнейшие два стиха, завершающие мысль Китса.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Сонет к Байрону (стр. 560).— Вероятно, самый ранний сонет Китса. Опубликован в 1848 году (посмертно). Произведения Байрона в дальнейшем вызывали у Китса раздражение; в «Дон Жуане», к примеру, он увидел «насмешку над самыми ужасными происшествиями жизни». Однако творчеству Байрона Китс, по-видимому, обязан зарождением той мысли, которая пять лет спустя получила глубочайшее художественное воплощение в «Оде меланхолии» и которая еще робко намечена в сонете,— мысли о двуединстве радости и печали. В этом же сонете впервые появляется любимый Китсом образ луны.

Сонет к Чаттертону (стр. 560).— Впервые опубликован в 1848 году.

Чаттертон Томас.— См. прим. к стр. 178. «Он самый чистый писатель английского языка,— подлинный английский идиом среди английских слов»,— так отозвался о Чаттертоне Китс в одном из писем 1819 г.; его памяти посвящена поэма «Эндимион».

Дитя нужды и тягостных тревог...— Чаттертон происходил из семьи потомственных могильщиков.

Сонет К миру (стр. 561).— Написан в 1814 году в связи с высылкой Наполеона на остров Эльба или же в 1815 году в связи с битвой при Ватерлоо. Нарушения размера в строках 9 и 14 сделаны поэтом сознательно, чтобы подчеркнуть их смысл.

Остров — Англия.

Тройное королевство — Соединенное Королевство (Англия, Шотландия, Ирландия).

Нимфа гор.— Намек на следующее место из стихотворения Джона Мильтона «L'Allegro» (ит ал. «веселый»):

И в наш разгульный юный хор
Введи свободу — нимфу гор.

(Перевод В. Левика)

Одиночество (стр. 561).— Первое произведение Китса, появившееся в печати (5 мая 1816 года в еженедельнике Ли Ханта «Экзаминер»). Ли Хант (1784—1859) — известный английский журналист, издатель еженедельника «Экзаминер» (1808—1821), близкий друг Шелли, критик, переводчик, популяризатор романтических идей; в дальнейшем — сотрудник Диккенса и прототип одного из его персонажей (Скимпол в «Холодном доме» — карикатура Ли Ханта). Пользовались популярностью стихотворение Ли Ханта «Пир поэтов» (1811) и поэма «Повесть о Римини» (1816).

«Тому, кто в городе был заточен...» (стр. 562).— Сонет написан в июне 1816 года, опубликован в сборнике Китса «Стихотворения» (1817). Первая строка сонета — реминисценция из поэмы Джона Мильтона «Потерянный Рай», 9, 445 (см. том 45 БВЛ). В стихе 8 усматривается возможный намек на поэму Ли Ханта «Римини».

Поэт (стр. 562).— Сонет написан в 1815—1817 годах, при первой публикации (1925 г.) датирован августом 1816 года. Китс мыслит поэта по образу и подобию шекспировского волшебника Просперо, на монолог которого намекает стих 4. Ср.:

Вы, духи рощ, озер, ручьев и гор.

(«Буря», 5, 1, перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник)

По случаю чтения Гомера в переводе Чапмена (стр. 563).— Сонет написан в октябре 1816 года, на следующее утро после

того, как Ч.-К. Кларк познакомил Китса с переводом Чапмена. Опубликован 1 декабря 1816 года в статье Ли Ханта «Молодые поэты», содержавшей первый печатный отзыв о Китсе. Сохранился незаконченный перевод сонета, сделанный С. Я. Маршаком:

Не по одной я странствовал земле,
И многим царствам отдал я поклон.
Я обошел на быстром корабле
Те острова, где правил Аполлон.
И слышал о краях, где правит он —
Слепец с глубокой думой на челе.
Но только Чапмен в ясном хрустале
Мне показал Гомеров небосклон.

Кларк Чарльз Кауден.— В 1803—1810 гг. школьный учитель Китса, в дальнейшем видный литератор, критик, автор мемуаров о писателях и книги о героях Шекспира.

Чапмен Джордж (1559?—1634?) — крупный поэт и драматург английского Возрождения, переводчик Гесиода, Ювенала, Петрарки. В 1611 г. переложил балладным стихом «Илиаду», а в 1614—1615 гг. рифмованным пятистопным ямбом перевел «Одиссею». Во времена Китса Гомера читали в переводах Александра Попа (1688—1744,) труд которого по сей день пользуется у английской публики репутацией классического, и Вильяма Каупера (1731—1800).

Феб (Аполлон) — в данном случае символизирует Искусство. Китс описывает путешествие отнюдь не географическое, а книжное, по вымышленным странам, включающим Эльдорадо («царство золота») и принадлежащие загробному миру острова блаженных, располагавшиеся, по представлениям древних, на крайнем западе («западные острова»).

Кортес.— Первым из европейцев увидел Тихий океан 25 сентября 1513 года не Кортес, а его бывший соратник Васко Нуньес де Бальбоа (1475—1517); но Китс, восхищенный «орлиными глазами» Кортеса на картине Тициана, непременно хотел, чтобы столь величественное зрелище впервые открылось именно таким глазам.

Дариен — старое название Панамского перешейка — Дарненский.

С т у д е н ы й в и х р ь п р о н о с и т с я п о л о г у (стр. 563).— Сонет написан под впечатлением первого посещения дома Ли Ханта в Хэмпстеде. Опубликован в 1817 году, в сборнике «Стихотворения».

Стр. 564. *Ликид* — название замечательной элегии Мильтона, написанной в 1637 г., где под именем Ликида оплакивается Эдуард Кинг, товарищ Мильтона по Кембриджскому университету, погибший во время кораблекрушения.

К К о с т ю ш к о (стр. 564).— Сонет опубликован в еженедельнике Ли Ханта в 1817 году.

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — польский политический военный

деятель, участник Войны за независимость в Северной Америке (1775—1783), вождь польского восстания 1794 г., главнокомандующий национальными вооруженными силами.

Альфред — англосаксонский король (871—901), возглавивший борьбу против датского вторжения. Портреты Костюшко и короля Альфреда украшали библиотеку в доме Ли Ханта.

Сонет. Написано из отвращения к вульгарному суеверию (стр. 564).— Написан экспромтом, в течение пятнадцати минут. Опубликован посмертно, в 1848 году.

Лидийские песни.— Имеется в виду лидийский лад, один из пяти ладов древнегреческой музыки, согласно Платону («Государство», III, 398) — это «разнеживающий» лад, «свойственный причитаниям». Более принято другое представление о характере этого лада. Ср.: Мильтон. L'Allegro.

Пьяни, мой друг, лидийским ладом
Беспечно-буйных строф своих...

(Перевод В. Левика)

Кузнечик и сверчок (стр. 565).— Сонет написан во время «поэтического состязания» с Ли Хантом. Опубликован в «Стихотворениях» 1817 года. Представляет собой один из шедевров сонетной лирики Китса. Приводим также перевод Б. Л. Пастернака:

В свой час своя поэзия в природе:
Когда в зените день и жар томит
Притихших птиц — чей голосок звенит
Вдоль изгородей скошенных угодий?
Кузнечик — вот виновник тех мелодий,
Певун и лодырь, потерявший стыд,
Пока и сам, по горло пеньем сыт,
Не свалится последним в хороводе.
В свой час во всем поэзия своя:
Зимой, морозной ночью молчаливой
Пронзительны за печкой переливы
Сверчка во славу теплого жилья.
И, словно летом, кажется сквозь дрему,
Что слышишь треск кузнечика знакомый.

Перед коллекцией лорда Элгина. К Хейдону (стр. 565—566).— Оба сонета написаны в марте 1817 года и вместе присланы к Хейдону, ставшему на некоторое время новым духовным вождем Китса. Опубликованы 9 марта 1817 года в еженедельнике Ли Ханта.

Элгин, лорд (1766—1841) — посланник Великобритании в Турции в 1799—1803 гг. Получив от турецких властей разрешение вывезти из Афин несколько незначительных скульптурных фрагментов, похитил большую часть статуй Парфенона, причем во время снятия их со стены и без того уже

поврежденного здания часть стены рухнула. Это послужило поводом не только для гневного стихотворения Байрона «Проклятие Минервы» (1811), но и для латинской эпиграммы: «Quod non fecerunt goti, fecerunt scoti», то есть: чего не сделали готы, то сделали скотты (шотландцы). (Элгин был шотландцем.)

Хейдон Бенджамин Роберт (1786—1846) — английский художник, искусствовед и мемуарист. Был экспертом при покупке английским правительством у Элгина скульптур Парфенона, первым признал их подлинность, высокие художественные достоинства и принадлежность их Фидию и его школе.

Геликонский ключ — то же, что ключ Иппокрены, источник вдохновения.

К морю (стр. 566).— Сонет написан во время поездки Китса на остров Уайт. Опубликован посмертно, в 1848 году. Достойно удивления, что этот сонет, один из лучших у Китса, самим поэтом опубликован не был. Б. Л. Пастернак в своем переводе последовательно отсекает олицетворения и мифологические ассоциации, которыми изобилует оригинал (в стихотворении фигурируют Море, Небо, Пещеры— даже «дважды десять тысяч Пещер», богиня Геката и т. п.).

Сирены — по греческой мифологии, полуженщины-полуптицы, очаровывающие своим пением мореплавателей и пожирающие их. В оригинале Китса — «морские нимфы» дочери морского старца Нерея.

Стансы зимней ночью (стр. 567).— Стихотворение впервые опубликовано в 1829 году (в трех разных изданиях почти одновременно). Изысканная система рифмовки, видимо, изобретена самим Китсом.

Перед тем, как перечитать «Короля Лира» (стр. 567).— Сонет опубликован в 1848 году. *Роман*, с которым прощается Китс в начале сонета,— горячо любимая им «Королева фей», огромная поэма великого английского поэта Эдмунда Спенсера (1552?—1599). В одной из ее многочисленных глав содержится хроника легендарных английских королей, а в ее составе — первое поэтическое изложение сюжета о короле Лире (книга II, песнь 10, строфы 27—32).

Когда мне страшно (стр. 568).— Сонет впервые опубликован в 1848 году. Один из шедевров лирики Китса и первый в его творчестве сонет, написанный по шекспировскому канону (три четверостишия с перекрестной рифмовкой и заключительное двустишие).

Песнь противоположностей (стр. 568).— Впервые опубликована в 1848 году. Эпиграф — вольная цитата из «Потерянного Рая» (II, 899—901) (Китс поменял стихи местами). Идея стихотворения, имеющая некоторое родство с народным сюжетом «мира наизнанку» (ср., например, знаменитую «Балладу на поэтическом состязании в Блуа» Франсуа Вийона), связана также с эмблематикой эпохи Возрождения: значительная часть сделанных Китсом противопоставлений служила эмблемами зрелого возраста и гармонии (в том числе — душевной); полезно напомнить, что у Мильтона, одного из поэтических кумиров Китса, существует дилогия из

двух стихотворений, воспевающих радость и печаль («L'Allegro», «Il Pensieroso»).

Лета (одна из рек загробного мира) противопоставлена *Гермесу* (вестнику богов, облаченному в крылатый шлем и крылатые сандалии, на которые намекает слово «перья») как нечто безжизненное — подвижному. Толкование, согласно которому Гермес, один из богов мудрости, якобы может символизировать здесь память, по контрасту с Летой, символом забвения, кажется несколько странным, тем более что в стихотворениях Китса Лета обычно символизирует мрак, смерть и реже всего — забвенье.

Стр. 569. *Мом* — древнегреческий бог насмешки.

Кронос — божество, которое под латинским именем Сатурн вошло в мировую литературу как символ меланхолии.

Робин Гуд (стр. 569).— Это и следующее стихотворение («Строки о таверне «Морская дева») были помещены в письме к Рейнольдсу от 3 февраля 1818 года, содержавшем критические отзывы о поэзии «Вордсворта и К°», а также о четвертой части «Чайльд-Гарольда». «Да будут с нами старые поэты и Робин Гуд»,— писал Китс. Оба стихотворения опубликованы в сборнике 1820 года, «Робин Гуд» — с посвящением: «Дж.-Г. Р. в ответ на его сонеты о Робин Гуде». (Имеется в виду Джон Гамильтон Рейнольдс (1796—1852) — второстепенный поэт, друг Китса.)

Стр. 570—571. *Дева Мариан* и *Малютка Джон* — согласно легенде, возлюбленная Робин Гуда и один из его товарищей, силач и гигант.

Линкольн — город в котором производилось зеленое сукно, из которого шили одежду люди Робин Гуда.

Строки о таверне «Морская дева» (стр. 571).— «*Морская дева*» — знаменитая лондонская таверна, в которой на рубеже XVI и XVII вв. собирались актеры, драматурги и поэты, в том числе Шекспир, Бен Джонсон, Уолтер Рэли и другие.

Элизей (Елисейские поля, Элизиум) — в античной мифологии — луг (или острова) блаженных в загробном мире.

Улетела в небосвод...— Китс шутливо отождествляет «деву» с вывески таверны с зодиакальным созвездием Девы.

К даме, которую автор видел однажды в Воксхолле (стр. 572).— Сонет опубликован в 1844 году.

Воксхолл. — См. прим. к «Шильонскому узнику», 58.

К Нилу (стр. 572).— Сонет написан во время поэтического соревнования между Китсом, Шелли и Ли Хантом (надо отметить, что в общем второстепенный поэт Ли Хант написал в этот вечер свой лучший сонет). Опубликован в 1848 году.

К Спенсеру (стр. 572).— Сонет опубликован в 1848 году.

Спенсер Эдмунд (ок. 1552—1599 гг.) — великий английский поэт.

Обожатель твой лесник... вчера...— Речь идет о беседе, состоявшейся накануне вечером у Ли Ханта. С лесом сравнивается творчество Спенсера

ввиду колоссальных размеров его главного произведения — «Королевы фей».

Стр. 573. «*Сказитель эльфов*».— Намек на «Королеву фей».

Ответ на сонет Рейнольдса... (стр. 573). — Опубликован в 1848 году.

Селена (в оригинале — Цинтия) — луна.

О чем говорил дрозд (стр. 573).— Стихотворение помечено 19 февраля 1818 года в письме к Рейнольдсу. Опубликовано в 1848 году. Оригинальная попытка поэта создать нерифмованный сонет. Повторы внутри стихотворения имитируют повторы трелей дрозда.

Гомеру (стр. 574).— Сонет написан, по всей вероятности, в 1818 году, впервые опубликован в 1848 году.

Киклады — острова в Эгейском море, на центральном — Делосе — находился знаменитый храм Аполлона.

Артемида (Диана) — древнегреческая богиня, часто отождествлявшаяся с Гекатой, считалась, кроме того, в средние века покровительницей колдовства, богиней перекрестков, луны, охоты и др.

«Четыре разных времени в году» (стр. 574).— Сонет впервые опубликован в 1819 году в «Карманном литературном сборнике» Ли Ханта.

На посещение могилы Бернса (стр. 575).— Опубликовано в 1829 году.

Мэг Меррилиз (стр. 575).— Это стихотворение Китс приводит в письме, датированном 2 июля 1818 года. Впервые опубликовано в «Журнале Гуда» в 1844 году.

Мэг Меррилиз — старая цыганка, персонаж романа Вальтера Скотта «Гай Мэннеринг» (1815).

Стихи, написанные в Шотландии в домике Роберта Бернса (стр. 577).— Сонет впервые опубликован в 1848 году. Сам Китс пренебрежительно отозвался об этом сонете уже через неделю после его написания и сообщил, что уничтожил сонет. К счастью, сонет сохранился.

Ячменный сок волнует кровь мою. — Намек на знаменитую балладу Бернса «Джон Ячменное Зерно».

Строки написанные в Северной Шотландии после посещения деревни Бернса (стр. 577).— Опубликовано в 1848 году.

Ода к Фанни (стр. 578).— Опубликована в 1848 году.

«Чему смеялся я сейчас во сне?» (стр. 580).— Сонет впервые опубликован в 1848 году.

К звезде (стр. 581).— Сонет известен под названием «Последнего сонета Китса», поскольку его окончательная редакция была записана поэтом на свободном листе в томике Шекспира 28 сентября 1820 года, когда он находился уже на пути в Италию вместе с художником Северном, тем

самым, который похоронил поэта в феврале следующего года (см. предисловие Шелли к поэме «Адонаис»). Однако первый вариант стихотворения (опубликованный только в 1930 году и отличающийся от окончательного текста пятью-шестью словами) написан в 1819 году, вероятнее всего — в апреле.

К сновидению (стр. 581).— Сонет впервые опубликован в журнале «Указатель» 28 июня 1820 года.

Аргус — в древнегреческой мифологии — многоглазый великан, которого Гера приставила стеречь Ио, превращенную в корову. Гермес усыпил Аргуса и убил его, освободив Ио. Гера поместила глаза Аргуса на хвосте павлина.

Стр. 582. *Ида* — гора на Крите; согласно некоторым мифам, место рождения Зевса (Кронида, то есть сына Кроноса).

К второму кругу горестного ада...— Во втором круге ада (Данте, «Божественная комедия», песнь 5) Данте и Вергилий встречают тени Паоло и Франчески да Римини, неразлучные даже в аду.

К сну (стр. 582).— Сонет впервые опубликован в 1848 году. Образец экспериментального сонета Китса, с неправильной рифмовкой.

Два сонета о славе (стр. 582).— Впервые опубликованы в 1848 году.

«La belle dame sans merci» (стр. 583).— Стихотворение впервые опубликовано в «Указателе» Ли Ханта в мае 1820 года. Заголовок стихотворения взят из поэмы старофранцузского поэта Алена Шартье (1385—1429), впервые упоминается у Китса в поэме «Канун Святой Агнессы», строфа 33.

Сонет о сонете (стр. 585).— Впервые опубликован в 1848 году. Один из экспериментальных сонетов Китса.

Ода Психее (стр. 585).— Опубликована в книге 1820 года. В письме к Джорджу и Джорджиане Китс поэт писал 30 апреля 1819 года: «Это стихотворение — последнее из написанных мною — первое и единственное, из-за которого я даже испытал нечто вроде мучений. По большей части я набрасывал строки наспех. Я писал его на досуге,—и думаю, что от этого читается оно свободнее и, надеюсь, воодушевит меня написать и другие вещи, даже в еще более мирном и здоровом духе. Вы, конечно, помните, что Психею не изображали богиней вплоть до времен Апулея Платоника, жившего уже после Августова века, а значит, эту богиню никогда не почитали и не поклонялись ей со всем пылом античности— а может быть, никогда и не думали о ней в древней религии; я более правоверен и не могу позволить языческой богине оставаться в таком пренебрежении». Любопытно отметить, что если в подтексте стихотворения и лежит противопоставление сердечности духовного мира терниям жизни, то, во всяком случае, античность не является здесь идеалом, поскольку она наравне с современностью пренебрегала душой (Психеей).

Психея — одно из позднеантичных божеств, олицетворение души. Из-

вестна главным образом из романа Апулея «Золотой осел», кн. IV—VI, и в классический пантеон не входила; отсюда замечание Китса в строфе 3: «В семье бессмертных младшая она», «храма нет у ней». Согласно Апулею, Психея (Душа) смертна по рождению, но обрела бессмертие благодаря верности своему супругу Амуру (Любви). Начиная с эпохи Возрождения этот сюжет послужил темой многих значительных произведений в разных странах Европы; таковы фрески Рафаэля и его учеников на вилле Фарнезина в Риме, фрески Джулио Романо в палаццо дель Тэ в Мантуе, поэмы Лафонтена и Богдановича и многие другие произведения.

Ужель я грезил? Или наяву...— Ср. финал «Оды соловью».

...увидел сквозь листву‖Два существа прекрасных...— Китс описывает парковую скульптурную группу; изображение Амура и Психеи было в конце XVIII — начале XIX в. излюбленным украшением пейзажных парков Англии и других стран (в России — Павловск, Царское село). Чаще всего, однако, они изображались иначе, чем у Китса: Психея, подняв над головою светильник, вглядывается в спящего Амура.

Стр. 586. *И Веспер, червь любовный небосвода...*— Веспер, так называемая вечерняя (она же утренняя) звезда, сравнивается со светляком; в английской поэзии распространен сюжет о черве или светляке, нежно лелеемом влюбленным в него цветком; кроме того, Веспер — это планета Венера, названная в честь богини любви, отсюда эпитет «любовный».

В лесу своей души.— Изображение души в виде широкого пространства (чаще всего сада или леса с постройками, фонтанами и олицетворениями страстей, подчас сражающихся друг с другом) характерно для романов средневековья, а также для аллегорических поэм XVI в., наподобие «Королевы фей» Спенсера; однако описание этого фантастического пространства у Китса пронизано чисто романтическим ощущением природы и напоминает все тот же «английский парк», беседки которого часто назывались «храмами Дружбы»; в последних строках образ беседки явно переплетается с очертаниями спальни («И яркий факел, и окно в ночи, раскрытое для мальчика-Амура»), Амур прилетал к Психее «в ночи» и в полной темноте, «факел» служит не только светильником, напоминая о снятии запрета видеть его, он являлся также одним из атрибутов бога любви (ср.: Шекспир. Сонет 156). Таким образом, предмет оды у Китса как бы раздваивается: Душа (Психея) живет в душе, как своего рода «душа души», если использовать выражение Державина. В этом и раскрывается идея стихотворения: Китс поэтизирует в образе Психеи не вообще духовный мир человека, но особую нежность, *душевность* этого мира.

Стр. 587. *Дриады* — духи деревьев в греческой мифологии; представлялись в образе прекрасных девушек.

Ода праздности (стр. 587).—Опубликована в 1848 году. В одном из писем в марте 1819 года Китс писал: «В это утро у меня своего рода ленивое и крайне беззаботное настроение; я тоскую после одной-двух строф Томпсонова «За́мка праздности». Мои страсти спят из-за того, что я продремал примерно до 11-ти, и почувствовал сильную слабость, и был в трех шагах от

обморока, — если бы у меня были зубы из жемчуга и дыхание лилейное, я назвал бы это истомой, но поскольку я — это только я, я должен назвать это ленью. [...] Поэзия, Честолюбие, Любовь — лики их беспечальны; вот они проходили мимо меня: они скорее напоминают фигуры на греческой вазе — мужскую и две женские; не видимые никому, кроме меня. Это — единственное счастье, и это редкий пример превосходства всепобеждающего духа».

Порядок строф в издании 1848 года (посмертном) был следующим: строфа 111 помещена предпоследней, как пронумеровано в копии, использованной для издания, однако порядок самих строф там был таков: 1, 2, 5, 6. 4, 3. По-видимому, таков был первоначальный порядок... Нынешний — реконструкция текстологов. По всей вероятности, три появления трех фигур следует понимать следующим образом: «Утро» (строфа 1), «Зрелый час» (строфа 2), «Полдень» (строфа 3) — это разные возрасты, начиная с детства.

О д а с о л о в ь ю (стр. 589).— Опубликована впервые в «Анналах изящных искусств» в июле 1819 года. Если в других одах (в «Оде Меланхолии», в частности, Китс обращается к читателю (к некоему «ты»), говоря ему о меланхолии, то здесь он обращается к соловью, говоря «ты» — ему Уже в самом слове «соловей» (nightigale) заключено слово «ночь» (night), поэтому английскому читателю в большей мере, чем русскому, ясно, что эта ода — ноктюрн. Для Китса характерен в этой оде своеобразный «подхват» слова из строфы в строфу.

О, если б кубок чистой Иппокрены...—Имеется в виду ключ на вершине горного хребта Геликон в Беотии, который, по преданию, появился от удара копыта Пегаса и обладал чудесным свойством вдохновлять поэтов. В данном случае «кубок Иппокрены» — кубок вина.

Стр. 590. *Не леопарды Вакховой квадриги...*— То есть не на колеснице бога вина Вакха (в которую, по античной легенде, запрягаются леопарды) устремляюсь я к тебе, а на крыльях Поэзии.

Стр. 591. *В печальном сердце Руфи...*— Руфь — героиня библейской Книги Руфь; богач Вооз увидел ее, когда она работала в поле, и взял ее в жены, ее потомком был царь Давид.

Подобно большинству лучших стихотворений Китса, к концу «Оды соловью» возрастает пластичность и рельефность изображения и все большую роль играет звукопись.

О д а г р е ч е с к о й в а з е (стр. 592). — Впервые опубликована в сборнике 1820 года. По всей вероятности, Китса вдохновила на написание этого едва ли не лучшего у него стихотворения античная мраморная ваза с барельефным изображением древней религиозной процессии, которая стоит в парке лондонского дворца Холланд-Хауз, принадлежащего роду баронов Холланд.

О д а М е л а н х о л и и (стр. 593).—Впервые опубликована в сборнике 1820 года. Характерно, что поэт отделил в книге «Оду Меланхолии» и «К осени»

от предыдущих; сборник открывали поэмы «Ламия», «Изабелла» и «Канун Святой Агнессы», за ними следовали «Ода соловью», «Ода греческой вазе», «Ода Психее», после них были помещены четыре стихотворения скорее юмористического свойства — «Фантазия», «Барды страсти и веселья», «Строки о таверне «Морская дева» и «Робин Гуд», вслед за ними — «К осени» и «Ода Меланхолии», а завершалась книга неоконченной поэмой «Гиперион». Таким образом, Китс, очевидно, рассматривал свои знаменитые оды не как единый цикл, так же как не составляют единого цикла, скажем, его сонеты.

Тема меланхолии нашла у Китса одно из высших воплощений, между тем для английской поэзии эта тема весьма традиционна, в китсовской оде чувствуется прямая перекличка со второй частью дилогии Мильтона — «Il Penseroso»,— прежде всего сказывающаяся в разработке деталей, отдельные отзвуки темы Мильтона находим мы и в «Оде соловью» (ибо «Филомела», которую Мильтон называет единственной птицей, поющей с приходом Печали, это не что иное, как китсовский соловей):

О Филомела, в забытьи
Я песни слушаю твои;
Умолкнешь ты, моя подруга,—
Вдоль гладко скошенного луга
Гулять пойду, бродить в лесах,
Смотреть на месяц в небесах,
Что, как неведомый прохожий
Среди небесных бездорожий,
Склоняя голову слегка,
Кивает мне сквозь облака.
Порою с колокольни дальной
Звучит вечерний звон печально:
Я внемлю, как над гладью вод
С угрюмым гулом он плывет,
А в ночь суровой непогоды
Я позабуду все невзгоды,
Следя, как тлеет камелек,
И от меня весь мир далек:
Со мной в особняке старинном
Сверчок, поющий за камином,
Да слышно — в сумраке ночном
Бормочет сторож за окном.

(Перевод Е. Витковского)

Кроме того, с произведением Мильтона оду Китса роднит концепция печали: не в нагромождении печалей следует находить печаль,— в них она исчезнет,— но в радостях, ибо в радости именно и заключена печаль Меланхолии, надо лишь суметь понять это.

Не выжимай из волчьих ягод яда.— В оригинале упомянут аконит, растение, сок которого служил составной частью многих колдовских снадобий. *Ягоды тиса* ядовиты, сделать из них четки — означает: непрерывно размышлять о смерти.

Ода к осени (стр. 594).— Ода впервые опубликована в сборнике 1820 года. В этом произведении Китс воскрешает традицию, восходящую еще ко временам Гесиода (см. поэму «Труды и дни») или Вергилия (см. «Георгики»): изображение человеческой жизни в тесной связи с сезонными изменениями плодоносящей природы. Он возвращается от романтически-созерцательного восприятия природы к деятельному. Сын конюха, не знавший древнегреческого языка и бывший не в ладах с латынью, стеснявшийся своей «необразованности» и по этой причине постоянно отвергавший дружбу получившего университетское образование Шелли, Китс обладал поразительной способностью интуитивного постижения культуры минувших веков.

«Ода к осени» — последняя из «великих од» Китса, завершающая знаменитый цикл из шести од 1819 года (при жизни было опубликовано только пять). Отдельные образы ее, возможно, навеяны строфами 30, 37 и 38 седьмой части седьмой книги поэмы Спенсера «Королева фей».

Стр. 595. *Кто не видал тебя в воротах риг?* — В изобразительном искусстве средних веков, эпохи Возрождения и далее вплоть до начала XIX в. осень часто изображалась в образе человека, выполняющего хозяйственные и полевые работы.

Помимо публикуемого в основном корпусе книги перевода Б. Л. Пастернака, существует известный перевод того же стихотворения, принадлежащий С. Я. Маршаку:

Осень

Пора туманов, зрелости полей,
Ты с поздним солнцем шепчешься тайком,
Как наши лозы сделать тяжелей
На скатах кровли, крытой тростником,
Как переполнить сладостью плоды,
Чтобы они, созрев, сгибали ствол,
Распарить тыкву в ширину гряды,
Заставить вновь и вновь цвести сады,
Где носятся рои бессчетных пчел,—
Пускай им кажется, что целый год
Продлится лето, не иссякнет мед!

Твой склад — в амбаре, в житнице, в дупле.
Бродя на воле, можно увидать
Тебя сидящей в риге на земле,
И веялка твою взвевает прядь.
Или в полях ты убираешь рожь
И, опьянев от маков, чуть вздремнешь,
Щадя цветы последней полосы,
Или снопы на голове несешь
По шаткому бревну через поток.
Иль выжимаешь яблок терпкий сок
За каплей каплю долгие часы...

Где песни вешних дней? Ах, где они?
Другие песни славят твой приход.
Когда зажжет полосками огни
Над опустевшим жнивьем небосвод,
Ты слышишь: роем комары звенят
За ивами — там, где речная мель,
И ветер вдаль несет их скорбный хор.
То донесутся голоса ягнят,
Так выросших за несколько недель,
Малиновки задумчивая трель
И ласточек прощальный разговор!

У ш е д ш и й д е н ь (стр. 595).— Впервые сонет опубликован в 1848 году. Это одно из многих стихотворений, посвященных Китсом своей невесте Фанни Брон (1800—1865). Китс познакомился с ней, поселившись после смерти брата Тома у своего друга Чарльза Армитеджа Брауна. Фанни жила в соседнем доме; при первой встрече она очень не понравилась Китсу, но уже через неделю он был очарован ею, а в июле 1819 года они были помолвлены. История их любви отражена в замечательных письмах поэта, принадлежащих, как и большинство его писем, к шедеврам английской эпистолярной прозы.

Часослов — сборник молитв (часами называются из-за своей регулярности молитвы, входящие в состав основных церковных служб).

Р у к а ж и в а я (стр. 596).— Написано осенью 1819 года на полях неоконченной поэмы «Шутовской колпак» и опубликовано лишь в 1898 году. Обращено, по-видимому, к Фанни Брон. В следующем году обострение болезни лишило Китса возможности творить; поездка в Италию, предпринятая 18 сентября 1820 года по приглашению Шелли, звавшего его к себе в Пизу, уже ничем не могла помочь: 23 февраля 1821 года Китс умер в Риме в доме на площади Испании.

Следует отметить, что Фанни Брон, насколько нам известно, нежно любила Китса, и хотя в феврале 1820 года он написал Фанни, что освобождает ее от данного ему слова, она осталась ему верна.

На смерть Китса откликнулись многие поэты — как современные Китсу Байрон, Шелли (поэмой «Адонаис»), так и более поздние — Оскар Уайльд и другие.

Е. Витковский

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Урнов. Живое пламя слов 5

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК

ПОЭМЫ

КНИГА ТЭЛЬ *Перевод А. Сергеева* 27

БРАКОСОЧЕТАНИЕ РАЯ И АДА. *Перевод А. Сергеева* 31

ВИДЕНИЯ ДЩЕРЕЙ АЛЬБИОНА. *Перевод А. Сергеева* 42

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ КНИГИ «ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

Песня. *Перевод С. Маршака* 49
К музам. *Перевод В. Потаповой* 49
Король Гвин. Баллада. *Перевод С. Маршака* 50

СТИХИ ИЗ «ОСТРОВА НА ЛУНЕ»

«Быть иль не быть, вот в чем...» *Перевод В. Топорова* 54
«Предоставь меня печали!..» *Перевод В. Потаповой* 55

ПЕСНИ НЕВИННОСТИ И ОПЫТА,
ПОКАЗЫВАЮЩИЕ ДВА ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ СОСТОЯНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ

Песни невинности

Вступление. *Перевод С. Маршака* 56
Сон. *Перевод С. Маршака* 57
Заблудшая дочь. *Перевод В. Микушевича* 58
Обретенная дочь. *Перевод В. Микушевича* 59
Агнец. *Перевод С. Маршака* 61
Цветок. *Перевод В. Микушевича* 61
Смеющееся эхо. *Перевод С. Маршака* 62
По образу и подобию. *Перевод В. Топорова* 63
Маленький трубочист. *Перевод С. Маршака* 63
Дитя-радость. *Перевод С. Маршака* 64
Пастух. *Перевод С. Маршака.* 65
Ночь. *Перевод С. Маршака* 65
Колыбельная. *Перевод В. Микушевича* 66
Заблудившийся мальчик. *Перевод С. Маршака* 67
Мальчик найденный. *Перевод С. Маршака* 68
Нянюшкина песня. *Перевод В. Микушевича* 68
Святой четверг. *Перевод С. Маршака* 68
О скорби ближнего. *Перевод С. Маршака* 69
Весна. *Перевод В. Топорова* 70
Школьник. *Перевод С. Маршака* 70
Смеющаяся песня. *Перевод С. Маршака* 71
Черный мальчик. *Перевод С. Маршака* 72
Голос древнего барда. *Перевод В. Микушевича* 73

Песни опыта

Вступление. *Перевод В. Топорова* 73
Ответ земли. *Перевод В. Топорова* 74
Ком Земли и Камень. *Перевод В. Топорова* 74
Святой четверг. *Перевод С. Маршака* 75
Маленький трубочист. *Перевод В. Топорова* 75
Нянюшкина песня. *Перевод В. Микушевича* 76
Больная роза. *Перевод В. Потаповой* 76
Муха. *Перевод С. Маршака* 76
Ангел. *Перевод В. Топорова* 77
Тигр. *Перевод С. Маршака* 78
Моя милая роза. *Перевод В. Топорова* 78
Ах! подсолнух!.. *Перевод В. Топорова* 79
Лилия. *Перевод В. Топорова* 79
Сад Любви. *Перевод В. Потаповой* 79
Маленький бродяжка. *Перевод С. Маршака* 80

Лондон. *Перевод С. Маршака* 80
Человеческая абстракция. *Перевод С. Маршака* 81
Дитя-горе. *Перевод В. Топорова* 81
Древо яда. *Перевод С. Маршака* 82
Заблудившийся мальчик. *Перевод С. Маршака* 82
Пропащая девочка. *Перевод В. Топорова* 83
К Тирзе. *Перевод В. Топорова* 84
По образу и подобию. *Перевод В. Потаповой* 84

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1793)

«Словом высказать нельзя...» *Перевод С. Маршака* 85
Золотая часовня. *Перевод С. Маршака* 85
Я слышал ангела пенье. *Перевод В. Потаповой* 86
Страшился я... *Перевод В. Потаповой* 87
О чибис! Ты видишь внизу пустополье. *Перевод В. Потаповой* 87
Ничьему папе. *Перевод В. Потаповой* 87
Песня дикого цветка. *Перевод С. Маршака* 87
Мягкий снег. *Перевод В. Потаповой* 88
«Разрушьте своды церкви мрачной...» *Перевод С. Маршака* . . . 88
Пророчество Мерлина. *Перевод В. Потаповой* 88
День. *Перевод В. Потаповой* 88
Меч и серп. *Перевод С. Маршака* 89
«Пламень волос и румяную плоть...» *Перевод В. Потаповой* . . 89
«Схватив за вихор прежде времени случай...» *Перевод В. Потаповой* 89
Летучая радость. *Перевод С. Маршака* 89
Вопрос и ответ. *Перевод С. Маршака* 89
Богатство. *Перевод С. Маршака* 89
Разговор духовного отца с прихожанином. *Перевод С. Маршака* 90
«Леность и обман блаженный...» *Перевод В. Потаповой* 90
Искательнице успеха. *Перевод С. Маршака* 90

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1800—1803)

Призрак и Эманация. *Перевод В. Потаповой* 91
О девственности девы Марии и Джоанны Саускотт. *Перевод В. Потаповой.* 93
«Живей, Вольтер! Смелей, Руссо!..» *Перевод В. Топорова.* 94
Утро. *Перевод С. Маршака* 94

ИЗ ПИСЬМА К БАТТСУ

Грозный Лос. *Перевод В. Потаповой* 95

ИЗ «МАНУСКРИПТА ПИКЕРИНГА»

Улыбка. *Перевод В. Топорова* 98
Златая сеть. *Перевод В. Топорова* 98
Странствие. *Перевод В. Топорова* 99
Мэри. *Перевод С. Маршака* 104
Хрустальный чертог. *Перевод С. Маршака* 105
Серый монах. *Перевод В. Топорова* 106
Из «Прорицаний невинности». *Перевод С. Маршака* 108
Вильям Бонд. *Перевод В. Топорова* 112
Длинный Джон Браун и малютка Мэри Бэлл. *Перевод С. Маршака*. 114

ИЗ «МАНУСКРИПТА РОССЕТТИ» (1808—1811)

Моему хулителю. *Перевод С. Маршака* 115
«Ни одного врага всеобщий друг, Джон Трот...» *Перевод В. Потаповой* 115
Вильяму Хейли о дружбе. *Перевод С. Маршака* 115
Ему же. *Перевод С. Маршака* 115
Эпитафия. *Перевод С. Маршака* 116
«Теперь попробуйте сказать, что я не гениален...» *Перевод В. Потаповой* 116
«Чувства и мысли в картине нашедший...» *Перевод В. Потаповой* 116
«Всю жизнь любовью пламенной сгорая...» *Перевод С. Маршака* 116
Купидон. *Перевод В. Потаповой* 116
«Что оратору нужно? Хороший язык?..» *Перевод С. Маршака* . 117
Блейк в защиту своего каталога. *Перевод В. Потаповой* 117
«Творенье дурака по вкусу многим людям...» *Перевод В. Потаповой* 118
«Я встал — рассвет на небе рдел...» *Перевод С. Бычкова* 118
О благодарности. *Перевод С. Маршака* 119
Из книги «Вечносущее Евангелие». *Перевод С. Маршака* . . . 119

ВОРОТА РАЯ. *Перевод В. Потаповой* 122

ИЗ СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ.

Радушье старой Англии. *Перевод В. Потаповой* 125
«Навеки мы будем у этой загадки в плену...» *Перевод В. Потаповой* 125
«Он век соблюдал золотое правило...» *Перевод В. Потаповой* . 125
«За образец — ты мудреца огрехи...» *Перевод В. Потаповой.* 126
«Жить как хочешь — выдумка, и баста!..» *Перевод В. Потаповой* 126

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Замок Смальгольм, или Иванов вечер. *Перевод В. А. Жуковского* 129
Серый Монах. *Перевод В. Топорова* 135
Умирающий бард. *Перевод Ю. Петрова* 138
Охотничья песнь. *Перевод А. Сендыка* 139
[Песня] «Красив Брингала брег крутой...» *Перевод К. Павловой* 140
Резня в Гленко. *Перевод В. Топорова* 142
Военная песнь клана Мак-Грегор. *Перевод К. Павловой* 143
Джок из Хэзелдина. *Перевод В. Топорова* 144
Замок семи щитов. *Перевод М. Донского* 145
Похоронная песнь Мак-Криммона. *Перевод С. Петрова* 147
Битва при Земпахе. *Перевод Ю. Петрова* 147

СЭМЮЕЛЬ ТЭЙЛОР КОЛЬРИДЖ

Сказание о Старом Мореходе. *Перевод В. Левика* 155

СТИХОТВОРЕНИЯ

Юлия. *Перевод Г. Кружкова* 176
Падение Бастилии. *Перевод Ю. Петрова* 177
Монодия на смерть Чаттертона. *Перевод А. Парина* 178
Эолова арфа. *Перевод В. Рогова* 182
Огонь, Голод и Резня. Военная эклога. *Перевод В. Рогова* . . 184
Ода уходящему году. *Перевод М. Лозинского* 187
Кубла Хан, или Видение во сне. Фрагмент. *Перевод В. Рогова* . . 193
Льюти, или Черкесская любовная песня. *Перевод А. Парина* . . 196
Франция: Ода. *Перевод М. Лозинского* 198
Полуночный мороз. *Перевод М. Лозинского* 201
Соловей. Поэма-беседа, апрель 1798 г. *Перевод М. Лозинского* 203
Гендекасиллабы в духе Катулла. *Перевод В. Рогова* 206
Баллада о Черной Леди. Отрывок. *Перевод Арк. Штейнберга* 206
Мысли дьявола. *Перевод В. Рогова* 208
Гимн Земле. Гекзаметры. *Перевод В. Рогова* 211
Надпись для стенного родника. *Перевод В. Рогова* 212
Ода дождю. *Перевод А. Штейнберга* 213
Мучительные сны. *Перевод Е. Витковского* 215

ВИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ

Ночь. *Перевод А. Ибрагимова* 219
Терн. *Перевод А. Сергеева* 220
Последний из стада. *Перевод Ю. Петрова* 227
Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства при повторном путешествии на берега реки Уай. *Перевод В. Рогова* 230
Люси. *Перевод С. Маршака* 234
Симплонский перевал. *Перевод А. Ибрагимова* 236
Агасфер. *Перевод С. Маршака* 236
Скала Джоанны. *Перевод А. Сергеева* 237
Кукушка. *Перевод С. Маршака* 240
«Моя любовь любила птиц, зверей...» *Перевод В. Левика* 240
«Созданьем зыбкой красоты...» *Перевод Э. Шустера* 241
Нарциссы. *Перевод А. Ибрагимова* 242
Элегические строфы, внушенные картиной сэра Джорджа Бомонта, изображающей Пилский замок во время шторма. *Перевод В. Рогова* 243
Сожаление. *Перевод А. Ибрагимова* 244
Цыганы. *Перевод Арк. Штейнберга* 245
«Кто вышел солнцем без пятна...» *Перевод В. Левика* 246

Сонеты

«Монашке мил свой нищий уголок...» *Перевод В. Левика* . . . 246
«Земля в цвету и чистый небосвод...» *Перевод В. Левика* 247
Сон. *Перевод А. Ибрагимова* 247
Отплытие. *Перевод А. Ибрагимова* 248
«Господень мир, его мы всюду зрим...» *Перевод В. Левика* . . . 248
Не хмурься, критик... *Перевод Арк. Штейнберга* 249
Сонет, написанный на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года. *Перевод В. Левика* 249
Прощальный сонет реке Даддон. *Перевод В. Левика* 250
На ликвидацию Венецианской республики 1802 г. *Перевод В. Левика* 250
Туссену Лувертюру. *Перевод А. Ибрагимова* 251
Англия, 1802 г. *Перевод В. Левика* 251
Лондон, 1802. Мильтон. *Перевод Арк. Штейнберга* 252
«Я отложил перо; мне шквальный ветер пел...» *Перевод Арк. Штейнберга* 252
«Бессилен человек и близорук...» *Перевод Э. Шустера* 253
«Ты все молчишь! Как быстро отцвела...» *Перевод В. Левика* . 253

РОБЕРТ САУТИ

Медок (Ме́док в Уаллах). *Перевод А. С. Пушкина* 257
Доника. *Перевод В. А. Жуковского* 258
Адельстан. *Перевод В. А. Жуковского* 261
Мэри, служанка постоялого двора. *Перевод Арк. Штейнберга* 266
Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черпом коне вдвоем и кто сидел впереди. *Перевод В. А. Жуковского* 270
Предостережение хирурга. *Перевод Арк. Штейнберга* 275
Бленхаймский бой. *Перевод Арк. Штейнберга* 280
Суд божий над епископом. *Перевод В. А. Жуковского* 282
Король крокодилов. *Перевод Ю. Петрова* 284
Ингкапский риф. *Перевод Арк. Штейнберга* 288
Королева Урака и пять мучеников. *Перевод В. А. Жуковского* . 290

ТОМАС МУР

ИЗ «ЮНОШЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ» (1801)

Ночные думы. *Перевод А. Голембы* 297
Отраженье в море. *Перевод А. Голембы* 297
К..... («Не надо слов: все так понятно...»). *Перевод А. Ибрагимова* 297

ПОСЛАНИЯ, ОДЫ И ДРУГИЕ СТИХИ (1806)

Баллада. Озеро Унылой Топи. *Перевод З. Морозкиной* 299
«Будь ты землей среди зыбей...» *Перевод З. Морозкиной* 300
Дух снега. *Перевод А. Голембы* 301

ИЗ «ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ» (1808—1835)

Шествуй к славе бранной. *Перевод А. Голембы* 303
Военная песнь. Отважного Брайана славу воспой! *Перевод А. Голембы* 304
Эрин! В слезах улыбаешься ты. *Перевод А. Голембы* 305
О, не шепчи его имя. *Перевод М. Алигер* 305
Тебя возлюбивший — покинул тебя. *Перевод А. Голембы* . . . 305
Луч ясный играет на светлых водах. *Перевод И. Козлова* . . . 306
Как дорог мне... *Перевод А. Ибрагимова* 306
Если б Эрин к былому душою приник. *Перевод А. Голембы* . . 306
Эрин, о Эрин! *Перевод М. Алигер* 307

Молчит просторный тронный зал. Перевод *А. Голембы* 307
Хоть в слезах я глядела на Эрин вдали. *Перевод А. Голембы* . . 308
Свободного барда презреньем не мучай. *Перевод А. Голембы* . . 308
Перед битвой. *Перевод А. Голембы* 309
После битвы. *Перевод А. Голембы* 310
Происхождение арфы. *Перевод А. Голембы* 310
Восплачьте, цепи душат вас. *Перевод А. Голембы* 311
Спит избранник ее где-то в дальней земле. *Перевод А. Голембы* 312
В полночь я полечу... *Перевод А. Голембы* 312
Последняя роза лета. *Перевод А. Голембы* 313
Светляк мигнул ночной порой. *Перевод А. Голембы* 313
Юный менестрель. *Перевод А. Голембы* 314
Покинута всеми. *Перевод А. Ибрагимова* 314
Я видел, как розовым утром качался. *Перевод А. Плещеева* . . 315
Во тьме я обрел тебя, арфа Отчизны. *Перевод А. Голембы* . . . 315
Не забуду тебя. *Перевод А. Ибрагимова* 316
В толпе скитаюсь, одинок. *Перевод А. Голембы* 316
К женским взорам. *Перевод Н. Григорьевой* 317
Лети, корабль. *Перевод А. Ибрагимова* 318
Любовь и ложь. *Перевод А. Голембы* 318

ПЕСНИ РАЗНЫХ НАРОДОВ (1819—1828)

Вечерний звон. *Перевод И. Козлова* 320
Постой, гребец мой золотой! Венецианская песня. *Перевод А. Голембы* 321
«Мир вам, почившие братья!..» *Перевод М. Михайлова* 321
«Прощай, Тереза! Печальные тучи...» *Перевод А. Фета* 321

ИЗ СТИХОВ РАЗНЫХ ЛЕТ

Глаза голубые и черные. *Перевод Н. Григорьевой* 323
Жизнь без свободы. *Перевод Н. Григорьевой* 324

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

ПОЭМЫ

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

Сонет Шильону. *Перевод В. Левика* 327
Предисловие 328
Шильонский узник. *Перевод В. А. Жуковского* 331

БЕППО. Венецианская повесть. *Перевод В. Левика* 343

Прощание с Ньюстедским аббатством. *Перевод Г. Усовой* . . 371
Подражание Катуллу. *Перевод А. Блока* 372
Отрывок, написанный вскоре после замужества мисс Чаворт. *Перевод А. Блока* 372
Георгу, графу Делавару. *Перевод А. Блока* 373
Лохнагар. *Перевод А. Сергеева* 374
«Когда б я мог в морях пустынных...» *Перевод В. Левика* . . . 375
Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу. *Перевод А. Блока*. 376
Ну, что ж! Ты счастлива! *Перевод И. Озеровой* 377
«Прости! Коль могут к небесам...» *Перевод М. Ю. Лермонтова* . 378
Стансы к некой даме, написанные при отъезде из Англии. *Перевод В. Рогова* 379
Наполняйте стаканы! Песня. *Перевод В. Левика* 381
Строки мистеру Ходжсону. *Перевод Ю. Петрова* 382
Девушка из Кадикса. *Перевод Л. Мея* 384
В альбом. *Перевод М. Ю. Лермонтова* 386
Написано после того, как я проплыл из Сестоса в Абидос. *Перевод В. Топорова* 386
Песня греческих повстанцев. *Перевод С. Маршака* 387
Прощанье с Мальтой. *Перевод А. Сергеева* 388
«Еще усилье — и, постылый...» *Перевод В. Левика* 389
Ода авторам билля против разрушителей станков. *Перевод А. Парина* 391
Экспромт в ответ другу. *Перевод А. Ибрагимова* 392
На посещение принцем-регентом королевского склепа. *Перевод С. Маршака* 392
Стансы для музыки («Как имя твое написать, произнесть?..»). *Перевод А. Ибрагимова* 393
Стансы для музыки («Сияй в блаженной, светлой сени!..») *Перевод Вяч. Иванова* 393

ИЗ «ЕВРЕЙСКИХ МЕЛОДИЙ» (1814—1815)

«Она идет во всей красе...» *Перевод С. Маршака* 395
Псалтирь царя-певца. *Перевод В. Микушевича* 396
Когда в небесной вышине. *Перевод В. Микушевича* 396
Дикая газель. *Перевод А. Ибрагимова* 397
О, плачь о тех... *Перевод И. Озеровой* 398
Дочь Иевфая. *Перевод А. Ибрагимова* 398
«Убита в блеске красоты!..» *Перевод В. Левика* 399
Душа моя мрачна. *Перевод М. Ю. Лермонтова* 399

«Ты плачешь — светятся слезой...» *Перевод С. Маршака* . . . 400
Врагом сражен. *Перевод В. Микушевича* 400
Саул. *Перевод В. Микушевича* 401
Песнь Саула перед последней битвой. *Перевод В. Микушевича* 402
Все суета, сказал Экклезиаст. *Перевод Арк. Штейнберга* . . . 403
Когда изнемогшие стынут сердца. *Перевод И. Озеровой* 403
Видение Валтасара. *Перевод А. Полежаева* 404
«Неспящих солнце! Грустная звезда!..» *Перевод А. К. Толстого* 406
Если б в сердце... *Перевод И. Озеровой* 406
Плач Ирода о Мариамне. *Перевод Арк. Штейнберга* 407
На разорение Иерусалима Титом. *Перевод А. Майкова* 407
У вод вавилонских, печалью томимы. *Перевод А. Плещеева* . . 408
Поражение Сеннахериба. *Перевод А. К. Толстого* 409
И дух предо мною прошел... *Перевод И. Озеровой* 410

Прости! *Перевод В. Микушевича* 411
Стансы («Ни одна не станет в споре...»). *Перевод Н. Огарева* . . 413
Стансы к Августе («Когда сгустилась мгла кругом...»). *Перевод В. Левика* 413
Стансы к Августе («Хоть судьба мне во всем изменила...»). *Перевод В. Левика* 414
Послание Августе. *Перевод В. Левика* 416
Тьма. *Перевод И. С. Тургенева* 420
Прометей. *Перевод В. Левика* 422
Венеция (Отрывок). *Перевод М. Донского* 424
Песня для луддитов. *Перевод М. Донского* 425
«Не бродить уж нам ночами...» *Перевод Я. Берлина и Ю. Вронского* 426
Стансы к реке По. *Перевод А. Ибрагимова* 426
Стансы («Когда б нетленной...»). *Перевод А. Парина* 428
Стансы («Кто драться не может за волю свою...»). *Перевод С. Маршака* 430
На смерть поэта Джона Китса. *Перевод С. Маршака* 431
Стансы, написанные в дороге между Флоренцией и Пизой. *Перевод И. Озеровой* 431
На самоубийство британского министра Кэстелри. *Перевод С. Маршака* 432
Графине Блессингтон. *Перевод З. Морозкиной* 432
Песнь к сулиотам. *Перевод А. Блока* 433
Из дневника в Кефалонии. *Перевод А. Блока* 434
Любовь и смерть. *Перевод А. Блока* 434
В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет. *Перевод К. Павловой* 435

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ

АДОНАИС. *Перевод В. Микушевича* 439

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песня Ирландца. *Перевод Г. Симановича* 457
К Ирландии. *Перевод Г. Симановича* 457
На могилу Роберта Эммета. *Перевод Г. Симановича* 458
Летний вечер на кладбище. *Перевод А. Парина* 459
Вордсворту. *Перевод А. Голембы* 460
Чувства республиканца при падении Бонапарта. *Перевод А. Голембы*. 460
Закат. *Перевод В. Рогова* 461
Гимн интеллектуальной красоте. *Перевод В. Рогова* 462
Лорду-канцлеру. *Перевод А. Парина* 464
Смерть («Навек ушли умершие,— и Горе...»). *Перевод В. Рогова* 466
Озимандия. *Перевод В. Микушевича* 467
Минувшее. *Перевод Б. Дубина* 467
К Мэри. *Перевод Б. Дубина* 468
Горесть. *Перевод В. Топорова* 468
Стансы, написанные в часы уныния близ Неаполя. *Перевод А. Парина* 471
Сонет («Узорный не откидывай покров...»). *Перевод В. Микушевича* 472
«Молчанье! Вы со Сном и Смертью — братья...» *Перевод Р. Березкиной* 473
Мужам Англии. *Перевод С. Маршака* 473
Англия в 1819 году. *Перевод В. Топорова* 474
Ода к защитникам свободы. *Перевод В. Топорова* 474
Ода западному ветру. *Перевод Б. Пастернака* 475
Индийская серенада. *Перевод Б. Пастернака* 478
Медуза Леонардо да Винчи во Флорентийской галерее. *Перевод Р. Березкиной* 478
Философия любви. *Перевод А. Ибрагимова* 479
Наслаждение. *Перевод Р. Березкиной* 480
Родство душ. *Перевод А. Ибрагимова* 480
«Не буди змею, позволь...» *Перевод Р. Березкиной* 481
Вино фей. *Перевод А. Ибрагимова* 481
Росток Мимозы. *Перевод В. Рогова* 481
Облако. *Перевод В. Левика* 490
Жаворонок. *Перевод В. Левика* 492
Аретуза. *Перевод В. Рогова* 495

Песнь Прозерпины. *Перевод В. Микушевича* 498
Гимн Аполлона. *Перевод В. Рогова* 498
Гимн Пана. *Перевод В. Левика* 499
Вопрос. *Перевод В. Топорова* 500
Два духа. Аллегория. *Перевод В. Рогова* 501
Осень. Погребальная песнь. *Перевод В. Топорова* 503
Свобода. *Перевод В. Левика* 504
Лето и зима. *Перевод С. Маршака* 504
Башня голода. *Перевод А. Ибрагимова* 505
Аллегория. *Перевод В. Рогова* 506
Странники мира. *Перевод В. Микушевича* 506
Смерть («Смерть ошую, одесную...»). *Перевод А. Парина* . . . 507
Доброй ночи. *Перевод А. Голембы* 507
Орфей. *Перевод В. Рогова* 508
Минувшие дни. *Перевод К. Бальмонта* 511
Дух Мильтона. *Перевод К. Чемена* 512
Плач об умершем годе. *Перевод А. Парина* 512
Время. *Перевод А. Голембы* 513
Песня («Как приходишь редко ты...»). *Перевод С. Бычкова* . . . 513
К... («В сердце живо, как преданье...»). *Перевод А. Ибрагимова* 515
Изменчивость. *Перевод С. Бычкова* 515
Азиола. *Перевод А. Голембы* 516
Воспоминанье. *Перевод А. Голембы* 516
К... («Опошлено слово одно....»). *Перевод Б. Пастернака* . . 517
Свадебная песнь. *Перевод К. Чемена* 518
Вечер. *Перевод Д. Орловской* 518
Строки («Разобьется лампада...»). *Перевод Б. Пастернака* . . 519
К Джейн. Воспоминание. *Перевод В. Рогова* 520
К Джейн с гитарой. *Перевод А. Спаль* 522
Островок. *Перевод А. Голембы* 523
Эпитафия. *Перевод А. Парина* 524

ДЖОН КИТС

ПОЭМЫ

ИЗАБЕЛЛА, ИЛИ ГОРШОК С БАЗИЛИКОМ. *Перевод Е. Витковского* 527

КАНУН СВЯТОЙ АГНЕССЫ. *Перевод Е. Витковского* 544

ИЗ ПОЭМЫ «ЭНДИМИОН»

«Прекрасное пленяет навсегда...» *Перевод Б. Пастернака* . . 557
Гимн Пану. *Перевод Е. Витковского* 558

Сонет к Байрону. *Перевод В. Левика* 560
Сонет к Чаттертону. *Перевод В. Левика* 560
Сонет. К миру. *Перевод В. Левика* 561
Одиночество. *Перевод В. Потаповой* 561
«Тому, кто в городе был заточен...» *Перевод С. Маршака* . . . 562
Поэт. *Перевод А. Парина* 562
По случаю чтения Гомера в переводе Чапмена. *Перевод А. Парина* 563
Студеный вихрь проносится по логу. *Перевод Б. Дубина* . . . 563
К Костюшко. *Перевод В. Левика* 564
Сонет. Написано из отвращения к вульгарному суеверию. *Перевод В. Потаповой* 564
Кузнечик и сверчок. *Перевод С. Маршака* 565
Перед коллекцией лорда Элгина. *Перевод А. Парина* 565
К Хейдону. *Перевод А. Парина* 566
К морю. *Перевод Б. Пастернака* 566
Стансы зимней ночью. *Перевод Е. Витковского* 567
Перед тем, как перечитать «Короля Лира». *Перевод А. Баранова* 567
Когда мне страшно. *Перевод О. Чухонцева* 568
Песнь противоположностей. *Перевод В. Рогова* 568
Робин Гуд. Другу. *Перевод В. Рогова* 569
Строки о таверне «Морская дева». *Перевод В. Рогова* 571
К даме, которую автор видел однажды в Воксхолле. *Перевод В. Рогова* 572
К Нилу. *Перевод В. Рогова* 572
К Спенсеру. *Перевод В. Левика* 572
Ответ на сонет Рейнольдса. *Перевод А. Парина* 573
О чем говорил дрозд. *Перевод В. Орла* 573
Гомеру. *Перевод В. Потаповой* 574
«Четыре разных времени в году». *Перевод С. Маршака* . . . 574
На посещение могилы Бернса. *Перевод А. Парина* 575
Мэг Мэррилиз. *Перевод Г. Кружкова* 575
Стихи, написанные в Шотландии в домике Роберта Бернса. *Перевод С. Маршака* 577
Строки, написанные в Северной Шотландии после посещения деревни Бернса. *Перевод Арк. Штейнберга* 577
Ода к Фанни. *Перевод В. Потаповой* 578
«Чему смеялся я сейчас во сне?..» *Перевод С. Маршака* 580
К звезде. *Перевод В. Левика* 581
К сновидению. *Перевод А. Парина* 581
К сну. *Перевод В. Потаповой* 582

Два сонета о славе
I. *Перевод С. Маршака* 582
II. *Перевод О. Чухонцева* 583
La belle dame sans merci. *Перевод В. Левика* 583
Сонет о сонете. *Перевод С. Маршака* 585
Ода Психее. *Перевод Г. Кружкова* 585
Ода Праздности. *Перевод Е. Витковского* 587
Ода соловью. *Перевод Е. Витковского* 589
Ода греческой вазе. *Перевод В. Потаповой* 592
Ода Меланхолии. *Перевод Е. Витковского* 593
Ода к осени. *Перевод Б. Пастернака* 594
Ушедший день. *Перевод В. Потаповой* 595
Рука живая. *Перевод В. Потаповой* 596

Примечания *Е. Витковского* 599

На суперобложке:

Дж. Тернер. Военный корабль первого класса на погрузке. 1818. Акварель.
Дж. Тернер. Болтонское аббатство. 1809. Акварель. Гуашь. Масло.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ВТОРАЯ
Том 125

ПОЭЗИЯ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА

*

Редактор В. Санович

Оформление библиотеки
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
Л. Платонова

Корректоры
Д. Эткина и Н. Шкарбанова

*

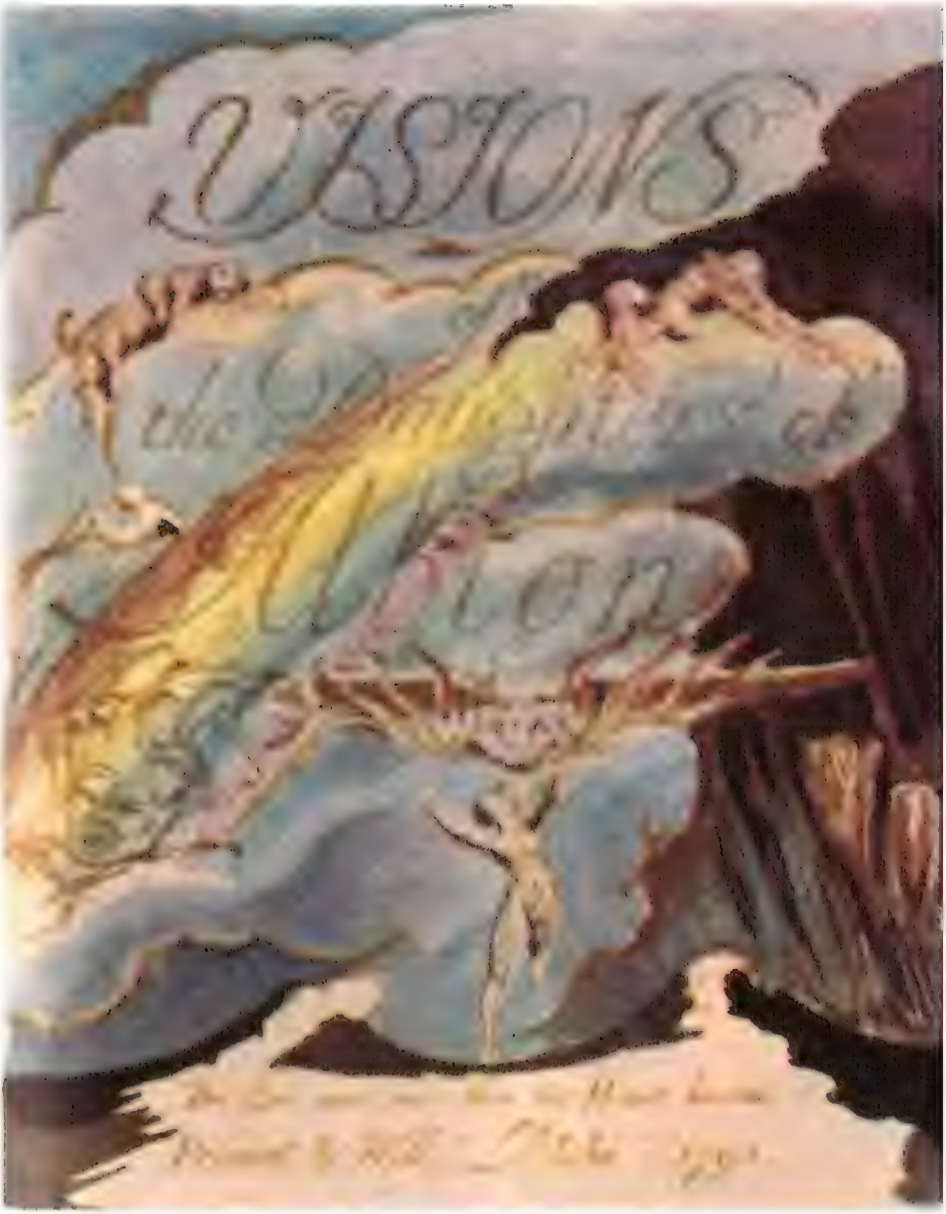
Сдано в набор 23/XII 1974 г. Подписано к печати 25/VI 1975 г. Бумага типогр. № 1 Форм. 60×84¹/₁₆ 42 печ. л. 39,19 усл. печ. л. 33,07+6 накид. =33,69 уч.-изд. л. Заказ № 2197. Тираж 303 000 экз. Цена 1 р. 78 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

THE
MARRIAGE
OF
HEAVEN
(and)
HELL


VISIONS

Theft
Adultery
Murder